ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Томъ XI.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ XI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1824.

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ XI.

ГЛАВА I.
Царствованіе Бориса Годунова.
Г. 1598 — 1604.

Москва встрѣчаетъ Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Дѣятельность Борисова. Торжественный входъ въ столицу. Знаменитое ополченіе. Ханское Посольство. Угощеніе войска. Рѣчь Патріарха. Прибавленіе къ грамотѣ избирательной. Царское вѣнчаніе. Милости. Новый Царь Касимовскій. Происшествія въ Сибири. Гибель Кучюма. Дѣла внѣшней Политики. Судьба Шведскаго Принца, Густава, въ Россіи. Перемиріе съ Литвою. Сношенія съ Швеціею. Тѣсная связь съ Даніею. Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Переговоры съ Австріею. Посольство Персидское. Происшествія въ Грузіи. Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ. Дружество съ Англіею. Ганза. Посольство Римское и Флорентійское. Греки въ Москвѣ. Дѣла Ногайскія. Дѣла внутреннія. Жалованная грамота Патріарху. Законъ о крестьянахъ. Питейные домы. Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова къ сыну. Начало бѣдствій.

Духовенство, Синклитъ и Чины Государственные, съ хоругвями Церкви и отечества, **Г. 1598.**

Г. 1598. Москва встрѣчаетъ Царя.

при звукѣ всѣхъ колоколовъ Московскихъ и восклицаніяхъ народа, упоеннаго радостію, возвратились въ Кремль, уже давъ Самодержца Россіи, но еще оставивъ его въ келліи. 26 Февраля, въ Недѣлю Сыропустную, Борисъ въѣхалъ въ столицу: встрѣченный, предъ стѣнами деревянной крѣпости, всѣми гостями Московскими съ хлѣбомъ, съ кубками серебряными, золотыми, соболями, жемчугомъ, и многими иными *дарами Царскими* (1), онъ ласково благодарилъ ихъ, но не хотѣлъ взять ничего, кромѣ хлѣба, сказавъ, что богатство въ рукахъ народа ему пріятнѣе, нежели въ Казнѣ. За гостями встрѣтили Царя Іовъ и все Духовенство; за Духовенствомъ Синклитъ и народъ. Въ храмѣ Успенія отпѣвъ молебенъ, Патріархъ *вторично* благословилъ Бориса на Государство, осѣнивъ крестомъ Животворящаго Древа, и клиросы пѣли многолѣтіе какъ Царю, такъ и всему Дому Державному: Царицѣ Маріи Григорьевнѣ, юному сыну ихъ Ѳеодору и дочери Ксеніи. Тогда *здравствовали* новому Монарху всѣ Россіяне; а Патріархъ, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „Славимъ Тебя, Господи: ибо Ты не презрѣлъ нашего моленія, услышалъ вопль и рыданіе „Христіанъ, преложилъ ихъ скорбь на веселіе, и даровалъ намъ Царя, коего мы денно „и нощно просили у Тебя со слезами!“ Послѣ Литургіи Борисъ изъявилъ благодарность къ

памяти двухъ главныхъ виновниковъ его величія: въ храмѣ Св. Михаила палъ ницъ предъ гробами Іоанновымъ (2) и Ѳеодоровымъ; молился и надъ прахомъ древнѣйшихъ знаменитыхъ Вѣнценосцевъ Россіи: Калиты, Донскаго, Іоанна III, да будутъ его небесными пособниками въ земныхъ дѣлахъ Царства; зашелъ во дворецъ (3); посѣтилъ Іова въ Обители Чудовской; долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ; сказалъ ему и всѣмъ Епископамъ, что не можетъ до Свѣтлаго Христова Воскресенія оставить Ирины въ ея скорби, и возвратился въ Новодѣвичій монастырь, предписавъ Думѣ Боярской, съ его вѣдома и разрѣшенія, управлять дѣлами государственными. Г. 1598.

Между тѣмъ всѣ люди служивые съ усердіемъ цѣловали крестъ въ вѣрности къ Борису, одни предъ славною Владимірскою иконою Дѣвы Маріи, другіе у гроба Святыхъ Митрополитовъ, Петра и Іоны (4): клялися не измѣнять Царю ни дѣломъ, ни словомъ; не умышлять на жизнь или здравіе Державнаго, не вредить ему ни ядовитымъ зеліемъ, ни чародѣйствомъ (5); не думать о возведеніи на престолъ бывшаго Великаго Князя Тверскаго, Симеона Бекбулатовича, или сына его; не имѣть съ ними тайныхъ сношеній, ни переписки; доносить о всякихъ *скопахъ* и *заговорахъ*, безъ жалости къ друзьямъ и ближ- Присяга Борису.

г. 1598. нимъ въ семъ случаѣ; не уходить въ иныя земли, въ Литву, Германію, Испанію, Францію или Англію. Сверхъ того Бояре, чиновники Думные и Посольскіе обязывались быть скромными въ дѣлахъ и тайнахъ государственныхъ, судіи не кривить душею въ тяжбахъ, Казначеи не корыстоваться Царскимъ достояніемъ, Дьяки не лихоимствовать. Послали въ области грамоты извѣстительныя о счастливомъ избраніи Государя, велѣли читать ихъ всенародно, три дни звонить въ колокола, и молиться въ храмахъ *сперва* о Царицѣ-Инокинѣ Александрѣ, а *послѣ* о Державномъ ея братѣ, семействѣ его, Боярахъ и воинствѣ. Патріархъ (9 Марта) Соборомъ уставилъ торжественно просить Бога, да сподобитъ Царя благословеннаго возложить на себя вѣнецъ и порфиру; уставилъ еще на вѣки вѣковъ праздновать въ Россіи 21 Февраля, день Борисова воцаренія; наконецъ предложилъ Думѣ Земской утвердить данную Монарху

Соборная грамота. присягу Соборною Грамотою, съ обязательствомъ для всѣхъ чиновниковъ не уклоняться ни отъ какой службы, не требовать ничего свыше достоинства родовъ или заслуги (6), всегда и во всемъ слушаться *указа Царскаго и приговора Боярскаго*, чтобы *въ дѣлахъ Розрядныхъ и Земскихъ не доводить Государя до кручины.* Всѣ Члены Великой Думы отвѣтствовали единогласно: „даемъ обѣтъ

„положить свои души и головы за Царя, Ца- Г. 1598.
„рицу и детей ихъ!“ Велели писать хартію, въ такомъ смысле, первымъ грамотеямъ России.

Сіе дело чрезвычайное не мешало теченію обыкновенныхъ делъ государственныхъ, коими занимался Борисъ съ отменною ревностію, и въ келліяхъ монастыря и въ Думе, часто пріезжая въ Москву. Не знали, когда онъ находилъ время для успокоенія, для сна и трапезы (7): безпрестанно видели его въ совете съ Боярами и съ Дьяками, или подле несчастной Ирины, утешающаго и скорбящаго, днемъ и ночью. Казалось, что Ирина действительно имела нужду въ присутствіи единственнаго человека, еще милаго ея сердцу: сраженная кончиною супруга, искренно и нежно любимаго ею, она тосковала и плакала неутешно до изнуренія силъ, очевидно угасая и нося уже смерть въ груди, истерзанной рыданіями. Святители, Вельможи тщетно убеждали Царя оставить печальную для него Обитель, переселиться съ супругою и съ детьми въ Кремлевскія палаты, явить себя народу въ венце и на троне: Борисъ ответствовалъ: „не могу разлучиться съ Великою „Государынею, моею сестрою злосчастною“— и даже снова, неутомимый въ лицемеріи, уверялъ, что не желаетъ быть Царемъ (8). Но

Деятельность Борисова.

г. 1598. Ирина вторично *велѣла* ему исполнить волю народа и Божію, пріять скипетръ и царствовать не въ келліи, а на престолѣ Мономаховомъ. Наконецъ, Апрѣля 30, подвиглась столица во срѣтеніе Государю!

Торжественный входъ въ столицу. Сей день принадлежитъ къ торжественнѣйшимъ днямъ Россіи въ ея Исторіи. Въ часъ утра Духовенство съ крестами и съ иконами, Синклитъ, Дворъ, Приказы, воинство, всѣ граждане ждали Царя у каменнаго мосту, близъ церкви Св. Николая Зарайскаго. Борисъ ѣхалъ изъ Новодѣвичьяго монастыря съ своимъ семействомъ въ великолѣпной колесницѣ; увидѣвъ хоругви церковныя и народъ, вышелъ: поклонился святымъ иконамъ; милостиво привѣтствовалъ всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ; представилъ имъ Царицу, давно извѣстную благочестіемъ и добродѣтелію искреннею, — девятилѣтняго сына и шестнадцатилѣтнюю дочь, Ангеловъ красотою. Слыша восклицанія народа: „Вы наши Государи, мы „ваши подданные", Ѳеодоръ и Ксенія вмѣстѣ съ отцемъ ласкали чиновниковъ и гражданъ; такъ же, какъ и онъ, взявъ у нихъ хлѣбъ-соль, отвергнули золото, серебро и жемчугъ, поднесенные имъ въ даръ, и звали всѣхъ обѣдать къ Царю. Невозбранно тѣснимый безчисленною толпою людей, Борисъ шелъ за Духовенствомъ съ супругою и съ дѣтьми,

какъ добрый отецъ семейства и народа, въ храмъ Успенія, гдѣ Патріархъ возложилъ ему на грудь Животворящій крестъ Св. Петра Митрополита (что было уже началомъ Царскаго вѣнчанія), и въ *третій разъ* благословилъ его на Великое Государство Московское. Отслушавъ Литургію, новый Самодержецъ, провождаемый Боярами, обходилъ всѣ главныя церкви Кремлевскія, вездѣ молился съ теплыми слезами, вездѣ слышалъ радостный кликъ гражданъ, и держа за руку своего юнаго наслѣдника, а другою ведя прелестную Ксенію (9), вступилъ съ супругою въ палаты Царскія. Въ сей день народъ обѣдалъ у Царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ Патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время. — Борисъ не хотѣлъ жить въ комнатахъ, гдѣ скончался Өеодоръ: занялъ ту часть Кремлевскихъ палатъ, гдѣ жила Ирина, и велѣлъ пристроить къ нимъ для себя новый дворецъ деревянный. г. 1598.

Онъ уже царствовалъ, но еще безъ короны и скиптра; еще не могъ назваться *Царемъ Боговѣнчаннымъ*, *Помазанникомъ Господнимъ*. Надлежало думать, что Борисъ немедленно возложитъ на себя вѣнецъ со всѣми торжественными обрядами, которые въ глазахъ народа освящаютъ лице Властителя: сего требовали Патріархъ и Синклитъ име-

г. 1598. немъ Россіи; сего безъ сомнѣнія хотѣлъ и Борисъ, чтобы важнымъ церковнымъ дѣйствіемъ утвердить престолъ за собою и своимъ родомъ: но хитрымъ умомъ властвуя надъ движеніями сердца, вымыслилъ новое очарованіе; вмѣсто скиптра взялъ мечь въ десницу и спѣшилъ въ поле, доказать, что безопасность отечества ему дороже и короны и жизни. Такъ царствованіе самое миролюбивое началося ополченіемъ, которое приводило на память возстаніе Россіянъ для битвы съ Мамаемъ!

Знаменитое ополченіе.

Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ келліи Новодѣвичьяго монастыря, отправивъ гонца къ Хану съ дружественнымъ письмомъ, Борисъ 1 Апрѣля свѣдалъ, по донесенію Воеводы Оскольскаго (10), что плѣнникъ, взятый Козаками за Донцемъ въ сшибкѣ съ толпою Крымскихъ разбойниковъ, говоритъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою и съ семью тысячами Султанскихъ воиновъ. Борисъ не усомнился въ истинѣ столь мало достовѣрнаго извѣстія, и рѣшился, не теряя времени, двинуть всю громаду нашихъ силъ къ берегамъ Оки; писалъ о томъ къ Воеводамъ убѣдительно и ласково, требуя отъ нихъ ревности въ первой, важной опасности его царствованія, въ доказательство любви къ нему и къ Россіи.

Сей указъ произвелъ удивительное дѣйствіе: Г. 1598.
не было ни ослушныхъ, ни лѣнивыхъ; всѣ Дѣти Боярскіе, юные и престарѣлые, охотно садились на коней; городскія и сельскія дружины безъ отдыха спѣшили къ мѣстамъ сборнымъ. Главному стану назначили быть въ Серпуховѣ, Правой Рукѣ въ Алексинѣ, Лѣвой въ Коширѣ, Передовому Полку въ Калугѣ, Сторожевому въ Коломнѣ (11). — 20 Апрѣля пришли новыя вѣсти: писали изъ Бѣлагорода, что Татаринъ, схваченный Донскими Козаками на перевозѣ, сказывалъ имъ о сильномъ вооруженіи Хана; что толпы Крымскія, хотя и малочисленныя, показались въ степяхъ и гонятъ вездѣ нашихъ стражей. Тогда Борисъ велѣлъ все изготовить для *похода Царскаго*, и 2 Мая выѣхалъ изъ Москвы въ ратномъ доспѣхѣ, взявъ съ собою пять Царевичей: Киргизскаго, Сибирскаго, Шамахинскаго, Хивинскаго и сына Кайбулина, Бояръ, Князей Мстиславскаго, Шуйскихъ, Годуновыхъ, Романовыхъ и другихъ, — многихъ знатныхъ сановниковъ, и между ими Богдана Бѣльскаго, — Печатника Василья Щелкалова, Дворянъ и Дьяковъ Думныхъ, 44 Стольника, 20 Стряпчихъ, 274 Жильца — однимъ словомъ, всѣхъ людей нужныхъ и для войны и для совѣта и для пышности Дворской. Въ Москвѣ остался, при Царицахъ Инокинѣ Александрѣ и Маріи, юный Θеодоръ съ Боярами Димитріемъ

г. 1598. Ивановичемъ Годуновымъ, Князьями Трубецкимъ, Глинскимъ, Черкаскимъ, Шестуновымъ и другими; а при Ѳеодорѣ *дядька* Иванъ Чемодановъ. Сдѣлали распоряженіе въ столицѣ и на случай осады ея: назначили Воеводъ для защиты стѣнъ и башенъ, для объѣздовъ, вылазокъ и битвъ внѣ укрѣпленій. — 10 Мая, въ селѣ Кузминскомъ, представили Царю двухъ плѣнниковъ, Литовскаго и Цесарскаго, ушедшихъ изъ Крыма: они увѣряли, что Ханъ уже въ полѣ и дѣйствительно идетъ на Москву. Тогда Борисъ послалъ гонцевъ ко всѣмъ начальникамъ степныхъ крѣпостей *съ милостивымъ словомъ*: въ Тулу, Осколъ, Ливны, Елецъ, Курскъ, Воронежъ; симъ гонцамъ велѣно было *спросить о здравіи* какъ Воеводъ, такъ и Дворянъ, Сотниковъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; вручить грамоты Царскія первымъ, и требовать, чтобы они читали ихъ всенародно. „*Я стою на бе-„регу Оки* (писалъ Борисъ) и смотрю на сте-„пи: гдѣ явятся непріятели, тамъ и меня „увидите" (12). Въ Серпуховѣ онъ распорядилъ Воеводство, давъ *почетное* Царевичамъ, а дѣйствительное пяти Князьямъ знатнѣйшимъ: въ главной рати Мстиславскому, въ Правой Рукѣ Василію Шуйскому, въ Лѣвой Ивану Голицыну, въ Передовомъ Полку Дмитрію Шуйскому, въ Сторожевомъ Тимоѳею Трубецкому. Оградою древней Россіи, въ слу-

чаѣ Ханскихъ впаденій, служили, сверхъ крѣпостей, засѣки въ мѣстахъ трудныхъ для обхода: близъ Перемышля, Лихвина, Бѣлева, Тулы, Боровска, Рязани: Государь разсмотрѣлъ чертежи ихъ (13), и послалъ туда особенныхъ Воеводъ съ Мордвою и Стрѣльцами; устроилъ еще *плавную* или судовую рать на Окѣ, чтобы тѣмъ болѣе вредить непріятелю въ битвахъ на берегахъ ея. Видѣли, чего не видали дотолѣ: *полмилліона войска*, какъ увѣряютъ (14), въ движеніи стройномъ, быстромъ, съ усердіемъ несказаннымъ, съ довѣренностію безпредѣльною. Все дѣйствовало сильно на воображеніе людей: и новость царствованія, благопріятная для надежды, и высокое мнѣніе о Борисовой, уже долговременными опытами извѣданной мудрости. Исчезло самое мѣстничество: Воеводы спрашивали только, гдѣ имъ быть, и шли къ своимъ знаменамъ, не справляясь съ Розрядными Книгами о службѣ отцевъ и дѣдовъ: ибо Царь объявилъ, что Великій Соборъ билъ ему челомъ предписать Боярамъ и Дворянству *службу безъ мѣстъ* (15). Сія ревность, способствуя нужному повиновенію, имѣла и другое важное слѣдствіе: умножила число воиновъ, и воиновъ исправныхъ: Дворяне, Дѣти Боярскіе выѣхали въ поле на лучшихъ коняхъ, въ лучшихъ доспѣхахъ, со всѣми слугами, годными для ратнаго дѣла, къ живѣйшему удовольствію г. 1598.

Г. 1598. Царя, который не зналъ мѣры въ изъявленіяхъ милости: ежедневно смотрѣлъ полки и дружины, привѣтствовалъ начальниковъ и рядовыхъ, угощалъ обѣдами, и всякой разъ не менѣе десяти тысячь людей, на серебряныхъ блюдахъ, подъ шатрами (16). Сіи истинно Царскія угощенія продолжались шесть недѣль: ибо слухи о непріятелѣ вдругъ замолкли; разъѣзды наши уже не встрѣчали его; тишина царствовала на берегахъ Донца, и стражи, нигдѣ не видя пыли, нигдѣ не слыша конскаго топота, дремали въ безмолвіи степей. Ложные ли слухи обманули Бориса, или онъ притворнымъ легковѣріемъ обманулъ Россію, чтобы явить себя Царемъ не только Москвы, но и всего воинства, воспламенить любовь его къ новому Самодержцу, въ годину опасности предпочитающему бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, и тѣмъ удвоить блескъ своего торжественнаго воцаренія? Хитрость достойная Бориса, и едва ли сомнительная. — Вмѣсто тучи враговъ, явились въ южныхъ предѣлахъ Россіи мирные Послы Казы-Гиреевы съ нашимъ гонцемъ: Елецкіе Воеводы, 18 Іюня, донесли о томъ Борису, который наградилъ вѣстника деньгами и чиномъ (17).

Ханское Посольство.

Слѣдственно ополченіе безпримѣрное, стоивъ великаго иждивенія и труда, оказалось напраснымъ? Увѣряли, что оно спасло

Государство, поразивъ Хана ужасомъ; что Крымцы шли дѣйствительно, но узнавъ о возстаніи Россіи, бѣжали назадъ. По крайней мѣрѣ Царь хотѣлъ впечатлѣть ужасъ въ Пословъ Ханскихъ, изъ коихъ главнымъ былъ Мурза Алей: они въѣхали въ Россію какъ въ станъ воинскій; видѣли на пути блескъ мечей и копій, многолюдныя дружины всадниковъ, красиво одѣтыхъ, исправно вооруженныхъ (18); въ лѣсахъ, въ засѣкахъ слышали оклики и пальбу. Ихъ остановили близъ Серпухова, въ семи верстахъ отъ Царскихъ шатровъ, на лугахъ Оки, гдѣ уже нѣсколько дней сходилась рать отовсюду. Тамъ, 29 Іюня, еще до разсвѣта загремѣло сто пушекъ, и первые лучи солнца освѣтили войско несмѣтное (19), готовое къ битвѣ. Велѣли Крымцамъ, изумленнымъ сею ужасною стрѣльбою и симъ зрѣлищемъ грознымъ, итти къ Царю, сквозь тѣсные ряды пѣхоты, вдали окруженной густыми толпами конницы. Введенные въ шатеръ Царскій, гдѣ все блистало оружіемъ и великолѣпіемъ — гдѣ Борисъ, вмѣсто короны увѣнчанный златымъ шлемомъ, первенствовалъ въ сонмѣ Царевичей и Князей не столько богатствомъ одежды, сколько видомъ повелительнымъ — Алей Мурза и товарищи его долго безмолвствовали, не находя словъ отъ удивленія и замѣшательства; наконецъ сказали, что Казы-Гирей желаетъ вѣчнаго союза Г. 1598.

Г. 1598. съ Россією, возобновляя договоръ, заключенный въ Ѳеодорово царствованіе: *будетъ въ волѣ* Борисовой и готовъ со всею Ордою итти на враговъ Москвы. Пословъ угостили пышно, и вмѣстѣ съ ними отправили нашихъ къ Хану, для утвержденія новой союзной грамоты его присягою.

Угощеніе войска. Въ сей же день Св. Петра и Павла Царь простился съ войскомъ, давъ ему роскошный обѣдъ въ полѣ (20): 500,000 гостей пировало на лугахъ Оки; яства, медъ и вино развозили обозами; чиновниковъ дарили бархатами, парчами и камками. Послѣднимъ словомъ Царя было: „люблю воинство Христіанское и надѣюсь на его вѣрность." Громкія благословенія провождали Бориса далеко по Московской дорогѣ. Воеводы, ратники были въ восхищеніи отъ Государя столь мудраго, ласковаго и счастливаго: ибо онъ безъ кровопролитія, одною угрозою, далъ отечеству вожделѣннѣйшій плодъ самой блестящей побѣды: тишину, безопасность и честь! Россіяне надѣялись, говоритъ Лѣтописецъ, что все царствованіе Борисово будетъ подобно его началу, и славили Царя искренно. — Для наблюденія осталась часть войска на Окѣ; другая пошла къ границѣ Литовской и Шведской; большую часть распустили: но всѣ

знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ слѣдъ за Государемъ въ столицу. Г. 1598.

Тамъ новое торжество ожидало Бориса: вся Москва встрѣтила его, какъ нѣкогда Іоанна, завоевателя Казани, и Патріархъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ ему: „Богомъ „избранный, Богомъ возлюбленный, Великій „Самодержецъ! мы видимъ славу твою: ты „благодаришь Всевышняго! Благодаримъ Его „вмѣстѣ съ тобою; но радуйся же и веселися „съ нами, совершивъ подвигъ безсмертный! „Государство, жизнь и достояніе людей цѣлы; „а лютый врагъ, преклонивъ колѣна, молитъ „о мирѣ! *Ты не скрылъ, но умножилъ та„лантъ свой* въ семъ случаѣ удивительномъ, „ознаменованномъ болѣе, нежели человѣческою „мудростію . . . Здравствуй о Господѣ, Царь „любезный Небу и народу! Отъ радости пла„чемъ, и тебѣ кланяемся“ (21). Патріархъ, Духовенство и народъ преклонились до земли. Изъявляя чувствительность и смиреніе, Государь спѣшилъ въ храмъ Успенія, славословить Всевышняго, и въ монастырь Новодѣвичій, къ печальной Иринѣ. Всѣ домы были украшены зеленью и цвѣтами. Рѣчь Патріарха.

Но Борисъ еще отложилъ свое Царское вѣнчаніе до 1 Сентября, чтобы совершить сей важный обрядъ въ Новое Лѣто, въ день

г. 1598. общаго доброжелательства и надеждъ, лестныхъ для сердца. Между тѣмъ грамота избирательная была написана отъ имени Земской Думы, съ такимъ прибавленіемъ: „Всѣмъ „ослушникамъ Царской воли неблагословеніе „и клятва отъ Церкви (22), месть и казнь „отъ Синклита и Государства; клятва и „казнь всякому мятежнику, *раскольнику любоприрительному*, который дерзнетъ противорѣчить дѣянію Соборному и колебать умы „людей молвами злыми, кто бы онъ ни былъ, „Священнаго ли сана или Боярскаго, Думнаго „или воинскаго, гражданинъ или Вельможа: „да погибнетъ и память его вовѣки!“ Сію грамоту утвердили, 1 Августа, своими подписями и печатями Борисъ и юный Ѳеодоръ, Іовъ, всѣ Святители, Архимандриты, Игумены, Протопопы, Келари, Старцы чиновные, — Бояре, Окольничіе, знатные сановники Двора, Печатникъ Василій Щелкаловъ, Думные Дворяне и Дьяки, Стольники, Дьяки Приказовъ, Дворяне, Стряпчіе и Выборные изъ городовъ, Жильцы, Дьяки нижней степени, гости, Сотскіе, числомъ около пяти сотъ: одинъ списокъ ея былъ положенъ въ сокровищницу Царскую, гдѣ лежали государственные уставы прежнихъ Вѣнценосцевъ, а другій въ Патріаршую ризницу, въ храмѣ Успенія.— Казалось, что мудрость человѣческая сдѣ-

Прибавленіе къ грамотѣ избирательной.

лала все возможное для твердаго союза между Государемъ и Государствомъ! г. 1598.

Наконецъ Борисъ вѣнчался на Царство, еще пышнѣе и торжественнѣе Ѳеодора, ибо прiялъ утварь Мономахову изъ рукъ Вселенскаго Патрiарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвiи; но когда Царь, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургiи воззвалъ громогласно (23): „Отче, Ве„ликiй Патрiархъ Iовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, „что въ моемъ Царствѣ не будетъ ни си„раго, ни бѣднаго“ — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: „отдамъ и сiю послѣд„нюю народу:“ тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствiе: слышны были только клики умиленiя и благодарности въ храмѣ; Бояре славословили Монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый Вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другiй важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскiя (24). Однимъ словомъ, никакое Царское вѣнчанiе въ Россiи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображенiе и чувство людей. — Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скиптромъ спѣ- Царское вѣнчанiе.

г. 1598. шилъ въ Царскую палату, занять мѣсто Варяжскихъ Князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій.

Милости.

Началося съ Двора и Синклита: Борисъ пожаловалъ Царевича Киргизскаго, Уразъ-Магмета, въ Цари Касимовскіе (25); Дмитрія Ивановича Годунова въ Конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ Дворецкіе (на мѣсто добраго Григорья Васильевича, который одинъ не радовался возвышенію своего рода (26), и въ тайной горести умеръ); Князей Катырева, Черкасскаго, Трубецкаго, Ногошкова и Александра Романова-Юрьева въ Бояре; Михайла Романова, Бѣльскаго (любимца Іоаннова и своего бывшаго друга), Криваго-Салтыкова (также любимца Іоаннова) и четырехъ Годуновыхъ въ Окольничіе; многихъ въ Стольники и въ иные чины. Всѣмъ людямъ служивымъ, воинскимъ и гражданскимъ, онъ указалъ выдать двойное жалованье (27), гостямъ Московскимъ и другимъ торговать безпошлинно два года, а земледѣльцевъ казенныхъ и самыхъ дикихъ жителей Сибирскихъ освободить отъ податей на годъ. Къ симъ милостямъ чрезвычайнымъ прибавилъ еще новую для крестьянъ господскихъ: уставилъ, сколько имъ работать и платить господамъ законно и безобидно (28). — Обнародовавъ съ престола сіи Царскія

Новый Царь Касимовскій.

благодѣянія, Борисъ двѣнадцать дней угощалъ народъ пирами. г. 1598.

Казалось, что и Судьба благопріятствовала новому Монарху, ознаменовавъ начало его Державства и вожделѣннымъ миромъ и счастливымъ успѣхомъ оружія, въ битвѣ маловажной числомъ воиновъ, но достопамятной своими обстоятельствами и слѣдствіями, мѣстомъ побѣды, на краю свѣта, и лицемъ побѣжденнаго. Мы оставили Царя-изгнанника Сибирскаго, Кучюма, въ степи Барабинской (29), непреклоннаго къ милостивымъ предложеніямъ Ѳеодоровымъ, неутомимаго въ набѣгахъ на отнятыя у него земли, и все еще для насъ опаснаго. Воевода Тарскій, Андрей Воейковъ, выступилъ (4 Августа 1598) съ 397 Козаками, Литовцами и людьми ясашными къ берегамъ Оби, гдѣ, среди полей, засѣянныхъ хлѣбомъ и вдали окруженныхъ болотами, гнѣздился Кучюмъ съ бѣдными остатками своего Царства, съ женами, съ дѣтьми, съ вѣрными ему Князьями и воинами, числомъ до пяти сотъ (30). Онъ не ждалъ врага: бодрый Воейковъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ; имѣлъ лазутчиковъ, хваталъ непріятельскихъ, и 20 Августа, предъ восходомъ солнца, напалъ на укрѣпленный станъ Ханскій. Цѣлый день продолжалась битва, уже послѣдняя для Кучюма: его братъ и сынъ, Илитенъ и Канъ

Происшествія въ Сибири.

г. 1598. Царевичи, 6 Князей, 10 Мурзъ, 150 лучшихъ воиновъ пали отъ стрѣльбы нашихъ, которые около вечера вытѣснили Татаръ изъ укрѣпленія, прижали къ рѣкѣ, утопили ихъ болѣе ста и взяли 50 плѣнниковъ; не многіе спаслися на судахъ въ темнотѣ ночи. Такъ Воейковъ отмстилъ Кучюму за гибель Ермака неосторожнаго! Восемь женъ, пять сыновей и восемь дочерей Ханскихъ, пять Князей и не мало богатства остались въ рукахъ побѣдителя. Не зная о судьбѣ Кучюма, и думая, что онъ, подобно Ермаку, утонулъ во глубинѣ рѣки, Воейковъ не разсудилъ за благо итти далѣе: сжегъ, чего не могъ взять съ собою, и съ знатными своими плѣнниками возвратился въ Тару, донести Борису, что въ Сибири уже нѣтъ инаго Царя, кромѣ Россійскаго. Но Кучюмъ еще жилъ, двумя усердными слугами во время битвы увезенный на лодкѣ внизъ по Оби, въ землю Чатскую. Еще Воеводы наши снова предлагали ему ѣхать въ Москву, соединиться съ его семействомъ и мирно дожить вѣкъ благодѣяніями Государя великодушнаго. Сеитъ, именемъ Тулъ-Мегметъ, посланный Воейковымъ, нашелъ Кучюма въ лѣсу, близъ того мѣста, гдѣ лежали тѣла убитыхъ Россіянами Татаръ, на берегу Оби: слѣпый старецъ, неодолимый бѣдствіями, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный тремя сыновьями и тридцатью вѣрными слугами;

выслушалъ рѣчь Сеитову о милости Царя Московскаго, и спокойно отвѣтствовалъ: „Я не поѣхалъ къ нему и въ лучшее время, „доброю волею, цѣлый и богатый: теперь „поѣду ли за смертію? Я слѣпъ и глухъ, бѣ„денъ и сиръ. Жалѣю не о богатствѣ, но „только о миломъ сынѣ Асманакѣ, взятомъ „Россіянами: съ нимъ однимъ, безъ Царства и „богатства, безъ женъ и другихъ сыновей, я „могъ бы еще жить на свѣтѣ. Теперь посы„лаю остальныхъ дѣтей въ Бухарію, а самъ „ѣду къ Ногаямъ" (31). Онъ не имѣлъ ни теплой одежды, ни коней, и просилъ ихъ изъ милости у своихъ бывшихъ подданныхъ, жителей Чатской волости, которые уже обѣщались быть данниками Россіи: они прислали ему одного коня и шубу. Кучюмъ возвратился на мѣсто битвы, и тамъ, въ присутствіи Сеита, занимался два дни погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ; въ третій день сѣлъ на коня— и скрылся для Исторіи. Остались только невѣрные слухи о бѣдственной его кончинѣ: пишутъ, что онъ, скитаясь въ степяхъ Верхняго Иртыша, въ землѣ Калмыцкой, и близъ озера Зайсанъ-Нора похитивъ нѣсколько лошадей, былъ гонимъ жителями изъ пустыни въ пустыню, разбитъ на берегу озера Кургальчина, и почти одинъ явился въ Улусѣ Ногаевъ, которые безжалостно умертвили слѣпаго старца изгнанника, сказавъ: „Отецъ

г. 1598.

Гибель Кучюма.

г. 1598. „твой насъ грабилъ; а ты не лучше отца“ (32). Вѣсть о семъ происшествіи обрадовала Москву и Россію: Борисъ съ донесеніемъ Воейкова спѣшилъ ночью въ монастырь къ Иринѣ, любя дѣлить съ нею всѣ чистыя удовольствія Державнаго сана (33). Истребленіе Кучюма, перваго и послѣдняго Царя Сибирскаго, если не могуществомъ, то непреклонною твердостію въ злосчастіи достопамятнаго, какъ бы запечатлѣло для насъ господство надъ полунощною Азіею. Въ столицѣ и во всѣхъ городахъ снова праздновали завоеваніе сего неизмѣримаго края, звономъ колокольнымъ и молебнами. Воейкова наградили золотою медалью, а его сподвижниковъ деньгами; велѣли привезти знатныхъ плѣнниковъ въ Москву и дали народу удовольствіе видѣть ихъ торжественный въѣздъ (въ Генварѣ 1599). Жены,
г. 1599. дочери, невѣстки и сыновья Кучюмовы (юноши Асманакъ и Шаимъ, отрокъ Бабадша, младенцы Кумушъ и Молла) ѣхали въ богатыхъ *рѣзныхъ* саняхъ: Царицы и Царевны въ шубахъ бархатныхъ, атласныхъ и камчатныхъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и кружевомъ; Царевичи въ ферезяхъ багряныхъ, на мѣхахъ драгоцѣнныхъ; впереди и за ними множество всадниковъ, Дѣтей Боярскихъ, по два въ рядъ, всѣ въ шубахъ собольихъ, съ пищалями. Улицы были наполнены зрителями, Россіянами и чужеземцами (34). Царицъ и Царе-

вичей размѣстили въ особенныхъ домахъ, купеческихъ и Дворянскихъ; давали имъ содержаніе пристойное, но весьма умѣренное; наконецъ отпустили женъ и дочерей Ханскихъ въ Касимовъ и въ Бѣжецкій Верхъ, къ Царю Уразъ-Магмету и къ Царевичу Сибирскому Маметкулу, согласно съ желаніемъ тѣхъ и другихъ. Сынъ Кучюмовъ, Абдулъ-Хаиръ, взятый въ плѣнъ еще въ 1591 году, принялъ тогда Христіанскую Вѣру и былъ названъ Андреемъ. г. 1599.

Съ сего времени уже не имѣя войны, но единственно усмиряя, безъ важныхъ усилій, строптивость нашихъ данниковъ въ Сибири, и страхомъ или выгодами мирной, дѣятельной власти умножая число ихъ, мы спокойно занимались тамъ основаніемъ новыхъ городовъ: Верхотурья въ 1598, Мангазеи и Туринска въ 1600, Томска въ 1604 годахъ (35); г. 1598 — 1604. населяли ихъ людьми воинскими, семейными, особенно Козаками Литовскими или Малороссійскими, и самыхъ коренныхъ жителей Сибирскихъ употребляли на ратное дѣло, вселяя въ нихъ усердіе къ службѣ льготою и честію, такъ что они съ величайшею ревностію содѣйствовали намъ въ покореніи своихъ единоземцевъ. Однимъ словомъ, если случай далъ Іоанну Сибирь, то государствен-

г. 1598 — 1604. ный умъ Борисовъ надежно и прочно вмѣстилъ ее въ составъ Россіи.

Дѣла внѣшней Политики.

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Россійской ничто не перемѣнилось: ни духъ ея, ни виды. Мы вездѣ хотѣли мира или пріобрѣтеній безъ войны, готовясь единственно къ оборонительной; не вѣрили доброжелательству тѣхъ, коихъ польза была несовмѣстна съ нашею, и не упускали случая вредить имъ безъ явнаго нарушенія договоровъ.

Ханъ, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, откладывалъ торжественное заключеніе новаго договора съ новымъ Царемъ: между тѣмъ Донскіе Козаки тревожили набѣгами Тавриду, а Крымскіе разбойники Бѣлогородскую область (36). Наконецъ, въ Іюнѣ 1602 года, Казы-Гирей, принявъ дары, оцѣненные въ 14,000 рублей, вручилъ Послу, Князю Григорію Волконскому, Шертную грамоту со всѣми торжественными обрядами, но еще хотѣлъ тридцати тысячь рублей и жаловался, что Россіяне стѣсняютъ Ханскіе Улусы основаніемъ крѣпостей въ степяхъ, которыя были дотолѣ привольемъ Татарскимъ. „Не видимъ ли" (говорилъ онъ) „вашего умысла, столь недружелюбнаго? Вы хотите задушить насъ „въ оградѣ. А я вамъ другъ, какихъ мало. Султанъ живетъ мыслію итти войною на Рос-

„сію, но слышитъ отъ меня всегда одно сло- г. 1598 —
„во: *далеко! тамъ пустыни, лѣса, воды, бо-* 1604.
„*лота, грязи непроходимыя.*" Царь отвѣтствовалъ, что казна его истощилась отъ милостей, оказанныхъ войску и народу; что крѣпости основаны единственно для безопасности нашихъ Посольствъ къ Хану и для обузданія хищныхъ Донскихъ Козаковъ; что мы, имѣя рать сильную, не боимся Султановой. Любимецъ Казы-Гиреевъ, Ахметъ-Челибей, присланный къ Царю съ союзною грамотою, требовалъ отъ него клятвы въ вѣрномъ исполненіи взаимныхъ условій: Борисъ взялъ въ руки *книгу* (безъ сомнѣнія не Евангеліе), и сказалъ: „обѣщаю искреннее дружество Казы-Гирею: вотъ моя *большая присяга;*" не хотѣлъ ни цѣловать креста, ни показать сей книги Челибею, коего увѣряли, что Государь Россійскій изъ особенной любви къ Хану изустно произнесъ священное обязательство союза, и что договоры съ иными Вѣнценосцами утверждаются только Боярскимъ словомъ. Такъ Борисъ, вопреки древнему обыкновенію, уклонился отъ безполезнаго униженія святыни въ дѣлахъ съ варварами, уважающими одну корысть и силу; честилъ Хана умѣренными дарами, а всего болѣе надѣялся на войско, готовое для защиты юговосточныхъ предѣловъ Россіи, и сохранилъ ихъ спокойствіе. Были взаимныя до-

г. 1598 — 1604. сады, однакожь безъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій. Въ 1603 году Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ изъ Тавриды новаго Посла Государева, Князя Борятинскаго, за то, что онъ не хотѣлъ удержать Донскихъ Козаковъ отъ впаденія въ Карасанскій Улусъ, отвѣтствуя грубо: „у васъ есть сабля; а мое дѣло „сноситься только съ Ханомъ, не съ ворами „Козаками.“ Но сей случай не произвелъ разрыва: Ханъ жаловался безъ угрозъ, и подтвердилъ обязательство умереть нашимъ другомъ, опасаясь тогда Султана и думая найти защитника въ Борисѣ.

Въ дѣлахъ съ Литвою и съ Швеціею Борисъ также старался возвысить достоинство Россіи, пользуясь случаемъ и временемъ. Сигизмундъ, именемъ еще Король Швеціи, уже воевалъ съ ея Правителемъ, дядею своимъ Герцогомъ Карломъ, и склонилъ Вельможныхъ Пановъ къ участію въ семъ междоусобіи, уступивъ ихъ отечеству Эстонію. Въ такихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ Литва домогалась прочнаго мира, а Швеція союза съ Россіею: Борисъ же, изъявляя готовность къ тому и къ другому, вымышлялъ легкій способъ взять у нихъ, что было нашимъ, и что мы уступили имъ невольно: древнія Орденскія владѣнія, о коихъ столько жалѣлъ Іоаннъ, жалѣла и Россія, ку-

пивъ оныя долговременными, кровавыми трудами и за ничто отдавъ властолюбивымъ иноземцамъ. Г. 1598 — 1604.

Мы упоминали о сынѣ Шведскаго Короля Эрика, изгнанникѣ Густавѣ (37). Скитаясь изъ земли въ землю, онъ жилъ нѣсколько времени въ Торнѣ, скуднымъ жалованьемъ брата своего, Сигизмунда, и рѣшился (въ 1599 году) искать счастія въ нашемъ отечествѣ, куда звали его и Ѳеодоръ и Борисъ, предлагая ему не только временное убѣжище, но и знатное помѣстье или Удѣлъ. На границѣ, въ Новѣгородѣ, въ Твери ждали Густава сановники Царскіе, съ привѣтствіями и дарами (38); одѣли въ золото и въ бархатъ; ввезли въ Москву на богатой колесницѣ; представили Государю въ самомъ пышномъ собраніи Двора. Поцѣловавъ руку у Бориса и юнаго Ѳеодора, Густавъ произнесъ рѣчь (зная Славянскій языкъ); сѣлъ на золотомъ изголовьѣ; обѣдалъ у Царя за столомъ особеннымъ, имѣя особеннаго Крайчаго и Чашника. Ему дали огромный домъ, чиновниковъ и слугъ, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ и чашъ изъ кладовыхъ Царскихъ; наконецъ Удѣлъ Калужскій, три города съ волостями, для дохода (39). Однимъ словомъ, послѣ Борисова семейства Густавъ казался первымъ человѣкомъ въ Россіи, ежедневно ласкаемый и даримый. Онъ имѣлъ достоинства: душевное

Судьба Принца Шведскаго, Густава, въ Россіи.

г. 1598 — 1604. благородство, искренность, свѣдѣнія рѣдкія въ Наукахъ, особенно въ Химіи, такъ что заслужилъ имя втораго Ѳеофраста Парацельса; зналъ языки, кромѣ Шведскаго и Славянскаго, Италіянскій, Нѣмецкій, Французскій (40); много видѣлъ въ свѣтѣ, съ умомъ любопытнымъ, и говорилъ пріятно. Но не сіи достоинства и знанія были виною Царской къ нему милости: Борисъ мыслилъ употребить его въ орудіе Политики, какъ втораго Магнуса, желая имѣть въ немъ страшилище для Сигизмунда и Карла; обольстилъ Густава надеждою быть Властителемъ Ливоніи съ помощію Россіи, и хитро приступилъ къ дѣлу, чтобы обольстить и Ливонію. Еще многіе сановники Дерптскіе и Нарвскіе жили въ Москвѣ съ женами и дѣтьми, въ неволѣ сносной, однакожь горестной для нихъ, лишенныхъ отечества и состоянія: Борисъ далъ имъ свободу, съ условіемъ, чтобы они присягнули ему въ вѣрности неизмѣнной; ѣздили, куда хотятъ: въ Ригу, въ Литву, въ Германію для торговли, но вездѣ были его усердными слугами, наблюдали, вывѣдывали важное для Россіи, и тайно доносили о томъ Печатнику Щелкалову. Сіи люди, нѣкогда купцы богатые, уже не имѣли денегъ: Царь велѣлъ имъ раздать до двадцати пяти тысячь нынѣшнихъ рублей серебряныхъ, чтобы они тѣмъ ревностнѣе служили Россіи и преклоняли къ

ней своихъ единоземцевъ (41). Зная неудовольствіе жителей Рижскихъ и другихъ Ливонцевъ, утѣсняемыхъ Правительствомъ и въ гражданской жизни и въ богослуженіи, Царь велѣлъ тайно сказать имъ, что если хотятъ они спасти вольность свою и Вѣру отцевъ; если ужасаются мысли рабствовать всегда подъ тяжкимъ игомъ Литвы и сдѣлаться *Папистами или Іезуитами*: то щитъ Россіи надъ ними, а мечь ея надъ ихъ утѣснителями; что сильнѣйшій изъ Вѣнценосцевъ, равно славный и мудростію и человѣколюбіемъ, желаетъ быть отцемъ болѣе, нежели Государемъ Ливоніи, и ждетъ Депутатовъ изъ Риги, Дерпта и Нарвы для заключенія условій, которыя будутъ утверждены присягою Бояръ; что свобода, законы и Вѣра останутся тамъ неприкосновенными подъ его верховною властію (42). Въ то же время Воеводы Псковскіе должны были искусно разгласить въ Ливоніи, что Густавъ, столь милостиво принятый Царемъ, немедленно вступитъ въ ея предѣлы съ нашимъ войскомъ, дабы изгнать Поляковъ, Шведовъ, и господствовать въ ней съ правомъ наслѣдственнаго Державца, но съ обязанностію Россійскаго присяжника. Самъ Густавъ писалъ къ Герцогу Карлу: „Европѣ „извѣстна бѣдственная судьба моего родителя; а тебѣ извѣстны ея виновники и мои „гонители: оставляю месть Богу. Нынѣ я

г. 1598 — 1604.

г. 1598 — „въ *тихомъ и безболзненномъ пристанищѣ*,
1604. „у великаго Монарха, милостиваго къ не-
„счастнымъ Державнаго племени. Здѣсь могу
„быть полезенъ нашему любезному отече-
„ству, если ты уступишь мнѣ Эстонію,
„угрожаемую Сигизмундовымъ властолюбіемъ:
„съ помощію Божіею и Царскою буду не
„только стоять за города ея, но возьму
„и всю Ливонію, мою законную отчину."
Замѣтимъ, что о семъ письмѣ не упоминается въ нашихъ переговорахъ съ Швеціею; оно едва ли было доставлено Герцогу: сочиненное, какъ вѣроятно, въ Приказѣ Московскомъ, ходило единственно въ спискахъ изъ рукъ въ руки, между Ливонскими гражданами, чтобы волновать ихъ умы въ пользу Борисова замысла. Такъ мы хитрили, будучи въ перемиріи съ Литвою и въ мирѣ съ Швеціею!

Но сія хитрость, не чуждая коварства, осталась безплодною — отъ трехъ причинъ: 1) Ливонцы издревле страшились и не любили Россіи; помнили исторію Магнуса и видѣли еще слѣды Іоаннова свирѣпства въ ихъ отечествѣ; слушали наши обѣщанія и не вѣрили. Только нѣкоторые изъ Нарвскихъ жителей, тайно сносясь съ Борисомъ, умышляли сдать ему сей городъ; но, обличенные въ сей измѣнѣ, были казнены всенародно (43). 2) Мы имѣли лазутчиковъ, а Сигизмундъ и Карлъ

войско въ Ливоніи: могла ли она, если бы и хотѣла, думать о Посольствѣ въ Москву? 3) Густавъ лишился милости Бориса, который думалъ женить его на Царевнѣ Ксеніи, съ условіемъ, чтобы онъ исповѣдывалъ одну Вѣру съ нею; но Густавъ не согласился измѣнить своему Закону, ни оставить любовницы, привезенной имъ съ собою изъ Данцига (44); не хотѣлъ быть, какъ пишутъ, и слѣпымъ орудіемъ нашей Политики ко вреду Швеціи; требовалъ отпуска, и, разгоряченный виномъ, въ присутствіи Борисова Медика, Фидлера, грозился зажечь Москву, если не дадутъ ему свободы выѣхать изъ Россіи: Фидлеръ сказалъ о томъ Боярину Семену Годунову, а Бояринъ Царю, который, въ гнѣвѣ отнявъ у неблагодарнаго и сокровища и города, велѣлъ держать его подъ стражею въ домѣ; однакожь скоро умилостивился и далъ ему, вмѣсто Калуги, разоренный Угличь. Густавъ (въ 1601 году) снова былъ у Царя, но уже не обѣдалъ съ нимъ (45); удалился въ свое помѣстье, и тамъ, среди печальныхъ развалинъ, спокойно занимался Химіею, до конца Борисовой жизни. Неволею перевезенный тогда въ Ярославль, а послѣ въ Кашинъ, сей несчастный Принцъ умеръ въ 1607 году, жалуясь на вѣтреность той женщины, которой онъ пожертвовалъ блестящею долею въ Россіи. Уединенную могилу его, въ прекрасной березовой рощѣ, на

Г. 1598 — 1604.

г. 1598 — 1604. берегу Кашенки, видѣли знаменитый Шведскій Военачальникъ, Іаковъ де-ла-Гарди, и Посланникъ Карла IX, Петрей, въ царствованіе Шуйскаго (46).

Перемиріе съ Литвою. Между тѣмъ мы имѣли случай гордостію отплатить Сигизмунду за уничиженіе, претерпѣнное Іоанномъ отъ Батторія. Великій Посолъ Литовскій, Канцлеръ Левъ Сапѣга, пріѣхавъ въ Москву, жилъ шесть недѣль въ праздности, для того, какъ ему сказывали, что Царь мучился подагрою. Представленный Борису (16 Ноября 1600), Сапѣга явилъ условія, начертанныя Варшавскимъ Сеймомъ для заключенія вѣчнаго мира съ Россіею: ихъ выслушали, отвергнули и еще нѣсколько мѣсяцевъ держали Сапѣгу въ скучномъ уединеніи, такъ, что онъ грозился сѣсть на коня и безъ дѣла уѣхать изъ Москвы (47). Наконецъ, будто бы изъ уваженія къ милостивому ходатайству юнаго Борисова сына, Государь велѣлъ Думнымъ Совѣтникамъ заключить перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ. 11 Марта (1601 года) написали грамоту, но не хотѣли именовать въ ней Сигизмунда *Королемъ Швеціи*, подъ лукавымъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ ни Ѳеодора, ни Бориса о своемъ восшествіи на тронъ отцевскій: въ самомъ же дѣлѣ мы пользовались случаемъ мести, за старое упрямство Литвы называть Госу-

дарей Россійскихъ единственно Великими Князьями, и тѣмъ еще давали себѣ право на благодарность Шведскаго Властителя — право входить съ нимъ въ договоры, какъ съ законнымъ Монархомъ. Тщетно Сапѣга возражалъ, требовалъ, молилъ, даже *съ слезами* (48), чтобы внести въ грамоту весь титулъ Королевскій: ее послали къ Сигизмунду для утвержденія съ Бояриномъ, Михайломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, и съ Думнымъ Дьякомъ, Аѳанасіемъ Власьевымъ, которые, не взирая на худое гостепріимство въ Литвѣ, успѣли въ главномъ дѣлѣ, къ чести Двора Московскаго. Сигизмундъ предводительствовалъ тогда войскомъ въ Ливоніи и звалъ ихъ къ себѣ въ Ригу: они сказали: „будемъ ждать „Короля въ Вильнѣ" — и поставили на своемъ; въ глубокую осень жили нѣсколько времени на берегахъ Днѣпра, въ шатрахъ; терпѣли холодъ и недостатокъ (49), но принудили Короля ѣхать для нихъ въ Вильну, гдѣ начались жаркія прѣнія. Литовскіе Вельможи говорили Салтыкову и Власьеву: „если дѣйствительно „хотите мира, то признайте нашего Ко„роля Шведскимъ, а Эстонію собственностію „Польши." Салтыковъ отвѣчалъ: „Миръ вамъ „нужнѣе, нежели намъ. Эстонія и Ливонія „собственность Россіи отъ временъ Ярослава „Великаго; а Шведскимъ Королевствомъ вла„дѣетъ нынѣ Герцогъ Карлъ: Царь не даетъ г. 1598 — 1604.

Г. 1598 — 1604.

„никому пустыхъ титуловъ." . . . . „Карлъ „есть измѣнникъ и хищникъ," возражали Паны: „Государь вашъ перестанетъ ли называться въ титулѣ *Астраханскимъ* или *Сибирскимъ*, если какой нибудь разбойникъ на „время завладѣетъ сими землями? Знатная „часть Венгріи нынѣ въ рукахъ Султана, но „Цесарь именуется Венгерскимъ, а Король „Испанскій Іерусалимскимъ." Убѣжденія остались безъ дѣйствія; но Сигизмундъ, цѣлуя крестъ предъ нашими Послами (7 Генваря 1602) съ обѣщаніемъ свято хранить договоръ, примолвилъ: „клянуся именемъ Божіимъ умереть съ моимъ наслѣдственнымъ титуломъ „Короля Шведскаго, не уступать никому „Эстоніи и въ теченіе сего двадцатилѣтняго „перемирія добывать Нарвы, Ревеля и другихъ „городовъ ея, кѣмъ бы они ни были заняты." Тутъ Салтыковъ выступилъ и сказалъ громко: „Король Сигизмундъ! цѣлуй крестъ къ „Великому Государю, Борису Ѳеодоровичу, „по точнымъ словамъ грамоты, безъ всякаго „прибавленія — или клятва не въ клятву!" Сигизмундъ долженъ былъ переговорить свою рѣчь, какъ требовалъ Бояринъ и смыслъ грамоты. Слѣдственно въ Москвѣ и въ Вильнѣ Политика Россійская одержала верхъ надъ Литовскою: Король уступилъ, ибо не хотѣлъ воевать въ одно время и съ Шведами и съ нами; устоялъ только въ отказѣ вели-

чать Бориса именемъ *Царя и Самодержца*: г. 1598 — 1604.
чего мы требовали и въ Москвѣ и въ Вильнѣ, но удовольствовались словомъ, что сей титулъ безспорно будетъ данъ Королемъ Борису при заключенiи мира вѣчнаго. „Хорошо" (говорили Паны) „и двадцать лѣтъ не лить „Христiанской крови: еще лучше успокоить „навсегда обѣ Державы. Двадцать лѣтъ пройдутъ скоро; а кто будетъ тогда Государемъ и въ Литвѣ и въ Россiи, неизвѣстно"(50). Замѣтимъ еще обстоятельство достопамятное: Послы Московскiе, въ день своего отпуска пируя во дворцѣ Королевскомъ, увидѣли юнаго Сигизмундова сына, Владислава, и какъ бы въ предчувствiи будущаго вызвались цѣловать у него руку: сей отрокъ семилѣтнiй, коему надлежало, въ возрастѣ юноши, явиться столь важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ нашей Исторiи, привѣтствовалъ ихъ умно и ласково; вставъ съ мѣста и снявъ съ себя шляпу, велѣлъ кланяться Царевичу Ѳеодору и сказать ему, что желаетъ быть съ нимъ въ искренней дружбѣ. Знатный Бояринъ Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ, который замѣнилъ Щелкалова въ дѣлахъ государственныхъ, могли, храня въ душѣ прiятное воспоминанiе о юномъ Владиславѣ, вселить во многихъ Россiянъ добрыя мысли о семъ, дѣйствительно любезномъ Королевичѣ. — Возвратясь, Послы донесли Борису, что онъ мо-

г. 1598 — 1604. жетъ быть увѣренъ въ безопасности и тишинѣ съ Литовской стороны на долгое время; что Король и Паны знаютъ, видятъ силу Россіи, управляемую столь мудрымъ Государемъ, и конечно не помыслятъ нарушить договора ни въ какомъ случаѣ, внутренно славя миролюбіе Царя какъ особенную милость Божію къ ихъ отечеству.

Сношенія съ Швеціею. Мы сказали, что Правитель Швеціи искалъ союза Россіи: Борисъ, убѣждая Герцога не мириться съ Сигизмундомъ, дозволялъ Шведамъ итти изъ Финляндіи къ Дерпту чрезъ Новогородское владѣніе (51) и хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними для изгнанія Поляковъ изъ Ливоніи. Королевскіе чиновники ѣздили въ Москву, наши въ Стокгольмъ съ изъявленіями взаимнаго дружества. Въ знакъ чрезвычайнаго уваженія къ Борису, Герцогъ тайно спрашивалъ у него, *исполнить* ли ему волю Чиновъ Государственныхъ и назваться ли *Королемъ* Шведскимъ? Царь совѣтовалъ *исполнить, и немедленно, для истиннаго блага Швеціи*, и тѣмъ заслужилъ живѣйшую признательность Карлову (52); совѣтовалъ искренно, ибо безопасность Россіи требовала, чтобы Литва и Швеція имѣли разныхъ Властителей. Но мы желали Нарвы, и для того хитрый Царь (въ Февралѣ 1601) объявилъ Шведскимъ Посламъ, Карлу Гендрихсону и

Георгію Клаусону, бывшимъ у насъ въ одно время съ Литовскимъ Канцлеромъ Сапѣгою, что должно еще снова разсмотрѣть и торжественно утвердить мирную грамоту 1597 года (53), писанную отъ имени Ѳеодорова и Сигизмундова; что она недѣйствительна, ибо Сигизмундъ не утвердилъ ее; что обстоятельства перемѣнились, и что сей Король готовъ уступить намъ часть Ливоніи, если будемъ помогать ему въ войнѣ съ Герцогомъ. Послы удивились. „Мы заключили миръ" (говорили они Боярамъ) „не между Ѳеодоромъ и „Сигизмундомъ, а между Швеціею и Россіею, „до скончанія вѣковъ, именемъ Божіимъ, и „добросовѣстно исполнили условія: отдали „Кексгольмъ вопреки Сигизмундову несогласію. „Нѣтъ, Герцогъ Карлъ не повѣритъ, чтобы „Царь думалъ нарушить обѣтъ, запечатлѣнный цѣлованіемъ креста на Святомъ Евангеліи. Если Сигизмундъ уступаетъ вамъ города въ Ливоніи, то уступаетъ не свое: половина ея завоевана Герцогомъ. И союзъ съ „Литвою надеженъ ли для Царя? Прекратились ли споры о Кіевѣ и Смоленскѣ? Гораздо „скорѣе можно согласить выгоды Швеціи и „Россіи: главная ихъ выгода есть мирное, „доброе сосѣдство. Не самъ ли Царь убѣждалъ Карла не мириться съ Сигизмундомъ? „Мы воюемъ и беремъ города: что мѣшаетъ „вамъ также ополчиться и раздѣлить Ли-

Г. 1598 — 1604.

Г. 1598 — 1604.

„вонію съ нами?“ Но Борисъ, съ удовольствіемъ видя пламя войны между Герцогомъ и Королемъ, не мыслилъ въ ней участвовать, по крайней мѣрѣ до времени; заключивъ перемиріе съ Литвою, медлилъ утвердить безкорыстный миръ съ Карломъ; отпустилъ его Пословъ ни съ чѣмъ, и тайно склоняя жителей Эстоніи измѣнить Шведамъ, чтобы присоединиться къ Россіи, досаждалъ ему симъ непрямодушіемъ — но въ то же время искренно доброхотствовалъ въ войнѣ Ливонской: ибо торжество Сигизмундово угрожало намъ соединеніемъ Шведской короны съ Польскою, а торжество Карлово раздѣляло ихъ навѣки. Борисъ первый изъ Государей Европейскихъ, и всѣхъ охотнѣе, призналъ Герцога Королемъ Швеціи, и въ сношеніяхъ съ нимъ уже давалъ ему сіе имя, когда и самъ Герцогъ еще назывался только Правителемъ.

Тѣсная связь съ Даніею.

Новая, важная связь Борисова съ наслѣдственнымъ врагомъ Швеціи могла также безпокоить Карла. Извѣстивъ сосѣдственныхъ и другихъ Вѣнценосцевъ, Императора, Елисавету, о своемъ воцареніи, Борисъ долго медлилъ оказать сію учтивость Королю Датскому, Христіану; но съ 1601 года началися весьма дружелюбныя сношенія между ими (54). Въ одно время Послы Христіановы, Эске-Брокъ и Карлъ Бриске, отправились въ Мос-

кву, а наши, знатный Дворянинъ Ржевскій и Г. 1598 — 1604.
Дьякъ Дмитріевъ, въ Копенгагенъ. для взаимнаго привѣтствія и для разрѣшенія старыхъ, безконечныхъ споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ. Доказывая, что вся Лапландія принадлежала Норвегіи, Христіанъ ссылался на Исторію Саксона Грамматика и даже на Мюнстерову Космографію (55); говорилъ еще, что сами Россіяне издревле называютъ Лапландію *Мурманскою* или Норвежскою землею; а мы возражали, что она безъ сомнѣнія наша, ибо въ царствованіе Василія Іоанновича Новогородскій Священникъ Илія крестилъ ея дикихъ жителей, и еще утверждали сіе право собственности слѣдующею повѣстію, основанною на преданіи тамошнихъ старцевъ (56): „Жилъ нѣкогда въ Корелѣ „или Кексгольмѣ знаменитый *Владѣтель*, име„немъ *Валитъ* или Варентъ, данникъ Вели„каго Новагорода, мужъ необычной храбрости „и силы: воевалъ, побѣждалъ и хотѣлъ господ„ствовать надъ Лопью или *Мурманскою* „землею. Лопари требовали защиты сосѣд„ственныхъ *Норвежскихъ* Нѣмцевъ; но Ва„литъ разбилъ и Нѣмцевъ, тамъ, гдѣ нынѣ „*Лѣтній* погостъ *Варенгскій*, и гдѣ онъ, въ „память вѣкамъ, положилъ своими руками „огромный камень, въ вышину болѣе сажени; „сдѣлалъ вокругъ его твердую ограду *въ девя„надцать стѣнъ* и назвалъ ее *Вавилономъ*:

г. 1598 — „сей камень и теперь именуется *Ралитовымъ.* Такая же ограда существовала на
1604. „мѣстѣ Кольскаго острога. Извѣстны еще въ „землѣ Мурманской *губа Валитова* и *городище Валитово* среди острова или высокой „скалы, гдѣ безопасно отдыхалъ витязь Корельскій. Наконецъ побѣжденные Нѣмцы заключили съ нимъ миръ, отдавъ ему всю Лопь „до рѣки Ивгея. Долго славный и счастливый, „Валитъ, именемъ Христіанскимъ Василій, „умеръ и схороненъ въ Кексгольмѣ, въ церкви „Спаса; Лопари же съ того времени платили „дань Новугороду и Царямъ Московскимъ.“ Сіи историческіе доводы съ обѣихъ сторонъ были не весьма убѣдительны, и Датчане въ знакъ миролюбія желали раздѣлить Лапландію съ нами, вдоль или поперегъ, на двѣ равныя части; а Борисъ, изъ любви къ Христіану, уступалъ ему всѣ земли за монастыремъ Печенскимъ къ Сѣверу, предоставляя Датскимъ и Россійскимъ чиновникамъ на будущемъ съѣздѣ близъ Колы означить границы обѣихъ Державъ. Между тѣмъ возобновили договоръ о свободной торговлѣ Датскихъ купцевъ въ Россіи; условились и въ дѣлѣ важнѣйшемъ.

Борисъ искалъ достойнаго жениха для прелестной Царевны между Европейскими Принцами Державнаго племени, чтобы такимъ союзомъ возвысить блескъ своего Дому

въ глазахъ Бояръ и Князей Россійскихъ, которые еще не давно видѣли Годуновыхъ ниже себя: не успѣвъ въ намѣреніи отдать руку дочери, вмѣстѣ съ Ливоніею, Густаву, сей нѣжный родитель и хитрый Политикъ надѣялся доставить счастіе Ксеніи и выгоды Государству супружествомъ ея съ Герцогомъ Іоанномъ, братомъ Христіановымъ, юношею умнымъ и пріятнымъ, который, подобно Густаву, могъ служить орудіемъ нашихъ властолюбивыхъ замысловъ на Эстонію, бывшую собственность Даніи. Царь предложилъ (57), и Король, не устрашенный судьбою Магнуса, обрадовался чести быть сватомъ знаменитаго Самодержца Московскаго, въ надеждѣ его усерднымъ вспоможеніемъ осилить враждебную Швецію. Къ сожалѣнію, любопытныя бумаги о семъ сватовствѣ утратились (58): не знаемъ условій о Вѣрѣ, о приданомъ, ни другихъ взаимныхъ обязательствъ; но знаемъ, что Іоаннъ согласился жертвовать Ксеніи отечествомъ и быть Удѣльнымъ Княземъ въ Россіи (59): не для того ли, чтобы въ случаѣ возможнаго несчастія, преждевременной кончины юнаго Царевича, тронъ Московскій имѣлъ наслѣдниковъ въ семействѣ Борисовомъ? о чемъ, вѣроятно, думалъ Царь дальновидный, съ горячностію любя сына, но любя и мысль о непрерывномъ наслѣдствѣ короны, въ теченіе вѣковъ, для своего рода. Женихъ воевалъ

Г. 1598 — 1604.

Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи.

Г. 1598 — 1604. тогда въ Нидерландахъ подъ знаменами Испаніи: спѣшилъ возвратиться, сѣлъ на Адмиральскій корабль, и вмѣстѣ съ пятью другими приплылъ (10 Августа 1602) къ устью Наровы. Тамъ ожидала гостя ладія Царская, устланная бархатомъ (60) — и какъ скоро Герцогъ ступилъ на землю Русскую, загремѣли пушки: Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ и Думный Дьякъ Власьевъ привѣтствовали его, именемъ Царя, — ввели въ богатый шатеръ и поднесли ему 80 драгоцѣннѣйшихъ соболей. Въ каретѣ, блистающей золотомъ и серебромъ, Іоаннъ ѣхалъ въ Иваньгородъ, мимо Нарвы, гдѣ развѣвались знамена, на башняхъ и стѣнахъ, усѣянныхъ любопытными зрителями: такъ привѣтствовали его и Шведы, внутренно опасаясь сего путешествія, коего цѣль они уже знали или угадывали.

Гораздо искреннѣе чествили Герцога въ Россіи. Съ нимъ были Послы Христіановы, три Сенатора (Гильденстернъ, Браге и Голькъ), восемь знатныхъ сановниковъ, нѣсколько Дворянъ, два Медика, множество слугъ: на каждомъ станѣ, въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ, угощали ихъ какъ бы во дворцѣ Московскомъ; за обѣдомъ играла музыка. Въ городахъ стрѣляли изъ пушекъ; войско стояло въ ружьѣ и чиновники за чиновниками представлялись *Свѣтлѣйшему Королевичу.*

ѣхали медленно, въ день не болѣе тридцати верстъ, чрезъ Новгородъ, Валдаи, Торжекъ и Старицу. Путешественникъ не скучалъ; въ часы роздыха гулялъ верхомъ или по рѣкамъ на лодкахъ; забавлялся охотою, стрѣлялъ птицъ; бесѣдовалъ съ Бояриномъ Салтыковымъ и Дьякомъ Власьевымъ о Россіи, желая знать ея государственные уставы и народныя обыкновенія. Послы Христіановы совѣтовали ему не вдругъ перенимать наши обычаи и держаться еще Нѣмецкихъ: „ѣду къ „Царю (говорилъ онъ) за тѣмъ, чтобы навы„кать всему Русскому." Будучи 1 Сентября въ Бронницахъ, Іоаннъ сказалъ Салтыкову: „Я знаю, что въ сей день вы празднуете но„вый годъ; что Духовенство, Синклитъ и „Дворъ нынѣ торжественно желаютъ много„лѣтія Государю: еще не имѣю счастія ви„дѣть его лице, но также усердно молюся, „да здравствуетъ" — спросилъ вина, и стоя пилъ *Царскія чаши,* вмѣстѣ съ Московскими сановниками и Датскими Послами. Однимъ словомъ, Іоаннъ хотѣлъ любви Борисовой и любви Россіянъ. Салтыковъ и Власьевъ писали къ Царю о здоровьѣ и веселомъ нравѣ Королевича; увѣдомляли обо всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ: даже о нарядахъ, о цвѣтѣ его атласныхъ кафтановъ, украшенныхъ золотыми или серебряными кружевами! Царь требовалъ сихъ подробностей — и высылалъ новые

Г. 1598 — 1604.

г. 1598 — 1604. дары путешественнику: богатыя ткани Азіатскія, шапки низанныя жемчугомъ, поясы и кушаки драгоцѣнные, золотыя цѣпи, сабли съ бирюзою и съ яхонтами. Наконецъ Іоаннъ изъявилъ нетерпѣніе быть въ Москвѣ: ему отвѣтствовали, что Государь боялся спѣшною ѣздою утомить его — и поѣхали скорѣе. 18 Сентября ночевали въ Тушинѣ, а 19 приближились къ столицѣ.

Не только воины и люди сановитые, отъ Членовъ Синклита до Приказныхъ Дьяковъ, но и граждане встрѣтили Герцога въ полѣ (61). Выслушавъ ласковую рѣчь Бояръ, онъ сѣлъ на коня, и ѣхалъ Москвою при звукѣ огромнаго Кремлевскаго колокола, съ Датскими и Россійскими чиновниками. Ему отвели въ Китаѣ-городѣ лучшій домъ — и на другой день прислали обѣдъ Царскій: сто тяжелыхъ золотыхъ блюдъ съ яствами, множество кубковъ и чашъ съ винами и медами (62). 28 Сентября было торжественное представленіе. Отъ дому Іоаннова до Краснаго крыльца стояли богато-одѣтые воины; на площади Кремлевской граждане, Нѣмцы, Литва, также въ лучшемъ нарядѣ. У крыльца встрѣтили Іоанна Князья Трубецкій и Черкасскій, на лѣсницѣ Василій Шуйскій и Голицынъ, въ сѣняхъ первый Вельможа Мстиславскій, съ Окольничими и Дьяками. Царь и Ца-

ревичь были въ Золотой палатѣ, въ бархатныхъ порфирахъ, унизанныхъ крупнымъ жемчугомъ; въ ихъ коронахъ и на груди сіяли алмазы и яхонты величины необыкновенной. Увидѣвъ Герцога, Борисъ и Ѳеодоръ встали, обняли его съ нѣжностію, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, въ присутствіи Вельможъ и царедворцевъ. Всѣ смотрѣли на юнаго Іоанна съ любовію, плѣняясь его красотою: Борисъ уже видѣлъ въ немъ будущаго сына. Обѣдали въ Грановитой палатѣ: Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, за серебрянымъ столомъ, подъ висящею надъ нимъ короною съ боевыми часами, между Ѳеодоромъ и Герцогомъ, уже причисленнымъ къ ихъ семейству. Угощеніе заключилось дарами: Борисъ и Ѳеодоръ сняли съ себя алмазныя цѣпи и надѣли на шею Іоанну; а царедворцы поднесли ему два ковша золотые, украшенные яхонтами, нѣсколько серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ тканей, Англійскихъ суконъ, Сибирскихъ мѣховъ и три одежды Русскія. Но женихъ не видалъ Ксеніи, вѣря только слуху о прелестяхъ ея, любезныхъ свойствахъ, достоинствахъ, и не обманываясь. Современники пишутъ, что она была средняго роста, полна тѣломъ и стройна; имѣла бѣлизну *млечную*, волосы черные, густые и длинные, *трубами лежащіе* на плечахъ, — лице свѣжее, румяное, брови *союзныя*, глаза большіе, чер-

г. 1598 — 1604.

г. 1598 — ные, свѣтлые, красоты несказанной, особен-
1604. но, когда блистали въ нихъ слезы умиленія и жалости; не менѣе плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, умомъ и вкусомъ образованнымъ, любя книги и сладкія пѣсни духовныя (63). Строгій обычай не дозволялъ показывать и *такой* невѣсты прежде времени; сама же Ксенія и Царица могли видѣть Іоанна скрытно, издали, какъ думали его спутники. Обрученіе и свадьбу отложили до зимы, готовясь къ тому, вмѣсто пировъ, молитвою: родители, невѣста и братъ ея поѣхали въ Лавру Троицкую. . . О семъ пышномъ выѣздѣ Царскаго семейства очевидцы говорятъ такъ (64):

„Впереди 600 всадниковъ и 25 заводныхъ „коней, блистающихъ убранствомъ, сребромъ „и золотомъ; за ними двѣ кареты: пустая „Царевичева, обитая алымъ сукномъ, и другая, „обитая бархатомъ, гдѣ сидѣлъ Государь: „обѣ въ 6 лошадей; первую окружали всад„ники, вторую пѣшіе царедворцы. Далѣе „ѣхалъ верхомъ юный Ѳеодоръ; коня его вели „знатные чиновники. Позади Бояре и При„дворные. Многіе люди бѣжали за Царемъ, „держа на головѣ бумагу: у нихъ взяли сіи „челобитныя и вложили въ красный ящикъ, „чтобы представить Государю. Чрезъ пол„часа выѣхала Царица, въ великолѣпной ка-

„рете; въ другой, со всѣхъ сторонъ закры- Г. 1598 —
„той, сидѣла Царевна: первую везли десять 1604.
„бѣлыхъ коней, вторую восемь. Впереди 40
„заводныхъ лошадей и дружина всадниковъ,
„мужей престарѣлыхъ, съ длинными сѣдыми
„бородами; сзади 24 Боярыни, на бѣлыхъ ко-
„няхъ. Вокругъ шли 300 приставовъ съ жез-
„лами." — Тамъ, въ Обители тишины и свя-
тости, Борисъ съ супругою и съ дѣтьми де-
вять дней молился надъ гробомъ Св. Сергія,
да благословитъ Небо союзъ Ксеніи съ Іоан-
номъ.

Между тѣмъ жениха ежедневно честили Царскими обѣдами въ его домѣ; присылали ему бархаты, объяри, кружева *для Русской одежды*; прислали и богатую постелю, бѣлье шитое серебромъ и золотомъ (65). Онъ съ ревностію хотѣлъ учиться нашему языку и даже перемѣнить Вѣру, какъ пишутъ (66), чтобы исповѣдывать одну съ будущею супругою; вообще велъ себя благоразумно и всѣмъ нравился любезностію въ обхожденіи. Но чего искренно желали и Россіяне и Датчане — о чемъ молились родители и невѣста — то не было угодно Провидѣнію. . . На возвратномъ пути изъ Лавры, 16 Октября, въ селѣ Братовщинѣ (67) Государь узналъ о незапной болѣзни жениха. Іоаннъ еще могъ писать къ нему и прислалъ своего чиновника, чтобы

г. 1598 — 1604. его успокоить. Недугъ усиливался безпрестанно: открылась жестокая горячка; но Медики, Датскіе и Борисовы, не теряли надежды: Царь заклиналъ ихъ употребить все искусство, обѣщая имъ неслыханныя милости и награды. 19 Октября посѣтилъ Іоанна юный Өеодоръ, 27 самъ Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ и Боярами; увидѣлъ его слабаго, безгласнаго; ужаснулся, и съ гнѣвомъ винилъ тѣхъ, которые таили отъ него опасность. На другой день, ввечеру, онъ нашелъ Герцога уже при смерти; плакалъ, крушился; говорилъ: „Юноша несчастный! ты оставилъ мать, „родныхъ, отечество, и пріѣхалъ ко мнѣ, что„бы умереть безвременно" (68)! Еще желая надѣяться, Государь далъ клятву освободить 4000 узниковъ въ случаѣ Іоаннова выздоровленія, и просилъ Датчанъ молиться Богу съ усердіемъ. Но въ 6 часовъ сего же вечера, 28 Октября, пресѣклись цвѣтущіе дни Іоанновы, на двадцатомъ году жизни... Не только семейство Царское, Датчане, Нѣмцы, но и весь Дворъ, всѣ жители столицы были въ горести. Самъ Борисъ пришелъ къ Ксеніи и сказалъ ей: „любезная дочь! твое счастіе и мое утѣшеніе „погибло!" Она упала безъ чувства къ ногамъ его... Велѣли оказать всю должную честь умершему. Отворили казну Царскую для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; питали нищихъ въ домѣ, гдѣ скончался Іоаннъ; къ тѣлу при-

ставили знатныхъ чиновниковъ; запретили г. 1598 — 1604.
его анатомить и вложили въ деревянную
гробницу, наполненную ароматами, а послѣ
въ мѣдную, и еще въ дубовую, обитую черными бархатомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста въ срединѣ и съ Латинскою надписью о достоинствахъ умершаго, о благоволеніи къ нему Царя и народа Россійскаго, объ ихъ печали неутѣшной. Въ день погребенія, 25 Ноября, Борисъ простился съ тѣломъ, обливаясь слезами, и ѣхалъ за нимъ въ саняхъ Китаемъ-городомъ до Бѣлаго. Гробъ везли на колесницѣ, подъ тремя черными знаменами, съ гербомъ Даніи, Мекленбургскимъ и Голштейнскимъ; на обѣихъ сторонахъ шли воины Царской дружины, опустивъ внизъ остріе своихъ копій; за колесницею Бояре, сановники и граждане — до слободы Нѣмецкой, гдѣ, въ новой церкви Аугсбургскаго Исповѣданія, схоронили тѣло Іоанново въ присутствіи Московскихъ Вельможъ, которые плакали вмѣстѣ съ Датчанами, хотя и не разумѣли умилительной надгробной рѣчи, въ коей Герцоговъ Пасторъ благодарилъ ихъ за сію чувствительность (69). . . .

Вѣроятно ли сказаніе нашего Лѣтописца, что Борисъ внутренно не жалѣлъ о смерти Іоанна, будто бы завидуя общей къ нему любви Россіянъ, и страшася оставить въ немъ

Г. 1598 — 1604. совмѣстника для юнаго Ѳеодора; что Медики, узнавъ тайную мысль Царя, не смѣли излечить больнаго (70)? Но Царь хотѣлъ, чтобы Россіяне любили его нареченнаго зятя: для того совѣтовалъ ему быть привѣтливымъ и слѣдовать нашимъ обычаямъ (71); хотѣлъ безъ сомнѣнія и счастія Ксеніи; давалъ симъ бракомъ новый блескъ, новую твердость своему Дому, и не могъ перемѣнить мыслей въ три недѣли: устрашиться, чего желалъ; видѣть, чего не предвидѣлъ, и ввѣрить столь гнусную тайну зла придворнымъ врачамъ-иноземцамъ, коихъ онъ, по смерти Іоанновой, долго не пускалъ къ себѣ на глаза, и которые лечили Герцога вмѣстѣ съ его собственными, Датскими врачами. Свидѣтели сей болѣзни, чиновники Христіанова Двора, издали въ свѣтъ ея вѣрное описаніе (72), доказывая, что всѣ способы искусства, хотя и безъ успѣха, были употреблены для спасенія Іоаннова. Нѣтъ, Борисъ крушился тогда безъ лицемѣрія, и чувствовалъ, можетъ быть, казнь Небесную въ совѣсти, готовивъ счастіе для милой дочери и видя ее вдовою въ невѣстахъ; отвергнулъ украшенія Царскія, надѣлъ ризу печали и долго изъявлялъ глубокое уныніе (73). . . . Все, чѣмъ дарили Герцога, было послано въ Копенгагенъ; всѣхъ Іоанновыхъ спутниковъ отпустили туда съ новыми, щедрыми дарами; не забыли и послѣдняго

из служителей (74). Борисъ писалъ къ Христіану, что Россія остается въ неразрывномъ дружествѣ съ Даніею: оно дѣйствительно не разорвалося, какъ бы утверждаемое для обоихъ Государствъ печальнымъ воспоминаніемъ о судьбѣ юнаго Герцога, коего тѣло было перевезено въ Рошильдъ, долго лежавъ подъ сводомъ Московской Лютеранской церкви. Въ честь Іоанновой памяти Борисъ далъ колокола сей церкви и дозволилъ звонить въ нихъ по днямъ Воскреснымъ (75). г. 1598 — 1604.

Но печаль не мѣшала Борису ни заниматься дѣлами государственными съ обыкновенною ревностію (76), ни думать о другомъ женихѣ для Ксеніи: около 1604 года Послы наши снова были въ Даніи, и содѣйствіемъ Христіановымъ условились съ Герцогомъ Шлезвигскимъ, Іоанномъ, чтобы одинъ изъ его сыновей, Филиппъ, ѣхалъ въ Москву жениться на Царевнѣ и быть тамъ Удѣльнымъ Княземъ (77). Сіе условіе не исполнилось единственно отъ тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствъ нашего отечества.

Сношенія Россіи съ Австріею были, какъ и въ Ѳеодорово время, весьма дружелюбны и не безплодны. Думный Дьякъ Власьевъ, (въ Іюнѣ 1599 года) посланный къ Императору съ извѣстіемъ о Борисовомъ воцареніи, сѣлъ Переговоры съ Австріею.

Г. 1598 — 1604. на Лондонскій корабль въ устьѣ Двины и вышелъ на берегъ въ Германіи: тамъ, въ Любекѣ и въ Гамбургѣ, знатнѣйшіе граждане встрѣтили его съ великою ласкою, съ пушечною стрѣльбою и музыкою, славя уже извѣстную милость Борисову къ Нѣмцамъ и надѣясь пользоваться новыми выгодами торговли въ Россіи (78). Рудольфъ, изгнанный моровымъ повѣтріемъ изъ Праги, жилъ тогда въ Пильзенѣ, гдѣ Власьевъ имѣлъ переговоры съ Австрійскими Министрами, увѣряя ихъ, что наше войско уже шло на Турковъ, но что Сигизмундъ заградилъ оному въ Литовскихъ владѣніяхъ путь къ Дунаю; что Царь, какъ истинный братъ Христіанскихъ Монарховъ и вѣчный недругъ Оттомановъ, убѣждаетъ Шаха и многихъ иныхъ *Князей Азійскихъ* дѣйствовать усильно противъ Султана и готовъ *самолично* итти на Крымцевъ, если они будутъ помогать Туркамъ; что мы непрестанно внушаемъ Литовскимъ Панамъ утвердить союзъ съ Императоромъ и съ нами возведеніемъ Максимиліана на тронъ Ягеллоновъ; что миролюбивый Борисъ не усомнится даже и воевать для достиженія сей цѣли, если Императоръ когда нибудь рѣшится отмстить Сигизмунду за безчестіе своего брата (79). Рудольфъ изъявилъ благодарность, но требовалъ отъ насъ не людей, а золота для войны съ Магометомъ III, желая только, чтобы мы

смирилъ Хана. „Императоръ" — говорили его Министры — „любя Царя, не хочетъ, чтобы „онъ подвергалъ себя опасности *личной* въ „битвахъ съ варварами (80): у васъ много Воe„водъ мужественныхъ, которые легко мо„гутъ и безъ Царя унять Крымцевъ: вотъ „главное дѣло! Если угодно Небу, что корона „Польская, при добромъ содѣйствіи вели„кодушнаго Царя, не уйдетъ отъ Максими„ліана; но теперь не время умножать число „враговъ." И мы конечно не думали дѣйствовать мечемъ для возведенія Максимиліана на тронъ Польскій: ибо Сигизмундъ, уже врагъ Швеціи, былъ для насъ не опаснѣе Австрійскаго Князя въ вѣнцѣ Ягеллоновъ; не думали, вопреки увѣреніямъ Власьева, ратоборствовать и съ Султаномъ безъ необходимости: но предвидя оную — зная, что Магометъ злобится на Россію и дѣйствительно велитъ Хану опустошать ея владѣнія (81) — Борисъ усердно доброхотствовалъ Австріи въ войнѣ съ симъ недругомъ Христіанства. Отъ 1598 до 1604 года были у насъ разные Австрійскіе чиновники и знатный Посолъ Баронъ Логау; а Думный Дьякъ Власьевъ вторично ѣздилъ къ Императору въ 1603 году. Не имѣемъ свѣдѣнія объ ихъ переговорахъ; извѣстно только, что Царь вспомогалъ казною Рудольфу (82), удерживалъ Казы-Гирея отъ новыхъ впаденій въ Венгрію и старался утвердить дру-

г. 1598 — 1604.

Г. 1598 — 1604. жество между Императоромъ и Шахомъ Персидскимъ, къ коему ѣздили Австрійскіе Посланники чрезъ Москву (83), и который славно мужествовалъ тогда противъ Оттомановъ. Но знаменитый Аббасъ, ласково поздравивъ Бориса Царемъ, изъявляя готовность заключить съ нимъ тѣсный союзъ, а *для него* и съ Императоромъ — отправивъ (въ 1600 году) Посланника Исеналея чрезъ Колмогоры въ Австрію, въ Римъ, къ Королю Испанскому (84) — и въ знакъ особенной любви приславъ къ своему *брату Московскому* съ Вельможею Лачинъ - Бекомъ (въ Августѣ 1603 года) *златый тронъ древнихъ Государей Персидскихъ* (85), вдругъ оказался нашимъ недругомъ за бѣдную Грузію: не споривъ съ Ѳеодоромъ, не споря и съ Борисомъ о правѣ именоваться ея верховнымъ Государемъ, хотѣлъ также безспорно властвовать надъ нею, и стиснулъ ее, какъ слабую жертву, въ своихъ рукахъ кровавыхъ.

Посольство Персидское.

Происшествія въ Грузіи.

Царь Александръ не преставалъ жаловаться въ Москвѣ на бѣдственную долю Иверіи. Послы его такъ говорили Боярамъ (86): „Мы плакали отъ невѣрныхъ, и для того „отдалися головами Царю православному, да „защититъ насъ; но плачемъ и нынѣ. Наши „домы, церкви и монастыри въ развалинахъ, „семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То

„ли вы намъ обѣщали? И невѣрные смѣются „надъ Христіанами, спрашивая: гдѣ же щитъ „Царя Бѣлаго? гдѣ вашъ заступникъ?“ Борисъ велѣлъ напомнить имъ о походѣ Князя Хворостинина, съ коимъ должно было соединиться ихъ войско, и не соединилось (87); однакожь послалъ въ Иверію двухъ сановниковъ, Нащокина и Леонтьева, узнать всѣ обстоятельства на мѣстѣ и съ Терскими Воеводами условиться въ мѣрахъ для ея защиты. Тамъ сдѣлалась перемѣна. Во время тяжкой болѣзни Александровой сынъ его, Давидъ, объявилъ себя Властителемъ: отецъ выздоровѣлъ, но сынъ уже не хотѣлъ возвратить ему знаковъ Державства: *Царской хоругви, шапки и сабли съ поясомъ* (88). Сего мало: онъ злодѣйски умертвилъ всѣхъ ближнихъ людей Александровыхъ. Тогда несчастный отецъ, прибѣжавъ раздѣтый и босой въ церковь, рыдая, захлипаясь отъ слезъ, всенародно предалъ сына анаѳемѣ и гнѣву Божію, который дѣйствительно постигъ изверга: Давидъ въ незапной, мучительной болѣзни испустилъ духъ, и Посланники наши возвратились съ извѣстіемъ, что Александръ снова царствуетъ въ Иверіи, но не достоинъ милости Государевой, будучи усерднымъ рабомъ Султана, и дерзая укорять Бориса алчностію къ дарамъ. „Мнѣ ли“ — сказалъ Царь съ негодованіемъ — „мнѣ ли прельщаться дарами

Г. 1598 — 1604.

г. 1598 — 1604. „нищихъ, когда могу всю Иверію *наполнить* „*серебромъ* и *засыпать золотомъ?*“ Онъ не хотѣлъ-было видѣть новаго Посла Иверскаго, Архимандрита Кирилла; но сей умный старецъ ясно доказалъ, что Нащокинъ и Леонтьевъ оклеветали Александра; сдѣлалъ еще болѣе: умолилъ Государя не казнить ихъ (89), и далъ ему мысль, для будущаго вѣрнаго соединенія Грузіи съ Россіею, построить каменную крѣпость въ Таркахъ, мѣстѣ неприступномъ, изобильномъ и красивомъ — другую на Тузлукѣ, гдѣ большое озеро соляное, много сѣры и селитры — а третью на рѣкѣ Буйнакѣ, гдѣ нѣкогда существовалъ городъ, будто бы Александромъ Македонскимъ основанный, и гдѣ еще стояли древнія башни среди садовъ виноградныхъ (90).

Для сего предпріятія немаловажнаго Государь избралъ двухъ знатныхъ Воеводъ, Окольничихъ Бутурлина и Плещеева, которые должны были, взявъ полки въ Казани и въ Астрахани, дѣйствовать вмѣстѣ съ Терскими Воеводами и ждать къ себѣ вспомогательной рати Иверской, клятвенно обѣщанной Посломъ отъ имени Александра. Не теряли времени и не жалѣли денегъ, выдавъ изъ казны не менѣе трехъ сотъ тысячь рублей на издержки похода столь отдаленнаго и труднаго (91). Войско, довольно многочислен-

ное, выступило съ береговъ Терека (въ 1604 г. 1598 — 1604.
году) къ Каспійскому морю и видѣло единственно тылъ непріятеля. Шавкалъ, уже старецъ ветхій, лишенный зрѣнія, бѣжалъ въ ущелья Кавказа, и Россіяне заняли Тарки. Не льзя было найти лучшаго мѣста для строенія крѣпости: съ трехъ сторонъ высокія скалы могли служить ей вмѣсто твердыхъ стѣнъ; надлежало укрѣпить только отлогій скатъ къ морю, покрытый лѣсомъ, садами и нивами; въ горахъ били ключи и надѣляли жителей, посредствомъ многихъ трубъ, свѣжею водою. Тамъ, на высотѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Шавкаловъ съ двумя башнями, Россіяне немедленно начали строить стѣну, имѣя все, для того нужное: лѣсъ, камень, известь; назвали Тарки *Новымъ городомъ*; заложили крѣпость и на Туздукѣ. Одни работали, другіе воевали, до Андріи или Эндрена и Теплыхъ Водъ, не встрѣчая важнаго сопротивленія; плѣнили людей въ селеніяхъ, брали хлѣбъ, отгоняли табуны и стада, но боялись недостатка въ съѣстныхъ припасахъ: для того, въ глубокую осень, Бутурлинъ послалъ тысячь пять воиновъ зимовать въ Астрахань; къ счастію, они шли бережно: ибо сыновья Шавкаловы и Кумыки ждали ихъ въ пустыняхъ, напали смѣло, сражались мужественно цѣлый день, а ночью бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 3000 убитыхъ. О семъ крово-

г. 1598 — 1604. прошлшномъ дѣлѣ писали Воеводы въ Москву и къ Царю Иверскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости. Но не было слуха о вспомогательной рати, ни вѣстей изъ несчастной Грузіи. Александръ уже не обманывалъ Россіи: онъ погибъ, и за насъ!

Государь, отпустивъ Кирилла (въ Маѣ 1604) изъ Москвы, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Дворянина *Ближней Думы*, Михайла Татищева, во-первыхъ для утвержденія Грузіи въ нашемъ подданствѣ, во-вторыхъ и для семейственнаго дѣла, еще тайнаго. Сей сановникъ (въ Августѣ 1604) не нашелъ Царя въ Загемѣ: Александръ былъ у Шаха, который строго велѣлъ ему явиться съ войскомъ въ станъ Персидскій, не взирая на имя Россійскаго данника, и не страшася оскорбить тѣмъ друга своего, Бориса. Сынъ Александровъ, Юрій, принялъ Татищева не только ласково, но и раболѣпно; славилъ величіе Московскаго Царя и плакалъ о бѣдномъ отечествѣ. „Никогда (говорилъ онъ) Иверія не бѣд„ствовала ужаснѣе нынѣшняго: стоимъ подъ „ножами Султана и Шаха; оба хотятъ на„шей крови и всего, что имѣемъ. Мы отдали „себя Россіи: пусть же Россія возметъ насъ,

„не словомъ, а дѣломъ! Нѣтъ времени медлить: скоро не кому будетъ здѣсь цѣловать „креста въ безполезной вѣрности къ ея Самодержцу. Онъ могъ бы спасти насъ. Турки, „Персіяне, Кумыки силою къ намъ врываются; „а васъ зовемъ добровольно: придите и спасите! Ты видишь Иверію, ея скалы, ущелья, „дебри: если поставите здѣсь твердыни и „введете въ нихъ войско Русское, то будемъ „истинно ваши, и цѣлы, и не убоимся ни „Шаха, ни Султана“ (92). Свѣдавъ, что Турки идутъ къ Загему, Юрій убѣждалъ Татищева дать ему своихъ Стрѣльцевъ для битвы съ ними: умный Посолъ долго колебался, опасаясь безъ указа Царскаго какъ бы объявить войну Султану; наконецъ рѣшился удостовѣрить тѣмъ Иверію въ дѣйствительномъ правѣ Борисовомъ именоваться ея верховнымъ Государемъ и далъ Юрію сорокъ Московскихъ воиновъ, которые присоединились къ пяти или шести тысячамъ Грузинскихъ, съ доблимъ Сотникомъ Михайломъ Семовскимъ; пошли впереди (7 Октября) и встрѣтили Турковъ сильнымъ залпомъ. Сей первый звукъ нашего оружія въ пустыняхъ Иверскихъ изумилъ непріятеля: густая передовая толпа его вдругъ стала рѣже; онъ увидѣлъ новый строй, новыхъ воиновъ; узналъ Россіянъ, и дрогнулъ, не зная ихъ малаго числа. Юрій съ своими ударилъ мужественно, и болѣе гналъ, Г. 1598 — 1604.

г. 1598 — 1604. нежели сражался: ибо Турки бѣжали не оглядываясь. Казалось, что въ сей день воскресла древняя слава Иверіи: ея воины взяли четыре хоругви Султанскія и множество плѣнниковъ. Въ слѣдующій день Юрій одержалъ побѣду надъ хищными Кумыками, явилъ народу трофеи, уже давно ему неизвѣстные, и всю честь приписалъ сподвижникамъ, горсти Россіянъ, славя ихъ какъ Героевъ.

Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи съ сыномъ Константиномъ, принявшимъ тамъ Магометанскую Вѣру (93), какъ мы сказали. Аббасъ, самовластно располагая Иверіею, велѣлъ Константину собрать ея людей воинскихъ, всѣхъ безъ остатка, и немедленно итти къ Шамахѣ; далъ ему 2000 своихъ лучшихъ ратниковъ, нѣсколько Хановъ и Князей; далъ и тайное повелѣніе, отгаданное умнымъ Татищевымъ, который безполезно остерегалъ Александра и Юрія, говоря, что дружина Персидская для нихъ еще опаснѣе, нежели для Турковъ; что Константинъ, измѣнивъ Богу Христіанскому, можетъ измѣнить и святымъ узамъ родства. Они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха; исполняли его указъ, собирали войско и предали себя убійцамъ. Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру (12 Марта), Татищевъ вдругъ

слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крикъ, шумъ битвы; посылаетъ своего толмача узнать, что дѣлается — и толмачь, входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы, лежащія предъ Константиномъ: головы отца его и брата! Константинъ - Мусульманинъ, уже объявленный Царемъ Иверіи Христіанской, приказалъ къ Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, а Юрій достойно, какъ измѣнникъ Шаховъ и Государя Московскаго, другъ и слуга ненавистныхъ Турковъ; что сія казнь не перемѣняетъ отношеній Иверіи къ Россіи; что онъ, исполняя волю великаго Аббаса, брата и союзника Борисова, готовъ во всемъ усердствовать Царю Христіанскому. Но Татищевъ уже свѣдалъ истину отъ Вельможъ Грузинскихъ. Долго терпѣвъ связь Александрову съ Россіею, въ надеждѣ на содѣйствіе Царя въ войнѣ съ Оттоманами, Аббасъ, уже побѣдитель, не захотѣлъ болѣе терпѣть нашего, хотя и мнимаго господства въ землѣ, которая считалась достояніемъ его предковъ. Онъ вразумился въ систему Политики Борисовой; увидѣлъ, что мы, радуясь кровопролитію между имъ и Султаномъ, для себя избѣгаемъ онаго; велѣлъ сыну убить отца, будто бы за приверженность къ Туркамъ, но въ самомъ дѣлѣ за подданство Россіи, дерзкое и безраз- г. 1598 — 1604.

г. 1598 — 1604. судное для несчастнаго Александра (94), который исканіемъ дальняго, невѣрнаго заступника раздражалъ двухъ ближнихъ утѣснителей. Будучи только орудіемъ Аббасовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ гнуснаго отцеубійства, Константинъ увѣрялъ Борисова Посла, что Шахъ не имѣлъ въ томъ участія. „Родитель мой" (говорилъ онъ)„ сдѣлался жертвою междоусобія сыно„вей: несчастіе весьма обыкновенное въ на„шей землѣ! Самъ Александръ извелъ отца „своего, убилъ и брата: я тоже сдѣлалъ, *не „зная, къ добру ли, къ худу ли* для свѣта. „По крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову „и заслужу милость Государя Россійскаго „лучше Александра и Юрія; благодаренъ ему „за крѣпости, основанныя имъ въ землѣ Шав„каловой, и скоро пришлю въ Москву богатые „дары." Татищевъ хотѣлъ не ковровъ и не тканей, а подданства; требовалъ отъ него клятвы въ вѣрности къ Россіи, и доказывалъ, что Царемъ Иверіи можетъ быть единственно Христіанинъ. Константинъ отвѣчалъ, что до времени останется Мусульманиномъ и подданнымъ Шаховымъ, но будетъ защитникомъ Христіанства и другомъ Россіи — прибавивъ: „гдѣ твердый вашъ *хре„бетъ,* на который мы въ случаѣ нужды могли „бы опереться?" Съ симъ Татищевъ долженъ былъ выѣхать изъ Загема, торжественно

объявивъ, что Борисъ не уступаетъ Иверіи Шаху, и что Аббасъ, самовластно казнивъ Александра рукою Константина, нарушилъ счастливое дружество, которое дотолѣ существовало между Персіею и Россіею. — Однимъ словомъ, мы лишились Царства: то есть, права называть его своимъ; но Татищевъ, не выѣзжая изъ Грузіи, нашелъ другое Царство для титула Борисова! Г. 1598 — 1604.

Видя юнаго Ѳеодора уже близкаго къ совершенному возрасту и снова предложивъ руку дочери Датскому Принцу (95), но желая на всякій случай имѣть для нее и другаго мужа въ готовности, Борисъ искалъ вдругъ и невѣсты и жениха въ отечествѣ славной Тамари, знаменитой супруги Георгія Андреевича Боголюбскаго. Посолъ Александровъ, Кириллъ, хвалилъ нашимъ Боярамъ красоту Иверскаго Царевича, Давидова сына, Теймураса, и Княжны или Царевны Карталинской, Елены, внуки Симеоновой: Татищеву велѣно было видѣть ихъ; онъ не нашелъ Теймураса, отданнаго Шаху въ аманаты, и поѣхалъ въ Карталинію, видѣть семейство ея Владѣтеля. Сія область древней Иверіи, менѣе подверженная набѣгамъ Дагестанскихъ Кумыковъ, представляла и менѣе развалинъ, нежели Восточная Грузія или Кахетія. Тамъ господствовалъ отецъ Еленинъ, Князь Юрій, послѣ

г. 1598 — 1604. Симеона, взятаго въ плѣнъ Турками: онъ имѣлъ своихъ Князей присяжниковъ (Сонскаго и другихъ), многочисленныхъ *царедворцевъ*, Бояръ и *Святителей*; угостилъ Татищева въ шатрахъ, и съ изъявленіемъ благодарности выслушалъ его предложенія: первое, чтобы Юрій поддался Россіи; второе, чтобы отпустилъ съ нимъ въ Москву Елену и ближняго родственника своего, юнаго Князя Хоздроя, *если* они имѣютъ всѣ достоинства, нужныя для чести вступить въ семейство Борисово. „Сія честь велика," сказалъ усердный Посолъ: „Императоръ и Короли Шведскій, Датскій, „Французскій искали ее ревностно." Судьба Александрова ужасала Юрія; но Татищевъ возражалъ, что сей несчастный погубилъ себя криводушіемъ, хотѣвъ служить вмѣстѣ Царямъ вѣрному и невѣрному, къ досадѣ обоихъ. „Желая угодить Аббасу (говорилъ онъ), Але-„ксандръ не далъ намъ войска, чтобы истре-„бить Шавкала; оставилъ сына въ Персіи и „дозволилъ ему быть Магометаниномъ, то „есть, острить ножъ на отца и Христіан-„ство; сослалъ туда и внука, узнавъ о намѣ-„реніи Государя выдать за него Царевну „Ксенію: ибо страшился, чтобы Теймурасъ „не взялъ Грузіи въ приданое за Царевною; „но могъ ли Великій Царь нашъ разлучиться „съ нею для бѣднаго престола Загемскаго, „имѣя у себя многія знаменитѣйшія Кня-

„жества въ Удѣлъ милому зятю? Алек- г. 1598 — 1604.
„сандръ палъ, ибо *не прямилъ* Россіи, и не
„стоилъ ея сильнаго вспоможенія.“ Сорокъ
Московскихъ Стрѣльцевъ спасли Загемъ: Татищевъ обязался немедленно прислать въ Карталинію изъ Терской крѣпости 150 храбрѣйшихъ воиновъ, какъ передовую дружину, для безопасности будущаго свата Борисова — и Юрій съ обрядами священными назвалъ себя Россійскимъ данникомъ. Тѣмъ болѣе желая родственнаго союза съ Царемъ, онъ представилъ на судъ Татищеву жениха и невѣсту, сказавъ: „Отдаюсь Россіи и съ Царствомъ и
„съ душею. Князь Хоздрой воспитанъ моею
„матерью вмѣстѣ со мною и служитъ мнѣ
„правою рукою въ дѣлахъ ратныхъ; когда онъ
„въ полѣ, тогда могу быть спокоенъ дома.
„Дѣтей у меня двое: сынъ мое око, а дочь
„сердце: веселюсь ими и въ бѣдствіяхъ на-
„шего отечества; но не стою за Елену,
„когда такъ угодно Богу и Государю Россій-
„скому.“ Въ донесеніи Царю, о женихѣ и невѣстѣ, Татищевъ пишетъ: „Хоздрою 23 го-
„да отъ рожденія; онъ высокъ и строенъ; лице
„у него красиво и чисто, но смугло; глаза свѣт-
„лые каріе, носъ съ горбиною, волосы темнору-
„сые, усъ тонкій; бороду уже брѣетъ; въ раз-
„говорахъ уменъ и рѣчистъ; знаетъ языкъ
„Турецкій и грамоту Иверскую; однимъ сло-
„вомъ, хорошъ, но не отличенъ; вѣроятно,

г. 1598 — 1604. „что полюбится, но не вѣрно. . . . Елену „видѣлъ я въ шатрѣ у Царицы: она сидѣла „между матерью и бабкою на золотомъ коврѣ „и жемчужномъ изголовьѣ, въ бархатной одеж„дѣ съ кружевами, въ шапкѣ украшенной „каменьями драгоцѣнными. Отецъ велѣлъ ей „встать, снять съ себя верхнюю одежду и „шапку; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ и по„далъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ дан„ною отъ Государя. Елена прелестна, но не „чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько бѣлит„ся; глаза у нее черные, носъ не большой, „волосы *крашеные*; станомъ пряма, но слиш„комъ тонка отъ молодости: ибо ей только „10 лѣтъ; и въ лицѣ не довольно полна. „Старшій братъ Еленинъ гораздо благовид„нѣе." Татищевъ хотѣлъ везти въ Москву невѣсту и жениха, говоря, что первая будетъ жить до совершенныхъ лѣтъ у Царицы Маріи, учиться языку и навыкать обычаямъ Русскимъ. Отпустивъ съ нимъ Хоздроя, Юрій удержалъ Елену до новаго Посольства Царскаго, и тѣмъ избавилъ себя отъ слезъ разлуки безполезной: ибо Елена уже не нашла бы въ Москвѣ своего жениха злосчастнаго! Татищевъ долженъ былъ оставить и Хоздроя, для его безопасности, въ землѣ Сонской, узнавъ, что случилось въ Дагестанѣ, гдѣ Турки отмстили намъ съ лихвою за геройство Московскихъ Стрѣльцевъ въ Иверіи, и

Бѣдствіе Россіянъ въ Дагестанѣ.

гдѣ въ нѣсколько дней мы лишились всего, кромѣ добраго имени воинскаго! г. 1598 — 1604.

Отношенія Россіи къ Константинополю были странны: Турки въ Іоанново время безъ объявленія войны приступали къ Астрахани, а въ Ѳеодорово и къ самой Москвѣ подъ знаменами Крыма; а Цари еще увѣряли Султановъ въ дружелюбіи (96), удивляясь симъ непріятельскимъ дѣйствіямъ какъ ошибкѣ или недоразумѣнію. Утѣсненный нами Шавкалъ, тщетно ожидавъ вспоможенія отъ Аббаса, искалъ защиты Магомета III, который велѣлъ Дербентскому и другимъ Пашамъ своимъ въ областяхъ Каспійскихъ изгнать Россіянъ изъ Дагестана. Турки соединились съ Кумыками, Лезгинцами, Аварами, и весною въ 1605 году подступили къ Койсѣ, гдѣ начальствовалъ Князь Владиміръ Долгорукій, имѣя мало воиновъ: ибо полки, ушедшіе зимовать въ Астрахань, еще не возвратились. Долгорукій зажегъ крѣпость, сѣлъ на суда и моремъ приплылъ въ городокъ Терскій (97); а Паши осадили Бутурлина въ Таркахъ. Сей Воевода, уже старецъ лѣтами, славился доблестію: худо ограждаемый стѣною, еще недостроенною, онъ терялъ много людей, но отразилъ нѣсколько приступовъ. Часть стѣны разрушилась, и каменная башня, подорванная осаждающими, взлетѣла на воздухъ съ лучшею

г. 1598 — 1604. дружиною Московскихъ Стрѣльцевъ (98). Бутурлинъ еще мужествовалъ, однакожъ видѣлъ невозможность спасти городъ, слушалъ предложенія Султанскихъ чиновниковъ, колебался, и наконецъ, вопреки мнѣнію своихъ товарищей, рѣшился спасти хотя одно войско. Главный Паша самъ былъ у него въ ставкѣ, пировалъ и клялся ему выпустить Россіянъ съ честію, съ доспѣхами, и надѣлить всѣми нужными запасами. Но вѣроломные Кумыки, давъ нашимъ свободный путь изъ крѣпости до степи, вдругъ окружили ихъ и начали страшное кровопролитіе. Пишутъ, что добрые Россіяне единодушно обрекли себя на славную гибель; бились съ непріятелемъ злымъ и многочисленнымъ въ рукопашь, человѣкъ съ человѣкомъ, одинъ съ тремя, боясь не смерти, а плѣна. Изъ первыхъ, въ глазахъ отца, палъ сынъ главнаго начальника, Бутурлина, прекрасный юноша; за нимъ его старецъ-родитель; также и Воевода Плещеевъ съ двумя сыновьями, Воевода Полевъ, и всѣ, кромѣ тяжело-уязвленнаго Князя Владиміра Бахтѣярова и другихъ немногихъ, взятыхъ за-мертво непріятелемъ, но послѣ освобожденныхъ Султаномъ. — Сія битва несчастная, хотя и славная для побѣжденныхъ, стоила намъ отъ шести до семи тысячь воиновъ, и на 118 лѣтъ изгладила слѣды Россійскаго владѣнія въ Дагестанѣ.

Татищевъ возвратился уже въ новое царствованіе (99) и Борисъ, не имѣвъ времени узнать о возведеніи отцеубійцы - Мусульманина на престолъ Иверіи, до конца дней своихъ былъ другомъ Аббасу, какъ врагу явнаго, опаснаго врага нашего, Султана, противъ коего мы ревностно возбуждали тогда и Азію и Европу. Г. 1598 — 1604.

Въ самыхъ переговорахъ съ Англіею Борисъ изъявлялъ желаніе, чтобы всѣ Христіанскія Державы единодушно возстали на Оттоманскую. „Не только Послы Императора „и Римскіе" (100) — писалъ онъ къ Елисаветѣ — „но и другіе иноземные путешественники увѣряли насъ, что ты будто бы въ „тѣсной связи съ Султаномъ; мы дивились „и не вѣрили. Нѣтъ, ты не будешь никогда „дружить злодѣямъ Христіанства, и конечно „пристанешь къ общему союзу Государей „Европейскихъ, чтобы унизить высокую руку „невѣрныхъ: цѣль достойная тебя и всѣхъ „насъ!" Но Елисавета имѣла въ виду только выгоды своего купечества, и для того ласкала самолюбію Царя знаками чрезвычайнаго къ нему уваженія. Посланника нашего, Дворянина Микулина, встрѣтили въ Лондонѣ съ необыкновенною честію: въ гавани и въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, когда онъ (18 Сент. 1600) плылъ Темзою и ѣхалъ городомъ Дружество съ Англіею.

Г. 1598 — 1604. въ Елисаветиной каретѣ, провождаемой тремя стами чиновныхъ всадниковъ, Алдерманами, купцами въ богатомъ нарядѣ, въ золотыхъ цѣпяхъ (101). Улицы были тѣсны для множества зрителей. Знаменитому гостю, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Лондона, служили Королевины люди: Елисавета прислала ему изъ своей казны блюда, чаши и кубки серебряные. Угадывали и спѣшили исполнять его желанія; но онъ велъ себя умно и скромно: за все благодарилъ и ничего не требовалъ. Представленіе было въ Ричмондѣ (14 Октября): Елисавета встала съ мѣста и нѣсколько шаговъ ступила на встрѣчу Посланнику; славила воцареніе Бориса, своего *брата сердечнаго, издавна милостиваго къ Англичанамъ*; говорила, что *ежедневно молится о немъ Богу*; что имѣетъ друзей между Государями Европейскими, но никого изъ нихъ не любитъ столь вседушно, какъ Самодержца Россійскаго (102); что одно изъ ея главныхъ удовольствій есть исполнять его волю. Микулинъ обѣдалъ у Королевы, и только одинъ сидѣлъ съ нею: Лорды и знатные чиновники не садились; она стоя пила *чашу Борисову*. Приглашаемый быть зрителемъ всего любопытнаго, Посланникъ нашъ видѣлъ Рыцарскія игры въ день восшествія на престолъ Елисаветы, праздникъ Орденскій Св. Георгія, богослуженіе въ церкви Св. Павла и торжественный

въѣздъ Королевы въ Лондонъ, ночью, при свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ, со всѣми Перами и царедворцами, среди безчисленнаго множества гражданъ, исполненныхъ усердія и любви къ своей Монархинѣ. Елисавета вездѣ благодарила Микулина за его присутствіе, и въ ласковыхъ съ нимъ бесѣдахъ никогда не забывала хвалить Бориса и Россіянъ. Плѣненный ея милостями, сей Посланникъ имѣлъ случай оказать ей свое усердіе. Въ день ужасный для Лондона (18 Февраля 1601), когда несчастный Эссексъ, дерзнувъ объявить себя мятежникомъ, съ пятью стами преданныхъ ему людей шелъ овладѣть крѣпостію - - когда всѣ улицы, замкнутыя цѣпями, наполнились воинами и гражданами въ доспѣхахъ — Микулинъ вмѣстѣ съ вѣрными Англичанами вооружился для спасенія Елисаветы, какъ сама она, утишивъ бунтъ, писала къ Царю, славя доблесть его сановника (103). — Однимъ словомъ, сіе Посольство утвердило личное дружество между Борисомъ и Королевою. Хотя Елисавета, будучи врагомъ Испаніи и Австріи, не могла принять мысли Борисовой о новомъ Крестовомъ Походѣ или союзѣ всѣхъ Державъ Христіанскихъ для изгнанія Турковъ изъ Европы, но удостовѣрила его въ томъ, что никогда не мыслила о вспоможеніи Султану, и что ревностно желаетъ успѣха Христіанскому оружію. Царь имѣлъ и другое сомнѣ-

г. 1598 — 1604.

Г. 1598 — 1604. ніе: онъ слышалъ, что Англія благопріятствуетъ Сигизмунду въ войнѣ съ Шведскимъ Правителемъ; но Елисавета старалась доказать ему, что и Вѣра и Политика предписываютъ ей усердствовать Карлу. Довольный сими объясненіями, Борисъ далъ новую жалованную грамоту Англичанамъ для свободной, безпошлинной торговли въ Россіи, съ особеннымъ благоволеніемъ принявъ Посланника Елисаветина, Ричарда Ли (104), коего главнымъ дѣломъ было увѣрить Царя въ ея дружбѣ и величать его добродѣтели. „Вселенная полна славы твоей,“ писалъ къ нему Ли, выѣзжая изъ Россіи: „ибо ты, сильнѣйшій изъ Монарховъ, доволенъ своимъ, не желая чужаго. Враги хотятъ быть съ тобою „въ мирѣ отъ страха, а друзья въ союзѣ отъ „любви и довѣренности. Когда бы всѣ Христіанскіе Вѣнценосцы мыслили подобно тебѣ, тогда бы царствовала тишина въ Европѣ, и ни Султанъ, ни Папа не могли бы возмутить ея спокойствія.“ Узнавъ, что Борисъ имѣетъ намѣреніе женить сына, Королева (въ 1603 году) предлагала ему руку знатной, одиннадцатилѣтней Англичанки, украшенной рѣдкими прелестями и достоинствами; вызывалась немедленно прислать живописное изображеніе сей и другихъ красавицъ Лондонскихъ, и желала, чтобы Царь до того времени не искалъ другой супруги для юнаго

Ѳеодора. Но Борисъ хотѣлъ прежде знать, г. 1598 — 1604.
кто невѣста, и родня ли Королевѣ, увѣряя, что многіе великіе Государи требуютъ чести соединить бракомъ дѣтей своихъ съ его семействомъ. Кончина Елисаветы, столь знаменитой въ лѣтописяхъ Британскихъ, достопамятной и въ нашей Исторіи долговременною пріязнію къ Россіи, устранила дѣло о сватовствѣ, не прервавъ дружественной связи между Англіею и Царемъ. Новый Король, Іаковъ I (105), не замедлилъ извѣстить Бориса о соединеніи Шотландіи съ Англіею, и писалъ: „наслѣдовавъ престолъ моей тетки, желаю наслѣдовать и твою къ ней любовь." Посолъ Іакова, Ѳома Смитъ, (въ Октябрѣ 1604) представивъ Борису въ даръ великолѣпную карету и нѣсколько сосудовъ серебряныхъ (106), сказалъ ему, что „Король, Англійскій и Шотландскій, сильный воинствомъ, морскимъ и сухопутнымъ, еще сильнѣйшій любовію народною, только одного Московскаго Вѣнценосца проситъ о дружбѣ: ибо всѣ иные Государи Европейскіе сами ищутъ въ Іаковѣ; что онъ имѣетъ двоякое право на сію дружбу, требуя оной въ память великой Елисаветы и своего незабвеннаго шурина, Датскаго Герцога Іоанна, коего Царь любилъ столь нѣжно и столь горестно оплакалъ." Борисъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ Монарховъ не былъ онъ въ такой сердечной

г. 1598 — 1604. любви, какъ съ Елисаветою, и что желаетъ навсегда остаться другомъ Англіи. Сверхъ права торговать безпошлинно во всѣхъ нашихъ городахъ, Іаковъ требовалъ свободнаго пропуска Англичанъ чрезъ Россію въ Персію, въ Индію и въ другія Восточныя земли для отысканія пути въ Китай, ближайшаго и вѣрнѣйшаго, нежели моремъ, около мыса Доброй Надежды, къ обоюдной пользѣ Англіи и Россіи, изъясняя, что драгоцѣнности, перевозимыя купцами изъ земли въ землю, оставляютъ на пути слѣды золотые. Бояре удостовѣрили Посла въ неизмѣнной силѣ милостивыхъ грамотъ, данныхъ Царемъ гостямъ Лондонскимъ, но объявили, что жестокая война пылаетъ на берегахъ Каспійскаго моря; что Аббасъ приступаетъ къ Дербенту, Бакѣ и Шамахѣ; что Царь до времени не можетъ допустить туда Англичанъ, для ихъ безопасности. Съ такимъ отвѣтомъ Смитъ выѣхалъ изъ Москвы (20 Марта 1605). Уже не было рѣчи о государственномъ союзѣ Англіи съ Россіею; одна торговля служила твердою связію между ими, будучи равно выгодною для обѣихъ.

Предпочтительно благопріятствуя сей торговлѣ, какъ важнѣйшей для Россіи, Борисъ не усомнился однакожъ дать и Нѣмецкимъ гостямъ права новыя. Еще не довольная Ѳео-

доровою жалованною грамотою, Ганза прислала въ Москву *Любскаго* Бургомистра Гермерса, трехъ Ратсгеровъ и Секретаря своего, которые (3 Апрѣля 1603) поднесли въ даръ Государю и сыну его литыя серебряныя, вызолоченныя изображенія Фортуны, Венеры, двухъ большихъ орловъ, двухъ коней, льва, единорога, носорога, оленя, струса, пеликана, грифа и павлина (107). Купцевъ приняли какъ знатнѣйшихъ Вельможъ; угостили обѣдомъ на золотѣ. Отъ имени *пятидесяти-девяти* Нѣмецкихъ союзныхъ городовъ они вручили Боярамъ *челобитную*, писанную убѣдительно и смиренно. Въ ней было сказано, что древность ихъ торговли въ нашемъ отечествѣ исчисляется не годами, а столѣтіями; что въ самыя отдаленныя времена, когда Англичане, Голландцы, Французы едва знали имя Россіи, Ганза доставляла ей все нужное и пріятное для жизни гражданской, и за то исконя пользовалась благоволеніемъ *Державныхъ предковъ Царя*, правами и выгодами исключительными: о возвращеніи сихъ правъ молила Ганза, славя Бориса; желала торговли безпошлинной; хотѣла, чтобы онъ дозволилъ ей свободно купечествовать и въ пристаняхъ Сѣвернаго моря, въ Колмогорахъ, въ Архангельскѣ, и далъ гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ, съ правомъ имѣть тамъ церкви, какъ въ старину бывало; требовала

г. 1598 — 1604. Ганза.

Г. 1598 — 1604. ямскихъ лошадей для перевоза своихъ товаровъ изъ мѣста въ мѣсто, и проч. Царь сказалъ, что въ Россіи берутъ таможенную пошлину съ купцевъ Императора, Королей Испанскаго, Французскаго, Литовскаго, Датскаго; что жители вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ должны платить ее, какъ и всѣ, но что половина ея, въ знакъ милости, уступается Любчанамъ (108): ибо другіе Нѣмцы суть подданные разныхъ Властителей, для коихъ ничто не обязываетъ насъ быть столь безкорыстными; что одни же Любчане избавляются отъ всякаго таможеннаго осмотра, сами заявляя и цѣня свои товары по совѣсти; что Ганзѣ дозволяется торговать въ Архангельскѣ, также купить или завести гостиные дворы въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ своимъ иждивеніемъ, а не Государевымъ; что всякая Вѣра терпима въ Россіи, но строить церквей не дозволяется ни Католикамъ, ни Лютеранамъ, и что въ семъ отказано знатнѣйшимъ Вѣнценосцамъ Европы, Императору, Королевѣ Елисаветѣ и проч.; что ямы учреждены въ Россіи не для купечества, а единственно для гонцевъ Правительства и для Пословъ чужеземныхъ. Въ такомъ смыслѣ написали жалованную грамоту (5 Іюня), съ прибавленіемъ, что имѣніе гостей, умирающихъ въ Россіи, неприкосновенно для Казны и въ цѣлости отдается ихъ наслѣдникамъ; что

Нѣмцы въ домахъ своихъ могутъ держать г 1598 — 1604.
вино Русское, пиво и медъ для своего употребленія, а продавать единственно чужеземныя вина, въ куфахъ или въ бочкахъ, но не ведрами и не въ стопы. — Съ сею жалованною грамотою Послы выѣхали въ Новгородъ, представили ее тамъ Воеводѣ, Князю Буйносову-Ростовскому, и требовали мѣста для строенія домовъ и лавокъ; но Воевода ждалъ еще особеннаго указа, и долго, такъ, что они, лишась терпѣнія, уѣхали во Псковъ, гдѣ были счастливѣе: градоначальникъ немедленно отвелъ имъ, на берегу рѣки Великой, внѣ города, мѣсто стараго гостинаго двора Нѣмецкаго, то есть, его развалины, памятникъ древней цвѣтущей торговли въ знаменитой Ольгиной родинѣ. Жители радовались не менѣе Любчанъ, воспоминая преданія о счастливомъ союзѣ ихъ города съ Ганзою; но минувшее уже не могло возвратиться, отъ перемѣны въ отношеніяхъ Ганзы къ Европѣ и Пскова къ Россіи. Оставивъ повѣренныхъ, чтобы изготовить все нужное для заведенія Конторы въ Новѣгородѣ и Псковѣ, Гермерсъ и товарищи его спѣшили обрадовать Любекъ успѣхомъ своего дѣла — и въ 1604 году корабли Гамбургскіе уже начали приходить въ Архангельскъ (109).

Между Европейскими Посольствами замѣтимъ еще Римскія и Флорентійское. Въ

Г. 1598 — 1604. Посольства Римскія и Флорентійское.

1601 году были въ Москвѣ Нунціи Климента VIII, Францискъ Коста и Дидакъ Миранда, а другіе въ 1603 году, требуя дозволенія ѣхать въ Персію (110): Царь велѣлъ имъ дать суда, чтобы плыть Волгою въ Астрахань. — Фердинандъ, Великій Герцогъ Тосканскій и Флорентійскій, одинъ изъ знаменитыхъ Властителей славнаго рода Медицисовъ, великодушный другъ Генрика IV, присылалъ къ Борису (въ Мартѣ 1602) чиновника Авраама Люса, съ предложеніемъ своихъ услугъ для вызова въ Россію людей ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, и для доставленія ей богатыхъ естественныхъ произведеній Италіи, особенно мрамора и дерева драгоцѣннаго, моремъ чрезъ наши Двинскія гавани (111).

Греки въ Москвѣ.

Не имѣя никакого сношенія съ Магометомъ III, ни съ его наслѣдникомъ, Ахметомъ I (112), мы узнавали всѣ происшествія Константинопольскія отъ Греческихъ Святителей, которые непрестанно являлись въ Москвѣ за милостынею, съ иконами и съ благословеніемъ Патріарховъ. Еще Іоаннъ далъ Аѳонской Введенской Обители дворъ въ Китаѣ-городѣ у монастыря Богоявленскаго, гдѣ приставали ея странники-Иноки и другіе Греки, искавшіе службы въ Россіи (113). Извѣстія сихъ нашихъ ревностныхъ единовѣрцевъ о затрудненіяхъ и худомъ внутреннемъ

состоянiи Оттоманской Имперiи удостовѣряли Бориса въ безопасности съ ея стороны, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени. г. 1598 — 1604.

Государственная хитрость Борисова, по словамъ Лѣтописца, всего успѣшнѣе дѣйствовала въ Ногайскихъ Улусахъ, ослабленныхъ и разоренныхъ междоусобiемъ ихъ Властителей, Дѣла Ногайскiя. коихъ будто бы ссорили Намѣстники Астраханскiе (114). Вопреки Лѣтописцу, бумаги государственныя представляютъ Бориса миротворцемъ Ногаевъ, по крайней мѣрѣ главнаго ихъ Улуса, Волжскаго или Уральскаго, который со временъ знаменитаго отца Сююнбеки, Юсуфа, имѣлъ всегда одного Князя и трехъ чиновниковъ-Властителей: Нурадына, Тайбугу и Кокуваша (115), но тогда повиновался двумъ Князьямъ, Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, Урусову сыну, исполненнымъ ненависти другъ ко другу. На приказъ Борисовъ, чтобы они жили въ любви и въ братствѣ, Янарасланъ отвѣчалъ: „Царь „Московскiй желаетъ чуда: велитъ овцамъ „дружиться съ волками и пить воду изъ одной „проруби!" Бояринъ Семенъ Годуновъ, уполномоченный Царемъ, прiѣхалъ въ Астрахань, собралъ тамъ (въ Ноябрѣ 1604) Ногайскихъ Вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или старѣйшимъ Княземъ и взялъ съ него клятвенную грамоту въ томъ, чтобы ему и все-

г. 1598 — 1604. му Исмаилову племени служить Россіи и биться съ ея врагами до послѣдняго издыханія, не давать никому Княжескаго и Нурадынскаго достоинства безъ утвержденія Государева, не имѣть войны междоусобной, не сноситься съ Шахомъ, Султаномъ, Ханомъ Крымскимъ, Царями Бухарскимъ и Хивинскимъ, *Ташкенцами*, Ордою Киргизскою, Шавкаломъ и Черкесами — кочевать въ степяхъ Астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына — перезвать къ себѣ Улусъ Казыевъ или овладѣть имъ, чтобы отъ моря Чернаго до Каспійскаго и далѣе, на Востокъ и Сѣверъ, не было въ степяхъ иной Орды Ногайской, кромѣ Ишерековой, вѣрной Царю Московскому. Улусъ Казыевъ, отдѣлясь отъ Волжскаго и кочуя близъ Азова съ своимъ Княземъ Барангазыемъ, зависѣлъ отъ Турковъ и Крымцевъ, часто искалъ милости въ Царѣ, обѣщалъ служить Россіи, вѣроломствовалъ и грабилъ въ ея владѣніяхъ: чтобы унять или совершенно истребить его, Борисъ велѣлъ Донскимъ Козакамъ помогать Ишереку, и приславъ ему въ даръ богатую саблю, писалъ: „она будетъ или на шеѣ злодѣевъ Россіи или „на твоей собственной." Сей Князь исполнилъ условіе и непрестанно тѣснилъ Ногаевъ Азовскихъ, такъ, что многіе изъ нихъ сдѣлались нищими и продавали дѣтей своихъ въ Астрахани. — Третій Ногайскій Улусъ (116),

именуясь *Альтаульскимъ*, занималъ степи въ окрестностяхъ Синяго моря или Арала, и находился въ тѣсной связи съ Бухаріею и съ Хивою: Ипперекъ долженъ былъ также склонять его Мурзъ къ подданству Россійскому, соединенному съ важною выгодою въ торговлѣ: Борисъ, дозволяя вѣрнымъ Погаямъ мирно купечествовать въ Астрахани, освобождалъ ихъ отъ всякой пошлины. Г. 1598 — 1604.

Представивъ въ семъ обозрѣніи важнѣйшія дѣйствія Борисовой Политики, Европейской и Азіятской — Политики вообще благоразумной, не чуждой властолюбія, но умѣреннаго: болѣе *охранительной*, нежели *стяжательной* — представимъ дѣйствія Борисовы внутри Государства, въ законодательствѣ и въ гражданскомъ образованіи Россіи. Дѣла внутреннія.

Въ 1599 году Борисъ, въ знакъ любви къ Патріарху Іову, возобновилъ жалованную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аѳанасію, такого содержанія, что всѣ люди Первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне ихъ освобождаются отъ вѣдомства Царскихъ Бояръ, Намѣстниковъ, Волостелей, Тіуновъ, и не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, завися единственно отъ суда Патріаршаго; увольняются также отъ всякихъ по- Жалованная грамота Патріарху.

г. 1598 — 1604. датей казенныхъ. Сіе древнее государственное право нашего Духовенства оставалось неизмѣннымъ и въ царствованіе Василія Шуйскаго, Михаила и сына его (117).

Законъ о крестьянахъ.

Законъ объ укрѣпленіи сельскихъ работниковъ, цѣлію своею благопріятный для владѣльцевъ среднихъ или неизбыточныхъ, какъ мы сказали (118), имѣлъ однакожь и для нихъ вредное слѣдствіе, частыми побѣгами крестьянъ, особенно изъ селеній мелкаго Дворянства: владѣльцы искали бѣглецовъ, жаловались другъ на друга въ ихъ укрывательствѣ, судились, разорялись (119). Зло было столь велико, что Борисъ, не желая совершенно отмѣнить закона благонамѣреннаго, рѣшился объявить его только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ, Дѣтей Боярскихъ и другихъ, вездѣ, кромѣ одного Московскаго Уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу *того же состоянія*, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе, какъ по два вмѣстѣ; а крестьянамъ Бояръ, Дворянъ, знатныхъ Дьяковъ, и казеннымъ, Святительскимъ, монастырскимъ велѣлъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ (120). Увѣряютъ, что измѣненіе устава древняго и нетвердость новаго, возбудивъ негодованіе многихъ людей, имѣли вліяніе и

на бѣдственную судьбу Годунова; но сіе любопытное сказаніе Историковъ XVIII вѣка (121) не основано на извѣстіяхъ современниковъ, которые единогласно хвалятъ мудрость Бориса въ дѣлахъ государственныхъ. г. 1598 — 1604.

Хвалили его также за ревность искоренять грубые пороки народа. Несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, болѣе или менѣе свойственная всѣмъ народамъ Сѣвернымъ, долгое время была осуждаема въ Россіи единственно учителями Христіанства и мнѣніемъ людей нравственныхъ. Іоаннъ III и внукъ его хотѣли ограничить ея неумѣренность закономъ, и наказывали оную какъ гражданское преступленіе (122). Можетъ быть, не столько для умноженія Царскихъ доходовъ, сколько для обузданія невоздержныхъ, Іоаннъ IV налагалъ пошлину на вареніе пива и меда. Въ Ѳеодорово время существовали въ большихъ городахъ казенные питейные домы, где продавалось и вино хлѣбное (123), неизвѣстное въ Европѣ до XIV вѣка; но и многіе частные люди торговали крѣпкими напитками, къ распространенію пьянства: Борисъ строго запретилъ сію вольную продажу, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора и разбойника, нежели корчемниковъ; убѣждалъ ихъ жить инымъ способомъ и честными трудами; обѣщалъ дать имъ земли, если они же- Питейные домы.

г. 1598—1604. лающь заняться хлѣбопашествомъ (124): но хотѣвъ тѣмъ, какъ пишутъ, воздержать народъ отъ страсти равно вредной и гнусной, Царь не могъ истребить корчемства, и самые казенные питейные домы, наперерывъ откупаемые за высокую цѣну, служили мѣстомъ разврата для людей слабыхъ.

Любовь Борисова къ просвѣщенію и къ иноземцамъ.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ Вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе завести школы и даже *Университеты* (125), чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ Европейскимъ и *Наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца, Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву Профессоровъ и Докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учитель Правъ, именемъ Товіа Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ Генварѣ 1601): „Ваше „Царское Величество хотите быть истиннымъ отцемъ отечества и заслужить все„мірную, безсмертную славу. Вы избраны Не„бомъ совершить дѣло великое, новое для „Россіи: просвѣтить умъ вашего народа не„смѣтнаго, и тѣмъ возвысить его душу вмѣ„стѣ съ государственнымъ могуществомъ, „слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима и зна„менитыхъ Державъ Европейскихъ, цвѣту-

„щихъ Искусствами и Науками благородны- Г. 1598 —
„ми.“ Сіе важное намѣреніе не исполнилось, 1604.
какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій Духовенства, которое представило Царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ Закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для Церкви (126); что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества Католикамъ и Лютеранамъ. Но оставивъ мысль заводить *Университеты* въ Россіи, Царь послалъ 18 молодыхъ *Боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію, учиться языкамъ иноземнымъ, такъ же, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться Русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное въ ономъ превосходство другихъ Европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только лекарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ Посланникъ нашъ, Микулинъ, сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ Баронамъ Нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то Царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечемъ въ дѣлѣ воинскомъ,

г. 1598 — наравнѣ съ Князьями Владѣтельными, что удивятся его ласкѣ и милости (127). Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москвѣ 35 Ливонскихъ Дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли итти во дворецъ, будучи худо одѣты: Царь велѣлъ сказать имъ: „хочу видѣть людей, а не платье"; обѣдалъ съ ними; утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ имъ вмѣсто отца: Дворянъ сдѣлаетъ Князьями, мѣщанъ Дворянами; далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и соболей, пристойное жалованье и помѣстье (128), не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его Дома. Знатнѣйшій изъ нихъ, Тизенгаузенъ, клялся именемъ всѣхъ умереть за Бориса, и сіи добрые Ливонцы, какъ увидимъ, не обманули Царя, съ ревностію вступивъ въ его Нѣмецкую дружину. Вообще благосклонный къ людямъ ума образованнаго, онъ чрезвычайно любилъ своихъ иноземныхъ Медиковъ (129), ежедневно видѣлся съ ними, разговаривалъ о дѣлахъ государственныхъ, о Вѣрѣ; часто просилъ ихъ за него молиться, и только въ удовольствіе имъ согласился на возобновленіе Лютеранской церкви въ Слободѣ Яузской. Пасторъ сей церкви, Мартинъ Беръ, коему мы обязаны любопытною Исторіею временъ Годунова и слѣдующихъ, пишетъ: „мирно

„слушая ученіе Христіанское и торжественно „но славословя Всевышняго по обрядамъ Вѣры „своей, Нѣмцы Московскіе плакали отъ радости, что дожили до такого счастія!“ г. 1598 — 1604.

Признательность иноземцевъ къ милостямъ Царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый, Фидлеръ, житель Кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ Медиковъ) сочинилъ ему въ 1602 году на Латинскомъ языкѣ похвальное слово (130), которое читала Европа, и въ коемъ Ораторъ уподобляетъ своего Героя Нумѣ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и *чистоту нравовъ*. Сію последнюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейственной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости (131), ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ велителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ Наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего Царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ (132). Готовя въ сынѣ достой-

Похвальное слово Годунову.

Горячность Борисова къ сыну.

г. 1598 — 1604. наго Монарха для великой Державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Өеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя (133); ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный Политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ!

Начало бѣдствій.

Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную Политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцемъ отечества, — наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда Небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разныя бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

ГЛАВА II.

Продолжение царствования Борисова.

Г. 1600 — 1605.

Блестящее властвование Годунова. Молитва о Царѣ. Подозрѣнія Борисовы. Гоненія. Голодъ. Новыя зданія въ Кремлѣ. Разбои. Порочные нравы. Мнимыя чудеса. Явленіе Самозванца. Поведеніе и наружность обманщика. Іезуиты. Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ. Письмо къ Папѣ. Собраніе войска. Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ. Мѣры взятыя Борисомъ. Первая измѣна. Витязь Басмановъ. Робость Годунова. Общее расположеніе умовъ. Великодушіе Борисово. Битва. Поляки оставляютъ Самозванца. Честь Басманову. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ. Осада Кромъ. Письмо Самозванца къ Борису. Кончина Годунова.

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ за- Г. 1600 — 1605.

Г. 1600 — 1605. служивая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Блестящее властвованіе Бориса.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія (134): она была на вышней степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ Царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою (135). Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, Приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; Духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ

радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ. И такъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ (136), *любила* своего Вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въономъ! г. 1600 — 1605.

Но Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя (137); являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей — какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ лице бывшаго раба Іоаннова — онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и не довольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, *на трапезахъ* и *вечеряхъ, за чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи „Слуги Божія, Царя „Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, „Самодержца всей Восточной страны и Сѣ„верной; о Царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоден„ствіи и тишинѣ отечества и Церкви подъ „скипетромъ единаго Христіанскаго Вѣнценосца Молитва о Царѣ.

Г. 1600 — 1605.

„въ мірѣ, чтобы всѣ иные Властители предъ „нимъ уклонялись и *рабски служили* ему, ве„личая имя его отъ моря до моря и до конца „вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ уми„леніемъ славили Бога за такого Монарха, „коего умъ есть пучина мудрости, а сердце „исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы „всѣ земли трепетали меча нашего, а земля „Русская непрестанно высилась и расширя„лась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Бори„сова Дому возрасли благословеніемъ Небес„нымъ и непрерывно осѣняли оную до скон„чанія вѣковъ" (138)! То есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ, Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ Окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника! . . . Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Подозрѣнія Борисовы.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось

въ Царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, г. 1600 —
которое, тревожа его, скоро встревожило и 1605.
Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя, ядѣ, чародѣйствѣ (139): ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, Дворянства, Вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ.

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Ѳеодорѣ (140) — свойственникъ Царицы Маріи, Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время Москов- Гоненія.
скаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, — снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго Думнаго сана, сей главный

Г. 1600 — 1605. любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ Царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую вину за собою: онъ зналъ лучше иныхъ глубину Борисова сердца! Въ 1600 году Царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго (141), безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лице уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее Воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не Царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ Стрѣльцевъ и Козаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ Государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а Царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: „Борисъ Царь въ Москвѣ, а я Царь въ Борисовѣ“ (142)! Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго, безпокойнаго друга) — и

рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но Царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе, и выщипать ему всю длинную, густую бороду, избравъ Шотландскаго Хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ, и заточенный въ одинъ изъ Низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, а иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества. г. 1600 — 1605.

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ - Юрьевыхъ съ Царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ 5 сыновей: Θедора, Александра, Михайла, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца (143). Честя ихъ наружно —

Г. 1600 — давъ старшимъ, Ѳедору и Александру, Бояр-
1605. ство, Михайлу санъ Окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ, Иринѣ (144) — Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо носилась молва, что Ѳеодоръ, за нѣсколько времени до кончины, мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ Государства (145): молва, вѣроятно, несправедливая; но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Ѳеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ Царскихъ (146); но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный и самъ Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Ѳеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, Царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ Боярина, Князя Ѳедора Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ Вѣнценосцу (147): Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, *сказали* клеветнику *милостивое слово Государево,* дали вольность, чинъ и помѣстье.

Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ, за такое же усердіе, ждетъ еще важнѣйшая милость Царская; и главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, Вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ (148), далъ ему мѣшки наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у Боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь Вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога: Синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ къ Патріарху; посылаютъ Окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у Боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія Царя. Всѣ въ ужасѣ — и Вельможи, усердные подобно Римскимъ Сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ, — грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе. г. 1600 — 1605.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Бо-

Г. 1600 — 1605. рисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за невинныхъ страдальцевъ. Взяли Князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, Князя Ивана Васильевича, Намѣстника Астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ (149); мучили, терзали слугъ ихъ, безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ предъ Царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе Царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ, со всѣми ихъ ближними, единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣнѣ* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести Государя средствами волшебства. Въ Іюнѣ 1601 года исполнился *приговоръ Боярскій* (150): Ѳедора Никитича Романова, (будущаго знаменитаго Іерарха), постриженнаго и названнаго Филаретомъ, сослали въ Сійскую Антоніеву Обитель; супругу его, Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Марѳою, въ одинъ

изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Өедорову, Г. 1590 — 1605.
Дворянку *Шестову*, въ Чебоксары, въ Никольскій Дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михайла, въ Великую Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ, Князя Бориса Черкасскаго, съ женою и съ дѣтьми ея брата, Өедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ Царемъ!) и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро (151); сына Борисова, Князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; Князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго Острога; другихъ Сицкихъ, Өедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и Князей Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ: одного же изъ послѣднихъ, Воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе Царскаго достоянія, въ Уфу (152). Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности: не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными Московскихъ Приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить Царю о каждомъ ихъ словѣ значитель-

Г. 1600 — 1605. номъ. Никто не смѣлъ взглянуть на опальныхъ *измѣнниковъ*, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Өедору Никитичу, Иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный Приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ Царю, что Филаретъ не находитъ между Боярами и Вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ (153); что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастію Россіи!). Донесли также Царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями, не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ Приставу: „истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія.“ Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ Царскій гнѣвъ Приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ,—

перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 Февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ (154): перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ, надъ могилою, выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ, и сквозь отверстія землянки подавали узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою (155). — Если вѣрить Лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ Князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ уморить голодомъ и недужнаго Ивана

г. 1600 — 1605.

г. 1600 — 1605. Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у Пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ Политики ли Царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, Крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ Мартѣ 1602 Царь *милостиво указалъ* Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*) ѣхать въ Уфу *на службу*, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно); а Княгинѣ Черкасской, Мареѣ Никитишнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ (156), велѣлъ жить съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго Уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ, лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій Вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету (157): позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ Чернца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ доволь-

ствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному Иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ Іеромонахи и въ Архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра! г. 1600 — 1605.

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ Князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ (158). Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Өеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ Воеводу, Князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго, и простилъ его (159); удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго Дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ, и въ тоже время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними (160). Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ,

г. 1600 — 1605. если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ Царскимъ палатамъ изъ домовъ Боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ, Иноки, Попы, Дьячки, просвирницы (161) на людей всякаго званія — самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцевъ, къ ужасу человѣчества! „И въ дикихъ Ордахъ" (прибавляетъ Лѣтописецъ) „не бываетъ столь великаго „зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ „своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно „обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности." Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями Вѣнценосца къ доносителямъ; другіе боялись за себя, за ближнихъ — и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники, утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное Духовенство, какъ увѣряютъ (162), хранило въ душѣ усердіе къ Вѣнценосцу, который осы-

палъ Святителей знаками благоволенія: но г. 1600 — 1605.
гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: *они уже не любили Бориса* (163)!

Такъ говоритъ Лѣтописецъ современный, безпристрастный, и самъ знаменитый въ нашей Исторіи своею государственною доблестію: Келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили Царя, когда онъ подъ личиною добродѣтели казался имъ отцемъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ — и тѣмъ сильнѣе говорили въ святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила

Г. 1600 — 1605. Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежемъ ихъ достоянія, алчностію къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ староверовъ), даже наклонностію къ Арменской и къ Латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть редко бываютъ довольны истиною: первая въ хвале, последняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвещенію!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имелъ случай доказать свою чувствительность къ народному бедствію, заботливость, щедрость необыкновенную; но и темъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ. — Среди естественнаго обилія и бо-

Голодъ. гатства земли плодоносной, населенной хлебопашцами трудолюбивыми; среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе деятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіе десяти недель непрестанно (164), такъ, что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничемъ занимать-

ся, ни косить, ни жать; а 15 Августа же- Г. 1600 —
стокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣ- 1605.
бу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ, ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались незасѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ Царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицѣ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей (165). Борисъ велѣлъ отворить Царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ Духовенство и Вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны Московской, лежали кучи серебра для бѣдныхъ (166); ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ Московки, деньгу или копейку — но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, Святительскихъ, Боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копейку серебряную, не могли питать-

Г. 1600 — 1603. ся. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми спремились толпами въ Москву за Царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячь рублей (167), и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что не льзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. „Свидѣтельствуюсь истиною и „Богомъ" — пишетъ одинъ изъ нихъ (168) — „что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и питались ею; „у мертвыхъ находили во рту сѣно." Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ! . . . Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались. . . . И въ сіе время другіе изверги копили, берегли

хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!... Г. 1600 — 1605. Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красныя башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ (169). Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзни и моръ, особенно въ Смоленскомъ Уѣздѣ, куда Царь въ одно время послалъ 20,000 рублей для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія (170), и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ, что сокровищница Московская, полная отъ благополучнаго Ѳеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ,

Г. 1600 — 1605. цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ (171) но; послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромные скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями (172): велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ, какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя, едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ (173), ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ; которые не только внѣ селеній, но и въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное (174). — Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году, мало по малу, исчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ: снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копеекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы! — Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая *мѣра четверика:* ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи един-

ственно *оковами*, *бочками* или *кадями*, четвертями и осьминами (175). Г. 1600 — 1605.

Бедствіе прекратилось, но следы его не могли быть скоро изглажены: заметно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудела безъ сомненія и Казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности Царской, но еще более нежели когда нибудь хотелъ блистать оною, чтобы закрыть темъ действіе гнева Небеснаго, особенно для Пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути, отъ границы до Москвы, призраками изобилія и роскоши (176): везде являлись люди, богато или красиво одетые; везде рынки полные товаровъ, мяса и хлеба, и ни единаго нищаго, тамъ, где за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, Герцога Датскаго — и въ сіе же время украшалъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго (177), пристроилъ въ 1601 и 1602 годахъ, на месте сломаннаго, деревяннаго дворца Іоаннова, две большія каменныя палаты къ Золотой и Грановитой, Столовую и Панихидную (178), чтобы доставить темъ работу и пропитаніе людямъ бед- Новыя зданія въ Кремле.

Г. 1600 — 1605. нымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о велелѣпіи! Однакожь не Московскіе Лѣтописцы, а только чужеземные Историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетною, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣгородѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ (179). Извѣстіе конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой Царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ — мысль, что Небо за беззаконія Царя казнитъ Царство (180). „Изливая на бѣдныхъ щедроты" — говорятъ Лѣтописцы — „онъ въ золотой чашѣ пода„валъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во „здравіе; питалъ ихъ милостынею богопро„тивною, расхитивъ имѣніе Вельможъ чест„ныхъ, и древнія сокровища Царскія осквер„нивъ добычею грабежа." — Россія не благо-

денствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла Г. 1600 — 1605.
времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса.

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украйну, землю Сѣверскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной (181): ибо незнаемо изготовилъ тѣмъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. „Великій разумъ и жестокость Грознаго" — по словамъ Лѣтописца — „не давали двинуться зміямъ; а кроткій, набожный Ѳеодоръ связывалъ ихъ своею молитвою" (182); но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ его другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле Бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ (183): законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному Дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ го-

Г. 1600 — 1605. сподамъ не менѣе шести мѣсяцевъ (184), совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ, и наполнилъ домы Боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику (185), даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ: законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостію! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и неслугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣльемъ, ловкостію или красотою (186). Но въ дешевое время охотно умножавъ свою челядь, Дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпускными; а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорять тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата, обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали, вмѣстѣ со многими людьми Вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго) — вмѣстѣ съ Украинскими бѣглецами, ходившими

изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи (187). Явились шайки на дорогахъ; завелись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный Воевода, Окольничій Иванъ Ѳедоровичь Басмановъ, едва выступивъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ остервененіе: большую часть истребили и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжелыхъ ранъ — злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго побужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ соумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію про-

Г. 1600 — 1605. Разбои.

Г. 1600 — 1605. шивъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ (188), но, по видимому, ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію (189). — Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ Воеводы, по указу Государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ!

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей Исторіи; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати-четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа — всѣмъ, что предшествуетъ испроверженію Государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе.

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ людяхъ (190); если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ими:

Порочные нравы.

распутство, корыстолюбіе, лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее Дворянство, и самое Духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій Царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи? ибо сіи же Лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія (191), разсказываютъ, „что не рѣдко восходили тогда двѣ и три лу„ны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы огнен„ные, ночью пылая на тверди, въ своихъ бы„стрыхъ движеніяхъ представляли битву „воинствъ, и краснымъ цвѣтомъ озаряли зем„лю; отъ бурь и вихрей падали колокольни „и башни; женщины и животныя производили „на свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глу„бинѣ водъ и дичь въ лѣсахъ исчезали, или, „употребляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; „алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станица„ми, пожирали людей и другъ друга; звѣри и „птицы невиданные явились; орлы парили „надъ Москвою; въ улицахъ, у самаго дворца, „ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ „1604 году), въ свѣтлый полдень, возсіяла на „небѣ Комета, и мудрый старецъ, за нѣсколько „лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ „Германіи, объявилъ Дьяку Государственному „(Власьеву), что Царству угрожаетъ великая „опасность.“ Оставимъ суевѣріе предкамъ:

Г. 1600 — 1605.

Мнимыя чудеса.

Г. 1600 — 1605. его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ Исторіи народовъ.

Кончина Ирины. Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу (192). Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ — и добродѣтельная; первая *Державная Царица* Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ Монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ Исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чувства: съ нею радовался торжеству отечества (193) и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть, свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горест-

ную необходимость карать Вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила Ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли Инокиню съ великолѣпіемъ Царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери, Маріи — и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ Россійскихъ благословили щедрость Борисову. — Ирина была счастлива, смеживъ глаза навѣки: ибо не видала гибели всего, что еще любила въ жизни. Г. 1600 — 1605.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ) и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, незапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не Князья и Вельможи, имъ гонимые — не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ Царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно

г. 1600 — 1606. лежавшаго въ могилѣ.... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную.

Явленіе Самозванца. Бѣдный сынъ Боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, Стрѣлецкаго Сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ (194), служилъ въ домѣ у Романовыхъ и Князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія; скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія безпечной праздности въ санѣ Инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ Обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ Игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный Чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ Обители Св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ Началомъ. Тамъ Патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ Діаконы и взялъ къ себѣ для *книжнаго дѣла*: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять Каноны Святымъ лучше многихъ старыхъ

книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ и во дворецъ: видѣлъ пышность Царскую и плѣнялся ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія Царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной, и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ (195), однимъ злымъ Инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь Небеснаго Правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный Діаконъ съ прилѣжаніемъ читалъ Россійскія лѣтописи, и не скромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда Чудовскимъ Монахамъ: „знаете ли, что я буду Царемъ на Москвѣ?" Одни смѣялись; другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до Ростовскаго Митрополита Іоны, который объявилъ Патріарху и самому Царю, что „недостойный Инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ Діавольскимъ:" добродушный Патріархъ не уважилъ Митрополитова извѣта; но Царь велѣлъ Дьяку своему, Смирнову-Васильеву, отправить безумца Григорія въ Со-

Г. 1600 — 1605.

Г. 1600 — 1605. ловки, или въ Бѣлозерскія пустыни, будто бы за ересь, на вѣчное покаяніе (196). Смирной сказалъ о томъ другому Дьяку, Евфимьеву; Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи Царскаго Указа, и далъ способъ опальному Діакону спастися бѣгствомъ (въ Февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя Иноками Чудовскими, Священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними, и не извѣстили Царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

Бродяги-Иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая Обитель служила для нихъ гостинницею: во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товарищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ Архимандритъ Спасской Обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и Спасскій Архимандритъ нашелъ въ келліи (197), гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: „Я Царевичь Димитрій, сынъ Іоан-„новъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду „на престолъ отца моего.“ Архимандритъ

ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился г. 1600—1605.
молчать.

Такъ въ первый разъ открылся Самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый Діаконъ вздумалъ грубою ложью низвергнуть великаго Монарха и сѣсть на его престолѣ, въ Державѣ, гдѣ Вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ Царямъ, и гдѣ присяга, данная Государю *избранному*, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой Судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву!

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ Князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина (198): туда устремился и Самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, Инокъ *Днѣпрова* монастыря, Пименъ (199), и гдѣ, вышедши наконецъ изъ Россійскихъ владѣній близъ Литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усерд-

Г. 1600 — 1605. ную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго Воеводы, Князя Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ Діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о Законѣ съ иновѣрцами и былъ даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами (200). Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, Инокомъ Крыпецкаго монастыря, Леонидомъ (201): уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть, Григоріемъ Отрепьевымъ; а самъ, скинувъ съ себя одежду Монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей Днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго Княжества: у нихъ, какъ пишутъ, Разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечемъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика (202), Старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской

опытности и корысти. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ ѳеатрѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за Польскою и Латинскою Грамматикою (203): ибо мнимому Царевичу надобно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ Князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго Вельможи. Тутъ Самозванецъ приступилъ къ дѣлу — и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при Дворѣ и въ Государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца (204). Новый слуга знаменитаго Пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность не красивую — ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лице круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой — Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною (205). Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина,

Г. 1600 — 1605.

Поведеніе и наружность обманщика.

Г. 1600 — 1605. хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ Духовника, и сказалъ ему тихо: „Умираю. Предай мое тѣло землѣ съ честію, „какъ хоронятъ дѣтей Царскихъ. Не объявлю „своей тайны до гроба; когда же закрою „глаза навѣки, ты найдешь у меня подъ ло„жемъ свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не „сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ зло„счастіи (206).“ Духовникъ былъ Іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить Князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный Князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга его есть Царевичь Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ Медикомъ (207); что злодѣи, присланные въ Угличь, умертвили одного сына Іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые Вельможи и Дьяки Щелкаловы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай (208). Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность Духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и съ слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцемъ, Княземъ Иваномъ Мстиславскимъ (209).

Вельможа Литовскій былъ въ восхищеніи. Г. 1600 — 1605.
Какая слава представлялась для него возможною! бывшаго слугу своего увидѣть на тронѣ Московскомъ! Онъ не щадилъ ничего, чтобы поднять мнимаго Димитрія съ одра смертнаго, и въ краткое время его притворнаго выздоровленія изготовивъ ему великолѣпное жилище, пышную услугу, богатыя одежды, успѣлъ во всей Литвѣ разгласить о чудесномъ спасеніи Іоаннова сына. Братъ Князя Адама, Константинъ Вишневецкій, и тесть сего послѣдняго, Воевода Сендомирскій, Юрій Мнишекъ, взяли особенное участіе въ судьбѣ столь знаменитаго изгнанника, какъ они думали, вѣря свитку, золотому кресту обманщика и свидѣтельству двухъ слугъ: обличеннаго вора, бѣглеца Петровскаго, и другаго, Мнишкова холопа, который въ Іоанново время былъ нашимъ плѣнникомъ и будто бы видалъ Димитрія (младенца двухъ или трехъ лѣтъ) въ Угличѣ: первый увѣрялъ, что Царевичь дѣйствительно имѣлъ примѣты Самозванца (дотолѣ никому неизвѣстныя): бородавки на лицѣ и короткую руку. Вишневецкіе донесли Сигизмунду, что у нихъ истинный наслѣдникъ Ѳеодоровъ; а Сигизмундъ отвѣтствовалъ, что желаетъ его видѣть, уже бывъ извѣщенъ о семъ любопытномъ явленіи другими, не менѣе ревностными доброхотами Самозванца: Папскимъ Нунціемъ Рангони и

I. 1600 — 1605. Iезуиты. пронырливыми Iезуитами, которые тогда царствовали въ Польшѣ, управляя совѣстію малодушнаго Сигизмунда, и легко вразумили его въ важныя слѣдствія такого случая.

Въ самомъ дѣлѣ что могло казаться счастливѣе для Литвы и Рима? Чего не льзя было имъ требовать отъ благодарности Лжедимитрія, содѣйствуя ему въ пріобрѣтеніи Царства, которое всегда грозило Литвѣ и всегда отвергало духовную власть Рима? Въ опасномъ непріятелѣ Сигизмундъ могъ найти друга и союзника, а Папа усерднаго сына въ непреклонномъ ослушникѣ. Симъ изъясняется легковѣріе Короля и Нунція: думали не объ истинѣ, но единственно о пользѣ; одно бѣдствіе, одно смятеніе и междоусобіе Россіи уже плѣняло воображеніе нашихъ враговъ естественныхъ; и если робкій Сигизмундъ еще колебался, то ревностные Iезуиты побѣдили его нерѣшимость, представивъ ему способъ, обольстительный для душъ слабыхъ: дѣйствовать не открыто, не прямо, и подъ личиною мирнаго сосѣда ввергнуть пламя войны въ Россію. — Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные Iезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили договоръ: Лжедимитрій писменно обязался за себя и за Россію пристать къ

Латинской Церкви, а Рангони быть его ходатаемъ, не только въ Польшѣ и въ Римѣ (210), но и во всей Европѣ; совѣтовалъ ему спѣшить къ Королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія. Г. 1600 — 1605.

Вмѣстѣ съ Воеводою Сендомирскимъ и Княземъ Вишневецкимъ Отрепьевъ (въ 1603 или 1604 году) явился въ Краковѣ, гдѣ Нунцій немедленно посѣтилъ его. „Я самъ былъ „тому свидѣтелемъ“, пишетъ Секретарь Королевскій, Чилли (211), *вѣря мнимому Царевичу*: „я видѣлъ, какъ Нунцій обнималъ и ласкалъ Димитрія, бесѣдуя съ нимъ о Россіи, „и говоря, что ему должно торжественно „объявить себя Католикомъ для успѣха въ „своемъ дѣлѣ. Димитрій съ видомъ сердечнаго „умиленія клялся въ непремѣнномъ исполненіи „даннаго имъ обѣта, и вторично подтвердилъ сію клятву въ домѣ у Нунція, въ присутствіи многихъ Вельможъ. Угостивъ Царевича пышнымъ обѣдомъ, Рангони повезъ „его во дворецъ. Сигизмундъ, обыкновенно „важный и величавый, принялъ Димитрія въ „кабинетѣ, стоя, и съ ласковою улыбкою. „Димитрій поцѣловалъ у него руку, разсказалъ ему всю свою исторію“, и заключилъ такъ (212): *Государь! вспомни, что ты самъ родился въ узахъ и спасенъ единственно Провидѣніемъ. Державный изгнанникъ требуетъ*

Свиданіе Лжедимитрія съ Королемъ Польскимъ.

Г. 1600 — 1605. *отъ тебя сожалѣнія и помощи.* „Чиновникъ „Королевскій далъ знакъ Царевичу, чтобы „онъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ Воє„вода Сендомирскій и всѣ мы ждали его. Ко„роль остался наединѣ съ Нунціемъ, и чрезъ „нѣсколько минутъ снова призвалъ Димитрія. „Положивъ руку на сердце, смиренный Царе„вичъ болѣе вздохами, нежели словами убѣж„далъ Сигизмунда быть милостивымъ. Тогда „Король съ веселымъ видомъ, приподнявъ свою „шляпу, сказалъ: *Да поможетъ вамъ Богъ, „Московскій Князь Димитрій! а мы, вы„слушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣ„тельства, несомнительно видимъ въ васъ „Іоаннова сына, и въ доказательство нашего „искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ „ежегодно 40,000 злотыхъ,“* (54000 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ) „*на содержаніе „и всякія издержки. Сверхъ того вы, какъ „истинный другъ Республики, вольны сно„ситься съ нашими Панами, и пользоваться „ихъ усерднымъ вспоможеніемъ.* Сія рѣчь „столь восхитила Димитрія, что онъ не могъ „сказать ни единаго слова: Нунцій благода„рилъ Короля, привезъ Царевича въ домъ къ „Воеводѣ Сендомирскому, и снова обнявъ его, „совѣтовалъ ему дѣйствовать немедленно, „чтобы скорѣе достигнуть цѣли: отнять „Державу у Годунова и навѣки утвердить „въ Россіи Вѣру Католическую съ Іезуита-

„ми." Прежде всего надлежало самому Лже-димитрію принять сію Вѣру: чего неотмѣнно хотѣлъ Рангони; но условились не оглашать того до времени, боясь закоренѣлой ненависти Россіянъ къ Латинской Церкви. Дѣйствіе совершилось въ домѣ Краковскихъ Іезуитовъ. Разстрига шелъ къ нимъ тайно, съ какимъ-то Вельможею Польскимъ, въ бѣдномъ рубищѣ, закрывая лице свое, чтобы никто не узналъ его; выбралъ одного изъ нихъ себѣ въ Духовники, исповѣдался, отрекся отъ нашей Церкви, и какъ новый ревностный сынъ Западной принялъ тѣло Христово съ мѵропомазаніемъ отъ Римскаго Нунція. Такъ сказано въ *Письмахъ Іезуитскаго Общества* (213), которое славило *будущія* великія добродѣтели мнимаго Димитрія, надѣясь усердіемъ его подчинить Риму *всѣ неизмѣримыя страны Востока!* — Тогда Отрепьевъ, слѣдуя наставленіямъ Нунція, собственною рукою написалъ краснорѣчивое Латинское письмо къ Папѣ, чтобы имѣть въ немъ искренняго покровителя — и Климентъ VIII не замедлилъ удостовѣрить его въ своей готовности вспомогать ему всею духовною властію Апостольскаго Намѣстника (214).

г. 1600 — 1605.

Письмо къ Папѣ.

Должно отдать справедливость уму Разстриги: предавъ себя Іезуитамъ, онъ выбралъ дѣйствительнѣйшее средство одушевить рев-

Г. 1600 — 1605. ностію безпечнаго Сигизмунда, который, вопреки чести, совѣсти, Народному Праву и мнѣнію многихъ знатныхъ Вельможъ, рѣшился быть сподвижникомъ бродяги. Славный другъ Баторіевъ, Гетманъ Замойскій, былъ еще живъ: Король писалъ къ нему о своемъ важномъ предпріятіи, говоря, что Республика, доставивъ Димитрію корону, будетъ располагать силами Московской Державы, легко обуздаетъ Турковъ, Хана и Шведовъ, возметъ Эстонію и всю Ливонію, откроетъ путь для своей торговли въ Персію и въ Индію; но что сіе великое намѣреніе, требуя тайны и скорости, не можетъ быть предложено Сейму, дабы Годуновъ не имѣлъ времени изготовиться къ оборонѣ (215). Тщетно старецъ Замойскій, Панъ Жолкѣвскій, Князь Острожскій и другіе Вельможи благоразумные удерживали Короля, не совѣтуя ему легкомысленно вдаваться въ опасность такой войны, особенно безъ вѣдома Чиновъ Государственныхъ, и съ малыми силами; тщетно знаменитый Панъ Збаражскій доказывалъ, что мнимый Димитрій есть безъ сомнѣнія обманщикъ. Убѣжденный Іезуитами, но не дерзая самовластно нарушить двадцатилѣтняго перемирія, заключеннаго между имъ и Борисомъ, Король велѣлъ Мнишку и Вишневецкимъ поднять знамя противъ Годунова именемъ Іоаннова сына и составить рать изъ вольницы;

опредѣлилъ ей на жалованье доходы Сендомирскаго Воеводства; внушалъ Дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи, и торжественно возложивъ съ своей груди златую цѣпь на Разстригу (216), отпустилъ его съ двумя Іезуитами изъ Кракова въ Галицію, гдѣ, близъ Львова и Самбора, въ маетностяхъ Вельможи Мнишка, подъ распущенными знаменами уже толпилась Шляхта и чернь, чтобы итти на Москву. Г. 1600 — 1605. Собраніе войска.

Главою и первымъ ревнителемъ сего подвига сдѣлался старецъ Мнишекъ, коему старость не мѣшала быть ни честолюбивымъ, ни легкомысленнымъ до безразсудности. Онъ имѣлъ юную дочь прелестницу, Марину, подобно ему честолюбивую и вѣтреную: Лжедимитрій, гостя у него въ Самборѣ, объявилъ себя, искренно или притворно, страстнымъ ея любовникомъ, и вскружилъ ей голову именемъ Царевича; а гордый Воевода съ радостію благословилъ сію взаимную склонность, въ надеждѣ видѣть Россію у ногъ своей дочери, какъ наслѣдственную собственность его потомства. Чтобы утвердить сію лестную надежду и хитро воспользоваться еще невѣрными обстоятельствами жениха, Мнишекъ предложилъ ему условія, безъ малѣйшаго сомнѣнія принятыя Разстригою, который далъ на себя слѣдующее обязательство (писанное 25 Договоры Лжедимитрія съ Мнишкомъ.

г. 1600 — 1605. Мая 1604, собственною рукою Воеводы Сендомирскаго (217)): „Мы, Димитрій *Ивановичь*, „Божіею милостію *Царевичь* Великой Россіи, „Углицкій, Дмитровскій и проч., Князь отъ „колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Государствъ „Московскихъ Государь и наслѣдникъ, по „уставу Небесному и примѣру Монарховъ Христіанскихъ избрали себѣ достойную супругу, Вельможную Панну Марину, дочь Ясновельможнаго Пана Юрія Мнишка, коего считаемъ отцемъ своимъ, испытавъ его честность и любовь къ намъ, но отложили бракосочетаніе до нашего воцаренія: тогда — въ „чемъ клянемся именемъ Св. Троицы и прямымъ словомъ Царскимъ — женюся на Паннѣ Маринѣ, обязываясь 1) выдать немедленно миллiонъ злотыхъ" (1,350,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) „на уплату его долговъ „и на ея путешествіе до Москвы, сверхъ драгоцѣнностей, которыя пришлемъ ей изъ нашей казны Московской; 2) торжественнымъ „Посольствомъ извѣстить о семъ дѣлѣ Короля Сигизмунда, и просить его благосклоннаго согласія на оное; 3) будущей супругѣ нашей уступить два Великія Государства, Новгородъ и Псковъ, со всѣми Уѣздами и пригородами, съ людьми Думными, Дворянами, „Дѣтьми Боярскими и съ Духовенствомъ, такъ, „чтобы она могла судить и рядить въ нихъ „самовластно, опредѣлять Намѣстниковъ, раз-

„давать вотчины и помѣстья своимъ людямъ служивымъ, заводить школы, строить монастыри и церкви Латинской Вѣры, свободно „исповѣдуя сію Вѣру, которую и мы сами приняли, съ твердымъ намѣреніемъ ввести оную „во всемъ Государствѣ Московскомъ. Если же — „отъ чего Боже сохрани — Россія воспротивится нашимъ мыслямъ, и мы не исполнимъ „своего обязательства въ теченіе года, то „Панна Марина вольна развестися со мною „или взять терпѣніе еще на годъ," и проч. Сего не довольно: въ восторгѣ благодарности Лжедимитрій другою грамотою (писанною 12 Іюня 1604) отдалъ Мнишку въ наслѣдственное владѣніе Княжество Смоленское и Сѣверское, кромѣ нѣкоторыхъ Уѣздовъ, назначенныхъ имъ въ даръ Королю Сигизмунду и Республикѣ, въ залогъ вѣчнаго, ненарушимаго мира между ею и Московскою Державою (218).... Такъ бѣглый Діаконъ, чудесное орудіе гнѣва Небеснаго, подъ именемъ Царя Россійскаго готовился предать Россію, съ ея величіемъ и православіемъ, въ добычу Іезуитамъ и Ляхамъ! Но способы его еще не отвѣтствовали важности замысла.

Г. 1600 — 1605.

Ополчалась въ самомъ дѣлѣ не рать, а сволочь на Россію: весьма не многіе знатные Дворяне, въ угодность Королю, мало уважаемому, или прельщаясь мыслію храбровать за

г. 1600 — 1605. изгнанника Царевича, явились въ Самборѣ и Львовѣ: стремились туда бродяги, голодные и полунагіе, требуя оружія не для побѣды (219), но для грабежа или жалованья, которое щедро выдавалъ Мнишекъ въ надеждѣ на будущее: на богатое вѣно Марины и доходы Смоленскаго Княжества. Разстрига и друзья его чувствовали нужду въ иныхъ, лучшихъ сподвижникахъ, и должны были естественно искать ихъ въ самой Россіи. Достойно замѣчанія, что нѣкоторые изъ Московскихъ бѣглецовъ, Дѣтей Боярскихъ, исполненныхъ ненависти къ Годунову, укрываясь тогда въ Литвѣ, не хотѣли быть участниками сего предпріятія, ибо видѣли обманъ и гнушались злодѣйствомъ: пишутъ, что одинъ изъ нихъ, Яковъ Пыхачевъ, даже всенародно, и предъ лицемъ Короля, свидѣтельствовалъ о семъ грубомъ обманѣ, вмѣстѣ съ товарищемъ Разстригинымъ, Инокомъ Варлаамомъ, встревоженнымъ совѣстію; что имъ не вѣрили и прислали обоихъ скованныхъ къ Воеводѣ Мнишку въ Самборъ, гдѣ Варлаама заключили въ темницу, а Пыхачева, обвиняемаго въ намѣреніи умертвить Лжедимитрія, казнили (220). Другіе бѣглецы, менѣе совѣстные, Дворянинъ Иванъ Борошинъ съ десятью или пятнадцатью клевретами (221), пали къ ногамъ мнимаго Царевича и составили его первую дружину Русскую: скоро нашлася гораздо сильнѣйшая. Зная свой-

ство мятежныхъ Донскихъ Козаковъ — зная, что они не любили Годунова, казнившаго многихъ изъ нихъ за разбои — Лжедимитрій послалъ на Донъ Литвина Свирскаго (222) съ грамотою; писалъ, что онъ сынъ перваго Царя Бѣлаго, коему сіи вольные Христіанскіе витязи присягнули въ вѣрности; звалъ ихъ на дѣло славное: свергнуть раба и злодѣя съ престола Іоаннова. Два Атамана, Андрей Корела и Михайло Нѣжакожъ (223), спѣшили видѣть Лжедимитрія; видѣли его честимаго Сигизмундомъ, Вельможными Панами, и возвратились къ товарищамъ съ удостовѣреніемъ, что ихъ зоветъ истинный Царевичъ. Удальцы Донскіе сѣли на коней, чтобы присоединиться къ толпамъ Самозванца. Между тѣмъ, усердный слуга его, Панъ Михайло Ратомскій, Остерскій Староста, волновалъ нашу Украйну чрезъ своихъ лазутчиковъ и двухъ Монаховъ Русскихъ (224), вѣроятно Мисаила и Леонида, изъ коихъ послѣдній, снявъ на себя имя Григорія Отрепьева, могъ свидѣтельствовать, что оно не принадлежитъ Самозванцу. Въ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ подкидывали грамоты отъ Лжедимитрія къ Россіянамъ (225), съ вѣстію, что онъ живъ и скоро къ нимъ будетъ. Народъ изумлялся, не зная, вѣрить тому или не вѣрить; а бродяги, негодяи, разбойники, издавна гнѣздясь въ землѣ Сѣверской (226), обрадова-

Г. 1600 — 1605.

Г. 1600 — 1605. лись: наступало ихъ время. Кто бѣжалъ въ Галицію къ Самозванцу, кто въ Кіевъ, гдѣ Ратомскій также выставилъ знамя для собранія вольницы: онъ поднялъ и Козаковъ Запорожскихъ, прельщенныхъ мыслію вести бывшаго ученика своего на Царство Московское. — Столько движенія, столько гласныхъ происшествій могло ли утаиться отъ Годунова?

Еще прежде, нежели Самозванецъ открылся Вишневецкимъ, слухъ, распущенный имъ въ Литвѣ о Димитріи (227), сдѣлался, вѣроятно, извѣстнымъ Борису. Въ Генварѣ 1604 года Нарвскій сановникъ Тирфельдъ писалъ съ гонцемъ къ Абовскому градоначальнику, что мнимо-убитый сынъ Іоанновъ живетъ у Козаковъ (228): гонца задержали въ Иванѣгородѣ, и письмо его доставили Царю. Въ то же время пришли и вѣсти изъ Литвы и подметныя грамоты Лжедимитріевы отъ нашихъ Воеводъ Украинскихъ; въ то же время, на берегахъ Волги, Донскіе Козаки разбили Окольничаго Семена Годунова, посыланнаго въ Астракань, и захвативъ нѣсколько Стрѣльцевъ, отпустили ихъ въ Москву съ такимъ наказомъ: „объявите Борису, что мы скоро „будемъ къ нему съ Царевичемъ Димитріемъ!" Одинъ Богъ видѣлъ, что происходило въ душѣ Годунова, когда онъ услышалъ сіе роковое

имя! . . но чѣмъ болѣе устрашился, тѣмъ болѣе хотѣлъ казаться безстрашнымъ. Не сомнѣваясь въ убіеніи истиннаго сына Іоаннова (229), онъ изъяснялъ для себя столь дерзкую ложь умысломъ своихъ тайныхъ враговъ, и велѣвъ лазутчикамъ узнать въ Литвѣ, кто сей Самозванецъ, искалъ заговора въ Россіи: подозрѣвалъ Бояръ; призвалъ въ Москву Царицу-Инокиню, мать Димитріеву, и ѣздилъ къ ней въ Дѣвичій монастырь съ Патріархомъ (230), воображая, какъ вѣроятно, что она могла быть участницею предполагаемаго кова, и надѣясь лестію или угрозами вывѣдать ея тайну: но Царица-Инокиня, равно какъ и Бояре, ничего не знала, съ удивленіемъ и, можетъ быть, не безъ внутренняго удовольствія слыша о Лжедимитріи, который не замѣнялъ сына для матери, но стращилъ его убійцу. Свѣдавъ наконецъ, что Самозванецъ есть разстрига Отрепьевъ, и что Дьякъ Смирной не исполнилъ Царскаго указа сослать его въ пустыню Бѣломорскую (231), Борисъ усиліемъ притворства не оказалъ гнѣва, ибо хотѣлъ увѣрить Россіянъ въ маловажности сего случая: Смирной трепеталъ, ждалъ гибели, и былъ казненъ, но послѣ, и будто бы за другую вину: за расхищеніе государственнаго достоянія. Удвоивъ заставы на Литовской границѣ, чтобы перехватывать вѣсти о Самозванцѣ, однакожъ

Г. 1600 — 1605. Мѣры взятыя Борисомъ.

Г. 1600 — 1605. чувствуя невозможность скрыть его явленіе отъ Россіи, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки, Годуновъ обнародовалъ исторію бѣглеца Чудовскаго (232), вмѣстѣ съ допросами Монаха Пимена, Венедикта Чернца Смоленскаго и мѣщанина Ярославца, иконника Степана: первый объявлялъ, что онъ самъ вывелъ бродягу Григорія въ Литву, но не хотѣлъ итти съ нимъ далѣе, и возвратился; второй и третій свидѣтельствовали, что они знали Отрепьева Діакономъ въ Кіевѣ и воромъ между Запорожцами; что сей негодяй, богоотступникъ, чернокнижникъ, съ умыслу Князей Вишневецкихъ и самого Короля, дерзаетъ въ Литвѣ называться Димитріемъ. Въ то же время Царь послалъ, *отъ имени Бояръ*, дядю Разстригина, Смирнаго-Отрепьева, къ Сигизмундовымъ Вельможамъ, чтобы въ ихъ присутствіи изобличить племянника (233); послалъ и къ Донскимъ Козакамъ Дворянина Хрущова, вывести ихъ изъ бѣдственнаго заблужденія. Но грамоты и слова не дѣйствовали: Вельможи Королевскіе не хотѣли показать Лжедимитрія Смирному-Отрепьеву, и сухо отвѣтствовали, что имъ нѣтъ дѣла до мнимаго Царевича Россійскаго; а Козаки схватили Хрущова, оковали и привезли къ Самозванцу (234). Уже Разстрига (15 Августа) двинулся съ своими дружинами къ берегамъ Днѣпровскимъ и стоялъ (17 того же мѣсяца) въ Со-

Г. 1604.

кольникахъ: Хрущовъ, представленный ему г. 1604.
въ цѣпяхъ, взглянулъ на него . . . . залился слезами и палъ на колѣна, воскликнувъ: „вижу „Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга на„вѣки!“ Съ него сняли оковы; и сей первый чиновный измѣнникъ, ослѣпленный страхомъ или корыстію, въ знакъ усердія донесъ своему новому Государю, мѣшая истину съ ложью, что „народъ изъявляетъ въ Россіи любовь къ Димитрію; что самые знатные люди, Меньшій Булгаковъ и другіе (236), пили у себя съ гостями чашу за его здравіе и были, по доносу слугъ, осуждены на казнь; что Борисъ умертвилъ и сестру, вдовствующую Царицу Ирину, которая всегда видѣла въ немъ Монарха беззаконнаго; что онъ, не смѣя явно ополчаться противъ Димитрія, сводитъ полки въ Ливнахъ, будто бы на случай Ханскаго впаденія; что главные Воеводы ихъ, Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, встрѣтясь съ нимъ, Хрущовымъ, въ искренней бесѣдѣ сказали: *насъ ожидаетъ не Крымская, а совсѣмъ иная война — но трудно поднять руку на Государя природнаго*; что Борисъ не здоровъ, едва ходитъ отъ слабости въ ногахъ, и думаетъ тайно выслать казну Московскую въ Астрахань и въ Персію.“ Годуновъ безъ сомнѣнія не убилъ Ирины и не думалъ искать убѣжища въ Персіи; еще не видалъ дотолѣ измѣны въ Россіянахъ, и не каз-

г. 1604. нилъ ни одного человѣка за явную приверженность къ Самозванцу (236); съ жадностію слушая лазутчиковъ, доносителей, клеветниковъ, воздерживалъ себя отъ тиранства для своей безопасности въ такихъ обстоятельствахъ, и терзаемый подозрѣніями, еще неосновательными, хотѣлъ знаками великодушной довѣренности тронуть Бояръ и чиновниковъ: но дѣйствительно медлилъ двинуть значительную рать прямо къ Литовскимъ предѣламъ, въ доказательство ли безстрашія, боясь ли сильнымъ ополченіемъ дать народу мысль о важности непріятеля, избѣгая ли войны съ Польшею до самой крайней необходимости? Сія необходимость была уже очевидна: Король Сигизмундъ вооружалъ на Бориса не только Самозванца, но и Крымскихъ разбойниковъ, убѣждая Хана вступить вмѣстѣ съ Лжедимитріемъ въ Россію. Борисъ зналъ все, и еще послалъ въ Варшаву, лично къ Королю, Дворянина Огарева, усовѣстить его представленіемъ, сколь унизительно для Вѣнценосца Христіанскаго быть союзникомъ подлаго обманщика; вторично объявлялъ (237), кто сей мнимый Царевичь, и спрашивалъ, чего Сигизмундъ желаетъ: мира или войны съ Россіею? Сигизмундъ хотѣлъ лукавствовать, и подобно своимъ Вельможамъ отвѣчалъ, что не стоитъ за Лжедимитрія и не мыслитъ нарушать перемирія; что нѣкоторые Ляхи самовольно

помогаютъ сему бродягѣ, *ушедшему* въ Галицію, и будутъ наказаны какъ мятежники. Г. 1604.
„Мы хотѣли обмануть Бога" (пишетъ современникъ, одинъ изъ знатныхъ Ляховъ) „увѣряя „безсовѣстно, что Король и Республика не участвуютъ въ Димитріевомъ предпріятіи." (238). Уже Самозванецъ началъ дѣйствовать, а Царь велѣлъ Патріарху Іову еще писать къ Духовенству Литовскому и Польскому, чтобы оно для блага обѣихъ Державъ старалось удалить кровопролитіе за богоотступника Разстригу (239); всѣ наши Епископы скрѣпили Патріаршую грамоту своими печатями, клятвенно свидѣтельствуя, что они всѣ знали Отрепьева Монахомъ. Такую же грамоту написалъ Іовъ и къ Кіевскому Воеводѣ, Князю Василію Острожскому, напоминая ему, что онъ самъ зналъ сего бѣглеца Діакономъ, и заклиная его быть достойнымъ сыномъ Церкви: обличить Разстригу, схватить и прислать въ Москву. Но гонцы Патріарховы не возвратились: ихъ задержали въ Литвѣ и не отвѣтствовали Іову, ни Духовенство, ни Князь Острожскій: ибо Самозванецъ дѣйствовалъ уже съ блестящимъ успѣхомъ.

Сіе грозное ополченіе, которое шло низвергнуть Годунова, состояло едва ли изъ 1500 воиновъ исправныхъ, всадниковъ и пѣшихъ, кромѣ сволочи, безъ устройства и почти

Г. 1604. безъ оружія (240). Главными Предводителями были самъ Лжедимитрій (сопровождаемый двумя Iезуитами), юный Мнишекъ (сынъ Воеводы Сендомирскаго), Дворжицкій, Фредро и Нѣборскій; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную дружину и хоругвь; а старецъ Мнишекъ первенствовалъ въ ихъ Думѣ. Они соединились близъ Кіева съ двумя тысячами Донскихъ Козаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, съ толпами вольницы, Кіевской и Сѣверской, ополченной Ратомскимъ, и 16 Октября вступили въ Россію (241). . . . . Тогда единственно Борисъ началъ рѣшительно готовиться къ оборонѣ: послалъ надежныхъ Воеводъ въ Украинскія крѣпости, съ Головами Стрѣлецкими; а знатныхъ Бояръ, Князя Дмитрія Шуйскаго, Ивана Годунова и Михайла Глѣбовича Салтыкова въ Брянскъ, чтобы собрать тамъ многочисленное полевое войско (242). Еще Борисъ могъ стыдиться страха, видя противъ себя толпы Ляховъ, нестройной вольницы и Козаковъ, предводимыя бѣглымъ разстригою; но сей человѣкъ назывался именемъ ужаснымъ для Бориса и любезнымъ для Россіи!

Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ Манифестомъ: объявлялъ Россіянамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ

на ѳеатръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго (243). Вмѣстѣ съ тѣмъ Воевода Сендомирскій именемъ Короля и Вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ (244), дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей Манифестъ довершилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы (245) и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго Діакона въ союзникѣ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Рос- г. 1604.

г. 1604. сіи. Несчастія Годунова времени, надежда на лучшее, любовь къ чрезвычайному и золото, разсыпаемое Мнишкомъ и Вишневецкими, также способствовали легковѣрію народному. Тщетно градоначальники Борисовы хотѣли мѣшать распространенію листовъ Самозванцевыхъ, опровергали и жгли ихъ: листы ходили изъ рукъ въ руки, готовя измѣну. Начались тайныя сношенія между Самозванцемъ и городами Украинскими, гдѣ лазутчики его дѣйствовали съ величайшею ревностію, обольщая умы и страсти людей — доказывая, что присяга, данная Годунову, не имѣетъ силы: ибо обманутый народъ, присягая ему, считалъ сына Іоаннова мертвымъ (246); что самъ Борисъ знаетъ сію истину, обезумѣлъ въ ужасѣ и не противится мирному вступленію Царевича въ Россію. Самые чиновники колебались, или въ оцѣпенѣніи ждали дальнѣйшихъ происшествій; самые Воеводы, видя общее движеніе въ пользу Лжедимитрія, опасались, кажется, употребить строгость, и не изъявили должнаго усердія. Составились заговоры, и мятежъ вспыхнулъ.

Отрепьевъ на лѣвомъ берегу Днѣпра раздѣлилъ свое войско (247); послалъ часть его къ Бѣлугороду, а самъ шелъ вверхъ Десны, въ слѣдъ за разсыпною дружиною перемѣтчиковъ, которые служили ему вѣрными пу-

теводителями, зная мѣста и людей. Едва поставивъ ногу на Русскую землю (13 Октября), въ Слободѣ Шляхетской, онъ свѣдалъ о своемъ первомъ успѣхѣ: жители и воины Моравска отложились отъ Бориса; связали, выдали Воеводъ своихъ Лжедимитрію; встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью (248). Чувствуя важность начала въ такомъ предпріятіи, умный прошлецъ велъ себя съ отмѣнною ловкостію: торжественно славилъ Бога; изъявлялъ милость и величавость; не укорялъ Воеводъ Моравскихъ вѣрностію къ Борису, жалѣя только объ ихъ заблужденіи, и далъ имъ свободу; жаловалъ, ласкалъ измѣнниковъ, гражданъ, воиновъ, видомъ и разговоромъ не безъ искусства представляя лице Державнаго, такъ, что отъ Литовскаго рубежа до самыхъ внутреннихъ областей Россіи съ неимовѣрною быстротою промчалась добрая слава о Лжедимитріи — и знаменитая столица древнихъ Ольговичей не усомнилась слѣдовать примѣру Моравска. 26 Октября покорился Самозванцу Черниговъ, гдѣ ратники и граждане также встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, выдавъ ему Воеводъ (249), изъ коихъ главный, Князь Иванъ Андреевичь Татевъ, внутренно ненавидя Бориса, какъ второй Хрущовъ безстыдно вступилъ въ службу къ обманщику. Тамъ хранилась значительная казна: Лжедимитрій, раздѣливъ ее между сво-

Г. 1604.

Первая измѣна.

г. 1604. ими воинами, усилилъ тѣмъ ихъ ревность; умножилъ и число, присоединивъ къ нимъ 300 Стрѣльцевъ измѣнниковъ и жителей, ополченныхъ усердіемъ къ нему или духомъ буйнымъ. Взявъ изъ Черниговской крѣпости 12 пушекъ, Самозванецъ оставилъ въ ней начальникомъ Ляха, и спѣшилъ къ Новугороду Сѣверскому. Онъ надѣялся быть вездѣ завоевателемъ безъ кровопролитія, и дѣйствительно, на берегахъ Десны, Свины и Снова, видѣлъ единственно колѣнопреклоненіе народа и слышалъ радостный кликъ: „да здравствуетъ Государь нашъ, Димитрій!"

Но вѣсти не было изъ Новагорода: жители не высылали ко Лжедимитрію ни призывныхъ грамотъ, ни Воеводъ связанныхъ: тамъ бодрствовалъ одинъ человѣкъ, рѣшительный, смѣлый — и еще вѣрный! Сей витязь былъ Петръ Ѳедоровичь Басмановъ, братъ убитаго разбойниками (въ 1604 году) Ивана Басманова, дотолѣ извѣстный только чрезвычайною судьбою отца и дѣда (250), которые, всѣмъ жертвуя Іоанновой милости, своею гибелію доказали Небесное правосудіе: наслѣдовавъ ихъ духъ царедворческій, онъ соединялъ въ себѣ великія способности ума и даже нѣкоторыя благородныя качества сердца съ совѣстію уклонною, нестрогою, будучи готовъ на добро и зло для первенства между

людьми. Борисъ видѣлъ въ юномъ Басмановѣ только достоинства; вывелъ его, вмѣстѣ съ братомъ, изъ родовой опалы на степень знатности, въ 1601 году давъ ему санъ Окольничаго, и вмѣстѣ съ Бояриномъ, Княземъ Никитою Романовичемъ Трубецкимъ, послалъ-было спасти Черниговъ (251); но они за 15 верстъ до сего города свѣдали, что тамъ уже Самозванецъ, и заключились въ Новѣгородѣ. Тогда узнали Басманова! Великая опасность поставила его выше Боярина Трубецкаго: принявъ начальство въ городѣ, гдѣ все колебалось отъ внушеній измѣны или страха, онъ истиною и грозою обуздалъ предательство: самъ увѣренный въ обманѣ, увѣрилъ въ немъ и другихъ; самъ не боясь смерти, устрашилъ мятежниковъ казнію; сжегъ предмѣстія, и съ пятисотною дружиною Стрѣльцевъ Московскихъ заперся въ крѣпости, волею или неволею взявъ къ себѣ и знатнѣйшихъ жителей (252). 11 Ноября Лжедимитрій подступилъ къ Новугороду: тутъ Россіяне привѣтствовали его, въ первый разъ, ядрами и пулями! Онъ требовалъ переговоровъ: Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ стоялъ на стѣнѣ и слушалъ клеврета Самозванцева, Ляха Бучинскаго, который сказалъ, что Царь и Великій Князь Димитрій готовъ быть отцемъ воиновъ и жителей, если ему сдадутся, или, въ случаѣ упорства, не оставитъ жи-

Г. 1604.

Витязь Басмановъ.

г. 1604. вымъ ни грудного младенца въ Новѣгородѣ. „Великій Князь и Царь въ Москвѣ," отвѣтствовалъ Басмановъ: „а вашъ Димитрій разбойникъ сядетъ на колъ, вмѣстѣ съ вами." Отрепьевъ посылалъ и Россійскихъ измѣнниковъ уговаривать Басманова, но безполезно; хотѣлъ взять крѣпость смѣлымъ приступомъ, и былъ отраженъ; хотѣлъ огнемъ разрушить ея стѣны, но не успѣлъ и въ томъ; лишился многихъ людей, и видѣлъ бѣдствіе предъ собою: станъ его унылъ; Басмановъ давалъ время войску Борисову ополчиться и примѣръ неробости инымъ градоначальникамъ.

Но добрыя вѣсти утѣшили Самозванца. Въ крѣпкомъ Путивлѣ начальствовали знатный Окольничій, Михайло Салтыковъ, и Князь Василій Рубецъ-Мосальскій: сей послѣдній, какъ воинъ не безъ достоинства, какъ гражданинъ безъ чести и правилъ, съ Дьякомъ Сутуповымъ объявилъ себя за мнимаго Царевича; самъ возмутилъ гражданъ и ратниковъ; самъ связалъ Салтыкова, и (18 Ноября) предавъ сіе важное мѣсто Разстригѣ, сдѣлался съ того времени любимцемъ его и совѣтникомъ (253). Не менѣе важный Рыльскъ, Волость Комарницкая или Сѣвская, Борисовъ, Бѣлгородъ, Волуйки, Осколъ, Воронежъ, Кромы, Ливны, Елецъ (гдѣ находился и ревностно дѣйствовалъ тогда Монахъ Леонидъ (254) подъ

именемъ Григорія Отрепьева) также поддалися Самозванцу. Вся южная Россія кипѣла бунтомъ; вездѣ вязали чиновниковъ, едва ли искренно вѣрныхъ Борису, и представляли Лжедимитрію, который немедленно освобождалъ ихъ и съ милостію принималъ къ себѣ въ службу (255). Рать его умножалась новыми толпами измѣнниковъ. Перехвативъ казну, тайно везенную Московскими купцами въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ (256), онъ послалъ знатную часть ея въ Литву, къ Князю Вишневецкому и Пану Рожинскому, чтобы набирать тамъ новыя дружины сподвижниковъ; а самъ еще стоялъ подъ Новымгородомъ, стрѣлялъ изъ большихъ пушекъ, разрушалъ стѣны (257). Басмановъ не слабѣлъ духомъ и мужествовалъ въ счастливыхъ вылазкахъ; но видя разрушеніе крѣпости, и зная, что войско Борисово идетъ спасти ее, онъ хитро заключилъ перемиріе съ Самозванцемъ, будто бы въ ожиданіи вѣстей изъ Москвы, и во всякомъ случаѣ обязываясь сдаться ему чрезъ двѣ недѣли. Уже Самозванецъ считалъ Новгородъ своимъ и Басманова плѣнникомъ. г. 1604.

Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманы-

г. 1604. вать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ, сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ (258), естественно ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный Героемъ, Годуновъ однакожь съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана (259), будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ

Робость Годунова.

итти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: Г. 1604.
подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго Предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ!

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ Державнымъ преступникомъ. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличь мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они—*не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти (260), и явно ложными показаніями затмивъ ея страшныя обстоятельства. Еще многіе знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ (261), свидѣтельствовалъ въ столицѣ Князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной

Г. 1604. смерти Царевича, имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и Патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына (264). Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали только имя Царицы-Инокини: никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключенною въ пустынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи Самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана; любя древнее племя Царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ Его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника и тирана (263). По крайней мѣрѣ сомнѣвались, и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими Ляхами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ Государю раждаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Общее расположеніе умовъ.

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ Церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ Іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а Разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ (264), какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить Царство, но и ввести въ немъ Латинскую Вѣру: слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедимитріемъ Іезуитамъ и Легату Папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство Святителей въ изслѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности; но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзѣніе къ человѣку, отверженному Церквію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ — слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ (265) — Борисъ требовалъ скорости; писалъ, что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели Царства и Церкви; грозилъ жестокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣйствительно велѣлъ г. 1604.

Г. 1604. наказывать ослушныхъ безъ пощады: лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и всѣ слуги Патріаршіе, Святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва Царскаго въ случаѣ медленности. „Бывали времена" — сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта — „когда и самые Иноки, Священники, Діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей крови; но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о Государѣ и Государствѣ." Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячь всадниковъ въ Брянскѣ (266), вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ Царя, *коего любила Россія!*

Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій Король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о Самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ Царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время воевала съ Султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго (267). Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему ненужна, а въ

Великодушіе Борисово.

случаѣ невѣрности безполезна, ибо не могла бы спасти его. г. 1604.

Грозный часъ опыта наступалъ: не льзя было медлить, ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳедоръ Ивановичь Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Дмитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичь Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ Судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не же-

Г. 1604. лали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти; но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.

Приближаясь къ Трубчевску, гдѣ уже славилось имя Димитріево, Воеводы Борисовы писали къ Сендомирскому, чтобы онъ немедленно вышелъ изъ Россіи, мирной съ Литвою, оставивъ злодѣя Разстригу на казнь, имъ заслуженную (268). Мнишекъ не отвѣтствовалъ, въ надеждѣ, что войско Борисово не обнажитъ меча: такъ думалъ Самозванецъ; такъ говорили ему измѣнники, сносясь съ своими единомышленниками въ полкахъ Московскихъ. 18 Декабря, на берегу Десны, верстахъ въ шести отъ стана Лжедимитріева, была перестрѣлка между отрядами того и другаго войска; а на третій день легкая сшибка. Ни съ которой стороны не изъявляли пылкой ревности: Самозванецъ ждалъ, кажется, что-

бы рать Борисова, слѣдуя примѣру городовъ, Г. 1604.
связала и выдала ему своихъ начальниковъ; а Мстиславскій, чтобы непріятель ушелъ безъ битвы, какъ слабѣйшій, едва ли имѣя и 12000 воиновъ (269). Но не видали ни измѣны, ни бѣгства; перешло къ Лжедимитрію только три человѣка изъ Дѣтей Боярскихъ. Оставивъ Новгородъ и свой укрѣпленный станъ, Битва.
онъ выстроился на равнинѣ, весьма неблагопріятной для войска малочисленнаго; оказывалъ спокойствіе и бодрость; говорилъ рѣчь къ сподвижникамъ (270), стараясь воспламенить ихъ мужество; молился велегласно, воздѣвъ руки на небо, и дерзнулъ, какъ увѣряютъ, громко произнести слѣдующія слова: „Всевышній! Ты зришь глубину моего сердца. „Если обнажаю мечь неправедно и беззаконно, то сокруши меня Небеснымъ громомъ“ . . . (увидимъ 17 Мая 1606 года!) . . . „Когда же „я правъ и чистъ душею, дай силу неодолимую рукѣ моей въ битвѣ! А Ты, Мать Божія, буди покровомъ нашего воинства“ (271)! 21 Декабря началося дѣло, сперва не жаркое; но вдругъ конница Польская съ воплемъ устремилась на правое крыло Россіянъ, гдѣ предводительствовали Князья Димитрій Шуйскій и Михайло Кашинъ: оно дрогнуло, и въ бѣгствѣ опрокинуло средину войска, гдѣ стоялъ Мстиславскій: изумленный такою робостію и такимъ безпорядкомъ, онъ удерживалъ ме-

Г. 1604. чемъ своихъ и непріятелей; бился въ свалкѣ; облился кровію, и съ пятнадцатью ранами упалъ на землю: дружина Стрѣльцевъ едва спасла его отъ плѣна (272). Часъ былъ рѣшительный: если бы Лжедимитрій общимъ нападеніемъ подкрѣпилъ ударъ смѣлыхъ Ляховъ, то вся рать Московская, какъ пишутъ очевидцы, представила бы зрѣлище срамнаго бѣгства; но онъ далъ ей время опомниться: 700 Нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису, удержали стремленіе непріятельскихъ, и лѣвое крыло наше уцѣлѣло. Тогда же Басмановъ вышелъ изъ крѣпости, чтобы дѣйствовать въ тылу у Самозванца, который, слыша выстрѣлы позади себя и видя свой укрѣпленный станъ въ пламени (273), прекратилъ битву. Обѣ стороны вдругъ отступили, Лжедимитрій хвалясь побѣдою и четырмя тысячами убитыхъ непріятелей, а Борисовы Воеводы отъ стыда безмолвствуя, хотя и взявъ нѣсколько плѣнниковъ. Чтобы менѣе стыдиться, Россіяне выдумали басню: увѣряли, что Ляхи испугали ихъ коней, нарядясь въ медвѣжьи шубы на-выворотъ; иноземцы же, свидѣтели сего малодушнаго бѣгства, пишутъ, что Россіяне не имѣли, казалось, ни мечей, ни рукъ, имѣя единственно ноги (274)!

Однакожь мнимый побѣдитель не веселился. Сія битва странная доказала не то,

чего хотѣлось Самозванцу: Россіяне сражались съ нимъ худо, безъ усердія, но сражались; бѣжали, но отъ него, а не къ нему. Онъ зналъ, что безъ ихъ общаго предательства ни Ляхи, ни Козаки не свергнутъ Бориса, и страшился быть между двумя огнями, двумя вѣрными Воеводами, Мстиславскимъ и Басмановымъ, который, видя отступленіе перваго, снова заключился въ крѣпости, готовый умереть въ ея развалинахъ. На другой день присоединилось къ Лжедимитрію 4000 Запорожцевъ (275), и войско Борисово удалилось къ Стародубу Сѣверскому, но для того, чтобы ожидать тамъ другихъ, свѣжихъ полковъ изъ Брянска, и могло чрезъ нѣсколько дней возвратиться къ Новугороду, обороняемому столь усильно. Ревность наемниковъ и союзниковъ ослабѣла: Ляхи надѣялись вести своего Царя въ Москву безъ кровопролитія; увидѣли, что надобно ратоборствовать; не любили ни зимнихъ походовъ, ни зимнихъ осадъ — и какъ легкомысленно начали, такъ легкомысленно и кончили: объявили, что идутъ назадъ, будто бы исполняя указъ Сигизмундовъ не воевать съ Россіею въ случаѣ, если она будетъ стоять за Царя Годунова. Тщетно убѣждалъ ихъ Лжедимитрій не терять надежды: осталось не болѣе четырехъ сотъ удальцевъ Польскихъ (276); всѣ другіе бѣжали во-свояси, а съ ними и горестный

г. 1604.

Поляки оставляютъ Самозванца.

г. 1604. Мнишекъ. Думая, что все погибло, и Княжество Смоленское для него и Царство для Марины, сей вѣтреный старецъ еще дружественно простился съ женихомъ ея и смѣло обѣщалъ ему возвратиться съ сильнѣйшею ратію. Но Самозванецъ, едва ли уже вѣря нареченному тестю, еще вѣрилъ счастію: съ обрядами священными предавъ на полѣ сраженія тѣла убитыхъ, своихъ и непріятелей, и снявъ осаду Новагорода, расположился станомъ въ Комарницкой Волости, занялъ Сѣвскій острогъ, спѣшилъ вооружать, кого могъ: гражданъ и земледѣльцевъ. Рать Борисова не дала ему времени.

Смятеніе Воеводъ Московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить Царя о битвѣ: узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, Борисъ
г. 1605. (1 Генваря) послалъ Князя Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ Предводителемъ онаго, а Чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, *ударить* ему *челомъ* за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ Государя: „Когда ты, совершивъ знаменитую „службу, увидишь образъ Спасовъ, Богома„тери, Чудотворцевъ Московскихъ и наши „Царскія очи: тогда пожалуемъ тебя свыше „твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ тебѣ искус-

„наго врача, да будешь здравъ и снова на „конѣ ратномъ." Всѣмъ инымъ Воеводамъ Царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости (277). Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ на встрѣчу къ Герою и собственныя великолѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею Царскою пышностію; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей (278), множество серебряныхъ сосудовъ изъ казны Кремлевской, доходное помѣстье и санъ Боярина Думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго Вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига и милостію Царскою; превозносили его необыкновенныя достоинства — и любимецъ Государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно раждала негодованіе зависти между знатными. Если бы Царь осмѣлился презрѣть уставъ Боярскаго старѣйшинства и дать главное Воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой Домъ отъ гибели и

Г. 1605.

Честь Басманову.

Г. 1605. Россію отъ бѣдствій: чего Судьба не хотѣла! Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, Царь отнялъ лучшаго Воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей Князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души Вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго; увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку его тиранскаго сердца, и желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ Царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ Стольниковъ и Стряпчихъ (279), нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ Предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ, что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе осьмидесяти тысячь воиновъ (280). Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску, гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый

отчаяніемъ, вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000, конныхъ и пѣшихъ; у Воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячь. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ расплохъ нагрянуть на сонныхъ: тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился (281). Ждали разсвѣта (21 Генваря). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новогородской битвы; раздѣлилъ войско на три части: для перваго удара взялъ себѣ 400 Ляховъ и 2000 Россіянъ всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ (282): за ними должны были итти 8000 Козаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ, съ обѣихъ сторонъ примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе Московскихъ Воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго, карягo аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечь, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ: угадалъ мысль непріяте-

Г. 1605. Побѣда Воеводъ Борисовыхъ.

Г. 1605. ля, и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ Разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную (283), не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту Московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи; ждала, и вдругъ залпомъ изъ сорока пушекъ, изъ десяти или двѣнадцати тысячь ружей, поразила непріятеля: множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже Козаки его неслись-было во всю прыть довершить легкую побѣду своего Героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ, сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы, съ кликомъ: Hilf Gott (*помоги Богъ*), гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ осьми верстъ, убили тысячь шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы Воеводы, какъ пишутъ (284), не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ,

и нашелъ Царя молящагося въ Лаврѣ Св. Сергія... Г. 1605.

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ Окольничаго, послалъ съ любимымъ Стольникомъ, Княземъ Мезецкимъ, золотыя медали Воеводамъ, а войску 80,000 рублей (285), и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ и двухъ ихъ Предводителей, Вальтера Розена, Ливонскаго Дворянина, и Француза Якова Маржерета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ не дорого: ибо мы лишились въ битвѣ только пяти сотъ Россіянъ и двадцати-пяти Нѣмцевъ (286).

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдители, безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненномъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ, и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе, въ городъ Рыльскъ, съ немногими Ляхами, съ Княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы: Самозванецъ не впустилъ ихъ

Г. 1605. въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей (287), такъ, что они съ досадою и стыдомъ ушли во-свояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а Воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимаясь казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ Литовскихъ, Пана Тишкѣвича и другихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Комарницкой Волости, за ихъ измѣну (288), безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остервененіе мятежниковъ, ненависть къ Царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію Воеводъ, спасли злодѣя. Уже лишенный всей надежды, разбитый на голову, почти истребленный, съ горстію бѣглецовъ унылыхъ, онъ хотѣлъ тайно уйти изъ Путивля въ Литву: измѣнники отчаянные удержали его, сказавъ: „мы всѣмъ „тебѣ жертвовали, а ты думаешь только о „жизни постыдной, и предаешь насъ мести Го„дунова; но еще можемъ спастися, выдавъ тебя „живаго Борису“ (289)! Они предложили ему все, что имѣли: жизнь и достояніе; ободрили его; ручались за множество своихъ единомышленниковъ и въ полкахъ Борисовыхъ и въ Государствѣ. Не менѣе ревности оказали и Коза-

кіи Донскіе: ихъ снова пришло къ Самозванцу 4000 въ Путивль (290); другіе засѣли въ городахъ, и клялися оборонять ихъ до послѣдняго издыханія. Лжедимитрій волею и неволею остался; послалъ Князя Татева къ Сигизмунду (291) требовать немедленнаго вспоможенія; укрѣплялъ Путивль, и слѣдуя совѣту измѣнниковъ, издалъ новый Манифестъ, разсказывая въ немъ свою вымышленную исторію о Димитріевомъ спасеніи, свидѣтельствуясь именемъ людей умершихъ (292), особенно даромъ Князя Ивана Мстиславскаго, крестомъ драгоцѣннымъ, и прибавляя, что онъ (Димитрій) тайно воспитывался въ Бѣлоруссіи, а послѣ тайно же былъ съ Канцлеромъ Сапѣгою въ Москвѣ, гдѣ видѣлъ хищника Годунова сидящаго на престолѣ Іоанновомъ. Сей вторый Манифестъ, удовлетворяя любопытству баснями, дотолѣ неизвѣстными, умножилъ число друзей Самозванца, хотя и разбитаго. Говорили, что Россіяне шли на него только принужденно, съ неизъяснимою боязнію, внушаемою чѣмъ-то сверхъестественнымъ, безъ сомнѣнія Небомъ; что они побѣдили случайно, и не устояли бы безъ слѣпаго остервененія Нѣмцевъ; что Провидѣніе очевидно хотѣло спасти сего витязя и въ самой несчастной битвѣ; что онъ и въ самой крайности не оставленъ Богомъ, не оставленъ вѣрными слугами, которые, признавъ въ немъ истин- Г. 1605.

г. 1605. наго Димитрія, еще готовы жертвовать ему собою, женами, дѣтьми, и конечно не могли бы имѣть столь великаго усердія къ обманщику. Такія разглашенія сильно дѣйствовали на легковѣрныхъ, и многіе люди, особенно изъ Комарницкой Волости, гдѣ свирѣпствовала месть Борисова, стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Между тѣмъ Воеводы Царскіе — свѣдавъ, что Самозванецъ не истребленъ — тронулись съ мѣста, приступили къ Рыльску, и не обѣщая никому помилованія, хотѣли, чтобы городъ сдался безъ условія. Тамъ начальствовали злые измѣнники, Князь Григорій Долгорукій-Роща и Яковъ Змѣевъ: видя предъ собою висѣлицу, они велѣли сказать Мстиславскому: „служимъ Царю Димитрію" — и залпомъ изъ всѣхъ пушекъ доказали свою непреклонность (293). Воеводы стояли двѣ недѣли подъ городомъ, хвалились не во-время человѣколюбіемъ, жалѣли крови, и рѣшились дать отдохновеніе войску, дѣйствительно утружденному зимнимъ походомъ; отступили въ Комарницкую Волость и донесли Царю, что будутъ ждать тамъ весны въ покойныхъ станахъ. Но Борисъ, послѣ кратковременной радости встревоженный извѣстіями о спасеніи Лжедимитрія и новыхъ прельщеніяхъ измѣны, досадуя на Мстиславскаго и

всѣхъ его сподвижниковъ, послалъ къ нимъ въ Г. 1605.
Острогъ Радогостскій Окольничаго Петра Шереметева и Думнаго Дьяка Власьева съ дружиною Московскихъ Дворянъ и съ гнѣвнымъ словомъ: укорялъ ихъ въ нерадѣніи, винилъ въ упущеніи Самозванца изъ рукъ, въ безполезности побѣды, и произвелъ всеобщее негодованіе въ войскѣ. Жаловались на жестокость и несправедливость Царя, тѣ, которые дотолѣ вѣрно исполняли присягу, обагрились кровію въ битвахъ, изнемогли отъ трудовъ ратныхъ; еще болѣе жаловались зломысленники, чтобы усиливать нелюбовь къ Царю — и могли хвалиться успѣхомъ: ибо съ сего времени, по извѣстію Лѣтописца (294), многіе чиновники воинскіе видимо склонялись къ Самозванцу, и желаніе *избыть Бориса* овладѣло сердцами. Измѣна возникала, но еще не дозрѣла до мятежа; еще наблюдалось, хотя и неохотно, повиновеніе законное. Слѣдуя строгому предписанію Государеву, Мстиславскій и Шуйскій снова вывели войско въ поле, чтобы удивить Россію ничтожностію своихъ дѣйствій: оставили Лжедимитрія на свободѣ въ Путивлѣ, соединились съ запасною ратію Ѳедора Шереметева (295), уже двѣ или три недѣли тѣснившаго Кромы, и вмѣстѣ съ Осада Кромъ.
нимъ, въ Великій постъ, начали осаждать сію крѣпость. Дѣло невѣроятное: тысячь восемдесять или болѣе ратниковъ, имѣя множе-

г. 1605. ство стѣнобитныхъ орудій, безъ успѣха приступало къ деревянному городку, ибо въ немъ, сверхъ жителей, сидѣло 600 мужественныхъ Донцевъ (296) съ храбрымъ Атаманомъ Корелою! Осаждающіе ночью сожгли городъ, заняли пепелище и валъ; но Козаки сильною, мѣткою стрѣльбою не допускали ихъ до острога, и Бояринъ Михайло Глѣбовичь Салтыковъ, или малодушный или уже предатель, не сказавъ ни слова главнымъ Воеводамъ, велѣлъ рати отступить, въ тотъ часъ, когда ей должно было устремиться на послѣднюю ограду измѣнниковъ (297). Мстиславскій и Шуйскій не дерзнули наказать виновнаго, уже видя худое расположеніе въ сподвижникахъ — и съ сего дня, въ надеждѣ взять крѣпость голодомъ, только стрѣляли изъ пушекъ, не вредя осажденнымъ, которые выкопали себѣ землянки и подъ защитою вала укрывались въ нихъ безопасно; иногда же выпалзывали изъ своихъ норъ и дѣлали смѣлыя вылазки (298). Между тѣмъ войско, стоя на снѣгу и въ сырости, было жертвою повальной болѣзни: смертоноснаго мыта (299). Сіе бѣдствіе еще оказало достохвальную заботливость Царя, приславшаго въ станъ лекарства и все нужное для спасенія болящихъ, но умножило нерадивость осады, такъ, что въ бѣлый день 100 возовъ хлѣба и 500 Козаковъ Лжедими-

тріевыхъ изъ Путивля могли пройти въ обожженыя Кромы (300). Г. 1605.

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ злодѣя. Три Инока, знавшіе Отрепьева Діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 Марта) съ грамотами отъ Государя и Патріарха къ тамошнимъ жителямъ: первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго; вторый грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ Церковной анаѳемы. Сихъ Монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ Царскомъ одѣяніи, на тронѣ, сидѣлъ Полякъ Иваницкій, и представляя лице Самозванца, спросилъ у нихъ: „знаете ли меня?" Монахи сказали: „нѣтъ; „знаемъ только, что ты во всякомъ случаѣ „не Димитрій." Ихъ стали пытать: двое терпѣли и молчали; а третій спасъ себя объявленіемъ (301), что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли уморить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у младшаго изъ сихъ Иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести. Увѣ-

Г. 1605. ряютъ, что онъ, хваляся явнымъ Небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ Патріарху и къ самому Царю: укорялъ Іова злоупотребленіемъ Церковной власти въ пользу хищника, а Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему свою Царскую милость (302). Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову, было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости!

Письмо Самозванца къ Борису.

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее, ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ (303). Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ пер-

вой шекли дѣла, какъ обыкновенно; вторый блисталъ пышностію, какъ и доселѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство, а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго. Г. 1605.

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, Кончина Годунова.

г. 1605. судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ (304), обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами. . . .

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни — читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной незапнымъ наступленіемъ вѣчности? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила: супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и Святое Знаменіе Христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и поздняго раскаянія! . . . Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію.

Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ (305); но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ семейства, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло Царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее — но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ прекратилъ бурные дни Борисовы, къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была Небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ Діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ Царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычею злодѣйства на многія лѣта. г. 1605.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ Властителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго

Г. 1605. правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто обагренное кровію невинныхъ, Св. Димитрія издыхающаго подъ ножемъ убійцъ, Героя Псковскаго въ петлѣ, столь многихъ Вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою Вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ . . . вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, въ Политикѣ мирной и здравой? Но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тираномъ; не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ подобно Іоанну, устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей. Если Годуновъ на-время благоустроилъ Державу, на-время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго — предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ

древняго племени Царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею? Г. 1605.

ГЛАВА III.

Царствованіе Θеодора Борисовича Годунова.

Г. 1605.

Присяга Θеодору. Достоинства юнаго Царя. Избраніе Басманова въ Военачальники. Присяга войска. Измѣна Басманова. Самозванецъ усиливается. Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова. Измѣна войска. Походъ къ Москвѣ. Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ. Измѣна Москвитянъ. Сведеніе Θеодора съ престола. Присяга Лжедимитрію. Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ. Цареубійство.

Г. 1605. Еще Россіяне погребли Бориса съ честію во храмѣ Св. Михаила, между памятниками своихъ Вѣнценосцевъ Варяжскаго племени; еще Духовенство льстило ему и въ могилѣ: Святители въ окружныхъ грамотахъ къ монастырямъ писали о *безпорочной и праведной душѣ его, мирно отшедшей къ Богу* (306)! Еще всѣ, отъ Патріарха и Синклита до мѣщанъ и земледѣльцевъ, съ видомъ усердія при-

Присяга Θеодору.

сягнули „Царицѣ Маріи и дѣтямъ ея, *Царю* „Θеодору и Ксеніи (307), обязываясь страш„ными клятвами не измѣнять имъ, не умыш„лять на ихъ жизнь, и не хотѣть на Госу„дарство Московское ни бывшаго Великаго

„Князя Тверскаго, слѣпца Симеона, ни злодѣя, Г. 1605.
„именующаго себя Димитріемъ; не избѣгать „Царской службы, и не бояться въ ней ни „трудовъ, ни смерти." Достигнувъ вѣнца злодѣйствомъ, Годуновъ былъ однакожъ Царемъ законнымъ: сынъ естественно наслѣдовалъ права его, утвержденныя *двукратною* присягою (308), и какъ бы давалъ имъ новую силу прелестію своей невинной юности, красоты мужественной, души равно твердой и кроткой; онъ соединялъ въ себѣ умъ отца съ добродѣтелію матери, и шестнадцати лѣтъ удивлялъ Вельможъ даромъ слова и свѣдѣніями необыкновенными въ тогдашнее время: первымъ счастливымъ плодомъ Европейскаго воспитанія въ Россіи; рано узналъ и науку правленія, отрокомъ засѣдая въ Думѣ; узналъ и сладость благодѣянія, всегда употребляемый родителемъ въ посредники между закономъ и милостію (309). Чего не льзя было ожидать Государству отъ такого Вѣнценосца? Но тѣнь Борисова съ ужасными воспоминаніями омрачала престолъ Ѳеодоровъ: ненависть къ отцу препятствовала любви къ сыну. Россіяне ждали только бѣдствій отъ злаго племени, въ ихъ глазахъ опальнаго предъ Богомъ, и страшась быть жертвою Небесной казни за Годунова, не устрашились подвергнуться сей казни за преступленіе собственное: за

Достоинства юнаго Царя.

Г. 1605. вѣроломство, осуждаемое уставомъ Божественнымъ и человѣческимъ.

Еще Ѳеодоръ, столь юный, имѣлъ нужду въ совѣтникахъ: мать его блистала единственно скромными добродѣтелями своего пола. Немедленно велѣли тремъ знатнѣйшимъ Боярамъ, Князьямъ Мстиславскому, Василью и Дмитрію Шуйскимъ, оставить войско и быть въ Москву, чтобы правительствовать въ Синклитѣ; возвратили свободу, честь и достояніе славному Бѣльскому (310), чтобы также пользоваться его умомъ и свѣдѣніями въ Думѣ. Но всего важнѣе было избраніе главнаго Воеводы: искали уже не старѣйшаго, а способнѣйшаго, и выбрали — Басманова, ибо не могли сомнѣваться ни въ его воинскихъ дарованіяхъ, ни въ вѣрности, доказанной дѣлами блестящими. Юный Ѳеодоръ, въ присутствіи матери, сказалъ ему съ умиленіемъ: „служи „намъ, какъ ты служилъ отцу моему" — и сей честолюбецъ, пылая (такъ казалось) чувствомъ усердія, клялся умереть за Царя и Царицу (311)! Басманову дали въ товарищи одного изъ знатнѣйшихъ Бояръ, Князя Михайла Катырева-Ростовскаго, добраго и слабодушнаго. Послали съ ними и Митрополита Новогородскаго, Исидора, чтобы войско въ его присутствіи цѣловало крестъ на имя Ѳеодора. — Нѣсколько дней прошло въ ти-

Избраніе Басманова въ Военачальники.

шинѣ для столицы. Дворъ и народъ торжественно молились о душѣ Царя усопшаго: гораздо искреннѣе молились истинные друзья отечества о спасенiи Государства, предвидя бурю. Съ нетерпѣнiемъ ждали вѣстей изъ Кромскаго стана — и первыя донесенiя новыхъ Воеводъ казались еще благопрiятными. Г. 1605.

Невидимо держа въ рукѣ судьбу отечества, Басмановъ 17 Апрѣля (312) прибылъ въ станъ, и не нашелъ тамъ уже ни Мстиславскаго, ни Шуйскихъ: созвалъ всѣхъ, чиновниковъ и рядовыхъ, подъ знамена; извѣстилъ ихъ о воцаренiи Θеодора, и прочиталъ имъ грамоты его, весьма милостивыя: юный Монархъ обѣщалъ вѣрному, усердному войску безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ. Сильное внутреннее движенiе обнаружилось на лицахъ: нѣкоторые плакали о Царѣ усопшемъ, боясь за Россiю; другiе не таили злой радости. Но войско, подобно Москвѣ, присягнуло Θеодору. Съ симъ извѣстiемъ Митрополитъ Исидоръ возвратился въ столицу: самъ Басмановъ доносилъ о томъ.... а чрезъ нѣсколько дней узнали его измѣну!

Присяга войска.

Удививъ современниковъ, дѣло Басманова удивляетъ и потомство. Сей человѣкъ имѣлъ душу, какъ увидимъ въ роковый часъ его жизни; не вѣрилъ Самозванцу; столь ревностно

Измѣна Басманова.

г. 1605. обличалъ и столь мужественно разилъ его подъ стѣнами Новагорода Сѣверскаго; былъ осыпанъ милостями Бориса, удостоенъ всей довѣренности Ѳеодора, избранъ въ спасители Царя и Царства, съ правомъ на ихъ благодарность безпредѣльную, съ надеждою оставить блестящее имя въ лѣтописяхъ — и палъ къ ногамъ Разстриги, въ видѣ гнуснаго предателя! Изъяснимъ ли такое непонятное дѣйствіе худымъ расположеніемъ войска? Скажемъ ли, что Басмановъ, предвидя неминуемое торжество Самозванца, хотѣлъ ускореніемъ измѣны спасти себя отъ уничиженія: хотѣлъ лучше отдать и войско и Царство обманщику, нежели быть выданнымъ ему мятежниками (313)? Но полки еще клялися именемъ Божіимъ въ вѣрности къ Ѳеодору: какою новою ревностію могъ бы одушевить ихъ Воевода доблій, силою своего духа и закона обуздавъ зломысленниковъ? Нѣтъ, вѣримъ сказанію Лѣтописца, что не общая измѣна увлекла Басманова, но Басмановъ произвелъ общую измѣну войска (314). Сей честолюбецъ безъ правилъ чести, жадный къ наслажденіямъ временщика, думалъ, вѣроятно, что гордые, завистливые родственники Ѳеодоровы никогда не уступятъ ему ближайшаго мѣста къ престолу, и что Самозванецъ безродный, имъ (Басмановымъ) возведенный на царство, естественно будетъ привязанъ благодарностію и собственною пользою

къ главному виновнику своего счастія: судьба ихъ дѣлалась нераздѣльною — и кто могъ затмить Басманова достоинствами личными? Онъ зналъ другихъ Бояръ и себя: не зналъ только, что сильные духомъ падаютъ какъ младенцы на пути беззаконія! Басмановъ, вѣроятно, не дерзнулъ бы измѣнить Борису, который дѣйствовалъ на воображеніе и долговременнымъ повелительствомъ и блескомъ великаго ума государственнаго: Ѳеодоръ, слабый юностію лѣтъ и новостію Державства, вселялъ смѣлость въ предателя, вооруженнаго суемудріемъ для успокоенія сердца: онъ могъ думать, что измѣною спасаетъ Россію отъ ненавистной Олигархіи Годуновыхъ, вручая скипетръ хотя и самозванцу, хотя и человѣку низкаго происхожденія, но смѣлому, умному, другу знаменитаго Вѣнценосца Польскаго, и какъ бы избранному Судьбою для совершенія достойной мести надъ родомъ святоубійцы; могъ думать, что направитъ Лжедимитрія на путь добра и милости: обманетъ Россію, но загладитъ сей обманъ — ея счастіемъ! Можетъ быть, Басмановъ выѣхалъ изъ столицы еще въ нерѣшимости, готовый дѣйствовать по обстоятельствамъ, для выгодъ своего честолюбія; можетъ быть, онъ рѣшился на измѣну единственно тогда, какъ увидѣлъ преклонность и Воеводъ и войска къ обманщику. Всѣ цѣловали крестъ Ѳеодору (ибо Г. 1605.

Г. 1605. никто не дерзнулъ быть первый мятежникомъ), но большею частію съ нехотѣніемъ или съ уныніемъ. И тѣ, которые дотолѣ не вѣрили мнимому Димитрію, стали вѣрить ему, будучи поражены незапною смертію Годунова, и находя въ ней новое доказательство, что не самозванецъ, а дѣйствительно наслѣдникъ Іоанновъ требуетъ своего законнаго достоянія: ибо Всевышній — какъ они думали (315) — несомнительно благоволитъ о немъ и ведетъ его, чрезъ могилу хищника, на царство. Замѣтили также, что въ присягѣ Ѳеодоровой Самозванецъ не былъ именованъ Отрепьевымъ: слагатели ея, вѣроятно безъ умысла, написали единственно: *клянемся не приставать къ тому, кто именуетъ себя Димитріемъ* (316). „Слѣдственно" — говорили многіе — „сказка „о бѣгломъ Діаконѣ Чудовскомъ уже торже„ственно объявляется вымысломъ. Кто же сей „Димитрій, если не истинный?" Самые вѣрные имѣли печальную мысль, что Ѳеодору не удержаться на престолѣ. Такое расположеніе умовъ и сердецъ обѣщало легкій успѣхъ измѣнѣ: Басмановъ наблюдалъ, рѣшился, и готовя Россію въ даръ обманщику, безъ сомнѣнія удостовѣрился, посредствомъ тайныхъ сношеній, въ его благодарности.

Самозванецъ усиливается.

Оставленный на свободѣ въ Путивлѣ, Лжедимитрій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ укрѣ-

плялъ свои города и вооружалъ людей; писалъ къ Мнишку, что надѣется на счастіе болѣе, нежели когда нибудь; посылалъ дары къ Хану, желая заключить съ нимъ союзъ; ждалъ новыхъ сподвижниковъ изъ Галиціи, и былъ усиленъ дружиною всадниковъ, приведенныхъ къ нему Михайломъ Ратомскимъ, который увѣрялъ его, что въ слѣдъ за нимъ будетъ и Воевода Сендомирскій съ Королевскими полками (317). Но только смерть Борисова, только измѣна Воеводъ Царскихъ могла исполнить дерзкую надежду Разстриги: о первой свѣдалъ онъ въ концѣ Апрѣля отъ бѣглеца, Дворянина Бахметева (318); о второй въ началѣ Мая, вѣроятно отъ самого Басманова — и съ того времени зналъ все, что происходило въ станѣ Кромскомъ. Г. 1605.

Отдавъ честь мужа Думнаго и славу знаменитаго витязя за прелесть исключительнаго Вельможства подъ скипетромъ бродяги, Басмановъ, увѣренный въ сей наградѣ, увѣрилъ въ ней и другихъ низкихъ самолюбцевъ: Боярина Князя Василья Васильевича Голицына, брата его Князя Ивана, и Михайла Глѣбовича Салтыкова (319), которые также не имѣли ни совѣсти, ни стыда, и также хотѣли быть временщиками новаго царствованія въ воздаяніе за гнусное злодѣйство. Но и злодѣи ищутъ благовидныхъ предлоговъ

Измѣна Голицыныхъ и Салтыкова.

Г. 1605. въ своихъ ковахъ: обманывая другъ друга, лицемѣры находили въ Лжедимитріи всѣ признаки истиннаго (320), добродѣтели Царскія и свойства души высокой; дивились чудесной судьбѣ его, ознаменованной перстомъ Божіимъ; злословили царство Годуновыхъ, снисканное лукавствомъ и беззаконіемъ; оплакивали бѣдствіе войны междоусобной и кровопролитной, необходимой для удержанія короны на слабой главѣ Ѳеодоровой, и въ торжествѣ Разстриги видѣли пользу, тишину, счастіе Россіи. Они условились въ предательствѣ, и спѣшили дѣйствовать. Еще нѣсколько дней коварствовали втайнѣ, умножая число надежныхъ единомышленниковъ (между коими отличались ревностію Боярскія Дѣти городовъ Рязани (321), Тулы, Коширы, Алексина); успокоивали совѣсть людей малоумныхъ, недальновидныхъ, твердя и повторяя, что для Россіянъ одна присяга законная: данная ими Іоанну и дѣтямъ его; что новѣйшія, взятыя съ нихъ на имя Бориса и Ѳеодора, суть плодъ обмана и недѣйствительны, когда сынъ Іоанновъ не умиралъ и здравствуетъ въ Путивлѣ. Наконецъ, 7 Мая (322), заговоръ открылся: ударили тревогу; Басмановъ сѣлъ на коня, и громогласно объявилъ Димитрія Царемъ Московскимъ. Тысячи воскликнули, и Рязанцы первые: „да здравствуетъ же „отецъ нашъ, Государь Димитрій Іоанновичь!"

Измѣна войска.

Другіе еще безмолвствовали въ изумленіи. г. 1605.
Тогда единственно проснулись Воеводы вѣрные, обманутые коварствомъ Басманова: Князья Михайло Катыревъ - Ростовскій, Андрей Телятевскій, Иванъ Ивановичъ Годуновъ; но поздно! Видя малое число усердныхъ къ Ѳеодору, они бѣжали въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чиновниками и воинами, Россіянами и чужеземцами (323): ихъ гнали, били; настигли Ивана Годунова, и связаннаго привели въ станъ, гдѣ войско въ несчастномъ заблужденіи торжествовало измѣну какъ свѣтлый праздникъ отечества. Никто не смѣлъ изъявить сомнѣнія, когда знаменитѣйшій противникъ Самозванца, Герой Новагорода - Сѣверскаго, уже призналъ въ немъ сына Іоаннова — и радость, видѣть снова на тронѣ древнее племя Царское, заглушала упреки совѣсти для обольщенныхъ вѣроломцевъ! . . . Въ сей памятный беззаконіемъ день первенствовалъ Басмановъ дерзкимъ злодѣйствомъ, а другой измѣнникъ подлымъ лукавствомъ: Князь Василій Голицынъ велѣлъ связать себя, желая на всякій случай увѣрить Россію, что предается обманщику невольно (324)!

Нарушивъ клятву, войско съ знаками живѣйшаго усердія обязалось другою: измѣнивъ Ѳеодору, быть вѣрнымъ мнимому Димитрію, и дало знать Атаману Корелѣ, что они слу-

Г. 1605. жать уже одному Государю. Война прекратилась: Кромскіе защитники выползли изъ своихъ норъ и братски обнимались съ бывшими непріятелями на валу крѣпости; а Князь Иванъ Голицынъ спѣшилъ въ Путивль, уже не къ *Царевичу*, а къ *Царю* (325), *съ повинною* отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Лжедимитрій имѣлъ нужду въ необыкновенной душевной силѣ, чтобы скрыть свою чрезмѣрную радость: важно, величаво сидѣлъ на тронѣ, когда Голицынъ, провождаемый множествомъ сановниковъ и Дворянъ (326), смиренно билъ ему челомъ, и съ видомъ благоговѣнія говорилъ такъ: „Сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ державу Россіи, и ждетъ „твоего милосердія. Обольщенные Борисомъ, „мы долго противились нашему Царю законному: нынѣ же, узнавъ истину, всѣ единодушно тебѣ присягнули. Иди на престолъ „родительскій; царствуй счастливо, и многія „лѣта! Враги твои, клевреты Борисовы, въ „узахъ. Если Москва дерзнетъ быть строптивою, то смиримъ ее. Иди съ нами въ столицу, вѣнчаться на царство!“ . . Въ сей самый часъ, по извѣстію Лѣтописца, нѣкоторые Дворяне Московскіе, смотря на Лжедимитрія, узнали въ немъ Діакона Отрепьева (327): содрогнулись, но уже не смѣли говорить, и плакали тайно. Хитро представляя лице Мо-

нарха великодушнаго, тронутаго раскаянїемъ виновныхъ подданныхъ, счастливый обманщикъ не благодарилъ, а только простилъ войско; велѣлъ ему итти къ Орлу (328), и самъ выступилъ туда 19 Мая изъ Путивля съ 600 Ляховъ, съ Донцами и своими Россіянами, старѣйшими другихъ въ измѣнѣ; хотѣлъ видѣть развалины Кромъ, прославленныя мужествомъ ихъ защитниковъ, и тамъ, оглядѣвъ пепелище, валъ, землянки Козаковъ и необозримый, укрѣпленный станъ, гдѣ въ теченіе шести недѣль болѣе осмидесяти тысячь добрыхъ воиновъ за семидесятью огромными пушками укрывалось въ бездѣйствіи, изъявилъ удивленіе и хвалился чудомъ Небесной къ нему милости. Далѣе на пути встрѣтили Разстригу Воеводы, Михайло Салтыковъ, Князь Василій Голицынъ, Шереметевъ и Глава предательства, Басмановъ . . . . сей послѣдній съ искреннею клятвою умереть за того, кому онъ жертвовалъ совѣстію и бѣднымъ отечествомъ! Единодушно принятый войскомъ какъ Царь благодатный, Лжедимитрій распустилъ часть его на мѣсяцъ для отдохновенія (329), другую послалъ къ Москвѣ, а самъ съ двумя или тремя тысячами надежнѣйшихъ сподвижниковъ шелъ тихо въ слѣдъ за нею. Вездѣ народъ и люди воинскіе встрѣчали его съ дарами; крѣпости, города сдавались: изъ самой отдаленной Астрахани при-

Г. 1605.

Походъ къ Москвѣ.

Г. 1605. везли къ нему въ цѣпяхъ Воеводу, Михайла Сабурова, ближняго родственника Ѳеодорова. Только въ Орлѣ горсть великодушныхъ не хотѣла измѣнить закону: сихъ достойныхъ Россіянъ, къ сожалѣнію неизвѣстныхъ для Исторіи, ввергнули въ темницу (330). Всѣ другіе ревностно преклоняли колѣна, славили Бога и Димитрія, какъ нѣкогда Героя Донскаго или завоевателя Казани! На улицахъ, на дорогахъ тѣснились къ его коню, чтобы лобызать ноги Самозванца! Все было въ волненіи, не ужаса, но радости. Исчезъ оплотъ стыда и страха для измѣны: она бурною рѣкою стремилась къ Москвѣ, неся съ собою гибель Царю и народной чести. Тамъ первыми вѣстниками злополучія были бѣглецы добросовѣстные, Воеводы Кашыревъ-Ростовскій и Теляшевскій съ ихъ дружинами (331). Ѳеодоръ, еще пользуясь Царскою властію, изъявилъ имъ благодарность отечества торжественными наградами — и какъ бы спокойно ждалъ своего жребія на бѣдственномъ тронѣ, видя вокругъ себя уже не многихъ друзей искреннихъ, отчаяніе, недоумѣніе, притворство, а въ народѣ еще тишину, но грозную: готовность къ великой перемѣнѣ, тайно желаемой сердцами (332). Можетъ быть, зломысліе и лукавство нѣкоторыхъ Думныхъ Совѣтниковъ, благопріятствуя Самозванцу, усыпляли жертву на канунѣ ея закланія: обма-

Оцѣпенѣніе умовъ въ столицѣ.

нывали Θеодора, его машь и ближнихъ, уменьшая опасность или предлагая мѣры недѣйствительныя для спасенія. Власть верховная дремала въ палатахъ Кремлевскихъ, когда Отрепьевъ шелъ къ столицѣ, — когда имя Димитрія уже гремѣло на берегахъ Оки, — когда на самой Красной площади толпился народъ, съ жадностію слушая вѣсти объ его успѣхахъ. Еще были Воеводы и воины вѣрные: юный Старшигъ Державный, въ видѣ Ангела красоты и невинности, еще могъ бы смѣло итти съ ними на сонмы ослѣпленныхъ клятвопреступниковъ и на подлаго Разстригу: въ дѣлѣ законномъ есть сила особенная, непонятная и страшная для беззаконія. Но если не коварство, то чудное оцѣпенѣніе умовъ предавало Москву въ мирную добычу злодѣйству. Звукъ оружія и движенія ратныя могли бы дать бодрость унылымъ и страхъ измѣнникамъ; но спокойствіе, ложное, смертоносное, господствовало въ столицѣ, и служило для козней вожделѣннымъ досугомъ. Дѣятельность Правительства оказывалась единственно въ томъ, что ловили гонцевъ съ грамотами отъ войска и Самозванца къ Московскимъ жителямъ (333): грамоты жгли, гонцевъ сажали въ темницу; наконецъ не устерегли — и въ одинъ часъ все совершилось! г. 1605.

Г. 1605. Измѣна Москвитянъ.

Лжедимитрій, угадывая, что его письма не доходятъ до Москвы, избралъ двухъ сановниковъ смѣлыхъ, расторопныхъ, Плещеева и Пушкина (334): далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а чрезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ онъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносельскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію, и торжественно ввели гонцевъ его (1 Іюня) въ Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные Царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча; а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ; другихъ силою увлекли за собою: нѣкоторые приставали къ нимъ только изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ лобному мѣсту, гдѣ, по данному знаку, все умолкло, чтобы слушать грамоту Лжедимитріеву къ Синклиту, къ Большимъ Дворянамъ, сановникамъ, людямъ Приказнымъ, воинскимъ, торговымъ, *среднимъ* и чернымъ (335). „Вы клялися отцу моему" — писалъ Разстрига — „не измѣнять его дѣтямъ „и потомству во вѣки вѣковъ, но взяли Годунова въ Цари. Не упрекаю васъ: вы ду„мали, что Борисъ умертвилъ меня въ лѣ„тахъ младенческихъ; не знали его лукавства

„и не смѣли противиться человѣку, который Г. 1605.
„уже самовластвовалъ и въ царствованіе Ѳео-
„дора Іоанновича, — жаловалъ и казнилъ,
„кого хотѣлъ. Имъ обольщенные, вы не вѣ-
„рили, что я, спасенный Богомъ, иду къ вамъ
„съ любовію и кротостію. Драгоцѣнная кровь
„лилася. . . Но жалѣю о томъ безъ гнѣва: не-
„вѣдѣніе и страхъ извиняютъ васъ. Уже судь-
„ба рѣшилась: города и войско мои. Дерзнете
„ли на брань междоусобную въ угодность
„Маріи Годуновой и сыну ея? Имъ не жаль
„Россіи: они не своимъ, а чужимъ владѣютъ;
„упитали кровію землю Сѣверскую и хотятъ
„разоренія Москвы. Вспомните, что было
„отъ Годунова вамъ, Бояре, Воеводы и всѣ
„люди знаменитые: сколько опалъ и безчестія
„несноснаго? А вы, Дворяне и Дѣти Боярскіе,
„чего не претерпѣли въ тягостныхъ служ-
„бахъ и въ ссылкахъ? А вы, купцы и гости,
„сколько утѣсненій имѣли въ торговлѣ, и ка-
„кими неумѣренными пошлинами отягоща-
„лись? Мы же хотимъ васъ жаловать безпри-
„мѣрно: Бояръ и всѣхъ мужей сановитыхъ
„честію и новыми отчинами, Дворянъ и лю-
„дей Приказныхъ милостію, гостей и купцевъ
„льготою, въ непрерывное теченіе дней мир-
„ныхъ и тихихъ. Дерзнете ли быть непре-
„клонными? Но отъ нашей Царской руки не
„избудете: иду и сяду на престолѣ отца
„моего; иду съ сильнымъ войскомъ, своимъ

Г. 1605. „и Литовскимъ: ибо не только Россіяне, но „и чужеземцы охотно жертвуютъ мнѣ жизнію. Самые невѣрные Ногаи хотѣли слѣдовать за мною: я велѣлъ имъ остаться въ „степяхъ, щадя Россію. Страшитесь гибели, „временной и вѣчной; страшитесь отвѣта „въ день суда Божія: смиритесь, и немедленно „пришлите Митрополитовъ, Архіепископовъ, „мужей Думныхъ, Большихъ Дворянъ и Дьяковъ, людей воинскихъ и торговыхъ, бить „намъ челомъ, какъ вашему Царю законному." Народъ Московскій слушалъ съ благоговѣніемъ и разсуждалъ такъ (336): „Войско и Бояре поддалися безъ сомнѣнія не ложному Димитрію. Онъ приближается къ Москвѣ: съ „кѣмъ стоять намъ противъ его силы? съ „горстію ли бѣглецовъ Кромскихъ? съ нашими „ли старцами, женами и младенцами? и за „кого? за ненавистныхъ Годуновыхъ, похитителей Державной власти? Для ихъ спасенія предадимъ ли Москву пламени и разоренію? Но не спасемъ ни ихъ, ни себя сопротивленіемъ безполезнымъ. Слѣдственно не „о чемъ думать: должно прибѣгнуть къ милосердію Димитрія!"

И въ то время, когда сіе беззаконное Вѣче располагало Царствомъ, главные совѣтники Престола трепетали въ Кремлѣ отъ ужаса. Патріархъ молилъ Бояръ дѣйствовать, а

самъ, въ смятеніи духа, не мыслилъ явиться на лобномъ мѣстѣ въ ризахъ Святительскихъ, съ крестомъ въ десницѣ, съ благословеніемъ для вѣрныхъ, съ клятвою для измѣнниковъ: онъ только плакалъ (337)! Знатнѣйшіе Бояре, Мстиславскій и Василій Шуйскій, Бѣльскій и другіе Думные Совѣтники вышли изъ Кремля къ гражданамъ, сказали имъ нѣсколько словъ въ увѣщаніе, и хотѣли схватить гонцевъ Лжедимитріевыхъ: народъ не далъ ихъ и завопилъ: „Время Годуновыхъ миновалось! Мы были съ „ними во тьмѣ кромѣшней: солнце восходитъ „для Россіи! Да здравствуетъ Царь Димитрій! „Клятва Борисовой памяти! Гибель племени „Годуновыхъ!" Съ симъ воплемъ толпы ринулись въ Кремль. Стража и тѣлохранители исчезли вмѣстѣ съ подданными для Ѳеодора: дѣйствовали одни буйные мятежники; вломились во дворецъ, и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: стащили юнаго Царя съ престола (338), гдѣ онъ искалъ безопасности! Мать злосчастная упала къ ногамъ неистовыхъ и слезно молила не о царствѣ, а только о жизни милаго сына! Но мятежники еще страшились быть извергами: безвредно вывели Ѳеодора, его мать и сестру изъ дворца въ Кремлевскій собственный домъ Борисовъ, и тамъ приставили къ нимъ стражу; всѣхъ родственниковъ Царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, за-

Г. 1605.

Сведеніе Ѳеодора съ престола.

Г. 1605. ключили, имѣніе ихъ расхитили, домы сломали; не оставили ничего цѣлаго и въ жилищѣ иноземныхъ Медиковъ, любимцевъ Борисовыхъ; хотѣли грабить и погреба казенные, но удержались, когда Бѣльскій напомнилъ имъ, что все казенное уже есть Димитріево (339). Сей пѣстунъ меньшаго Іоаннова сына (340) явился тогда вдругъ главнымъ совѣтникомъ народа, какъ злѣйшій врагъ Годуновыхъ, и вмѣстѣ съ другими Боярами, малодушными или коварными, старался утишить мятежъ именемъ Царя новаго. Всѣ дали присягу Димитрію, и (3 Іюня) Вельможи, Князья Иванъ Михайловичь Воротынскій, Андрей Телятевскій, Петръ Шереметевъ, Думный Дьякъ Власьевъ, и другіе знатнѣйшіе чиновники, Дворяне, граждане выѣхали изъ столицы *съ повинною* къ Самозванцу въ Тулу (341). Уже вѣстникъ Плещеева и Пушкина предупредилъ ихъ; уже Разстрига зналъ все, что сдѣлалось въ Москвѣ, и еще не былъ спокоенъ: послалъ туда Князя Василья Голицына, Мосальскаго и Дьяка Сутупова (342) съ тайнымъ наказомъ, а Петра Басманова съ воинскою дружиною, чтобы мерзостнымъ злодѣйствомъ увѣнчать торжество беззаконія.

Присяга Лжедимитрію.

Сіи достойные слуги Лжедимитріевы, принятые въ Москвѣ какъ полновластные исполнители Царской воли, начали дѣло свое съ Патріарха. Слабодушнымъ участіемъ въ коз-

нях Борисовыхъ лишивъ себя довѣренности народной, не имѣвъ мужества умереть за истину и за Өеодора, онѣмѣвъ отъ страха, и даже, какъ увѣряютъ, вмѣстѣ съ другими Святителями *бивъ челомъ* Самозванцу (343), надѣялся ли Іовъ снискать въ немъ срамную милость? Но Лжедимитрій не вѣрилъ его безстыдству; не вѣрилъ, чтобы онъ могъ съ видомъ благоговѣнія возложить Царскій вѣнецъ на своего бѣглаго Діакона — и для того Послы Самозванцевы объявили народу Московскому, что рабъ Годуновыхъ не долженъ оставаться Первосвятителемъ. Свергнувъ Царя, народъ во дни беззаконія не усомнился свергнуть и Патріарха (344). Іовъ совершалъ Литургію въ храмѣ Успенія: вдругъ мятежники неистовые, вооруженные копьями и дреколіемъ, вбѣгаютъ въ церковь; не слушаютъ Божественнаго пѣнія; стремятся въ Олтарь, хватаютъ и влекутъ Патріарха; рвутъ съ него одежду Святительскую . . . Тутъ несчастный Іовъ изъявилъ и смиреніе и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ громогласно: „Здѣсь, предъ сею Святою иконою, я былъ „удостоенъ сана Архіерейскаго, и 19 лѣтъ „хранилъ цѣлость Вѣры: нынѣ вижу бѣдствіе „Церкви, торжество обмана и ереси. Ма„терь Божія! спаси Православіе!“ Его одѣли въ черную ризу, *таскали, позорили* въ храмѣ,

г. 1605.

Заточеніе Патріарха и Годуновыхъ.

Г. 1605. на площади, и вывезли въ телегѣ изъ города, чтобы заключить въ монастырѣ Старицкомъ. — Удаливъ важнѣйшаго свидѣтеля истины, противнаго Самозванцу, рѣшили судьбу Годуновыхъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ (345): отправили ихъ скованныхъ въ темницы городовъ дальнихъ, Низовыхъ и Сибирскихъ (ненавистнаго Семена Годунова задавили въ Переславлѣ). Немедленно рѣшили и судьбу Державнаго семейства.

Цареубійство. Юный Θеодоръ, Марія и Ксенія, сидя подъ стражею въ томъ домѣ, откуда властолюбіе Борисово извлекло ихъ на θеатръ гибельнаго величія, угадывали свой жребій. Народъ еще уважилъ въ нихъ святость Царскаго сана, — можетъ быть, и святость непорочности; можетъ быть, въ самомъ неистовствѣ бунта желалъ, чтобы мнимый Димитрій оказалъ великодушіе, и взявъ себѣ корону, оставилъ жизнь несчастнымъ хотя въ уединеніи какого нибудь монастыря пустыннаго. Но великодушіе въ семъ случаѣ казалось Разстригѣ несогласнымъ съ Политикою: чѣмъ болѣе достоинствъ личныхъ имѣлъ сверженный, законный Царь, тѣмъ болѣе онъ могъ страшить Лжецаря, возводимаго на престолъ злодѣйствомъ нѣкоторыхъ и заблужденіемъ многихъ; успѣхъ измѣны всегда готовитъ другую — и никакая пустыня не скрыла бы Державнаго юношу

отъ умиленія Россіянъ. Такъ, вѣроятно, думалъ и Басмановъ; однакожь не хотѣлъ явно участвовать въ дѣлѣ ужасномъ: зло и добро имѣютъ степени! Другіе были смѣлѣе: Князья Голицынъ и Мосальскій, чиновники Молчановъ и Шерефединовъ (346), взявъ съ собою трехъ звѣровидныхъ Стрѣльцевъ, 10 Іюня пришли въ домъ Борисовъ: увидѣли Ѳеодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей (347); вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій Царицы, развели ихъ по особымъ комнатамъ, и велѣли Стрѣльцамъ дѣйствовать: они въ ту же минуту удавили Царицу Марію; но юный Ѳеодоръ, надѣленный отъ природы силою необыкновенною, долго боролся съ четырмя убійцами, которые едва могли одолѣть и задушить его (347). Ксенія была несчастнѣе матери и брата: осталась жива: гнусный сластолюбецъ Разстрига слышалъ объ ея прелестяхъ, и велѣлъ Князю Мосальскому взять ее къ себѣ въ домъ. Москвѣ объявили, что Ѳеодоръ и Марія сами лишили себя жизни ядомъ; но трупы ихъ, дерзостно выставленные на позоръ, имѣли несомнительные признаки удавленія (348). Народъ толпился у бѣдныхъ гробовъ, гдѣ лежали двѣ вѣнценосныя жертвы, супруга и сынъ властолюбца, который обожалъ — и погубилъ ихъ, давъ имъ престолъ на ужасъ и на смерть лютѣйшую! „Святая кровь Димитріева," говорятъ Лѣто- г. 1605.

Г. 1605. цицы, „требовала крови чистой (349), и невинные пали за виновнаго, да страшатся „преступники и за своихъ ближнихъ!" Многіе смотрѣли только съ любопытствомъ, но многіе и съ умиленіемъ; жалѣли о Маріи, которая, бывъ дочерью гнуснѣйшаго изъ палачей Іоанновыхъ и женою цареубійцы, жила единственно благодѣяніями, и коей Борисъ не смѣлъ никогда открывать своихъ злыхъ намѣреній (350); еще болѣе жалѣли о Ѳеодорѣ, который цвѣлъ добродѣтелію и надеждою: столько имѣлъ, и столько обѣщалъ прекраснаго, для счастія Россіи, если бы оно угодно было Провидѣнію! — Нарушили и спокойствіе могилъ: выкопали тѣло Борисово, вложили въ раку деревянную, перенесли изъ церкви Св. Михаила въ дѣвичій монастырь Св. Варсонофія на Срѣтенкѣ (351), и погребли тамъ уединенно, вмѣстѣ съ тѣлами Ѳеодора и Маріи!

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею Димитрія истиннаго, и началася новая надъ Россіею подъ скиптромъ ложнаго!

ГЛАВА IV.

Царствование Лжедимитрія.

Г. 1605 — 1606.

Первое оскорбленіе Бояръ. Указы Лжедимитріевы. Посолъ Англійскій. Шествіе къ Москвѣ. Довѣренность Разстриги къ Нѣмцамъ. Вступленіе въ столицу. Пиръ. Милости. Филаретъ и юный Михаилъ. Царь Симеонъ и Годуновы. Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву. Благодѣянія. Преобразованіе Думы. Любовь Самозванца къ Генрику IV. Милосердіе. Похвальное Слово Разстригѣ. Избраніе новаго Патріарха. Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини. Вѣнчаніе. Безразсудность Лжедимитрія. Дѣла гнусныя. Постриженіе Ксеніи. Шепотъ о Разстригѣ. Обличенія. Шуйскій. Нѣмцы тѣлохранители. Пышность и веселья. Посольство въ Литву за невѣстою. Неудовольствія. Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ. Титулъ Цесаря. Обрученіе. Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы. Происшествія въ Москвѣ. Возвращеніе Шуйскихъ. Самозванецъ Петръ. Начало заговора. Посольство къ Шаху. Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю. Сношенія съ Ханомъ. Толки о замыслахъ Лжедимитрія. Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова. Опала Царя Симеона и Татищева. Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною. Рѣчь Мнишкова. Условія. Опала двухъ Святителей. Въѣздъ Марины въ столицу. Негодованіе Москвитянъ. Соблазны. Ссора съ Послами. Дары. Обрученіе и свадьба. Новыя причины къ негодованію. Пиры. Новая ссора съ Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемыя потѣхи. Наглость Ляховъ. Ночный совѣтъ

въ домѣ у Шуйскаго. Дерзкія рѣчи на площади. Волненіе народа. Спокойствіе Лжедимитрія. Измѣна войска. Послѣдняя ночь для Самозванца. Возстаніе Москвы. Гибель Басманова. Свидѣтельство Царицы Инокини. Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія. Щадятъ Марину. Убійства. Бояре утишаютъ мятежъ. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбія. Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ. Избраніе новаго Царя. Развѣяніе Самозванцева праха. Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

Г. 1605. Нелѣпою дерзостію и неслыханнымъ счастіемъ достигнувъ цѣли — какимъ-то обаяніемъ прельстивъ умы и сердца вопреки здравому смыслу — сдѣлавъ, чему нѣтъ примѣра въ Исторіи: изъ бѣглаго Монаха, Козака-разбойника и слуги Пана Литовскаго въ три года ставъ Царемъ великой Державы, Самозванецъ казался хладнокровнымъ, спокойнымъ, неудивленнымъ среди блеска и величія, которые окружали его въ сіе время заблужденія, срама и безстыдства. Тула имѣла видъ шумной столицы, исполненной торжества и ликованія: тамъ собралося болѣе ста тысячь людей воинскихъ и чиновныхъ (352), множество купцевъ и народа изъ всѣхъ ближнихъ городовъ и селеній. Въ слѣдъ за Князьями Воротынскимъ и Телятевскимъ, избранными бить челомъ Разстригѣ отъ имени Москвы, спѣшили туда и знатнѣйшіе Думные мужи: Мстиславскій, Шуйскіе и другіе, чтобы

достойно вкусить плодъ своего малодушія: презрѣніе отъ того, кому они всѣмъ жертвовали, кромѣ сана и богатства, безчестнаго въ такихъ обстоятельствахъ. Вмѣстѣ съ ними были въ Тульскомъ дворцѣ у Лжедимитрія Козаки, новые Донскіе выходцы (Смага Чертенскій съ товарищами): онъ далъ руку имъ первымъ, и съ ласкою; а Боярамъ уже послѣ, и съ гнѣвомъ за ихъ долговременную строптивость. Пишутъ, что подлые Козаки, въ присутствіи Самозванца, нагло ругали сихъ Вельможъ уничиженныхъ, особенно Князя Андрея Телятевскаго, долѣе другихъ вѣрнаго закону (353). Вельможи представили Лжедимитрію печать государственную, ключи отъ казны Кремлевской, одежды, доспѣхи Царскіе и сонмъ царедворцевъ для услугъ его. Уже началося Державство Разстриги, который, по внушенію ли собственнаго ума или совѣтниковъ, немедленно занялся правительствомъ, дѣйствуя свободно, рѣшительно, какъ бы человѣкъ рожденный на престолѣ, и съ навыкомъ власти: 11 Іюня, еще не имѣвъ вѣсти о Ѳеодоровомъ убіеніи, писалъ во всѣ города, и въ самую дальнюю Сибирь, что онъ, укрытый *невидимою* силою отъ злодѣя Бориса, и дозрѣвъ до мужества, правомъ наслѣдія сѣлъ на Государствѣ Московскомъ; что Духовенство, Синклитъ, всѣ Чины и народъ цѣловали ему крестъ съ усердіемъ; что Вое-

Г. 1605.

Указы Лжедимитріевы.

Г. 1605. воды городскіе должны немедленно взять со всѣхъ людей такую же присягу на имя Царицы-матери, Инокини Мареы Ѳеодоровны, и его, Царя Димитрія, съ обязательствомъ служить имъ вѣрно и *не дьвать отравы*, не сноситься ни съ женою, ни съ сыномъ Борисовымъ, *Ѳедькою*, и ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ; не мстить никому, не убивать никого безъ указа Государева, жить въ тишинѣ и мирѣ, а на службѣ *прямить* и мужествовать неизмѣнно (354). Уже Самозванецъ занимался и дѣлами внѣшними: велѣлъ догнать Посла Англійскаго, Смита, еще не выѣхавшаго изъ Россіи; взять у него Борисовы письма къ Королю, и сказать ему, что новый Царь, въ знакъ особеннаго дружества къ Англіи, дастъ ея купцамъ новыя выгоды въ торговлѣ, и немедленно послѣ своего вѣнчанія отправитъ изъ Москвы знатнаго сановника въ Лондонъ, слѣдуя Европейскому обычаю и движенію истинной любви къ Іакову (355).

Посолъ Англійскій.

Узнавъ, что воля его исполнилась: Патріархъ сверженъ, Ѳеодоръ и Марія въ могилѣ, ихъ ближніе изгнаны, Москва спокойна и съ нетерпѣніемъ ждетъ воскресшаго Димитрія, — Самозванецъ выступилъ изъ Тулы, и 16 Іюня расположился станомъ на лугахъ Москвы-рѣки, у села Коломенскаго, гдѣ всѣ

Шествіе къ Москвѣ.

чиновники и знатнѣйшіе граждане поднесли ему хлѣбъ-соль, злашые кубки и соболей, а Бояре великолѣпнѣйшую утварь Царскую, и говорили съ видомъ единодушнаго усердія: „Иди и владѣй достояніемъ твоихъ предковъ. „Святые храмы, Москва и чертоги Іоанновы „ожидаютъ тебя. Уже нѣтъ злодѣевъ: земля „поглотила ихъ. Настало время мира, любви „и веселія" (356). Лжедимитрій отвѣтствовалъ, что забываетъ вины дѣтей, и будетъ не грознымъ Владыкою, а ласковымъ отцемъ Россіи. Тутъ же явились и Нѣмцы съ челобитною: бывъ до конца вѣрны Борису, оказавъ мужество въ двухъ битвахъ, не хотѣвъ участвовать и въ измѣнѣ Воеводъ подъ Кромами, они молили Самозванца не вмѣнять имъ дѣла добросовѣстнаго въ преступленіе, и писали: „мы честно исполнили долгъ присяги, „и какъ служили Борису, такъ готовы слу„жить и тебѣ, уже Царю законному." Лжедимитрій принялъ ихъ начальниковъ весьма милостиво, и сказалъ: „будьте для меня то „же, что вы были для Годунова: я вѣрю вамъ „болѣе, нежели своимъ Русскимъ" (357)! Онъ хотѣлъ видѣть Нѣмецкаго чиновника, державшаго знамя въ Добрынской битвѣ, и положивъ ему руку на грудь, славилъ его неустрашимость: чего не могли слушать Россіяне съ удовольствіемъ; но они должны были изъявлять радость!

Г. 1605.

Довѣренность къ Нѣмцамъ.

*

Г. 1605. Вступленіе въ столицу.

20 Іюня, въ прекрасный лѣтній день, Самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди Поляки (358), литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы заложенныя шестернями и верховыя лошади Царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки Россіянъ, Духовенство съ крестами (359) и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 Бояръ и Князей; за ними дружина Литовская, Нѣмцы, Козаки и Стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола Московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: „Здравствуй отецъ „нашъ, Государь и Великій Князь Димитрій „Іоанновичъ, спасенный Богомъ для нашего „благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце „Россіи!“ Лжедимитрій всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Не взирая на то, онъ еще не вѣрилъ Москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота

Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что Царское шествіе остановилось (360). Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: „Спаси насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое „предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!" Тутъ же люди благочестивые были встревожены соблазномъ: когда Разстрига, встрѣченный Святителями и всѣмъ Клиромъ Московскимъ на Лобномъ мѣстѣ, сошелъ съ коня, чтобы приложиться къ образамъ, Литовскіе музыканты играли на трубахъ и били въ бубны, заглушая пѣніе молебна (361). Увидѣли и другую непристойность: вступивъ за Духовенствомъ въ Кремль и въ Соборную церковь Успенія, Лжедимитрій ввелъ туда и многихъ иновѣрцевъ, Ляховъ, Венгровъ: чего никогда не бывало, и что казалось народу оскверненіемъ храма (362). Такъ Разстрига на самомъ первомъ шагу изумилъ столицу легкомысленнымъ неуваженіемъ къ святынѣ! . . . Оттуда спѣшилъ онъ въ церковь Архистратига Михаила, гдѣ съ видомъ благоговѣнія преклонился на гробъ Іоанновъ, лилъ слезы и сказалъ: „О „родитель любезный! ты оставилъ меня въ „сиротствѣ и гоненіи; но святыми твоими „молитвами я цѣлъ и державствую!" Сіе

Г. 1605.

Г. 1605. искусное лицедѣйствіе было не безполезно: народъ плакалъ и говорилъ: „то истинный „Димитрій!“ Наконецъ Разстрига въ чертогахъ Іоанновыхъ сѣлъ на престолъ Государей Московскихъ.

Въ сей часъ многіе Вельможи вышли изъ дворца на Красную площадь, къ народу, и съ ними Богданъ Бѣльскій, который сталъ на Лобное мѣсто, снялъ съ груди своей образъ Св. Николая, поцѣловалъ его и клялся Московскимъ гражданамъ, что новый Государь есть дѣйствительно сынъ Іоанновъ, сохраненный и данный имъ Николаемъ Чудотворцемъ (363); убѣждалъ Россіянъ любить того, кто возлюбленъ Богомъ, и служить ему вѣрно. Народъ отвѣтствовалъ единогласно: „многія лѣта Государю нашему Димитрію! Да „погибнутъ враги его!“ — Торжество казалось искреннимъ, общимъ. Самозванецъ съ Вельможами и Духовенствомъ пировалъ во дворцѣ, граждане на площадяхъ и дома; пили

Пиръ. и веселились до глубокой ночи. „Но плачь „былъ не далеко отъ радости, „говоритъ Лѣтописецъ, „и вино лилось въ Москвѣ предъ „кровію“ (364).

Милости. Объявили милости: Лжедимитрій возвратилъ свободу, чины и достояніе не только Нагимъ, мнимымъ своимъ родственникамъ, но

и всѣмъ опальнымъ Борисова времени: страдальца Михайла Нагаго (365) пожаловалъ въ санъ *Великаго* Конюшаго; брата его и трехъ племянниковъ, Ивана Никитича Романова, двухъ Шереметевыхъ, двухъ Князей Голицыныхъ, Долгорукаго, Ташева, Куракина и Кашина въ Бояре; многихъ въ Окольничіе, и между ими знаменитаго Василья Щелкалова, удаленнаго отъ дѣлъ Борисомъ; Князя Василья Голицына назвалъ *Великимъ* Дворецкимъ, Бѣльскаго *Великимъ* Оружничимъ, Князя Михайла Скопина-Шуйскаго *Великимъ Мечникомъ*, Князя Лыкова-Оболенскаго *Великимъ* Крайчимъ, Пушкина *Великимъ* Сокольничимъ, Дьяка Сутупова *Великимъ Секретаремъ* и Печатникомъ, а Власьева также *Секретаремъ Великимъ* и *Надворнымъ Подскарбіемъ* или Казначеемъ, — то есть, кромѣ новыхъ чиновъ, первый ввелъ въ Россіи наименованія иноязычныя, заимствованныя отъ Ляховъ. Лжедимитрій вызвалъ и невольнаго, опальнаго Инока Филарета изъ Сійской пустыни, чтобы дать ему санъ Митрополита Ростовскаго (366): сей добродѣтельный мужъ, нѣкогда главный изъ Вельможъ и ближнихъ Царскихъ, имѣлъ наконецъ сладостное утѣшеніе видѣть тѣхъ, о коихъ и въ жизни отшельника тосковало его сердце: бывшую супругу свою и сына. Съ того времени Инокиня Марѳа и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ Епархіи

г. 1605.

Филаретъ и юный Михаилъ.

г. 1605. Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ злодѣевъ: ибо сей монастырь въ XIV вѣкѣ былъ основанъ предкомъ Годуновыхъ, Мурзою Четомъ, и богато украшенъ ими. — Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичь, ослѣпленный, какъ увѣряютъ (367), и сосланный Годуновымъ, также удостоился Лжедимитріева благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко Двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ (368). Сняли опалу съ родственниковъ Борисовыхъ и дали имъ мѣста Воеводъ въ Сибири и въ другихъ областяхъ дальнихъ. Не забыли и мертвыхъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, усопшихъ въ бѣдствіи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ, гдѣ лежали ихъ предки и ближніе (369).

Царь Симеонъ.

Годуновы.

Гробы Нагихъ и Романовыхъ пренесены въ Москву.

Угодивъ всей Россіи милостями къ невиннымъ жертвамъ Борисова тиранства, Лжедимитрій старался угодить ей и благодѣяніями общими: удвоилъ жалованье сановникамъ и войску (370); велѣлъ заплатить всѣ долги казенные Іоаннова царствованія, отмѣнилъ многія торговыя и судныя пошлины; строго запретилъ всякое мздоимство и наказалъ мно-

Благодѣянія.

тихъ судей безсовѣстныхъ; обнародовалъ, что Г. 1605. въ каждую Среду и Субботу будетъ самъ принимать челобитныя отъ жалобщиковъ на Красномъ крыльцѣ. Онъ издалъ также достопамятный законъ о крестьянахъ и холопяхъ: указалъ всѣхъ бѣглыхъ возвратить ихъ отчинникамъ и помѣщикамъ, кромѣ тѣхъ, которые ушли во время голода, бывшаго въ Борисово царствованіе, не имѣвъ нужнаго пропитанія; объявилъ свободными слугъ, лишенныхъ воли насиліемъ, безъ крѣпостей, внесенныхъ въ государственныя книги (371). Чтобы оказать довѣренность къ подданнымъ, Лжедимитрій отпустилъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей (372) и всѣхъ Ляховъ, давъ каждому изъ нихъ въ награду за вѣрную службу по сороку злотыхъ, деньгами и мѣхами, но тѣмъ не удовлетворивъ ихъ корыстолюбію: они хотѣли болѣе, не выѣзжали изъ Москвы, жаловались и пировали!

Плѣненный обычаями той земли, гдѣ началася его жизнь пышная, и гдѣ все казалось ему блестящимъ, превосходнымъ въ сравненіи съ Россіею, Лжедимитрій не удовольствовался введеніемъ новыхъ чиновъ и наименованій: онъ спѣшилъ, въ духѣ сего подражанія, Преобразованіе Думы. измѣнить составъ нашей древней государственной Думы: указалъ засѣдать въ ней, сверхъ Патріарха (что въ важныхъ случаяхъ

Г. 1605. и дотолѣ бывало), четыремъ Митрополитамъ, семи Архіепископамъ и тремъ Епископамъ (373), надѣясь, можетъ быть, обольстить тѣмъ мірское честолюбіе Духовенства, а болѣе всего желая слѣдовать уставу Королевства Польскаго; назвалъ всѣхъ мужей Думныхъ *Сенаторами*, умножилъ число ихъ до семидесяти, самъ ежедневно тамъ присутствовалъ, слушалъ и рѣшилъ дѣла, какъ увѣряютъ, съ необыкновенною легкостію (374). Пишутъ, что онъ, имѣя даръ краснословія, блисталъ имъ въ Совѣтѣ, говорилъ много и складно, любилъ уподобленія, часто ссылался на Исторію, и разсказывалъ, что самъ видѣлъ въ иныхъ земляхъ, то есть, въ Литвѣ и въ Польшѣ; изъявлялъ особенное уваженіе къ Королю Французскому, Генрику IV (375); хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: „я могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно „исполнить обѣтъ, данный мною Богу: не „проливать крови“ (376). Такъ говорилъ убійца непорочнаго Өеодора и благодѣтельной Маріи! . . Разстригу славили: Московскій Благовѣщенскій Протоіерей, Терентій, сочинилъ ему похвальное слово, какъ Вѣнценосцу доблему, *носящему на языкѣ милость*, а Патріархъ Іерусалимскій униженною грамотою

Любовь Самозванца къ Генрику IV.

Милосердіе.

Похвальное Слово Разстригѣ.

извѣстилъ его, что вся Палестина ликуетъ о спасеніи Іоаннова сына, предвидя въ немъ будущаго своего избавителя, и что при лампады денно и нощно пылаютъ надъ гробомъ Христовымъ во имя Царя Димитрія (377). Г. 1605.

Ближніе люди Самозванца совѣтовали ему, для утвержденія своей власти, немедленно вѣнчаться на Царство: ибо многіе думали, что и злосчастный Θеодоръ не столь легко сдѣлался бы жертвою измѣны, если бы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ Помазанника. Сей обрядъ торжественный надлежало совершить Патріарху: не довѣряя Россійскому Духовенству, Лжедимитрій на мѣсто сверженнаго Іова выбралъ чужеземца, Грека Игнатія, Архіепископа Кипрскаго, который, бывъ изгнанъ изъ отечества Турками, жилъ нѣсколько времени въ Римѣ, пріѣхалъ къ намъ въ царствованіе Θеодора Іоанновича, угодилъ Борису, и съ 1603 года правилъ Епархіею Рязанскою. Онъ снискалъ милость Самозванца, встрѣтивъ его еще въ Тулѣ; не имѣлъ ни чистой Вѣры, ни любви къ Россіи, ни стыда нравственнаго (378), и казался ему надежнѣйшимъ орудіемъ для всѣхъ замышляемыхъ имъ соблазновъ. Наспѣхъ поставили Игнатія въ Патріархи, и наспѣхъ готовились къ Царскому вѣнчанію; а Лжедимитрій готовилъ между тѣмъ иное торже-

Избраніе новаго Патріарха.

Г. 1605. ственное явленіе, необходимое для полнаго удостовѣренія и Москвы и Россіи, что вѣнецъ Мономаховъ возлагается на главу Іоаннова сына.

Войско, Синклитъ, всѣ Чины государственные признали обманщика Димитріемъ, всѣ, кромѣ матери, которой свидѣтельство было столь важно и естественно, что народъ безъ сомнѣнія ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ отсюда (379): ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную — сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ (380) — и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже

Безмолвное свидѣтельство Царицы-Инокини.

гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустыню Великаго Мечника, Князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго (381), и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство — и самъ, 18 Іюля (382), выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. — Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и природы. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ (383) — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга, и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, воспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россіею! Лжедимитрій посадилъ Марѳу въ великолѣпную колесницу; а самъ съ открытою головою шелъ нѣсколько верстъ пѣшкомъ, окруженный всѣми Боярами; наконецъ сѣлъ на коня, ускакалъ впередъ и принялъ Царицу въ Іоанновыхъ палатахъ, гдѣ она жила до того времени, какъ изготовили ей прекрасныя комнаты въ Вознесен-

Г. 1605.

Г. 1605. скомъ Дѣвичьемъ монастырѣ съ особенною Царскою услугою.

Тамъ Самозванецъ, въ лицѣ почтительнаго и нѣжнаго сына, ежедневно видѣлся съ нею; былъ доволенъ искуснымъ ея притворствомъ, но удалялъ отъ нее всѣхъ людей сомнительныхъ, чтобы она не имѣла случая измѣнить ему въ важной тайнѣ, отъ нескромности или раскаянія (384).

Вѣнчаніе. 21 Іюля совершилось вѣнчаніе съ извѣстными обрядами (385); но Россіяне изумились, когда, послѣ сего священнаго дѣйствія, выступилъ Iезуитъ Николай Черниковскій, чтобы привѣтствовать нововѣнчаннаго Монарха непонятною для нихъ рѣчью на языкѣ Латинскомъ (386). Какъ обыкновенно, все знатнѣйшее Духовенство, Вельможи и чиновники пировали въ сей день у Царя, силясь наперерывъ оказывать ему усердіе и радость — но уже многіе лицемѣрно, ибо общее заблужденіе не продолжилось!

Безразсудность Лжедимитрія. Первымъ врагомъ Лжедимитрія былъ самъ онъ, легкомысленный и вспыльчивый отъ природы, грубый отъ худаго воспитанія, — надменный, безразсудный и неосторожный отъ счастія. Удивляя Бояръ остротою и живостію ума въ дѣлахъ государственныхъ, Дер-

жавный пришлецъ часто забывался: оскорблялъ ихъ своими насмѣшками, упрекалъ невѣжествомъ, дразнилъ хвалою иноземцевъ, и твердилъ, что Россіяне должны быть ихъ учениками, ѣздить въ чужія земли, видѣть, наблюдать, образоваться и заслужить имя людей (387). Польша не сходила у него съ языка. Онъ распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ Поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ Тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ (388). Россійскіе Вельможи, измѣнивъ закону и чести, лишились права на уваженіе, но хотѣли его отъ того, кому они пожертвовали закономъ и честію: самолюбіе не безмолвствуетъ и въ стыдѣ и въ молчаніи совѣсти. Только одинъ Россіянинъ отъ начала до конца пользовался довѣренностію и дружбою Самозванца: всѣхъ виновнѣйшій Басмановъ; но и сей несчастный ошибся: видѣлъ себя единственно любимцемъ, а не руководителемъ Лжедимитрія, который не для того искалъ престола, чтобы сидѣть на немъ всегдашнимъ ученикомъ Басманова: иногда спрашивался, иногда слушалъ его, но чаще дѣйствовалъ вопреки наставнику, по собственному уму или безумію. Грубостію огорчая Бояръ, Самозванецъ допускалъ ихъ однакожь въ разговорахъ г. 1605.

Г. 1605. съ нимъ до вольности необыкновенной и несогласной съ мыслями Россіянъ о высокости Царскаго сана, такъ, что Бояре, имъ не уважаемые, и сами уважали его менѣе прежнихъ Государей (389).

Самозванецъ скоро охладилъ къ себѣ и любовь народную своимъ явнымъ неблагоразуміемъ. Снискавъ нѣкоторыя познанія въ школѣ и въ обхожденіи съ знатными Ляхами, онъ считалъ себя мудрецомъ, смѣялся надъ мнимымъ суевѣріемъ набожныхъ Россіянъ и, къ великому ихъ соблазну, не хотѣлъ креститься предъ иконами; не велѣлъ также благословлять и кропить Святою водою Царской трапезы, садясь за обѣдъ не съ молитвою, а съ музыкою (390). Не менѣе соблазнялись Россіяне и благоволеніемъ его къ Iезуитамъ, коимъ онъ въ священной оградѣ Кремлевской далъ лучшій домъ и позволилъ служить Латинскую Обѣдню (391). Страстный къ обычаямъ иноземнымъ, вѣтреный Лжедимитрій не думалъ слѣдовать Русскимъ: желалъ во всемъ уподобляться Ляху, въ одеждѣ и въ прическѣ, въ походкѣ и въ тѣлодвиженіяхъ (392); ѣлъ телятину, которая считалась у насъ заповѣднымъ, грѣшнымъ яствомъ; не могъ терпѣть бани, и никогда не ложился спать послѣ обѣда (какъ издревле дѣлали всѣ Россіяне отъ Вѣнценосца до мѣщанина), но любилъ въ сіе

время гулять: украдкою выходилъ изъ дворца, Г. 1605.
одинъ или самдругъ; бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, къ художникамъ, золотарямъ, Аптекарямъ (393); а царедворцы, не зная, гдѣ Царь, вездѣ искали его съ безпокойствомъ и спрашивали объ немъ на улицахъ: чему дивились Москвитяне, дотолѣ видавъ Государей только въ пышности, окруженныхъ на каждомъ шагу толпою знатныхъ сановниковъ. Всѣ забавы и склонности Лжедимитріевы казались странными: онъ любилъ ѣздить верхомъ на дикихъ, бѣшеныхъ жеребцахъ, и собственною рукою, въ присутствіи Двора и народа, бить медвѣдей (394); самъ испытывалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ въ цѣль съ рѣдкою мѣткостію; самъ училъ воиновъ, строилъ, бралъ приступомъ земляныя крѣпости, кидался въ свалку, и терпѣлъ, что иногда толкали его небережно, сшибали съ ногъ, давили (395) — то есть, хвалился искусствомъ всадника, звѣролова, пушкаря, бойца, забывая достоинство Монарха. Онъ не помнилъ сего достоинства и въ дѣйствіяхъ своего нрава вспыльчиваго: за малѣйшую вину, ошибку, неловкость, выходилъ изъ себя (396) и бивалъ, палкою, знатнѣйшихъ воинскихъ чиновниковъ — а низость въ Государѣ противнѣе самой жестокости для народа. Осуждали еще въ Самозванцѣ непомѣрную расточительность: онъ сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; да-

Г. 1606. валъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли и первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей (397) — а народъ не любитъ расточительности въ Государяхъ, ибо страшится налоговъ. Описывая тогдашній блескъ Московскаго Двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о Лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшенномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ внизу на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрасный орелъ изъ того же металла (398). Хотя Разстрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ Азіятскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами (399); возницы, конюхи Царскіе одѣвались какъ Вельможи. Не любя голыхъ стѣнъ въ палатахъ Кремлевскихъ, находя ихъ печальными, и сломавъ деревянный дворецъ Борисовъ какъ памятникъ ненавистный (400), Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ-рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный (401), украсилъ стѣны шел-

ковыми Персидскими шканями, цвѣтныя изразцовыя печи серебряными решетками, замки у дверей яркою позолотою, и въ удивленіе Москвитянамъ предъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго Цербера, коего три челюсти, отъ легкаго прикосновенія, развerзались и брянцали (402): „чѣмъ Лжедимитрій," какъ сказано въ лѣтописи, „предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ и тьму кромѣшнюю!" г. 1605.

Дѣйствуя вопреки нашимъ обычаямъ и благоразумію, Лжедимитрій презиралъ и святѣйшіе законы нравственности: не хотѣлъ обуздывать вожделѣній грубыхъ, и пылая сластолюбіемъ, явно нарушалъ уставы цѣломудрія и пристойности; какъ бы съ намѣреніемъ уподобиться тѣмъ мнимому своему родителю; безчестилъ женъ и дѣвицъ, Дворъ, семейства и святыя Обители дерзостію разврата, и не устыдился дѣла гнуснѣйшаго изъ всѣхъ его преступленій: убивъ мать и брата Ксеніи, взялъ ее себѣ въ наложницы (403). Красота сей несчастной Царевны могла увянуть отъ горести; но самое отчаяніе жертвы, самое злодѣйство неистовое казалось прелестію для изверга, который симъ однимъ мерзостнымъ безстудствомъ заслужилъ свою казнь, почти сопредѣльную съ торжествомъ Дѣла гнусныя.

Г. 1605. Постриженіе Ксеніи.

его...Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ксенію постригли, назвали Ольгою и заключили въ пустынѣ на Бѣлѣозерѣ, близъ монастыря Кириллова.

Но Самозванецъ подъ личиною Димитрія, вѣроятно, могъ бы еще долго безумствовать и злодѣйствовать въ вѣнцѣ Мономаховомъ, если бы сія, какъ бы волшебная личина не спала съ него въ глазахъ народа: столь велико было усердіе Россіянъ къ древнему племени Державному! Заблужденіе возвысило бродягу: истина долженствовала низвергнуть обманщика. Не одинъ удаленный Іовъ зналъ бѣглеца Чудовскаго въ Москвѣ: надѣялся ли Разстрига казаться другимъ человѣкомъ, стараясь казаться Полуляхомъ, и черную ризу Инока премѣнивъ на Царскую? или, ослѣпленный счастіемъ, уже не видалъ для себя опасности, имѣя въ рукахъ своихъ власть съ грозою и считая Россіянъ стадомъ овецъ безсловесныхъ? или дерзостію мыслилъ уменшить сію опасность, поколебать удостовѣреніе, сомкнуть уста робкой истинѣ? Онъ не думалъ скрываться, и смѣло смотрѣлъ въ глаза всякому любопытному на улицахъ; не ходилъ только въ святую Обитель Чудовскую, мѣсто непріятныхъ для него знакомствъ и воспоминаній. И такъ не удивительно, что въ самомъ началѣ новаго царствованія, когда Москва еще гремѣла хвалою Димитрія, уже многіе люди шептали между

собою о дѣйствительномъ сходствѣ его съ Діакономъ Григоріемъ; хвала умолкала отъ безразсудности и худыхъ дѣлъ Царя, а шепотъ становился внятнѣе — и скоро взволновалъ столицу. Первымъ уличителемъ и первою жертвою былъ Инокъ, который сказалъ всенародно, что мнимый Димитрій извѣстенъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ подъ именемъ Отрепьева, учился у него грамотѣ и жилъ съ нимъ въ одномъ монастырѣ (404): Инока тайно умертвили въ темницѣ. Нашелся и другой, опаснѣйшій свидѣтель истины — тотъ, кому Судьба вручала месть праведную, но коего часъ еще не наступилъ: Князь Василій Шуйскій. Въ смятеніи ужаса признавъ бродягу Царемъ, вмѣстѣ съ иными Боярами, онъ менѣе всѣхъ могъ извиняться заблужденіемъ, ибо собственными глазами видѣлъ Іоаннова сына во гробѣ. Терзаясь ли горестію и стыдомъ, или имѣя уже дальновидные тайные замыслы властолюбія, Шуйскій не долго безмолвствовалъ въ столицѣ: сказалъ ближнимъ, друзьямъ, пріятелямъ, что Россія у ногъ обманщика; внушалъ и народу, чрезъ своихъ повѣренныхъ, купца Ѳедора Конева и другихъ, что Годуновъ и Святитель Іовъ объявляли совершенную правду о Самозванцѣ, еретикѣ, орудіи Ляховъ и Папистовъ (405). Еще Лжедимитрій имѣлъ многихъ ревностныхъ слугъ: Басмановъ узналъ, и донесъ ему о семъ ковѣ, опасномъ

Г. 1605. Шепотъ о Разстригѣ.

Обличенія.

Шуйскій.

Г. 1605. знатностію виновника. Взяли Шуйскаго съ братьями подъ стражу и велѣли судить, какъ дотолѣ еще никого не судили въ Россіи: Соборомъ, избраннымъ людямъ всѣхъ чиновъ и званій. Лѣтописецъ увѣряетъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя Героемъ: не отрицался; смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная такія хулы на Вѣнценосца. Шуйскаго пытали: онъ молчалъ; не назвалъ никого изъ соумышленниковъ, и былъ одинъ приговоренъ къ смертной казни: братьевъ его лишали только свободы. Въ глубокой тишинѣ народъ тѣснился вокругъ Лобнаго мѣста (406), гдѣ стоялъ осужденный Бояринъ (какъ бывало въ Іоанново время!) подлѣ сѣкиры и плахи, между дружинами воиновъ, Стрѣльцевъ и Козаковъ; на стѣнахъ и башняхъ Кремлевскихъ также блистало оружіе, для устрашенія Москвитянъ, и Петръ Басмановъ, держа бумагу, читалъ народу отъ имени Царскаго: „Великій Бояринъ, Князь Василій Ивановичь „Шуйскій, измѣнилъ мнѣ, законному Государю „вашему, Димитрію Іоанновичу всея Россіи; „коварствовалъ, злословилъ, ссорилъ меня съ „вами, добрыми подданными: называлъ Лже„царемъ; хотѣлъ свергнуть съ престола. Для „того осужденъ на казнь: да умретъ за

„измѣну и вѣроломство!" Народъ безмолвствовалъ въ горести, издавна любя Шуйскихъ, и пролилъ слезы, когда несчастный Князь Василій, уже обнажаемый палачемъ, громко воскликнулъ къ зрителямъ: „братья! умираю „за истину, за Вѣру Христіанскую и за „васъ" (407)! Уже голова осужденнаго лежала на плахѣ . . . Вдругъ слышатъ крикъ: *стой!* и видятъ Царскаго чиновника, скачущаго изъ Кремля къ Лобному мѣсту, съ Указомъ въ рукѣ: объявляютъ помилованіе Шуйскому! Тутъ вся площадь закипѣла въ неописанномъ движеніи радости: славили Царя, какъ въ первый день его торжественнаго вступленія въ Москву; радовались и вѣрные приверженники Самозванца, думая, что такое милосердіе даетъ ему новое право на любовь общую; негодовали только дальновиднѣйшіе изъ нихъ, и не ошиблись (408): могъ ли забыть Шуйскій пытки и плаху? Узнали, что не вѣтреный Лжедимитрій вздумалъ тронуть сердца симъ неожиданнымъ дѣйствіемъ великодушія, но что Царица - Инокиня слезнымъ моленіемъ убѣдила мнимаго сына не казнить врага, который искалъ головы его (409)! . . Совѣсть, вѣроятно, терзала сію несчастную пособницу обмана: спасая мученика истины, Марѳа надѣялась уменьшить грѣхъ свой предъ людьми и Богомъ. Вмѣстѣ съ нею ходатайствовали за осужденнаго и нѣкоторые Ляхи, г. 1605.

Г. 1605. видя, сколь живое участіе принимали Москвитяне въ судьбѣ его, и желая снискать тѣмъ ихъ благодарность. — Всѣхъ трехъ Шуйскихъ, Князя Василія, Дмитрія, Ивана, сослали въ пригороды Галицкіе; имѣніе ихъ описали, домы опустошили.

Тогда же разгласилось въ Москвѣ и свидѣтельство многихъ Галичанъ, единоземцевъ и самыхъ ближнихъ Григорія Отрепьева: дяди, брата и даже матери, добросовѣстной вдовы Варвары (410): они видѣли его, узнали, и не хотѣли молчать. Ихъ заключили; а дядю, Смирнаго-Отрепьева (въ 1604 году ѣздившаго къ Сигизмунду для уличенія племянника), сослали въ Сибирь. Схватили еще Дворянина Петра Тургенева и мѣщанина Ѳедора, которые явно возмущали народъ противъ Лжецаря. Самозванецъ велѣлъ казнить обоихъ торжественно, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что народъ, благодарный ему за помилованіе Шуйскаго, не изъявилъ чувствительности къ великодушію сихъ двухъ страдальцевъ: оба шли на смерть безъ ужаса и раскаянія, громогласно именуя Лжедимитрія Антихристомъ и любимцемъ Сатаны, (411), жалѣя о Россіи и предсказывая ей бѣдствіе; чернь ругалась надъ ними, восклицая: „умираете за дѣло!" — Съ сего времени не умолкали доносы, справедливые и ложные, какъ въ Борисово царствованіе:

ибо Самозванецъ, дотолѣ желавъ хвалиться милосердіемъ, уже слѣдовалъ инымъ правиламъ: хотѣлъ грозою унять дерзость, и для того благопріятствовалъ извѣтамъ. Пытали, казнили, душили въ темницахъ, лишали имѣнія, ссылали за слово о Разстригѣ. По такимъ ли доносамъ, или единственно опасаясь нескромности своихъ старыхъ пріятелей, Лжедимитрій велѣлъ удалить многихъ Чудовскихъ Иноковъ въ другія, пустынныя Обители, хотя (что достойно замѣчанія) оставилъ въ покоѣ Крутицкаго Митрополита Пафнутія (412), который съ перваго взгляда узналъ въ немъ Діакона Григорія, бывъ въ его время Архимандритомъ сего монастыря, но, какъ вѣроятно, лицемѣрнымъ или безсовѣстнымъ изъявленіемъ усердія къ Самозванцу спасъ себя отъ гоненія. Молчали и другіе въ боязни, такъ, что столица казалась тихою. Но Разстрига сдѣлался осторожнѣе, и явно не довѣряя Москвитянамъ, снова окружилъ себя иноплеменниками (413): выбралъ 300 Нѣмцевъ въ свои тѣлохранители, раздѣлилъ ихъ на три особенныя дружины подъ начальствомъ *Капитановъ*: Француза Маржерета, Ливонца Кнутсена и Шотландца Вандемана; одѣлъ весьма богато, въ камку и бархатъ; вооружилъ алебардами и протазанами, сѣкирами и бердышами съ золотыми орлами на древкахъ, съ кистями золотыми и серебряными; далъ каждому воину,

Г. 1605.

Нѣмцы тѣлохранители.

Г. 1605. сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей денежнаго жалованья — и съ того времени уже никуда не ѣздилъ и не ходилъ одинъ, всюду провождаемый сими грозными тѣлохранителями, за коими только вдали слѣдовали Бояре и царедворцы (414). Мѣра достойная бродяги, игрою Судьбы вознесеннаго на степень Державства: триста иноземныхъ сѣкиръ и копій должны были спасать его отъ предполагаемой измѣны цѣлаго народа и полумилліона воиновъ, безполезно раздражаемыхъ знаками недовѣрія обиднаго! Между тѣмъ Лжедимитрій хотѣлъ веселья: музыка, пляска и зернь были ежедневною забавою Двора. Угождая вкусу Царя къ пышности, всѣ знатные и незнатные старались блистать одеждою богатою (415). Всякій день казался праздникомъ. „Многіе плакали въ домахъ, а на улицахъ казались веселыми и нарядными женихами", говоритъ Лѣтописецъ. Смиренный видъ и смиренная одежда для людей неубогихъ считались знакомъ худаго усердія къ Царю веселому и роскошному, который симъ призракомъ благосостоянія желалъ увѣрить Россію въ ея златомъ вѣкѣ подъ державою обманщика.

Пышность и веселья.

Успшивъ (416), какъ онъ думалъ, Москву, Лжедимитрій спѣшилъ исполнить обѣтъ, данный его благодарностію, сердцемъ или Политикою: предложить руку и вѣнецъ Маринѣ,

Посольство въ Литву за невѣстою.

которая любовію и довѣренностію къ бродягѣ г. 1605.
заслуживала честь сидѣть съ нимъ на тронѣ. Сношенія между Воеводою Сендомирскимъ и нареченнымъ его зятемъ не прерывались: Самозванецъ увѣдомлялъ Мнишка о всѣхъ своихъ успѣхахъ, называлъ всегда отцемъ и другомъ; писалъ къ нему изъ Путивля, Тулы, Москвы; а Воевода писалъ не только къ Самозванцу, но и къ Боярамъ Московскимъ, требуя ихъ признательности такими словами: „Способ„ствовавъ счастію Димитрія, я готовъ ста„раться, чтобы оно было и счастіемъ Россіи, „побуждаемый къ сему моею всегдашнею къ „ней любовію, и надеждою на вашу благодар„ность, когда вы увидите мое ревностное о „васъ ходатайство предъ Трономъ, и будете „имѣть новыя выгоды, новыя важныя права, „неизвѣстныя донынѣ въ Московскомъ Госу„дарствѣ" (417). Наконецъ (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ) Лжедимитрій послалъ великаго Секретаря и Казначея, Аѳанасія Власьева, въ Краковъ для торжественнаго сватовства, давъ ему грамоту къ Сигизмунду и другую отъ Царицы-Инокини Марѳы къ отцу невѣстину. Могли ли Россіяне одобрить сей бракъ съ иновѣркою, хотя и знатнаго, но не Державнаго племени, — съ удовольствіемъ видѣть спесиваго Пана тестемъ Царскимъ, ждать къ себѣ толпу его ближнихъ, не менѣе спесивыхъ, и раболѣпно чтить въ нихъ свойство съ Вѣн-

г. 1605. ценосцемъ, который избраніемъ чужеземной невѣсты оказывалъ презрѣніе ко всѣмъ благороднымъ Россіянкамъ? Самозванецъ, вопреки обычаю, даже и не извѣстилъ Бояръ о семъ важномъ дѣлѣ (418): говорилъ, совѣтовался единственно съ Ляхами. Но, легкомысленно

Неудовольствія. досаждая Россіянамъ, онъ въ тоже время не вполнѣ удовлетворялъ и желаніямъ своихъ друзей иноземныхъ.

Никто ревностнѣе Нунція Папскаго, Рангони, не служилъ обманщику: пышною грамотою привѣтствуя Лжедимитрія на тронѣ (419), Рангони славилъ Бога и восклицалъ: *мы побѣдили!* льстилъ ему хвалами неумѣренными и надѣялся, что соединеніе Церквей будетъ первымъ изъ его дѣлъ безсмертныхъ; писалъ: „Изображеніе лица твоего уже въ ру„кахъ Св. Отца, исполненнаго къ тебѣ любви „и дружества. Не медли изъявить свою бла„годарность Главѣ вѣрныхъ... и пріими отъ „меня дары духовные: образъ сильнаго Воево„ды, Коего содѣйствіемъ ты побѣдилъ и цар„ствуешь; четки молитвенныя и Библію Ла„тинскую, да услаждаешься ея чтеніемъ, и „да будешь вторымъ Давидомъ.“ Скоро прибылъ въ Москву и чиновникъ Римскій (420), Графъ Александръ Рангони (племянникъ Нунція) съ *Апостольскимъ благословеніемъ* и съ поздравительною грамотою отъ преем-

ника Климентова, нетерпѣливаго въ желаніи видѣть себя Главою нашей Церкви; но Самозванецъ въ учтивомъ отвѣтѣ, хваляся чудесною къ нему благостію Божіею, истребившею злодѣя, *отцеубійцу* его, не сказалъ ни слова о соединеніи Церквей: говорилъ только о великодушномъ своемъ намѣреніи жить не въ праздности, но вмѣстѣ съ Императоромъ итти на Султана, чтобы стереть Державу невѣрныхъ съ лица земли, убѣждая Павла V не допускать Рудольфа до мира съ Турками: для чего хотѣлъ отправить въ Австрію и собственнаго Посла. Лжедимитрій писалъ и вторично къ Папѣ, обѣщая доставить безопасность его Миссіонаріямъ на пути ихъ чрезъ Россію въ Персію и *быть вѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему слова*; посылалъ и самъ Іезуита Андрея Лавицкаго въ Римъ, но, кажется, болѣе для государственнаго, нежели Церковнаго дѣла: для переговоровъ о войнѣ Турецкой, которую онъ дѣйствительно замышлялъ, плѣняясь въ воображеніи ея славою и пользою. Надменный счастіемъ, рожденный смѣлымъ и съ любовію къ опасностямъ, Самозванецъ въ круженіи легкой головы своей уже не былъ доволенъ Государствомъ Московскимъ: хотѣлъ завоеваній и Державъ новыхъ (421)! Сія ревность еще сильнѣе воспылала въ немъ отъ донесенія Воеводъ Терскихъ, что ихъ Стрѣльцы и Козаки одер- Г. 1605.

г. 1605. жали верхъ въ сшибкѣ съ Турками, и что нѣкоторые данники Султанскіе въ Дагестанѣ присягнули Россіи (422). Издавна проповѣдуя въ Европѣ необходимость всеобщаго возстанія Державъ Христіанскихъ на Оттоманскую, могъ ли Римъ не одобрить намѣренія Лжедимитріева? Папа славилъ Царя-Героя, совѣтуя ему только начать съ ближайшаго: съ Тавриды, чтобы истребленіемъ гнѣзда злодѣйскаго, столь бѣдоноснаго для Россіи и Польши, *отрѣзать крылья и правую руку* у Султана въ войнѣ съ Императоромъ; однакожь имѣлъ причину не довѣрять ревности Самозванца къ Латинской Церкви, видя, какъ онъ въ письмахъ своихъ избѣгаетъ всякаго *яснаго* слова о Законѣ. Кажется, что Самозванецъ охладѣлъ въ усердіи сдѣлать Россіянъ Папистами: ибо, не взирая на свойственную ему безразсудность, усмотрѣлъ опасность сего нелѣпаго замысла, и едва ли бы рѣшился приступить къ исполненію онаго, если бы и долѣе царствовалъ.

Скоро увидѣлъ и главный благодѣтель Лжедимитріевъ, Сигизмундъ лукавый, что счастіе и престолъ измѣнили того, кто еще недавно въ восторгѣ лобызалъ его руку, безмолвствовалъ и вздыхалъ предъ нимъ, какъ рабъ униженный (423). Бывъ непосредственнымъ виновникомъ успѣховъ Самозванца —

оказавъ бродягѣ честь сына Царскаго, давъ ему деньги, воиновъ, и тѣмъ склонивъ народъ Сѣверскій вѣрить обману — Сигизмундъ весьма естественно ждалъ благодарности, и чрезъ Секретаря своего, Госѣвскаго, привѣтствуя новаго Царя (424), нескромно требовалъ, чтобы Лжедимитрій выдалъ ему Шведскихъ Пословъ, если они будутъ въ Москву отъ *мятежника* Карла. Госѣвскій, бесѣдуя съ Царемъ наединѣ, объявилъ за тайну, что Король встревоженъ молвою удивительною. „Недавно" (говорилъ сей чиновникъ) „выѣхалъ „къ намъ изъ Россіи одинъ Приказный, который увѣряетъ, что Борисъ живъ: устрашенный твоими побѣдами, и слѣдуя наставленію волхвовъ, онъ уступилъ Державу сыну, юному Ѳеодору, притворился мертвымъ, „и велѣлъ торжественно, вмѣсто себя, схоронить другаго человѣка, отоеннаго ядомъ; „а самъ, взявъ множество золота, съ вѣдома „одной Царицы и Семена Годунова бѣжалъ въ „Англію, называясь купцемъ. Поручивъ надежнымъ людямъ развѣдать въ Лондонѣ, дѣйствительно ли укрывается тамъ опасный „злодѣй твой, Сигизмундъ, какъ истинный „другъ, счелъ за нужное предостеречь тебя, „и думая, что вѣрность Россіянъ еще сомнительна, далъ указъ нашимъ Литовскимъ „Воеводамъ быть въ готовности для твоей „защиты." Сія сказка не испугала Лжеди-

Г. 1605.

Слухъ, что Борисъ Годуновъ живъ.

Г. 1605. митрія: онъ благодарилъ Короля, но отвѣтствовалъ, что „въ смерти Борисовой не сомнѣвается; что готовъ быть недругомъ мятежнику Шведскому, но прежде хочетъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ Сигизмунда, который, вопреки ласковымъ словамъ, уменьшаетъ данное ему Богомъ достоинство“ — ибо Сигизмундъ въ письмѣ своемъ назвалъ его Господаремъ и Великимъ Княземъ, а не *Царемъ*: Самозванецъ же хотѣлъ не только сего титула, но и новаго, пышнѣйшаго: вздумалъ именовать себя *Цесаремъ*, и даже *непобѣдимымъ*, мечтая о своихъ будущихъ побѣдахъ (425)! Узнавъ о такомъ гордомъ требованіи, Сигизмундъ изъявилъ досаду, и Вельможные Паны упрекали недавняго бродягу смѣшнымъ высокоуміемъ, злою неблагодарностію; а Лжедимитрій писалъ въ Варшаву, что онъ не забылъ добрыхъ услугъ Сигизмундовыхъ, чтитъ его какъ брата, какъ отца; желаетъ утвердить съ нимъ союзъ, но не престанетъ требовать Цесарскаго титула, хотя и не мыслитъ грозить ему за то войною (426). Люди благоразумные, особенно Мнишекъ и Нунцій Папскій, тщетно доказывали Самозванцу, что Король называетъ его такъ, какъ Государи Польскіе всегда называли Государей Московскихъ, и что Сигизмунду нельзя перемѣнить сего обыкновенія безъ согласія Чиновъ Республики. Другіе же, не ме-

Титулъ Цесаря.

нѣе благоразумные люди думали, что Республика не должна ссориться за пустое имя съ хвастливымъ другомъ, который можетъ быть ей орудіемъ для усмиренія Шведовъ; но Паны не хотѣли слышать о новомъ титулѣ, и Воевода Познанскій сказалъ въ гнѣвѣ одному чиновнику Россійскому (427): „Богъ не любитъ „гордыхъ, и *непобѣдимому* Царю вашему не „усидѣть на тронѣ." — Сей жаркій споръ не мѣшалъ однакожь успѣху въ дѣлѣ сватовства. г. 1605.

1 Ноября (428) *Великій Посолъ* Царскій, Аѳанасій Власьевъ, со многочисленною благородною дружиною пріѣхалъ въ Краковъ и былъ представленъ Сигизмунду: говорилъ сперва о счастливомъ воцареніи Іоаннова сына, о славѣ низвергнуть Державу Оттоманскую, завоевать Грецію, Іерусалимъ, Виѳлеемъ и Виѳанію, а послѣ о намѣреніи Димитрія раздѣлить престолъ съ Мариною, изъ благодарности за важныя услуги, оказанныя ему, во дни его несгоды и печали, знаменитымъ ея родителемъ (429). 12 Ноября, въ присутствіи Сигизмунда, сына его Владислава и сестры, Шведской Королевны Анны, совершилось торжественное обрученіе (воспѣтое въ стихахъ Пиндарическихъ (430) Іезуитомъ Гроховскимъ). Обрученіе. Марина, съ короною на головѣ, въ бѣлой одеждѣ, унизанной каменьями драгоцѣнными,

г. 1605. блистала равно и красотою и пышностію. Именемъ Мнишка сказавъ Власьеву (который заступалъ мѣсто жениха), что отецъ благословляетъ дочь на бракъ и Царство, Литовскій Канцлеръ Сапѣга говорилъ длинную рѣчь, также и Панъ Ленчицкій и Кардиналъ, Епископъ Краковскій, славя „достоинства, вос„питаніе и знатный родъ Марины, *вольной „Дворянки Государства вольнаго*, — чест„ность Димитрія въ исполненіи даннаго имъ „обѣта, счастіе Россіи имѣть законнаго, оте„чественнаго Вѣнценосца, вмѣсто иноземнаго „или похитителя, и видѣть искреннюю друж„бу между Сигизмундомъ и Царемъ, который „безъ сомнѣнія не будетъ примѣромъ небла„годарности, зная, чѣмъ обязанъ Королю и „Королевству Польскому." Кардиналъ и знатнѣйшіе духовные сановники пѣли молитву: veni Creator: всѣ преклонили колѣна; но Власьевъ стоялъ — и едва не произвелъ смѣха, на вопросъ Епископа: „не обрученъ ли Димитрій „съ другою невѣстою?" отвѣтствуя: *а мнѣ какъ знать? того у меня нѣтъ въ наказѣ* (431). Мѣняясь перстнями, онъ вынулъ Царскій изъ ящика, съ однимъ большимъ алмазомъ, и вручилъ Кардиналу; а самъ не хотѣлъ голою рукою взять невѣстина перстня. По совершеніи священныхъ обрядовъ былъ великолѣпный столъ у Воеводы Сендомирскаго, и Марина сидѣла подлѣ Короля, принимая отъ

Россійскихъ чиновниковъ дары своего жениха: Г. 1605.
богатый образъ Св. Троицы, благословеніе Царицы - Инокини Мареы; перо изъ рубиновъ; чашу гіацинтовую; золотой корабль, осыпанный многими драгоцѣнными каменьями; золотаго быка, пеликана и павлина; какія-то *удивительныя* часы съ флейтами и трубами; слишкомъ три пуда жемчугу, 640 рѣдкихъ соболей, кипы бархатовъ, парчей, штофовъ, атласовъ (432), и проч. и проч. Между тѣмъ Власьевъ, желая быть почтительнымъ, не хотѣлъ садиться за столъ съ Мариною, ни пить, ни ѣсть, и худо разумѣя, что онъ представляетъ лице Димитрія, билъ челомъ въ землю, когда Сигизмундъ и семейство его пили за здоровье Царя и *Царицы*: уже такъ именовали невѣсту обрученную. Послѣ обѣда, Король, Владиславъ и Шведская Принцесса Анна танцовали съ Мариною; а Власьевъ уклонился отъ сей чести, говоря: „дерзну ли коснуться Ея Величества!" Наконецъ, прощаясь съ Сигизмундомъ, Марина упала къ ногамъ его и плакала отъ умиленія, къ неудовольствію Посла, который видѣлъ въ томъ униженіе для будущей супруги Московскаго Вѣнценосца; но ему отвѣтствовали, что Сигизмундъ Государь ея, ибо она еще въ Краковѣ. Поднявъ Марину съ ласкою, Король сказалъ ей: „Чудесно возвышенная Богомъ, „не забудь, чѣмъ ты обязана странѣ своего

г. 1605. „рожденія и воспитанія, — странѣ, гдѣ оставляешь ближнихъ, и гдѣ нашло тебя счастіе „необыкновенное. Питай въ супругѣ дружество къ намъ и благодарность за сдѣланное „для него мною и твоимъ отцемъ. Имѣй „страхъ Божій въ сердцѣ, чти родителей и „*не измѣняй обычаямъ Польскимъ.*" Снявъ съ себя шапку, онъ перекрестилъ Марину, собственными руками отдалъ Послу и дозволилъ Воеводѣ Сендомирскому ѣхать съ нею въ Россію; а Власьевъ, немедленно отправивъ къ Самозванцу перстень невѣсты и живописное изображеніе лица ея, жилъ еще нѣсколько дней въ Краковѣ, чтобы праздновать Сигизмундово бракосочетаніе съ Австрійскою Эрцгерцогинею, и (8 Декабря) выѣхалъ въ Слонимъ, ожидать тамъ Мнишка и Марины на пути ихъ въ Россію (433); но ждалъ долго.

Пожертвовавъ Самозванцу знатною частію своего богатства, Воевода Сендомирскій не былъ доволенъ одними дарами: требовалъ отъ него денегъ, чтобы расплатиться съ заимодавцами, и не хотѣлъ безъ того выѣхать изъ Кракова (434); скучалъ, досадовалъ и тревожился худою молвою о будущемъ зятѣ. Въ Краковѣ знали, что дѣлалось въ Москвѣ; знали о негодованіи Россіянъ, и многіе не вѣрили ни Царскому происхожденію

Слухи о Самозванцѣ въ Польшѣ.

Лжедимитрія, ни долговременности его счастія; говорили о томъ всенародно, предостерегали Короля и Мнишка. Сама Царица-Инокиня Марѳа, какъ увѣряютъ, тайно велѣла чрезъ одного Шведа объявить Сигизмунду, что мнимый Димитрій не есть сынъ ея (435). Даже и чиновники Россійскіе, присылаемые гонцами въ Польшу, шептали на ухо любопытнымъ о Царѣ беззаконномъ, и предсказывали неминуемый скорый ему конецъ. Но Сигизмундъ и Мнишекъ не вѣрили такимъ рѣчамъ или показывали, что не вѣрятъ, желая приписывать ихъ единственно внушеніямъ тайныхъ злодѣевъ Царя, друзей Годунова и Шуйскаго. Во всякомъ случаѣ уже не время было думать о разрывѣ съ тѣмъ, кто звалъ на престолъ Марину и честно вознаграждалъ отца ея за всѣ его убытки: ибо, наконецъ (въ Генварѣ 1606), Секретарь *Янъ* Бучинскій привезъ изъ Москвы 200 тысячъ злотыхъ Мнишку, сверхъ ста тысячъ, отданныхъ Лжедимитріемъ Сигизмунду въ уплату суммы, которую занялъ у него Воевода Сендомирскій на ополченіе 1604 года (436). Разстрига изъявлялъ нетерпѣніе видѣть невѣсту; но отецъ ея, занимаясь пышными сборами, еще долго жилъ въ Галиціи, и выѣхалъ, съ толпою своихъ ближнихъ, уже въ распутицу, такъ, что нѣкоторые изъ нихъ отъ худой дороги возвратились (437), — къ ихъ

Г. 1605.

Г. 1606. Лжедимитрій платитъ долги Мнишковы.

Г. 1606. счастію: ибо въ Москвѣ уже все изготовилось къ страшному дѣйствію народной мести.

Происшествія въ Москвѣ.

Оградивъ себя иноземными тѣлохранителями, и видя тишину въ столицѣ, уклончивость, низость при Дворѣ, Лжедимитрій совершенно успокоился; вѣрилъ какому-то предсказанію, что ему властвовать 34 года [438], и пировалъ съ Боярами на ихъ свадьбахъ [439], дозволивъ имъ свободно выбирать себѣ невѣстъ и жениться: чего не было въ царствованіе Годунова, и чѣмъ воспользовался, хотя уже и не въ молодыхъ лѣтахъ, знатнѣйшій Вельможа Князь Мстиславскій, за коего Самозванецъ выдалъ двоюродную сестру Царицы-Инокини Мароы. Казалось, что и Москва искренно веселилась съ Царемъ: никогда не бывало въ ней столько пировъ и шума; никогда не видали столько денегъ въ обращеніи: ибо Нѣмцы, Ляхи, Козаки, сподвижники Лжедимитрія, отъ щедротъ его сыпали золотомъ [440], къ немалой выгодѣ Московскаго купечества, и хвастаясь богатствомъ, по словамъ Лѣтописца, не только ѣли, пили, но и въ баняхъ мылись изъ серебряныхъ сосудовъ. Въ сіи веселые дни Самозванецъ, расположенный къ дѣйствіямъ милости, простилъ Шуйскихъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ ссылки [441]; возвратилъ имъ богатство и знатность, въ удовольствіе ихъ мно-

Возвращеніе Шуйскихъ.

гочисленныхъ друзей, которые умѣли хитро ослѣпить его прелестію такого великодушія, и, вѣроятно, уже не безъ намѣренія, гибельнаго для Лжецаря. Всѣми уважаемый какъ первостепенный мужъ государственный и потомокъ Рюриковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа, прославивъ себя неустрашимою твердостію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистательный вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ Бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть столько власти надъ умами, какъ сей Князь, равно честолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ на себя письменное обязательство въ вѣрности Лжедимитрію (442), онъ возвратился въ столицу, по видимому инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ его слугою, и снискалъ въ немъ особенную довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые говорили, что можно изъ милосердія, иногда одобряемаго Политикою, не казнить измѣнника и клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій, не видавъ отъ Димитрія ничего кромѣ благоволенія, замышлялъ его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился любви къ своему карателю, хотя и правосудному: исполнился, вѣроятнѣе, злобы и мести, скрывае- Г. 1606.

Г. 1606. мыхъ подъ личиною раскаянія. Они говорили истину: Шуйскій возвратился съ тѣмъ, чтобы погибнуть или погубить Лжедимитрія. Но легкоумный, гордый Самозванецъ, хваляся еще не столько благостію, сколько безстрашіемъ, отвѣтствовалъ, что находя искреннее удовольствіе въ милости, любитъ прощать совершенно, не вполовину, и безъ грѣха не можетъ чего нибудь страшиться, бывъ отъ самой колыбели чудесно и явно хранимъ Богомъ (443). Онъ хотѣлъ, чтобы Князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ былъ жениться чрезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы — однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!

Лжедимитрій дѣйствовалъ, какъ и прежде: вѣтрено и безразсудно; то желалъ снискать любовь Россіянъ, то умышленно оскорблялъ ихъ. Современники разсказываютъ слѣдующее происшествіе: „Онъ велѣлъ сдѣлать зимою ледяную крѣпость, близъ Вяземы, верстахъ въ тридцати отъ Москвы, и поѣхалъ туда съ своими тѣлохранителями, съ конною дружиною Ляховъ, съ Боярами и лучшимъ воинскимъ

Дворянствомъ. Россіянамъ надлежало защищать городокъ, а Нѣмцамъ взять его приступомъ: тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комы. Начался бой, и Самозванецъ, предводительствуя Нѣмцами, первый ворвался въ крѣпость; торжествовалъ побѣду; говорилъ: *такъ возьму Азовъ* — и хотѣлъ новаго приступа. Но многіе изъ Россіянъ обливались кровію: ибо Нѣмцы, во время схватки, бросая въ нихъ снѣгомъ, бросали и каменьями. Сія худая шутка, оставленная Царемъ безъ наказанія и даже безъ выговора, столь озлобила Россіянъ, что Лжедимитрій, опасаясь дѣйствительной сѣчи между ими (444), тѣлохранителями и Ляхами, спѣшилъ развести ихъ и возвратиться въ Москву." Ненависть къ иноземцамъ, падая и на пристрастнаго къ нимъ Царя, ежедневно усиливалась въ народѣ отъ ихъ дерзости: на примѣръ, съ дозволенія Лжедимитріева имѣя свободный входъ въ наши церкви, они безчинно гремѣли тамъ оружіемъ, какъ бы готовясь къ битвѣ; опирались, ложились на гробы Святыхъ. Не менѣе жаловались Москвитяне и на Козаковъ, сподвижниковъ Разстригиныхъ: величаясь своею услугою, сіи люди грубые оказывали къ нимъ презрѣніе и называли ихъ въ ругательство Жидами (445); суда не было. — Но самымъ злѣйшимъ врагомъ Лжедимитрія сдѣлалось Духовенство. Какъ бы желая унизить санъ Мона- Г. 1606.

Г. 1606. шества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить имъ только необходимое для умѣреннаго содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску (446): то есть, смѣлый бродяга, бурёю кинутый на престолъ шаткій, и новою бурею угрожаемый, хотѣлъ прямо, необыкновенно совершить дѣло, на которое не отважились Государи законные, Іоанны III и IV, въ тишинѣ безспорнаго властвованія и повиновенія неограниченнаго! — Дѣло менѣе важное, но не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ Нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей: ибо онъ, дозволивъ Іезуитамъ служить Латинскую Обѣдню въ Кремлѣ, дозволилъ и Лютеранскимъ

Пасторамъ говорить тамъ проповѣди, чтобы его тѣлохранители не имѣли труда ѣздить для моленія въ отдаленную Нѣмецкую слободу (447). Г. 1606.

Самозванецъ Петръ.

Въ сіе время явленіе новаго Самозванца также повредило Разстригѣ въ общемъ мнѣніи. Завидуя успѣху и чести Донцевъ, ихъ братья, Козаки Волжскіе и Терскіе, назвали одного изъ своихъ товарищей, молодаго Козака Илейку, сыномъ Государя Ѳеодора Іоанновича, Петромъ, и выдумали сказку, что Ирина въ 1592 году разрѣшилась отъ бремени симъ Царевичемъ, коего властолюбивый Борисъ умѣлъ скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою (Ѳеодосіею). Ихъ собралося 4000, къ ужасу путешественниковъ, особенно людей торговыхъ: ибо сіи мятежники, сказывая, что идутъ въ Москву съ Царемъ, грабили всѣхъ купцевъ на Волгѣ, между Астраханью и Казанью, такъ, что добычу ихъ цѣнили въ 300 тысячь рублей (448); а Лжедимитрій не мѣшалъ имъ злодѣйствовать, и писалъ къ мнимому Петру — вѣроятно, желая заманить его въ сѣти — что если онъ истинный сынъ Ѳеодоровъ, то спѣшилъ бы въ столицу, гдѣ будетъ принятъ съ честію. Никто не вѣрилъ новому обманщику; но многіе еще болѣе увѣрились въ самозванствѣ Разстриги, изъясняя одну басню другою; многіе даже думали, что

Г. 1606. оба Самозванца въ тайномъ согласіи; что Лжепетръ есть орудіе Лжедимитрія; что послѣдній велитъ Козакамъ грабить купцевъ для обогащенія казны своей (449), и ждетъ ихъ въ Москву, какъ новыхъ ревностныхъ союзниковъ, для безопаснѣйшаго тиранства надъ Россіянами, ему ненавистными. Илейка дѣйствительно, какъ пишутъ, хотѣлъ воспользоваться ласковымъ приглашеніемъ Разстриги и шелъ къ Москвѣ, но узналъ въ Свіяжскѣ, что мнимаго дяди его уже не стало (450).

Начало заговора.

По всѣмъ извѣстіямъ, возвращеніе Князя Василія Шуйскаго было началомъ великаго заговора и рѣшило судьбу Лжедимитрія, который изготовилъ легкій успѣхъ онаго, досаждая Боярамъ, Духовенству и народу, презирая Вѣру и добродѣтель. Можетъ быть, слѣдуя инымъ, лучшимъ правиламъ, онъ удержался бы на тронѣ и вопреки явнымъ уликамъ въ самозванствѣ; можетъ быть, осторожнѣйшіе изъ Бояръ не захотѣли бы свергнуть Властителя хотя и незаконнаго, но благоразумнаго, чтобы не предать отечества въ жертву безначалію. Такъ, вѣроятно, думали многіе въ первые дни Разстригина царствованія: вѣдая, кто онъ, надѣялись по крайней мѣрѣ, что сей человѣкъ удивительный, одаренный нѣкоторыми блестящими свойствами, заслужитъ счастіе дѣлами достохвальными;

увидѣли безуміе — и возстали на обманщика: Г. 1606.
ибо Москва, какъ пишутъ, уже не сомнѣвалась тогда въ единствѣ Отрепьева и Лжедимитрія (451). Любопытно знать, что самые ближніе люди Разстригины не скрывали истины другъ отъ друга; самъ несчастный Басмановъ въ бесѣдѣ искренней съ двумя Нѣмцами, преданными Лжедимитрію, сказалъ имъ: „вы имѣете въ немъ отца и благоденствуете „въ Россіи: молитесь о здравіи его вмѣстѣ „со мною. Хотя онъ и *не сынъ Іоанновъ*, но „Государь нашъ: ибо мы *присягали* ему, и „лучшаго найти не можемъ" (452). Такъ Басмановъ оправдывалъ свое усердіе къ Самозванцу. Другіе же судили, что *присяга*, данная въ заблужденіи или въ страхѣ, не есть истинная: сію мысль еще не давно внушали народу друзья Лжедимитріевы, склоняя его измѣнить юному Ѳеодору (453); сею же мыслію успокоивалъ и Шуйскій Россіянъ добросовѣстныхъ, чтобы низвергнуть бродягу. Надлежало открыться множеству людей разнаго званія, имѣть сообщниковъ въ Синклитѣ, Духовенствѣ, войскѣ, гражданствѣ. Шуйскій уже испыталъ опасность ковъ, лежавъ на плахѣ отъ нескромности своихъ клевретовъ; но съ того времени общая ненависть ко Лжедимитрію созрѣла и ручалась за вѣрнѣйшее храненіе тайны. По крайней мѣрѣ не нашлося предателей - извѣтниковъ — и Шуй-

Г. 1606. скій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ, коего нить шла отъ Царской Думы чрезъ всѣ степени государственныя до народа Московскаго, такъ, что и многіе изъ ближнихъ людей Отрепьева, выведенные изъ терпѣнія его упрямствомъ въ неблагоразуміи, пристали къ сему кову. Распускали слухи зловредные для Самозванца, истинные и ложные: говорили, что онъ, пылая жаждою кровопролитія безумнаго, въ одно время грозитъ войною Европѣ и Азіи. Лжедимитрій несомнительно думалъ воевать съ Султаномъ, назначилъ для того Посольство къ Шаху Аббасу (454), чтобы пріобрѣсти въ немъ важнаго сподвижника, и велѣлъ друживамъ Дѣтей Боярскихъ итти въ Елецъ, отправивъ туда множество пушекъ; грозилъ и Швеціи; написалъ къ Карлу: „Всѣхъ сосѣдственныхъ „Государей увѣдомивъ о своемъ воцареніи, „увѣдомляю тебя единственно о моемъ дружествѣ съ законнымъ Королемъ Шведскимъ, „Сигизмундомъ, требуя, чтобы ты возвратилъ ему Державную власть, похищенную тобою вѣроломно, вопреки уставу Божественному, Естественному и Народному Праву— „или вооружишь на себя могущественную „Россію. Усовѣстись и размысли о печальномъ жребіи Бориса Годунова: такъ Всевышній казнитъ похитителей — казнитъ

Посольство къ Шаху.

Собраніе войска въ Ельцѣ. Письмо къ Шведскому Королю.

„и тебя" (455). Увѣряли еще, что Лжедимитрій вызываетъ Хана опустошать южныя владѣнія Россіи, и желая привести его въ бѣшенство, послалъ къ нему въ даръ шубу изъ свиныхъ кожъ (456): басня опровергаемая современными государственными бумагами, въ коихъ упоминается о мирныхъ, дружественныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія съ Казы-Гиреемъ и дарахъ обыкновенныхъ. Говорили справедливѣе о намѣреніи или обѣщаніи Самозванца предать нашу Церковь Папѣ и знатную часть Россіи Литвѣ: о чемъ сказывалъ Боярамъ Дворянинъ Золотой-Квашнинъ, бѣглецъ Іоаннова времени, который долго жилъ въ Польшѣ (457). Говорили, что Разстрига ждетъ только Воеводы Сендомирскаго съ новыми шайками Ляховъ для исполненія своихъ умысловъ, гибельныхъ для отечества. Уже начальники заговора хотѣли-было приступить къ дѣлу (458); но отложили ударъ до свадьбы Лжедимитріевой, для того ли, какъ пишутъ, чтобы съ невѣстою и съ ея ближними возвратились въ Москву древнія Царскія сокровища, раздаренныя имъ щедростію Самозванца, или для того, чтобы онъ имѣлъ время и способъ еще болѣе озлобить Россіянъ новыми беззаконіями, предвидѣнными Шуйскимъ и друзьями его?

Г. 1606.

Сношенія съ Ханомъ.

Толки о замыслахъ Лжедимитрія.

Между тѣмъ два или три случая, не бу-

Г. 1606. дучи въ связи съ заговоромъ, могли потревожить Самозванца. Ему донесли, что нѣкоторые Стрѣльцы всенародно злословятъ его, какъ врага Вѣры (459): онъ призвалъ всѣхъ Московскихъ Стрѣльцевъ съ Головою Григоріемъ Микулинымъ, объявилъ имъ дерзость ихъ товарищей и требовалъ, чтобы вѣрные воины судили измѣнниковъ: Микулинъ обнажилъ мечь, и хулители Лжецаря, не изъявляя ни раскаянія, ни страха, были изсѣчены въ куски своими братьями: за что Самозванецъ пожаловалъ Микулина, какъ усерднаго слугу, въ Дворяне Думные, а народъ возненавидѣлъ, какъ убійцу великодушныхъ страдальцевъ. Такимъ же мученикомъ хотѣлъ быть и Дьякъ Тимоѳей Осиповъ: пылая ревностію изобличить Разстригу, онъ нѣсколько дней говѣлъ дома, пріобщился Святыхъ Таинъ, и торжественно, въ палатахъ Царскихъ, предъ всѣми Боярами, назвалъ его *Гришкою Отрепьевымъ, рабомъ грѣха, еретикомъ* (460). Всѣ изумились, и самъ Лжедимитрій безмолвствовалъ въ смятеніи: опомнился и велѣлъ умертвить сего въ Исторіи незабвеннаго мужа, который своею кровію, вмѣстѣ съ немногими другими, искупалъ Россіянъ отъ стыда повиноваться бродягѣ. Пишутъ, что и Стрѣльцы и Дьякъ Осиповъ, прежде ихъ убіенія, были допрашиваемы Басмановымъ, но никого не оговорили въ единомысліи съ ними. Не менѣе без-

Казнь Стрѣльцевъ и Дьяка Осипова.

страшнымъ оказалъ себя и знаменитый слѣпецъ, такъ называемый Царь Симеонъ: будучи ревностнымъ Христіаниномъ, и слыша, что Лжедимитрій склоняется къ Латинской Вѣрѣ, онъ презрѣлъ его милость и ласки, всенародно изъявлялъ негодованіе, убѣждалъ истинныхъ сыновъ Церкви умереть за ея святые уставы: Симеона, обвиняемаго въ неблагодарности, удалили въ монастырь Соловецкій и постригли (461). Тогда же чиновникъ извѣстный способностями ума и гибкостію нрава, бывъ въ равной довѣренности у Бориса и Самозванца, Думный Дворянинъ Михайло Татищевъ, вдругъ заслужилъ опалу смѣлостію, въ немъ совсѣмъ необыкновенною. Однажды, за столомъ Царскимъ, Князь Василій Шуйскій, видя блюдо телятины, въ первый разъ сказалъ Лжедимитрію, что не должно подчивать Россіянъ яствами, для нихъ гнусными; а Татищевъ, приставъ къ Шуйскому, началъ говорить столь невѣжливо и дерзко, что его вывели изъ дворца и хотѣли сослать на Вятку (462); но Басмановъ чрезъ двѣ недѣли исходатайствовалъ ему прощеніе (себѣ на гибель, какъ увидимъ). Сей случай возбудилъ подозрѣніе въ нѣкоторыхъ ближнихъ людяхъ Отрепьева и въ немъ самомъ: думали, что Шуйскій завелъ сей разговоръ съ умысломъ, и что Татищевъ не даромъ измѣнилъ своему навыку; что они, зная

Г. 1606. Опала Царя Симеона и Татищева.

г. 1606. вспыльчивость Лжедимитрія, хотѣли вырвать изъ него какое нибудь слово нескромное и во вредъ ему разгласить о томъ въ городѣ; что у нихъ должно быть намѣреніе дальновидное и злое. Къ счастію, Лжедимитрій, по нраву и правиламъ неопасливый, скоро оставилъ сію безпокойную мысль, видя вокругъ себя лица веселыя, всѣ знаки усердія и преданности, особенно въ Шуйскомъ, и всего болѣе думая тогда о великолѣпномъ пріемѣ Марины.

Путешествіе Воеводы Сендомирскаго съ Мариною.

Но Воевода Сендомирскій какъ долго не трогался съ мѣста, такъ медленно и путешествовалъ; вездѣ останавливался, пировалъ, къ досадѣ своего провожатаго, Аѳанасія Власьева, и еще изъ Минска писалъ въ Москву, что ему не льзя выѣхать изъ Литовскихъ владѣній, пока Царь не заплатитъ Королю *всего долга*; что грубость излишно ревностнаго слуги Власьева, нудящаго ихъ *не ѣхать*, *а летѣть* въ Россію, несносна для него, ветхаго старца, и для нѣжной Марины. Самозванецъ не жалѣлъ денегъ: обязался удовлетворить всѣмъ требованіямъ Сигизмундовымъ, прислалъ 5000 червонцевъ въ даръ невѣстѣ, и сверхъ того 5000 рублей и 13,000 талеровъ на ея путешествіе до предѣловъ Россіи (463); но изъявилъ неудовольствіе. „Вижу," писалъ онъ къ Мнишку, „что

„вы едва ли и весною достигнете нашей Г. 1606.
„столицы, гдѣ можете не найти меня: ибо „я намѣрен встрѣтить лѣто въ станѣ моего „войска, и буду въ полѣ до зимы. Бояре, высланные ждать васъ на рубежѣ, истратили „въ сей голодной странѣ всѣ свои запасы и „должны будутъ возвратиться, къ стыду и „поношенію Царскаго имени.“ Мнишекъ въ досадѣ хотѣлъ ѣхать назадъ; однакожь, извинивъ колкія выраженія будущаго зятя нетерпѣніемъ его страстной любви, 8 Апрѣля въѣхалъ въ Россію.

Пишутъ, что Марина, оставляя навѣки отечество, неутѣшно плакала въ горестныхъ предчувствіяхъ, и что Власьевъ не могъ успокоить ее велерѣчивымъ изображеніемъ ея славы (464). Воевода Сендомирскій желалъ блеснуть пышностію: съ нимъ было родственниковъ, пріятелей и слугъ не менѣе двухъ тысячь, и столько же лошадей. Марина ѣхала между рядами конницы и пѣхоты. Мнишекъ, братъ и сынъ его, Князь Вишневецкій и каждый изъ знатныхъ Пановъ имѣлъ свою дружину воинскую. На границѣ привѣтствовали невѣсту царедворцы Московскіе, а за мѣстечкомъ Краснымъ Бояре, Михайло Нагой (мнимый дядя Лжедимитріевъ) и Князь Василій Мосальскій, который сказалъ отцу ея, что знаменитѣйшіе Государи Европейскіе хотѣли

Г. 1606. бы выдашь дочерей своихъ за Димитрія, но что Димитрій предпочитаетъ имъ его дочь, умѣя любить и быть благодарнымъ. Оттуда повезли Марину на двѣнадцати бѣлыхъ коняхъ, въ саняхъ великолѣпныхъ, украшенныхъ серебрянымъ орломъ (465); возницы были въ парчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ; впереди ѣхало двѣнадцать знатныхъ всадниковъ, которые служили путеводителями, и кричали возницамъ, гдѣ видѣли камень или яму. Не смотря на весеннюю распутицу, вездѣ исправили дорогу, вездѣ построили новые мосты и домы для ночлеговъ. Въ каждомъ селеніи жители встрѣчали невѣсту съ хлѣбомъ и солью, Священники съ иконами. Граждане въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязмѣ подносили ей многоцѣнные дары отъ себя, а сановники вручали письма отъ жениха съ дарами еще богатѣйшими. Всѣ старались угождать не только будущей Царицѣ, но и спутникамъ ея, надменнымъ Ляхамъ (466), которые вели себя нескромно, грубили Россіянамъ, притворно смиреннымъ, и достигнувъ береговъ Угры, вспомнили, что тутъ была древняя граница Литвы — надѣялись, что и будетъ снова: ибо Мнишекъ везъ съ собою владѣнную грамоту, данную ему Самозванцемъ, на Княженіе Смоленское! . . Оставивъ Марину въ Вязмѣ, Сендомирскій Воевода съ сыномъ и Княземъ Вишневецкимъ спѣшили въ

Москву для нѣкоторыхъ предварительныхъ условій съ Царемъ относительно къ браку (467). Г. 1606.

25 Апрѣля, имѣвъ пышный въѣздъ въ столицу (468), Мнишекъ съ восторгомъ увидѣлъ будущаго зятя на великолѣпномъ тронѣ, окруженномъ Боярами и Духовенствомъ: Патріархъ и Епископы сидѣли на правой сторонѣ, Вельможи на лѣвой. Мнишекъ цѣловалъ руку Лжедимитріеву; говорилъ рѣчь, и не находилъ словъ для выраженія своего счастія. „Не знаю „(сказалъ онъ), какое чувство господствуетъ „теперь въ душѣ моей: удивленіе ли чрезмѣрное или радость неописанная? Мы проливали нѣкогда слезы умиленія, слушая повѣсть о жалостной, мнимой кончинѣ Димитрія — и видимъ его воскресшаго! Давно „ли, съ горестію инаго рода, съ участіемъ „искреннимъ и нѣжнымъ, я жалъ руку изгнанника, моего гостя печальнаго—и сію руку, „нынѣ Державную, лобызаю съ благоговѣніемъ! . . . . О счастіе! какъ ты играешь „смертными! Но что говорю? не слѣпому „счастію, а Провидѣнію дивимся въ судьбѣ „твоей: Оно спасло тебя и возвысило, къ „утѣшенію Россіи и всего Христіанства. „Уже извѣстны мнѣ твои блестящія свойства: я видѣлъ тебя въ пылу битвы не„устрашимаго, въ трудахъ воинскихъ неуто-

Рѣчь Мнишкова.

Г. 1606. „мимаго, къ хладу зимнему нечувствитель„наго . . . ты бодрствовалъ въ полѣ, когда и „звѣри Сѣвера въ своихъ норахъ таились. „Исторія и Стихотворство прославятъ тебя „за мужество и за многія иныя добродѣтели, „которыя спѣши открыть въ себѣ міру; но „я особенно долженъ славить твою высокую „ко мнѣ милость, щедрую награду за мое къ „тебѣ раннее дружество, которое предупре„дило честь и славу твою въ свѣтѣ: ты дѣ„лишь свое величіе съ моею дочерью, умѣя „цѣнить ея нравственное воспитаніе и вы„годы, данныя ей рожденіемъ въ Государствѣ „свободномъ, гдѣ Дворянство столь важно и „сильно — а всего болѣе зная, что одна до„бродѣтель есть истинное украшеніе чело„вѣка." Лжедимитрій слушалъ съ видомъ чувствительности, непрестанно утирая себѣ глаза платкомъ, но не сказалъ ни слова: вмѣсто Царя отвѣтствовалъ Аѳанасій Власьевъ. Началося роскошное угощеніе. Мнишекъ обѣдалъ у Лжедимитрія въ новомъ дворцѣ, гдѣ Поляки хвалили и богатство и вкусъ украшеній (469). Честя гостя, Самозванецъ не хотѣлъ однакожь сидѣть съ нимъ рядомъ: сидѣлъ одинъ за *серебряною трапезою*, и въ знакъ уваженія велѣлъ только подавать ему, сыну его и Князю Вишневецкому золотыя тарелки (470). Во время обѣда привели двадцать Лопарей, бывшихъ тогда въ Москвѣ съ

данію, и разсказывали любопытнымъ иноземцамъ, что сіи странные дикари живутъ на краю свѣта, близъ *Индіи* и Ледовитаго моря, не зная ни домовъ, ни теплой пищи, ни законовъ, ни Вѣры (471): Лжедимитрій хвалился неизмѣримостію Россіи и чуднымъ разнообразіемъ ея народовъ. Ввечеру играли во дворцѣ Польскіе музыканты; сынъ Воеводы Сендомирскаго и Князь Вишневецкій танцовали, а Лжедимитрій забавлялся переодѣваніемъ, ежечасно являясь то Русскимъ щеголемъ, то Венгерскимъ гусаромъ! Пять или шесть дней угощали Мнишка изобильными, безконечными обѣдами, ужинами, звѣриною ловлею, въ коей Лжедимитрій, какъ обыкновенно, блисталъ искусствомъ и смѣлостію: билъ медвѣдей рогатиною, отсѣкалъ имъ голову саблею, и веселился громкими восклицаніями Бояръ: „слава „Царю!" — Въ сіе время занимались и дѣломъ. г. 1606

Лжедимитрій писалъ еще въ Краковъ къ Воеводѣ Сендомирскому, что Марина, какъ Царица Россійская, должна по крайней мѣрѣ наружно чтить Вѣру Греческую и слѣдовать обрядамъ ея (472); должна также наблюдать обычаи Московскіе, и *не убирать волосовъ*: но Легатъ Папскій, Рангони, съ досадою отвѣтствовалъ на первое требованіе, что Государь Самодержавный не обязанъ угождать Условія.

Г. 1606. безсмысленному народному суевѣрію; что законъ не воспрещаетъ брака между Христіанами Греческой и Римской Церкви, и не велитъ супругамъ жертвовать другъ другу совѣстію; что самые предки Димитріевы, когда хотѣли жениться на Княжнахъ Польскихъ, всегда оставляли имъ свободу въ Вѣрѣ (473). Сіе затрудненіе было, кажется, рѣшено въ бесѣдахъ Лжедимитрія съ Воеводою Сендомирскимъ и съ нашимъ Духовенствомъ: условились, чтобы Марина ходила въ Греческія церкви, пріобщалась Святыхъ Таинъ отъ Патріарха и постилась еженедѣльно не въ Субботу, а въ Среду, имѣя однакожь свою Латинскую церковь и наблюдая всѣ иные уставы Римской Вѣры. Патріархъ Игнатій былъ доволенъ; другіе Святители молчали, всѣ, кромѣ Митрополита Казанскаго Ермогена и Коломенскаго Епископа Іосифа, сосланныхъ Разстригою, за ихъ смѣлость: ибо они утверждали, что невѣсту должно *крестить*, или женитьба Царя будетъ беззаконіемъ (474).

Опала двухъ Святителей.

Гордяся хитрою Политикою — удовольствовавъ, какъ онъ думалъ, и Римъ и Москву — устроивъ все для торжественнаго бракосочетанія и принятія невѣсты, Лжедимитрій далъ ей знать, что ждетъ ее съ нѣжнымъ чувствомъ любовника и съ великолѣпіемъ Царскимъ.

Марина дни четыре жила въ Вяземѣ, бывшемъ селѣ Годунова, гдѣ находился его дворецъ, окруженный валомъ, и гдѣ въ каменномъ храмѣ, донынѣ цѣломъ, видны еще многія Польскія надписи Мнишковыхъ спутниковъ. 1 Мая, верстъ за 15 отъ Москвы, встрѣтили будущую Царицу купцы и мѣщане съ дарами — 2 Мая, близъ городской заставы, Дворянство и войско: Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Козаки (всѣ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою перевязью на груди), Нѣмцы, Поляки, числомъ до ста тысячь (475). Самъ Лжедимитрій былъ тайно въ простой одеждѣ между ими, вмѣстѣ съ Басмановымъ разставилъ ихъ по обѣимъ сторонамъ дороги и возвратился въ Кремль. Не въѣзжая въ городъ, на берегу Москвы-рѣки, Марина вышла изъ кареты и вступила въ великолѣпный шатеръ, гдѣ находились Бояре: Князь Мстиславскій говорилъ ей привѣтственную рѣчь; всѣ другіе кланялись до земли. У шатра стояли 12 прекрасныхъ верховыхъ коней въ даръ невѣстѣ, и богатая колесница, украшенная серебряными орлами Царскаго герба и запряженная десятью пѣгими лошадьми (476): въ сей колесницѣ Марина въѣхала въ Москву, будучи сопровождаема своими ближними, Боярами, чиновниками и тремя дружинами Царскихъ тѣлохранителей; впереди шло 300 гайдуковъ съ

Г. 1606.

Въѣздъ Марины въ столицу.

Г. 1606. музыкантами, а позади ѣхало 13 каретъ и множество всадниковъ. Звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, били въ барабаны, играли на трубахъ — а народъ безмолвствовалъ; смотрѣлъ съ любопытствомъ, но изъявлялъ болѣе печали, нежели радости, и замѣтилъ *вторично* бѣдственное предзнаменованіе (477): увѣряютъ, что въ сей день свирѣпствовала буря, такъ же, какъ и во время Разстригина вступленія въ Москву. Предъ воротами Кремлевскими, на возвышенномъ мѣстѣ площади (гдѣ встрѣтило бы невѣсту Царскую Духовенство съ крестами, если бы сія невѣста была православная), встрѣтили Марину новыя толпы литаврщиковъ, производя несносный для слуха шумъ и громъ. При въѣздѣ ея въ Спасскія ворота музыканты Польскіе играли свою народную пѣсню: *навѣки въ счастьѣ и несчастьѣ* (478); колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго монастыря: тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею (479); тамъ увидѣла и жениха — и жила до свадьбы, отложенной на шесть дней еще для нѣкоторыхъ приготовленій.

Негодованіе Москвитянъ. Между тѣмъ Москва волновалась. Помѣстивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ (480) Борисовомъ (вертепѣ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и вы-

гнали хозяевъ, не только купцевъ, Дворянъ, Г. 1606.
Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ (481): сдѣлался крикъ и вопль. — Съ другой стороны, видя тысячи гостей незваныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ — видя, какъ они еще изъ телегъ своихъ вынимали запасныя сабли, копья, пистолеты, Москвитяне спрашивали у Нѣмцевъ, ѣздятъ ли въ ихъ земляхъ на свадьбу какъ на битву (482)? и говорили другъ другу, что Поляки хотятъ овладѣть столицею. Въ одинъ день съ Мариною въѣхали въ Москву Великіе Послы Сигизмундовы, Паны Олесницкій и Госѣвскій (483), также съ воинскою многочисленною дружиною, и также къ безпокойству народа, который думалъ, что они пріѣхали за вѣномъ Марины, и что Царь уступаетъ Литвѣ всѣ земли отъ границы до Можайска (484) — мнѣніе несправедливое, какъ доказываютъ бумаги сего Посольства: Олесницкій и Госѣвскій должны были только, вмѣсто Короля, присутствовать на свадьбѣ Лжедимитрія (485), утвердить Сигизмундову съ нимъ дружбу и союзъ съ Россіею, не требуя ничего болѣе. Самозванецъ, по сказанію Лѣтописца, зная молву народную о грамотѣ, данной имъ Мнишку на Смоленскъ и Сѣверскую область, говорилъ Боярамъ, что не уступитъ ни пяди земли Россійской Ля-

Г. 1606. хамъ (486) — и, можетъ быть, говорилъ искренно: можетъ быть, обманывая Папу, обманулъ бы и тестя и жену свою; но Бояре, по крайней мѣрѣ Шуйскій съ друзьями, не старались перемѣнить худыхъ мыслей народа о Лжедимитріи, который новыми соблазнами еще усилилъ общее негодованіе.

Соблазны. Доброжелатели сего безразсуднаго хотѣли увѣрить благочестивыхъ Россіянъ, что Марина въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ учится нашему Закону и постится, готовясь къ крещенію, (487): въ первый день она дѣйствительно казалась постницею, ибо ничего не ѣла, гнушаясь Русскими яствами; но женихъ, узнавъ о томъ, прислалъ къ ней въ монастырь поваровъ отца ея, коимъ отдали ключи отъ Царскихъ запасовъ, и которые начали готовить тамъ обѣды, ужины, совсѣмъ не монастырскіе (488). Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными. Разстрига вводилъ скомороховъ въ Обитель тишины и набожности, какъ бы ругаясь надъ святымъ мѣстомъ и саномъ Инокинь непорочныхъ (489). Москва свѣдала о томъ съ омерзѣніемъ.

Соблазнъ инаго рода, плодъ вѣтрености Лжедимитріевой, изумилъ царедворцевъ. 3 Мая Разстрига торжественно принималъ, въ Золотой палатѣ, знатныхъ Ляховъ, родственниковъ Мнишковыхъ, и Пословъ Королевскихъ. Гофмейстеръ Марины, Стадницкій, именемъ всѣхъ ея ближнихъ говоря рѣчь (490), сказалъ ему: „Если кто нибудь удивится твоему союзу съ домомъ Мнишка, перваго изъ Вельможъ Королевскихъ, то пусть заглянетъ въ „Исторію Государства Московскаго: *прадѣдъ* „твой, думаю, былъ женатъ на дочери Витовта, а дѣдъ на Глинской — и Россія жаловалась ли на соединеніе Царской крови съ „Литовскою? ни мало. Симъ бракомъ утверждаешь ты связь между двумя народами, которые сходствуютъ въ языкѣ и въ обычаяхъ, „равны въ силѣ и доблести, но донынѣ не знали мира искренняго, и своею закоснѣлою „враждою тѣшили невѣрныхъ; нынѣ же готовы, какъ истинные братья, дѣйствовать „единодушно, чтобы низвергнуть Луну ненавистную... и слава твоя какъ солнце возсіяетъ въ странахъ Сѣвера". За родственниками Воеводы Сендомирскаго, важно и величаво, шли Послы. *Лжедимитрій* сидѣлъ на престолѣ: сказавъ Царю привѣтствіе, Олесницкій вручилъ Сигизмундову грамоту Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ Самозванцу ея надпись, и возвратилъ бумагу Посламъ, г. 1606.

Г. 1606. Ссора съ Послами.

говоря, что она писана къ какому-то *Князю Димитрію*, а Монархъ Россійскій есть *Цесарь*; что Послы должны ѣхать съ нею обратно къ своему Государю. Изумленный Панъ Олесницкій, взявъ грамоту, сказалъ Лжедимитрію: „Принимаю съ благоговѣніемъ; но что дѣ-„лается? оскорбленіе безпримѣрное для Коро-„*ля*,—для всѣхъ знаменитыхъ Ляховъ, стоящихъ „здѣсь предъ тобою, — для всего нашего оте-„чества, гдѣ мы еще не давно видѣли тебя, „осыпаемаго ласками и благодѣяніями! Ты съ „презрѣніемъ отвергаешь письмо Его Вели-„чества, на семъ тронѣ, на коемъ сидишь по „милости Божіей, Государя моего и народа „Польскаго!“ ... Такое нескромное слово оскорбляло всѣхъ Россіянъ не менѣе Царя; но Лжедимитрій не мыслилъ выгнать дерзкаго Пана, и какъ бы обрадовался случаю блистать своимъ краснорѣчіемъ; велѣлъ снять съ себя корону (491), и самъ отвѣтствовалъ слѣдующее: „Необыкновенное, неслыханное дѣло, чтобы „Вѣнценосцы, сидя на престолѣ, спорили „съ иноземными Послами; но Король упрям-„ствомъ выводитъ меня изъ терпѣнія. Ему „изъяснено и доказано, что я не только Князь, „не только Господарь и Царь, но и Великій „Императоръ въ своихъ неизмѣримыхъ владѣ-„ніяхъ. Сей титулъ данъ мнѣ Богомъ, и не „есть одно пустое слово, какъ титулы иныхъ „Королей; ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе, ниже

„Римскіе Цесари не имѣли дѣйствительнѣй- г. 1606.
„шаго права такъ именоваться. Могу ли быть „доволенъ названіемъ Князя и Господаря, ко- „гда мнѣ служатъ не только Господари и „Князья, но и Цари? Не вижу себѣ равнаго „въ странахъ полунощныхъ; надо мною одинъ „Богъ. И не всѣ ли Монархи Европейскіе на- „зываютъ меня Императоромъ? Для чего же „Сигизмундъ того не хочетъ? Панъ Олесниц- „кій! спрашиваю: могъ ли бы ты принять „на свое имя письмо, если бы въ его надписи „не было означено твое Шляхетское досто- „инство?... Сигизмундъ имѣлъ во мнѣ друга „и брата, какого еще не имѣла Республика „Польская; а теперь вижу въ немъ своего „зложелателя". Извиняясь въ худомъ витій- ствѣ неспособностію говорить безъ приго- товленія, а въ смѣлости навыкомъ человѣка свободнаго, Олесницкій съ жаромъ и грубо- стію упрекалъ Лжедимитрія неблагодарностію, забвеніемъ милостей Королевскихъ, безраз- судностію въ требованіи титула новаго, безъ всякаго права; указывая на Бояръ, ставилъ ихъ въ свидѣтели, что Вѣнценосцы Россійскіе никог- да не думали именоваться *Цесарями*; предавалъ Самозванца суду Божію за кровопролитіе, вѣ- роятное слѣдствіе такого неумѣреннаго често- любія. Самозванецъ возражалъ; наконецъ смяг- чился, и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не въ ви- дѣ Посла, а въ видѣ своего добраго знакомца;

г. 1606. но разгоряченный Панъ сказалъ: „или я Посолъ „или не могу цѣловать руки твоей“ — и сею твердостію принудилъ Разстригу уступить: „для того (сказалъ Власьевъ), что Царь, го„товясь къ брачному веселію, расположенъ къ „снисходительности и къ мирнымъ чувствамъ“. Грамоту Сигизмундову взяли, Посламъ указали мѣста, и Лжедимитрій спросилъ о здоровьѣ Короля, но сидя: Олесницкій хотѣлъ, чтобъ онъ для сего вопроса, въ знакъ уваженія къ Королю, привсталъ, и Разстрига исполнилъ его желаніе — однимъ словомъ, унизилъ, остыдилъ себя въ глазахъ Двора явленіемъ непристойнымъ, досадивъ вмѣстѣ и Ляхамъ и Россіянамъ. Съ честію отпустивъ Пословъ въ ихъ домъ, Лжедимитрій велѣлъ Дьяку Грамотину сказать имъ, что они могутъ жить, какъ имъ угодно, безъ всякаго надзора и принужденія: видѣться и говорить, съ кѣмъ хотятъ; что обычаи перемѣнились въ Россіи, и спокойная любовь къ свободѣ заступила мѣсто недовѣрчиваго тиранства; что гостепріимная Москва ликуетъ, въ первый разъ видя такое множество Ляховъ, а Царь готовъ удивить Европу и Азію дружбою своею къ Королю, если онъ признаетъ его Императоромъ изъ благодарности за титулъ *Шведскаго*, отнятый Борисомъ у Сигизмунда, но возвращаемый ему Димитріемъ. — Дѣломъ государственнаго союза хотѣли заняться послѣ

свадьбы Царской: ибо Лжедимитрій не имѣлъ времени мыслить о дѣлахъ, занимаясь единственно невѣстою и гостями. г. 1606.

Въ монастырѣ веселились, во дворцѣ пировали (492). Женихъ ежедневно дарилъ невѣсту и родныхъ ея, покупая лучшіе товары у купцевъ иноземныхъ, коихъ множество наѣхало въ Москву изъ Литвы, Италіи и Германіи. За два дни до свадьбы принесли Маринѣ шкатулу съ узорочьями, цѣною въ 50 тысячь рублей (493), а Мнишку выдали еще 100 тысячь злотыхъ для уплаты остальныхъ долговъ его, такъ, что казна издержала въ сіе время на одни дары 800,000 (нынѣшнихъ серебряныхъ 4,000,000) рублей (494), кромѣ милліоновъ, издержанныхъ на путешествіе или угощеніе Марины съ ея ближними. Лжедимитрій хотѣлъ Царскою роскошью затмить Польскую: ибо Воевода Сендомирскій и другіе знатные Ляхи также не жалѣли ничего для внѣшняго блеска, имѣли богатыя кареты и прекрасныхъ коней, рядили слугъ въ бархатъ, и готовились жить пышно въ Москвѣ (куда Мнишекъ (495) привезъ 30 бочекъ одного вина Венгерскаго). Но самая роскошь гостей озлобляла народъ: видя ихъ великолѣпіе, Москвитяне думали, что оно есть плодъ расхищенія казны Царской (496); что достояніе отечества, собранное умомъ Дары.

Г. 1606. и трудами нашихъ Государей, идетъ въ руки вѣчныхъ непріятелей Россіи.

Обрученіе и свадьба. 7 Мая, ночью, невѣста вышла изъ монастыря, и при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ, въ колесницѣ окруженной тѣлохранителями и Дѣтьми Боярскими, переѣхала во дворецъ, гдѣ, въ слѣдующее утро, совершилось обрученіе по уставу нашей Церкви и древнему обычаю; но, вопреки сему уставу и сему обычаю, въ тотъ же день, на канунѣ Пятницы и святаго праздника, совершился и бракъ: ибо Самозванецъ не хотѣлъ ни однимъ днемъ своего счастія жертвовать, какъ онъ думалъ, народному предразсудку. Невѣсту для обрученія ввели въ Столовую палату Княгиня Мстиславская и Воевода Сендомирскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковы и чиновники свадебные: Тысяцкій Князь Василій Шуйскій, Дружки (братъ его и Григорій Нагой), свахи и весьма немногіе изъ Бояръ. Марина, усыпанная алмазами, яхонтами, жемчугомъ, была въ Русскомъ, красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьянныхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ же платьѣ былъ и Самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными. Духовникъ Царскій, Благовѣщенскій Протоіерей, читалъ молитвы; Дружки рѣзали ко-

роваи съ сырами и разносили ширинки. Отъ- Г. 1606.
туда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ Бояре и сановники Двора, знатные Ляхи и Послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость: два престола, одинъ для Самозванца, другой для Марины — и Князь Василій Шуйскій сказалъ ей: „Наи-„яснѣйшая Великая Государыня, *Цесарева* Марія „Юрьевна! волею Божіею и непобѣдимаго Са-„модержца, Цесаря и Великаго Князя всея „Россіи, ты избрана быть его супругою: „вступи же на свой Цесарскій *маестатъ* и „властвуй вмѣстѣ съ Государемъ надъ на-„ми" (497)! Она сѣла. Вельможа Михайло Нагой держалъ предъ нею корону Мономахову и діадиму. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ и Духовнику Царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все изготовили къ торжественному обряду, и куда, по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ, велъ жениха Воевода Сендомирскій, а невѣсту Княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и Стрѣльцевъ, Стольники, Стряпчіе, всѣ знатные Ляхи, чиновники свадебные, Князь Василій Голицынъ съ жезломъ или скиптромъ, Басмановъ съ державою; позади Бояре, люди Думные, Дворяне и Дьяки. Народа было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ — и началося священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе не-

г. 1606. вѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство. Среди храма, на возвышенномъ, такъ называемомъ *чертожномъ* мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и Патріархъ: первый на золотомъ тронѣ Персидскомъ (498), вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь: Патріархъ ему отвѣтствовалъ, и съ молитвою возложилъ животворящій крестъ на Марину, бармы, діадиму и корону (для чего свахи сняли головный уборъ или вѣнецъ невѣсты). Лики пѣли многолѣтіе Государю и *благовѣрной Цесаревѣ Маріи*, которую Патріархъ на Литургіи украсилъ цѣпію Мономаховою, помазалъ и причастилъ. Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности (499). Наконецъ выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, и Протопопъ Благовѣщенскій обвѣнчалъ Разстригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, Царь и Царица (послѣдняя опираясь на Князя Василія Шуйскаго) вышли изъ храма уже въ часъ вечера и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными и колокольнымъ зво-

номъ (500), но шихо и невняшно народными восклицаніями. Князь Мсшиславскій, въ дверяхъ осыпавъ новобрачныхъ золошыми деньгами изъ богашой мисы, кинулъ шолпамъ гражданъ всѣ осшальные въ ней червонцы и медали (съ изображеніемъ орла двуглаваго). Воевода Сендомирскій и немногіе Бояре обѣдали съ Лжедимишріемъ въ Сшоловой палашѣ; но сидѣли не долго: всшали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и Князь Василій Шуйскій до посшели (501). Все ушихло во дворцѣ. Москва казалась спокойною: праздновали и шумѣли одни Ляхи, въ ожиданіи брачныхъ пировъ Царскихъ, новыхъ даровъ и почесшей. Не праздновали и не дремали клевреты Шуйскаго: время дѣйсшвовашь насшупало. г. 1606.

Сей день, радосшный для Самозванца и сшоль блесшящій для Марины, еще усилилъ народное негодованіе. Не взирая на всѣ безразсудныя дѣла Разсшриги, Москвишяне думали, чшо онъ не дерзнешъ дашь сана Россійской Царицы иновѣркѣ, и чшо Марина примешъ Законъ нашъ; ждали шого до послѣдняго дня и часа: увидѣли ее въ коронѣ, въ вѣнцѣ брачномъ, и не слыхали ошреченія ошъ Лашинсшва. Хошя Марина цѣловала наши свяшыя иконы, вкусила шѣло и кровь Хрисшову изъ рукъ Пашріарха, была помазана елеемъ и

Новыя причины къ негодованію.

Г. 1606. торжественно возглашена *благовѣрною Царицею*; но сіе явное дѣйствіе лжи казалось народу новою дерзостію беззаконія, равно какъ и Царское вѣнчаніе Польской Шляхетки, удостоенной величія неслыханнаго и недоступнаго для самыхъ Царицъ, истинно благовѣрныхъ и добродѣтельныхъ: для Анастасіи, Ирины и Маріи Годуновой (502). Корона Мономахова на главѣ иноземки, племени ненавистнаго для тогдашнихъ Россіянъ, вопіяла къ ихъ сердцамъ о мести за оскверненіе святыни. Такъ мыслилъ народъ, или такія мысли внушали ему еще невидимые вожди его въ сіе грозное будущимъ время. — Ничто не укрывалось отъ наблюдателей строгихъ. Только немногимъ изъ Ляховъ Разстрига дозволилъ быть въ церкви свидѣтелями его бракосочетанія, но и сіи немногіе своимъ безчинствомъ возбудили общее вниманіе (503): шутили, смѣялись или дремали въ часъ Литургіи, прислонясь спиною къ иконамъ. Послы Сигизмундовы непремѣнно хотѣли сидѣть, требовали креселъ и едва успокоились, когда Лжедимитрій велѣлъ сказать имъ, что и самъ онъ сидитъ въ церкви, на тронѣ, единственно по случаю коронованія Марины (504). Замѣчая, какъ Бояре служили Царю — какъ Шуйскіе и другіе ставили ему и Царицѣ скамьи подъ ноги — кичливые Паны дивились въ слухъ такой низости и благодарили Бога, что жи-

вуть въ Республикѣ, гдѣ Король не смѣетъ требовать столь презрительныхъ услугъ отъ послѣдняго изъ людей вольныхъ. . . Россіяне видѣли, слышали и не прощали. Г. 1606.

Въ слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, барабаны и трубы возвѣстили начало свадебнаго праздника (505): сія шумная музыка не умолкала до самаго полудня. Во дворцѣ готовился пиръ для Россіянъ и Ляховъ; но Лжедимитрій, желая веселиться, имѣлъ досаду: новую ссору съ Королевскими Послами. Онъ звалъ ихъ обѣдать, учтиво и ласково; Послы также учтиво благодарили, хотѣли однакожь непремѣнно сидѣть съ Царемъ за однимъ столомъ, какъ Власьевъ на свадьбѣ у Короля сидѣлъ за столомъ Королевскимъ. Лжедимитрій для объясненія прислалъ къ нимъ Власьева: сей важный чиновникъ сказалъ Олесницкому: „Вы требуете неслыханнаго: у насъ никому нѣтъ „мѣста за особенною Царскою трапезою; Король же угостилъ меня наравнѣ съ Послами „Императорскимъ и Римскимъ: слѣдственно не „сдѣлалъ ничего чрезвычайнаго, ибо Государь „нашъ не менѣе ни Императора, ни Римскаго „Владыки — нѣтъ, Великій Цесарь Димитрій „болѣе ихъ: что у васъ Папа, то у него Попы“ (506). Такъ изъяснялся первый дѣлецъ государственный и вѣрный слуга Разстригинъ, въ душѣ своей не благопріятствуя Ляхамъ и

Пиры.

Новая ссора съ Литовскими Послами.

г. 1606. желая, можетъ быть, сею непристойною насмѣшкою доказать, что Лжедимитрій не есть Папистъ. Олесницкій снесъ грубость, но рѣшился не ѣхать во дворецъ. Всѣ иные знатные Ляхи обѣдали съ Самозванцемъ въ Грановитой палатѣ, кромѣ Воеводы Сендомирскаго: онъ находилъ требованіе Пословъ справедливымъ, тщетно умолялъ зятя исполнить оное, проводилъ его и Марину до столовой комнаты и въ неудовольствіи уѣхалъ домой.

Сія размолвка не мѣшала блеску пиршества. Новобрачные обѣдали на тронѣ; за ними стояли тѣлохранители съ сѣкирами; Бояре имъ служили. Играла музыка — и Ляхи удивлялись несмѣтному богатству, видя предъ собою горы золота и серебра. Россіяне же съ негодованіемъ видѣли Царя въ гусарскомъ платьѣ, а Царицу въ Польскомъ: ибо оно болѣе нравилось мужу ея, который и на канунѣ едва согласился, чтобы Марина, хотя для вѣнчанія, одѣлась Россіянкою (507). Ввечеру ближніе Мнишковы веселились во внутреннихъ Царскихъ комнатахъ; а въ слѣдующій день (10 Мая) Лжедимитрій принималъ дары отъ Патріарха, Духовенства, Вельможъ, всѣхъ знатныхъ людей, всѣхъ купцовъ чужестранныхъ, и снова пировалъ съ ними въ Грановитой палатѣ, сидя лицемъ къ иноземцамъ, спиною къ Русскимъ (508). Въ Золотой палатѣ

обѣдало 150 Ляховъ; простыхъ воиновъ, но избранныхъ, угощаемыхъ Думными Дворянами: наливъ чашу вина, Лжедимитрій громогласно желалъ славныхъ успѣховъ оружію Польскому, и выпилъ ее до самаго дна (509). Наконецъ, 11 Мая, обѣдали во дворцѣ и Послы Сигизмундовы, съ ревностнымъ миротворцемъ, Воеводою Сендомирскимъ, который, убѣдивъ зятя дать Олесницкому первое мѣсто *возлѣ* стола Царскаго, уговорилъ и сего Пана не требовать ничего болѣе и не жертвовать спору о суетной чести выгодами союза съ Россіею. Хотя Лжедимитрій едва было не возобновилъ пренія, сказавъ Олесницкому: „я не звалъ Короля къ себѣ на свадьбу: слѣдственно ты „здѣсь не въ лицѣ его, а только въ качествѣ „Посла;“ но Мнишекъ благоразумными представленіями утишилъ зятя, и все кончилось дружелюбно. Сей третій пиръ казался еще пышнѣе. Царь и Царица были въ коронахъ и въ Польскомъ великолѣпномъ нарядѣ. Тутъ обѣдали и женщины: Княгиня Мстиславская, Шуйская (510) и родственницы Воеводы Сендомирскаго, который, забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть: держа шапку въ рукахъ, стоялъ предъ Царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ (511). Лжедимитрій пилъ здоровье Короля; вообще пили много, особенно иноземные гости, хваля Царскія вина, но жалуясь на яства Рус-

Г. 1606.

Г. 1606. скія, для нихъ не вкусныя (512). После стола откланялись Царю сановники, коимъ надлежало ѣхать къ Шаху Персидскому съ письмами: они цѣловали руку у Лжедимитрія и Марины (513). — 12 Мая Царица въ своихъ комнатахъ угощала однихъ Ляховъ, пригласивъ только двухъ Россіянъ: Власьева и Князя Василія Мосальскаго. Услуга и кушанья были Польскія, такъ, что Паны, изъявляя живѣйшее удовольствіе, говорили: „мы пируемъ не въ Москвѣ „и не у Царя, а въ Варшавѣ или въ Краковѣ „у Короля нашего" (514). Пили и плясали до ночи. Лжедимитрій, въ гусарской одеждѣ, танцовалъ съ женою и съ тестемъ. — Но Царица оказала милость и Россіянамъ: 14 Мая обѣдали у нее Бояре и люди чиновные. Въ сей день она казалась Русскою, вѣрно соблюдая наши обычаи; старалась быть и любезною, всѣхъ привѣтствуя и лаская (515)... Но привѣтствія уже не трогали сердецъ ожесточенныхъ! — Между тѣмъ не умолкала въ столицѣ музыка: барабаны, литавры, трубы съ утра до вечера оглушали жителей (516). Ежедневно гремѣли и пушки, въ знакъ веселія Царскаго; не щадили пороху, и въ пять или въ шесть дней истратили его болѣе, нежели въ войну Годунова съ Самозванцемъ. Ляхи также въ забаву стрѣляли изъ ружей, въ своихъ домахъ и на улицахъ, днемъ и ночью, трезвые и пьяные (517).

Г. 1606. Переговоры государственные.

Утомленный празднествами, Лжедимитрій хотѣлъ заняться дѣлами, и 15 Мая, въ часъ утра, Послы Сигизмундовы нашли его въ новомъ дворцѣ сидящаго на креслахъ, въ прекрасной голубой одеждѣ, безъ короны, въ высокой шапкѣ, съ жезломъ въ рукѣ, среди множества царедворцевъ (518): онъ велѣлъ Посламъ итти къ Боярамъ въ другую комнату, чтобы объяснить имъ предложенія Сигизмундовы. Князь Дмитрій Шуйскій, Татищевъ, Власьевъ и Дьякъ Грамотинъ бесѣдовали съ ними. Олесницкій, въ рѣчи плодовитой, Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ доказывалъ обязанность Христіанскихъ Монарховъ жить въ союзѣ и противиться невѣрнымъ; оплакивалъ паденіе Константинополя и несчастіе Іерусалима; хвалилъ великодушное намѣреніе Царя освободить ихъ отъ бѣдственнаго ига, и заключилъ тѣмъ, что Сигизмундъ, пылая усердіемъ раздѣлить съ братомъ своимъ, Димитріемъ, славу такого предпріятія, желаетъ знать, когда и съ какими силами онъ думаетъ итти на Султана? Татищевъ отвѣтствовалъ: „Король хочетъ „знать: вѣримъ; но хочетъ ли дѣйствительно „помогать непобѣдимому Цесарю въ войнѣ съ „Турками? сомнѣваемся. Желаніе все вывѣ„дать, съ намѣреніемъ ничего не дѣлать, ка„жется намъ только обманомъ и лукавствомъ." Удивляясь дерзости Татищева (который говорилъ невѣжливо, ибо уже зналъ о скорой

г. 1606. перемѣнѣ обстоятельствъ), Послы свидѣтельствовались Власьевымъ, что не Сигизмундъ Димитрію, а Димитрій Сигизмунду предложилъ воевать Оттоманскую Державу: слѣдственно и долженъ объявить ему свои мысли о способахъ успѣха. Тутъ Россійскіе чиновники оставили Пословъ, ходили къ Лжедимитрію, возвратились, и сказавъ: „самъ Це„сарь будетъ говорить съ вами въ присут„ствіи Бояръ", отпустили ихъ домой; но мнимый Цесарь уже не могъ сдержать слова!

Замышляемыя потѣхи.

Еще Лжедимитрій готовилъ потѣхи новыя; велѣлъ строить деревянную крѣпость съ земляною осыпью внѣ города, за Срѣтенскими воротами, и вывести туда множество пушекъ изъ Кремля, чтобы 18 Мая представить Ляхамъ и Россіянамъ любопытное зрѣлище приступа, если не кровопролитнаго, то громозвучнаго, коему надлежало заключиться пиршествомъ общенароднымъ. Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ (519). Но Россіяне уже не хотѣли ждать ни той, ни другой потѣхи.

Если Шуйскій отложилъ ударъ до свадьбы Отрепьева съ намѣреніемъ дать ему время еще болѣе возмутить сердца своимъ легко-

мысліемъ [520], что сіе предвидѣніе исполнилось: новые соблазны для Церкви, Двора и народа умножили ненависть и презрѣніе къ Самозванцу, а наглость Ляховъ все довершила, такъ, что имъ обязанный счастіемъ, онъ ихъ же содѣйствіемъ и погибнулъ! Сіи гости и друзья его услуживали хитрому Шуйскому, истощая терпѣніе Россіянъ, столь мало ими уважаемыхъ (какъ мы видѣли), что Мнишекъ нескромно обѣщалъ Боярамъ свою *милость*, и Посолъ Королевскій дерзнулъ торжественно назвать Лжедимитрія твореніемъ Сигизмундовымъ [521]. На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: „мы дали вамъ Царя!" Но Россіяне, сколь ни униженные, сколь ни виновные предъ отечествомъ и добродѣтелію, еще имѣли гордость народную; кипѣли злобою, но удерживались и шептали другъ другу: „часъ мести не далеко!" Сего мало: воины Польскіе, и даже чиновнѣйшіе Ляхи, не трезвые возвращаясь изъ дворца съ обнаженными саблями, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дѣвицъ, самыхъ благородныхъ, силою извлекая ихъ изъ колесницъ или вламываясь въ домы [522]; мужья, матери вопили, требовали суда. Одного Ляха преступника хотѣли казнить; но товарищи освободили

Г. 1606.

Наглость Ляховъ.

Г. 1606. его, умертвивъ палача, и не страшась закона (523).

Такъ было — и на беззаконіе возстало беззаконіе. Мы удивлялись легкому торжеству Самозванца: теперь удивимся его легкому паденію. Въ то время, какъ онъ безпечно тѣшился и плясалъ съ своими Ляхами — когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина — Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются Князь Василій Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ) — не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей сторонних: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и градскихъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ (524), которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному единственно въ тайнѣ мыслей. Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ Властителемъ (525). „Заблужденіе скоро исчезло,“ продолжалъ онъ— „и вы знаете, кто первый дерзнулъ обли-

Ночный совѣтъ въ домѣ у Шуйскаго.

„чать Самозванца; но голова моя лежала на „плахѣ, а злодѣй спокойно величался на пре„столѣ: Москва не тронулась!“ Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ (526) и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку *некрещеную* — изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами Ляховъ, — ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне, сложивъ руки, ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство иноземцевъ (527)? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса? Не было ни разгласія, ни безмолвія сомнительнаго: кто не принадлежалъ, тотъ приставалъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили *избыть* Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія, ни

Г. 1606.

Г. 1606. безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи Царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ. Богатые Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячь надежныхъ людей (528), призванныхъ ими въ Москву изъ ихъ собственныхъ владѣній, будто бы для того, чтобы они видѣли пышность Царской свадьбы. Назначили день и часъ; ждали, готовились — и хотя не было *прямыхъ* доносовъ (ибо доносчики страшились, кажется, быть жертвою народной злобы): но какая скромность могла утаить движенія заговора, столь многолюднаго?

Дерзкія рѣчи на площади.

12 Мая говорили торжественно, на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь *поганый*: не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею *поганою* Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской (529). Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и

привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать Нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дни примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 Мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ (530); что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ, днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спуская гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ (531). Нѣмцы остерегали Лжедимитрія и Ляховъ; остерегалъ перваго и Басмановъ, одинъ изъ Россіянъ! Но Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на

Г. 1606.

Волненіе народа.

Спокойствіе Лжедимитрія.

г. 1606. тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: „какъ вы, Ляхи, „малодушны!“ а Посламъ Сигизмундовымъ: „я „держу въ рукѣ Москву и Государство; ни- „что не смѣетъ двинуться безъ моей воли.“ Въ полночь, съ 15 на 16 Мая, схватили въ Кремлѣ шесть человѣкъ подозрительныхъ: пытали ихъ какъ лазутчиковъ, ничего не свѣдали, и Лжедимитрій не считалъ за нужное усилить стражу во дворцѣ, гдѣ находилось обыкновенно 50 тѣлохранителей (532): онъ велѣлъ другимъ быть дома въ готовности на всякій случай; велѣлъ еще разставить Стрѣльцевъ по улицамъ для охраненія Ляховъ, чтобы успокоить тестя, докучавшаго ему и Маринѣ своею боязнію. — 16 Мая иноземцы уже не могли купить въ гостиномъ дворѣ ни фунта пороху и никакого оружія (533): всѣ лавки были для нихъ заперты. Ночью, на канунѣ рѣшительнаго дня, вкралось въ Москву

Измѣна войска. съ разныхъ сторонъ до 18 тысячь воиновъ, которые стояли въ полѣ, верстахъ въ шести отъ города, и должны были итти въ Елецъ, но присоединились къ заговорщикамъ (534). Уже дружины Шуйскаго въ сію ночь овладѣли двѣнадцатью воротами Московскими, никого не пуская въ столицу, ни изъ столицы; а Лжедимитрій еще ничего не зналъ, увеселяясь въ своихъ комнатахъ музыкою (535). Са-

мые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже *ознаменованныхъ* для кровавой мести: Россіяне скрытно поставили знаки на оныхъ, въ цѣль удара. Нѣкоторые изъ Пановъ имѣли собственную стражу, другіе надѣялись на Царскую: но Стрѣльцы, ихъ хранители, или сами были въ заговорѣ или не думали кровію Русскою спасать иноплеменниковъ противныхъ. Ночь миновалась безъ сна для большей части Москвитянъ (536): ибо градскіе чиновники ходили по дворамъ съ тайнымъ приказомъ, чтобы всѣ жители были готовы стать грудью за Церковь и Царство, ополчились и ждали набата. Многіе знали, многіе и не знали, чему быть надлежало, но угадывали и съ ревностію вооружались, чѣмъ могли, для великаго и святаго подвига, какъ имъ сказали. Сильнѣе, можетъ быть, всего дѣйствовала въ народѣ ненависть къ Ляхамъ; дѣйствовалъ и стыдъ имѣть Царемъ бродягу, и страхъ быть жертвою его безумія, и, наконецъ, самая прелесть бурнаго мятежа для страстей необузданныхъ.

Г. 1606.
Послѣдняя ночь для Самозванца.

17 Мая, въ четвертомъ часу дня (537), прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у Св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ

Возстаніе Москвы.

Г. 1606. набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ лобнаго мѣста, сидѣли Бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ Князей и Воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ (538), и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечь, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: „во имя Божіе идите на „злаго еретика!" указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата (539), Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей Бояринъ, духа твердаго, могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ Государю законному, уже стыдился

измѣнить Самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ: на вопросъ его, куда она стремится? въ нѣсколько голосовъ кричатъ: „веди насъ „къ Самозванцу! выдай намъ своего бродягу!" Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ, и въ отчаяніи прибѣжавъ къ Разстригѣ, сказалъ ему: „Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! „Ты мнѣ не вѣрилъ!" Въ слѣдъ за нимъ ворвался въ Царскіе покои одинъ Дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу, далъ отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ (540): Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лжедимитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни, и грозя народу, кричалъ: „я вамъ не Годуновъ!" Отвѣтомъ были выстрѣлы, и Нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще, во внутреннихъ комнатахъ дворца, 20 или 30 Поляковъ, слугъ и музыкантовъ (541): иныхъ защитниковъ, въ сей грозный часъ, не имѣлъ тотъ, кому на канунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ- Г. 1606.

Г. 1606. ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему — увидѣлъ Бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей Разстригиныхъ: Князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость Царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: „злодѣй! „иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ Царемъ" (542)! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ и спустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца . . . судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Гибель Басманова.

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ Разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, Самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечь, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы, и не видя инаго спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ (543) — вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову, и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его Стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ, и не участвовали въ заго-

ворѣ: они взяли Разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость (544). Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе, и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ Стрѣльцевъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять Разстригу; но Стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства Царицы-Инокини, говоря: „если онъ „сынъ ея, то мы умремъ за него; а если „Царица скажетъ, что онъ Лжедимитрій, то „воленъ въ немъ Богъ“ (545). Сіе условіе было принято. Мнимая мать Самозванцева, вызванная Боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи; неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ (546). Призвали и родственниковъ ея, Нагихъ: они сказали то же, вмѣстѣ съ нею виняся предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Мареа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, кото-

Г. 1606.

Свидѣтельство Царицы-Инокини.

Г. 1606. рое у нее хранилось (547) и ни мало не сходствовало съ чертами лица Разстригина.

Тогда Стрѣльцы выдали обманщика, и Бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность (548). Одинъ изъ сихъ Нѣмцевъ, Ливонскій Дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ Самозванцу, и былъ жертвою озлобленія Россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но Бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ — и въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду Царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что Разстрига, на вопросъ: „кто ты, злодѣй?" отвѣчалъ: „вы знаете: я Димитрій" — и ссылался на Царицу-Инокиню; слышали, что Князь Иванъ Голицынъ (549) возразилъ ему: „ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни." Слышали еще, что Самозванецъ говорилъ: „несите меня на лобное мѣсто: „тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ" (550). Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй? Ему сказали, что винится (551) — и два выстрѣла прекратили до-

Судъ, допросъ и казнь Лжедимитрія.

просъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили Дворяне (552) Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: „будьте неразлучны и въ адѣ! вы здѣсь „любили другъ друга!“ Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: Разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ; а Басманова на скамьѣ, у ногъ Разстригиныхъ (553). г. 1606.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, Бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ — не имѣвъ времени одѣться — спрашивая, что дѣлается, и гдѣ Царь? слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни: народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣсницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея Польская Гофмейстерина съ Шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни или чести, если бы не приспѣли Бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей Царицы, дали ей стражу Щадятъ Марину.

г. 1606. для безопасности (554); не могли однакожь или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Убійства. Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы Ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а Паны безпечно и крѣпко спали, такъ, что слуги едва могли разбудить ихъ — и самаго Воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, Князь Вишневецкій, Послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: „смерть Ляхамъ!“ Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ Разстригиныхъ (555), опустошивъ домъ Іезуитовъ, истерзавъ Духовника Маринина, служившаго Обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили Поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, преграждённыхъ рогатками и копьями. Сіи не-

счастные, на кануне гордые, лобызали ноги Россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей; отдавали все, что имѣли — клялися прислать и болѣе изъ отечества (556): ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились Священники и Монахи переодѣтые; они вопили: „губите „ненавистниковъ нашей Вѣры“ (557)! Лилася и кровь Россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища Пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и Князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже Москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни одного человѣка живаго; но тутъ явились Бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая Стрѣльцевъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ Боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ Князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго (558), другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали Посламъ Сигизмундовымъ, что Джедимитрій, обманувъ Литву и Россію,

Г. 1606.

Бояре утишаютъ мятежъ.

Г. 1606. но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лице своего Монарха, и мстилъ единственно ихъ наглымъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію (559). Сказали Воеводѣ Сендомирскому: „Судьба Царствъ зависитъ отъ „Всевышняго, и ничто не бываетъ безъ Его „опредѣленія: такъ и въ сей день совершилась „воля Божія: кончилось царство бродяги, и „добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, „его опекунъ и наставникъ — ты, который „привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную — не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же „казни? Но хвалися счастіемъ: ты живъ, и „будешь цѣлъ; дочь твоя спасена — благодари „Небо" (560)! Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но Москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ

деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе Литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя Ляховъ какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра (561), все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой, отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ: „въ теченіе семи часовъ,“ пишутъ они, „мы не слыхали ничего кромѣ набата, „стрѣльбы, стука мечей и крика: *сѣки, руби зло„дѣевъ!* не видали ничего, кромѣ волненія, бѣга„нія, скаканія, смертоубійства и мятежа“ (562). Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненныхъ; но знатнѣйшіе Ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ Россіянъ, носившихъ одежду Польскую въ угодность Самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцевъ Аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ Миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ Ляхами (563). Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы Ляхи остереглися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ

Г. 1606.

Г. 1606.

(564), къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести Россіянъ; слѣдственно безпечность Ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера Москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ Самозванца и Поляковъ, хвалились своею доблестію и „не думали" (говоритъ Лѣтописецъ) „благодарить Всевышняго: храмы „были затворены" (565)! Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ — и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно тихая (566): казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія — не имѣя Царя, не зная наслѣдника — опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему Вѣнценосцу угрожая третьею!

Глубокая тишина ночи.

Козни властолюбія.

Но въ семъ безмолвіи бодрствовало властолюбіе съ своими обольщеніями и кознями, устремляя алчный взоръ на добычу мятежа

и смертоубійства: на вѣнецъ и скипетръ, г. 1606.
обагренные кровію двухъ послѣднихъ Царей. Легко было предвидѣть, кто возметъ сію добычу, силою и правомъ. Смѣлѣйшій обличитель Самозванца, чудесно спасенный отъ казни и еще безстрашный въ новомъ усиліи низвергнуть его; виновникъ, Герой, Глава народнаго возстанія, Князь отъ племени Рюрика, Св. Владиміра, Мономаха, Александра Невскаго; вторый Бояринъ мѣстомъ въ Думѣ, первый любовію Москвитянъ и достоинствами личными, Василій Шуйскій могъ ли еще остаться простымъ царедворцемъ, и послѣ *такой* отваги, съ *такою* знаменитостію, начать новую службу лести предъ какимъ нибудь новымъ Годуновымъ? Но Годунова не было между тогдашними Вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: „если меня изберутъ „въ Цари, то немедленно пойду въ Монахи" (567). Сказаніе нѣкоторыхъ чужеземныхъ Историковъ (568), что Бояринъ Князь Иванъ Голицынъ, имѣя многихъ знатныхъ родственниковъ и величаясь своимъ происхожденіемъ отъ Гедимина Литовскаго, вмѣстѣ съ Шуйскимъ искалъ короны, едва ли достойно вѣроятія, будучи несогласно съ извѣстіями

Г. 1606. очевидцевъ. Сообщникъ Басманова, коего обнаженное тѣло въ сіи часы лежало на площади, загладилъ ли измѣну измѣною, предавъ юнаго Ѳеодора, предавъ и Лжедимитрія? Не равняясь ни сановитостію, ни заслугами, могъ ли равняться и числомъ усердныхъ клевретовъ съ тѣмъ, кто безъ имени Царя уже начальствовалъ въ день рѣшительный для отечества, велъ Москву и побѣдилъ съ нею? Имѣя силу, имѣя право, Шуйскій употребилъ и всѣ возможныя хитрости: далъ наставленія друзьямъ и приверженникамъ, что говорить въ Синклитѣ и на Лобномъ мѣстѣ, какъ дѣйствовать и править умами; самъ изготовился, и въ слѣдующее утро, собравъ Думу (569), произнесъ, какъ увѣряютъ, рѣчь весьма умную и лукавую: славилъ милость Божію къ Россіи, возвеличенной Самодержцами Варяжскаго племени; славилъ особенно разумъ и завоеванія Іоанна IV, хотя и жестокаго; хвалился своею блестящею службою и важною государственною опытностію, пріобрѣтенною имъ въ сіе дѣятельное царствованіе; изобразилъ слабость Іоаннова наслѣдника, злое властолюбіе Годунова, всѣ бѣдствія его времени и ненависть народную къ святоубійцѣ, которая была виною успѣховъ Лжедимитрія и принудила Бояръ слѣдовать общему движенію. „Но мы,“ говорилъ Шуйскій, „загладили сію слабость, когда насталъ часъ

Рѣчь Шуйскаго въ Думѣ.

„умереть или спасти Россію. Жалѣю, что я, „предупредивъ другихъ въ смѣлости, обязанъ „жизнію Самозванцу: онъ не имѣлъ права, но „могъ умертвить меня, и помиловалъ, какъ „разбойникъ милуетъ иногда странника. При„знаюсь, что я колебался, боясь упрека въ „неблагодарности; но гласъ совѣсти, Вѣры, „отечества, вооружилъ мою руку, когда я „увидѣлъ въ васъ ревность къ великому по„двигу. Дѣло наше есть правое, необходимое, „святое; оно, къ несчастію, требовало кро„ви: но Богъ благословилъ насъ успѣхомъ — „слѣдственно оно Ему угодно! . . . Теперь, „избывъ злодѣя, еретика, чернокнижника, „должны мы думать объ избраніи достой„наго Властителя. Уже нѣтъ племени Цар„скаго, но есть Россія: въ ней можемъ снова „найти угасшее на престолѣ. Мы должны „искать мужа знаменитаго родомъ, усерд„наго къ Вѣрѣ и къ нашимъ древнимъ обы„чаямъ, добродѣтельнаго, опытнаго, слѣд„ственно уже не юнаго — человѣка, кото„рый, пріявъ вѣнецъ и скипетръ, любилъ бы „не роскошь и пышность, но умѣренность „и правду, ограждалъ бы себя не копьями и „крѣпостями, но любовію подданныхъ; не „умножалъ бы золота въ казнѣ своей, но из„бытокъ и довольствіе народа считалъ бы „собственнымъ богатствомъ. Вы скажете, „что такого человѣка найти трудно: знаю; г. 1606.

Г. 1606. „но добрый гражданинъ обязанъ желать со-„вершенства, по крайней мѣрѣ возможнаго, „въ Государѣ!"

Всѣ знали, видѣли, чего хотѣлъ Шуйскій: никто не дерзалъ явно противиться его желанію; однакожь многіе мыслили и говорили, что безъ Великой Земской Думы не льзя приступить къ дѣлу столь важному; что должно собрать въ Москвѣ Чины Государственные изъ всѣхъ областей Россійскихъ, какъ было при избраніи Годунова, и съ ними рѣшить, кому отдать Царство (570). Сіе мнѣніе было основательно и справедливо: вѣроятно, что и вся Россія избрала бы Шуйскаго; но онъ не имѣлъ терпѣнія, и друзья его возражали, что время дорого; что Правительство безъ Царя какъ безъ души, а столица въ смятеніи; что надобно предупредить и всеобщее смятеніе Россіи немедленнымъ врученіемъ скиптра достойнѣйшему изъ Вельможъ; что гдѣ Москва, тамъ и Государство; что нѣтъ нужды въ совѣтѣ, когда всѣ глаза обращены на одного, когда у всѣхъ на языкѣ одно имя. . . Симъ именемъ огласилась вдругъ и Дума и Красная площадь. Не всѣ избирали, но никто не отвергалъ избираемаго — и 19 Мая, во второмъ часу дня, звукъ литавръ, трубъ и колоколовъ возвѣстилъ новаго Монарха столицѣ. Бояре и знатнѣйшее Дворянство вы-

вели Князя Василія Шуйскаго изъ Кремля на Лобное мѣсто, гдѣ люди воинскіе и граждане, гости и купцы, особенно къ нему усердные, привѣтствовали его уже какъ отца Россіи... тамъ, гдѣ еще не давно лежала голова Шуйскаго на плахѣ, и гдѣ въ сей часъ лежало окровавленное тѣло Разстригино! Подобно Годунову изъявляя скромность, онъ хотѣлъ, чтобы Синклитъ и Духовенство прежде всего избрали Архипастыря для Церкви, на мѣсто Лжесвятителя Игнатія. Толпы восклицали: „Государь нужнѣе Патріарха для отечества!" и проводили Шуйскаго въ храмъ Успенія, въ коемъ Митрополиты и Епископы ожидали и благословили его на Царство (571). Все сдѣлалось такъ скоро и спѣшно, что не только Россіяне иныхъ областей, но и многіе именитые Москвитяне не участвовали въ семъ избраніи — обстоятельство несчастное: ибо оно служило предлогомъ для измѣнъ и смятеній, которыя ожидали Шуйскаго на престолѣ, къ новому стыду и бѣдствію отечества!

Г. 1606. Избраніе новаго Царя.

Въ день государственнаго торжества едва успѣли очистить столицу отъ крови и труповъ: вывезли, схоронили ихъ за городомъ (572). Трупъ Басманова отдали родственникамъ для погребенія у церкви Николы Мокраго, гдѣ лежалъ его сынъ, умершій въ юно-

Г. 1606. сти. Тѣло Самозванца, бывъ три дни предметомъ любопытства и ругательствъ на площади, было также вывезено и схоронено въ убогомъ домѣ, за Серпуховскими воротами, близъ большой дороги (573). Но Судьба не дала ему мирнаго убѣжища и въ нѣдрахъ земли. Съ 18 до 25 Мая были тогда жестокіе морозы, вредные для садовъ и полей: суевѣріе приписывало такую чрезвычайность волшебству Разстриги и видѣло какія-то ужасныя явленія надъ его могилою (574): чтобы пресѣчь сію молву, тѣло мнимаго чародѣя вынули изъ земли, сожгли на Котлахъ, и смѣшавъ пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки, въ ту сторону, откуда Самозванецъ пришелъ въ Москву съ великолѣпіемъ (575)! Вѣтеръ развѣялъ бренные остатки злодѣя; но примѣръ остался: увидимъ слѣдствія!

Развѣяніе Самозванцева праха.

Описавъ исторію сего перваго Лжедимитрія, должны ли мы еще увѣрять *внимательныхъ* Читателей въ его обманѣ? Не явна ли для нихъ истина сама собою въ изображеніи случаевъ и дѣяній? Только пристрастные иноземцы, ревностно служивъ обманщику, ненавидя его истребителей и желая очернить ихъ, писали, что въ Москвѣ убитъ дѣйствительный сынъ Іоанновъ, не бродяга, а Царь законный, — хотя Россіяне, казнивъ и бродягу, не могли хвалиться своимъ дѣломъ,

Доказательства, что Лжедимитрій былъ дѣйствительно обманщикъ.

соединеннымъ съ нарушеніемъ присяги: ибо святость ея нужна для цѣлости гражданскихъ обществъ, и вѣроломство есть всегда преступленіе. Не довольные укоризною справедливою, зложелатели Россіи выдумали басню, украсили ее любопытными обстоятельствами, подкрѣпили доводами благовидными, въ пищу умамъ наклоннымъ къ *историческому вольнодумству*, къ сомнѣнію въ несомнительномъ, такъ, что и въ наше время есть люди, для коихъ важный вопросъ о Самозванцѣ остается еще нерѣшеннымъ. Можетъ быть, представивъ всѣ главныя черты истины въ связи, мы дадимъ имъ болѣе силы, если не для совершеннаго убѣжденія *всѣхъ* Читателей, то по крайней мѣрѣ для нашего собственнаго оправданія, чтобы они не укоряли насъ слѣпою вѣрою къ принятому въ Россіи мнѣнію, основанному будто бы на доказательствахъ слабыхъ. г. 1606.

Выслушаемъ защитниковъ Лжедимитріевой памяти. Они разсказываютъ слѣдующее (576): „Годуновъ, предпріявъ умертвить „Димитрія, за тайну объявилъ свое намѣреніе „Царевичеву Медику, старому Нѣмцу, именемъ Симону, который, притворно давъ „слово участвовать въ семъ злодѣйствѣ, спросилъ у девятилѣтняго Димитрія, имѣетъ „ли онъ столько душевной силы, чтобы сне-

г. 1606. „сти изгнаніе, бѣдствіе и нищету, если Богу „угодно будетъ искусить оными твердость „его? Царевичь отвѣтствовалъ: *имѣю*; а Ме„дикъ сказалъ: *Въ сію ночь хотятъ тебя „умертвить. Ложась спать, обмѣняйся бѣ„льемъ съ юнымъ слугою, твоимъ ровесни„комъ; положи его къ себѣ на ложе, и скрой„ся за печь: что бы ни случилось въ комна„тѣ, сиди безмолвно, и жди меня.* Димитрій „исполнилъ предписаніе. Въ полночь отвори„лась дверь: вошли два человѣка, зарѣзали „слугу вмѣсто Царевича и бѣжали. На раз„свѣтѣ увидѣли кровь и мертваго: думали, „что убитъ Царевичь, и сказали о томъ ма„тери. Сдѣлалась тревога. Царица кинулась „на трупъ, и въ отчаяніи не узнала, что „сей мертвый отрокъ не сынъ ея. Дворецъ „наполнился людьми: искали убійцъ; рѣзали „виновныхъ и невинныхъ; отнесли тѣло въ „церковь, и всѣ разошлися. Дворецъ опустѣлъ, „и Медикъ въ сумерки вывелъ оттуда Ди„митрія, чтобы спастися бѣгствомъ въ Украй„ну, къ Князю *Ивану Мстиславскому, ко„торый жилъ тамъ въ ссылкѣ еще со вре„менъ Іоанновыхъ.* Чрезъ нѣсколько лѣтъ „Докторъ и Мстиславскій умерли, давъ со„вѣтъ Димитрію искать безопасности въ „Литвѣ. Сей юноша присталъ къ странствую„щимъ Инокамъ; былъ съ ними въ Москвѣ, „въ землѣ Волошской (577), и наконецъ явился

„въ домѣ Князя Вишневецкаго." Извѣстно, что и самъ Разстрига приписывалъ свое чудесное спасеніе Доктору (578); но сочинители сей басни не знали, что Князь Иванъ Мстиславскій умеръ Инокомъ Кирилловской Обители еще въ 1586 году (579), и что Іоаннъ никогда не ссылалъ его въ Украйну. Другіе изобрѣтатели называютъ Медика спасителя Августиномъ, прибавляя, что онъ былъ изъ числа многихъ людей ученыхъ, которые жили тогда въ Угличѣ (580), и бѣжалъ съ Царевичемъ къ Ледовитому морю, въ пустынную Обитель. Еще другіе пишутъ, что сама Царица, угадывая злое намѣреніе Борисово, съ помощію своего иноземнаго Дворецкаго, (родомъ изъ Кельна), тайно удалила Димитрія и въ его мѣсто взяла Іерейскаго сына (581). Всѣ такія сказки основаны на предположеніи, что убійство совершилось ночью, когда злодѣи могли не распознать жертвы: и въ семъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы слуги Царицыны (не говоримъ объ ней самой) и жители Углича, не рѣдко видавъ Димитрія въ церкви (582), обманулись въ убитомъ, коего тѣло пять дней лежало предъ ихъ глазами? Но Царевичь убитъ въ полдень: кѣмъ? злодѣями, которые жили во дворцѣ и не спускали глазъ съ несчастнаго младенца ... и кто предалъ его на убіеніе? мамка: отъ колыбели до могилы Димитрій былъ въ рукахъ у Годунова. Сіи

г. 1606.

Г. 1606. обстоятельства ясно, несомнительно утверждены свидетельствомъ Летописцевъ и допросами целаго Углича, сохраненными въ нашемъ Государственномъ Архиве.

Если Разстрига не былъ самозванецъ, то для чего же онъ, севъ на престоле, не удовлетворилъ народному любопытству знать все подробности его судьбы чрезвычайной? для чего не объявилъ Россiи о местахъ своего убежища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ въ теченiе двенадцати или тринадцати летъ, чтобы разрешить всякое сомненiе? Никакою безпечностiю невозможно изъяснить столь важнаго упущенiя. Манифесты или грамоты Лжедимитрiевы внесены въ летописи, и даже подлинники ихъ целы въ Архивахъ (583): следственно не льзя съ вероятностiю предположить, чтобы именно любопытнейшую изъ сихъ бумагъ истребило время. Бродяга молчалъ, ибо не имелъ свидетельствъ *истинныхъ*, и думалъ, что, признанный Царемъ, безопасно можетъ не трудить себя вымысломъ *ложныхъ*. Въ Литве говорилъ онъ, что въ спасенiи его участвовали некоторые Вельможи и Дьяки Щелкаловы: сiи Вельможи остались безъ известной награды и неизвестными для Россiи; а Василiй Щелкаловъ, вместе съ другими опальными Борисова царствованiя, хотя и снова

явился у Двора, однакожъ не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей. Разстригу окружали не старые, вѣрные слуги его юности, а только новые измѣнники: отъ чего и палъ онъ съ такою легкостію! Г. 1606.

„Но Царица-Инокиня Мароа признала сы„на въ томъ, кто назывался Димитріемъ?" Она же признала его и самозванцемъ: первымъ свидѣтельствомъ, безмолвнымъ, неоткровеннымъ (584), выраженнымъ для народа только слезами умиленія и ласками къ Разстригѣ, невольная Монахиня возвращала себѣ достоинство Царицы; вторымъ, торжественнымъ, клятвеннымъ, въ случаѣ лжи мать предавала сына злой смерти: которое же изъ двухъ достовѣрнѣе? и что понятнѣе, обыкновенная ли слабость человѣческая или дѣйствіе ужасное, столь неестественное для горячности родительской? Геройство знаменитой жены Лигурійской, которая, скрывъ сына отъ ярости непріятелей, на вопросъ, гдѣ онъ? сказала: *здѣсь, въ моей утробѣ*, и погибла въ мукахъ, не объявивъ его убѣжища (585) — сіе геройство, прославленное Римскимъ Историкомъ, трогаетъ, но не изумляетъ насъ: видимъ мать! Не удивились бы мы также, если бы и Царица-Инокиня, спасая истиннаго Димитрія, кинулась на копья Москвитянъ съ восклицаніемъ: *онъ сынъ мой!* И ей не грози-

Г. 1606. ли смертію за правду: грозили единственно судомъ Божіимъ за ложь. — Слово Царицы рѣшило жребій того, кто чтилъ ее какъ истинную мать и дѣлился съ нею величіемъ. Осуждая Лжедимитрія на смерть, Мареа осуждала и себя на стыдъ вѣчный, какъ участницу обмана — и не усомнилась: ибо имѣла еще совѣсть, и терзалась раскаяніемъ. Сколько людей слабыхъ не впало бы въ искушеніе зла, если бы они могли предвидѣть, чего стоитъ всякое беззаконіе для сердца! — Замѣтимъ еще обстоятельство достойное вниманія: Шуйскій искалъ гибели Лжедимитрія и былъ спасенъ отъ казни неотступнымъ моленіемъ Царицы-Инокини (586), съ явною опасностію для ея мнимаго сына, изобличаемаго имъ въ самозванствѣ: клеветникъ, измѣнникъ могъ ли бы имѣть право на такое ревностное заступленіе? Но спасеніе Героя истины умиряло совѣсть виновной Мареы. Къ сему прибавимъ вѣроятное сказаніе одного Писателя иноземнаго (находившагося тогда въ Москвѣ), что Разстрига велѣлъ-было извергнуть тѣло Димитріево изъ Углицкаго Соборнаго храма и погребсти въ другомъ мѣстѣ, какъ тѣло мнимаго Іерейскаго сына, но что Царица-Инокиня не дозволила ему сдѣлать того, ужасаясь мысли отнять у мертваго, истиннаго ея сына Царскую могилу (587).

Возражаютъ еще: „Король Сигизмундъ не „взялъ бы столь живаго участія въ судьбѣ об„манщика, и Вельможа Мнишекъ не выдалъ бы „дочери за бродягу;“ но Король и Мнишекъ могли быть легковѣрны въ случаѣ обольстительномъ для ихъ страстей: Сигизмундъ надѣялся дать Россіянамъ Царя-Католика, взысканнаго его милостію, а Воевода Сендомирскій видѣть дочь на престолѣ Московскомъ. И кто знаетъ, что они дѣйствительно не сомнѣвались въ высокомъ родѣ бѣглеца? Удача была для нихъ важнѣе правды. Король не дерзнулъ *торжественно* признать Лжедимитрія истиннымъ до его рѣшительнаго успѣха, и Воевода Сендомирскій, сдѣлавъ только опытъ, пожертвовавъ частію своего богатства надеждѣ величія, оставилъ будущаго зятя, когда увидѣлъ сопротивленіе Россіянъ. Сигизмундъ и Мнишекъ обманулисъ, можетъ быть, не во мнѣніи о правахъ, но единственно во мнѣніи о счастіи или благоразуміи Самозванца, думавъ, что онъ удержитъ на головѣ вѣнецъ, данный ему измѣною и заблужденіемъ: для того Король спѣшилъ громогласно объявить себя виновникомъ Разстригина Державства, и Панъ Вельможный быть тестемъ Царя, хотя бы и племени Отрепьевыхъ. Похитителями въ ихъ силѣ и благоденствіи гнушаются не страсти мірскія, но только чистая совѣсть и добродѣтель уединенная. Г. 1606.

Г. 1606. Убѣдительнѣе ли и сужденіе тѣхъ друзей Лжедимитрія, которые говорятъ: „войско, „Бояре, Москва, не приняли бы его въ Цари „безъ сильныхъ доказательствъ, что онъ „сынъ Іоанновъ“ (588)? Но войско, Бояре, Москва и свергнули его какъ уличеннаго самозванца: для чего вѣришь имъ въ первомъ случаѣ и не вѣришь въ послѣднемъ? Въ обоихъ конечно дѣйствовало удостовѣреніе, основанное на доказательствахъ; но люди и народы всегда могли ошибаться, какъ свидѣтельствуетъ Исторія... и самаго Лжедимитрія!

Напомнимъ Читателямъ, что знаменитѣйшій изъ клевретовъ и единственный вѣрный другъ Разстриги въ бесѣдахъ искреннихъ не скрывалъ его самозванства: такое важное признаніе слышалъ и сообщилъ потомству Нѣмецкій Пасторъ Беръ, который любилъ, усердно славилъ Лжедимитрія, и клялъ Россіянъ за убіеніе Царя, хотя и не сына Іоаннова (589). Сей же очевидецъ тогдашнихъ дѣяній предалъ намъ слѣдующія, не менѣе достопамятныя свидѣтельства истины:

1) „Голландскій Аптекарь Арендъ Клау„зендъ (590), бывъ 40 лѣтъ въ Россіи, служивъ „Іоанну, Ѳеодору, Годунову, Самозванцу, и „лично знавъ, ежедневно видавъ Димитрія во

„младенчествѣ, сказывалъ мнѣ утвердительно, Г. 1606.
„что мнимый Царь Димитрій есть совсѣмъ
„другой человѣкъ, и не походитъ на истин-
„наго, имѣвшаго смуглое лице и всѣ черты
„матери, съ которою Самозванецъ ни мало
„не сходствовалъ. — 2) Въ томъ же увѣряла
„меня Ливонская плѣнница, Дворянка Тизен-
„гаузенъ, освобожденная въ 1611 году, бывъ
„повивальною бабкою Царицы Маріи, служивъ
„ей днемъ и ночью, не только въ Москвѣ,
„но и въ Угличѣ — непрестанно видавъ Ди-
„митрія живаго, видѣвъ и мертваго. —
„3) Скоро по убіеніи Лжедимитрія выѣхалъ я
„изъ Москвы въ Угличь, и разговаривая тамъ
„съ однимъ маститымъ старцемъ, бывшимъ
„слугою при дворѣ Маріи, заклиналъ его объ-
„явить мнѣ истину о Царѣ убитомъ. Онъ
„всталъ, перекрестился и такъ отвѣтство-
„валъ: *Москвитяне клялися ему въ вѣрно-
„сти и нарушили клятву: не хвалю ихъ.
„Убитъ человѣкъ разумный и храбрый, но
„не сынъ Іоанновъ, дѣйствительно зарѣзан-
„ный въ Угличѣ: я видѣлъ его мертваго,
„лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда
„игрывалъ. Богъ судія Князьямъ и Боярамъ
„нашимъ: время покажетъ, будемъ ли сча-
„стливѣе.*"

Въ заключеніе упомянемъ о свидѣтель-
ствѣ извѣстнаго Шведа Петрея, который

Г. 1606. былъ Посланникомъ въ Москвѣ отъ Карла IX и Густава Адольфа, лично зналъ Самозванца и пишетъ, что онъ казался человѣкомъ лѣтъ за тридцать (591); а Димитрій родился въ 1582 году, и слѣдственно имѣлъ бы тогда не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Однимъ словомъ, несомнительныя, историческія и нравственныя доказательства убѣждаютъ насъ въ истинѣ, что мнимый Димитрій былъ самозванецъ. Но представляется другой вопросъ: кто же именно? дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ? Многіе иноземцы-современники не хотѣли вѣрить, чтобы бѣглый Инокъ Чудовской Обители могъ сдѣлаться вдругъ мужественнымъ витяземъ, неустрашимымъ бойцемъ, искуснымъ всадникомъ, и многіе считали его Полякомъ или Трансильванцемъ, незаконнымъ сыномъ Героя Баторія, воспитанникомъ Іезуитовъ, утверждаясь на мнѣніи нѣкоторыхъ знатныхъ Ляховъ (592), и прибавляя, что онъ не чисто говорилъ языкомъ Русскимъ: мнѣніе явно несправедливое, когда современныя донесенія Іезуитовъ къ ихъ начальству свидѣтельствуютъ, что они узнали его въ Литвѣ уже подъ именемъ Димитрія, и не Католикомъ, а сыномъ Греческой Церкви (593). Никто изъ Россіянъ не упрекалъ Самозванца худымъ знаніемъ

языка нашего, коимъ онъ владѣлъ совершенно, говорилъ правильно, писалъ съ легкостію (594), и не уступалъ никакому Дьяку тогдашняго времени въ красивомъ изображеніи буквъ. Имѣя нѣсколько подписей Самозванцевыхъ (595), видимъ въ Латинскихъ слабую, невѣрную руку ученика, а въ Русскихъ твердую, мастерскую, кудрявый почеркъ грамотѣя Приказнаго, каковъ былъ Отрепьевъ, книжникъ Патріаршій. Возраженіе, что келліи не производятъ витязей, уничтожается исторіею его юности: одѣваясь Инокомъ, не велъ ли онъ жизни смѣлаго дикаря, скитаясь изъ пустыни въ пустыню, учась безстрашію, не боясь въ дремучихъ лѣсахъ ни звѣрей, ни разбойниковъ, и наконецъ бывъ самъ разбойникомъ подъ хоругвію Козаковъ Днѣпровскихъ? Если нѣкоторые изъ людей, ослѣпленныхъ личнымъ къ нему пристрастіемъ, находили въ Лжедимитріи какое-то *величіе* (596), необыкновенное для человѣка рожденнаго въ низкомъ состояніи, то другіе хладнокровнѣйшіе наблюдатели видѣли въ немъ всѣ признаки закоснѣлой подлости, не изглаженные ни обхожденіемъ съ знатными Ляхами, ни счастіемъ нравиться Мнишковой дочери. Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакожъ худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не

Г. 1606.

Г. 1606. только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга. Такъ судили объ немъ и Поляки безпристрастные. — Доселѣ мы могли затрудняться однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржеретъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшествія собственными глазами, увѣрялъ Генрика IV, знаменитаго Историка де-Ту и читателей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Отрепьевъ былъ не Лжедимитрій, а совсѣмъ другой человѣкъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Литву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго (598). Нынѣ, отыскавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржеретово сказаніе обманомъ Монаха Леонида, который назвался именемъ Отрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Отрепьевъ (599). Царь Годуновъ имѣлъ способы открыть истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ (600), когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легко-

мысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимитрія бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали Діакономъ Григоріемъ (601); ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени. г. 1606.

Сего довольно. Приступаемъ къ описанію дальнѣйшихъ бѣдствій Россіи, не менѣе чрезвычайныхъ, не менѣе оскорбительныхъ для ея чести, но уже подобныхъ мрачному сновидѣнію, — уже только любопытныхъ для народа, коему Небо судило временнымъ уничиженіемъ достигнуть величія, и который достигъ онаго, загладивъ память слабости великодушнымъ напряженіемъ силъ и память стыда необыкновенною славою.

Конецъ XI Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ XI ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Въ грамотѣ Іова Патріарха къ Гермогену, Митрополиту Казанскому (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ, между *историческими дѣлами* г. 1598, No. 1): „И встрѣтоша его (Бориса) за древянымъ градомъ „гости Московскаго Государства и всѣхъ городовъ „Москов. Царствія всенародное множество Хре-„стьянъ съ подобающею Царскою честію, съ хлѣ-„бы и съ собольми, и съ позлащенными купки, и „съ золотными и съ иными Царскими дары." См. также Мих. Шиля Relation 458, и Борисову Избирательную Грамоту, въ *Рос. Вивліов.* VII, 83.

(2) Въ рукописной Избир. Грамотѣ: „и потомъ „приходитъ ко гробу Вел. Государя Царя и В. К. „Ѳедора Ивановича . . . . . . и ко отцу его, Вел. Го-„сударю Ц. и В. Князю Ивану Васильевичу."

(3) Тамъ же: „иде во свои Царьскіе полаты; по-„томъ же поѣде къ сестрѣ своей . . . . и оттуду „возвратися и иде въ домъ Преч. Богородицы и Вел. „Чюдотворцевъ, Петра и Алексѣя и Іоны, къ отцу „своему, Свят. Іеву Патріарху . . . . . наединѣ бе-„сѣдовавъ не мало," и проч.

(4) Тамъ же: „какъ есте" (говоритъ Патріархъ Боярамъ, чиновникамъ и купцамъ) „имъ Государемъ" (Царскому семейству) „души свои дали у Преч. „Богородицы чюдотворново ея образа и у цѣльбо-„носныхъ гробовъ Вел. Чюдотворцевъ."

(5) Сія присяга сохранилась въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ. Тамъ сказано: „Ни въ платьѣ, ни въ иномъ „ни въ чемъ лиха никаково не учинити и не испор-„тити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и „не велѣти давати; а хто мнѣ учнетъ зелье и „коренье давати, или говорити, чтобъ мнѣ надъ „своимъ Государемъ . . . . . и надъ Царицею . . . . „и надъ ихъ дѣтьми какое лихо учинити, и мнѣ не „слушати . . . . да и людей своихъ съ вѣдомствомъ „не посылати, и вѣдуновъ не добывати на Госу-

„дарское лихо . . . . и на слѣду всякимъ вѣдовскимъ „мечтаньемъ не испортити, и вѣдовствомъ по „вѣтру никакова лиха не насылати, и слѣду не „вымати ни которыми дѣлы . . . . а кто такое „вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати, а „язъ то свѣдаю, и мнѣ сказати Государю или его „ближнимъ людемъ . . . . и того поимати и при„вести. . . . . На Государя Царя и на его Царицу „и на ихъ Царскихъ дѣтей и которыхъ имъ впе„редъ Богъ дастъ, не мыслити и къ себѣ никого „не приводити, не *семьитись* и не соединятися „. . . . . и съ тѣми, кто будетъ въ томъ скопѣ, „мнѣ битися до смерти . . . . . не убивати и уби„вати никакова человѣка не велѣти," и проч.

Въ грамотахъ Іова къ Гермогену: „на полунощни„цѣ и на повечерницѣ октенья послѣ прощенья: *по„молимся о благовѣрной Царицѣ и Вел. Княгинѣ „Инокѣ Александрѣ, и о Державномъ Государѣ на„шемъ, благовѣрномъ и христолюбивомъ Царѣ и о „Вел. Князѣ Борисѣ.* . . . . Пѣвцы же глаголютъ: „*благовѣрной Царицѣ и В. Княгинѣ Александрѣ и „благовѣрному Царю и В. Князю Борису Ѳедорови„чу всея Русіи Самодержцу,*" и проч. Но тамъ же въ другомъ мѣстѣ: „Октенія великая на Заутрени „и на Литургіи и на Вечернѣ: міромъ Господу по„молимся . . . о благовѣрномъ Царѣ и В. Князѣ Бо„рисѣ и о всѣхъ Болярѣхъ и о воехъ его, о посо„бити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и „супостата. . . Еще молимся о благовѣрн. Царицѣ „и В. Княгинѣ Инокѣ Александрѣ." — Далѣе см. Избирательную Грамоту.

(6) Въ Грам. Избирательной: „и не по своему „достоинству, свыше своего отечества и службы, „чести себѣ не хотѣти."

(7) Тамъ же: „и бысть ему не малъ и велій „подвигъ и великіе труды, еже у сестры своея, „Великія Государыни нашея, неотступно пребы„вати, и въ вотчину свою въ Царств. градъ Мос„кву частая прихожденія, и о всей земли своей ве„ліе промышленіе," и проч.

(8) См. там же, стр. 95, 97.

(9) См. там же, стр. 100 — 102, и Шилеву Relation 458, 459.

(10) К. Ив. Солнцева-Засѣкина: см. Архив. Розряд. Книгу, л. 831, Степен. Кн. Латухина, Берову Chron. Muscov., Маржерета 23.

(11) См. Архив. Розрядн. Кн. л. 832, 833, 836, 837. Съ Государемъ въ походѣ были Царевичи Арасланей Кайбуловичь, Казацкой или Киргизской Орды Уразъ-Магметъ, Сибирскій Мамепкулъ (или Магметъ-Кулъ) Алтауловичь, *Шермоханскій* Шихимъ, Юргенскій Магметъ; Бояре Князья Мстиславскій, Вас. Ив. Шуйскій, Дм. Ив. Шуйскій, Тимоѳ. Ив. Трубецкій, Александръ Ив. Шуйскій, К. Ив. Ив. Голицынъ, Степ. Вас. Годуновъ, Ив. Вас. Годуновъ, Ѳед. Никит. Романовъ-Юрьевъ, Кравчій Ал. Ник. Романовъ-Юрьевъ, Оружничій Б. Я. Бѣльскій, Печатникъ Вас. Як. Щелкаловъ; Окольничіе, Дворяне Думные, Постельничій, Стряпчій *съ ключемъ*, Ловчій, Ясельничій, Дьяки Думные, 11 Дьяковъ изъ Приказовъ, 1 *Барашъ* или Шатерничій, 7 Рындъ, и проч. — Далѣе въ Розрядн. Кн.: „А на Москвѣ оставилъ „у Царицы и В. К. Иноки Александры и у Царицы „у Марьи *сына* своего" (не *у сына*) „Царевича Ѳед. „Борис. всеа Русіи, а *съ Царевичемъ* Бояръ . . . . „Окольничій Андрей Ив. Клешнинъ . . . . у Государыни у ѣствы К. Ан. Ив. Гундуровъ; у Царевича „дядька Ив. Ив. сынъ Чемодановъ. Дьяки по Приказамъ . . . . у Государыни Дьяки. . . . Въ осадное „время въ *Большомъ старомъ* камен. городѣ быти „Боярину . . . да въ старомъ же городѣ объѣжщики для огней . . . въ *другомъ камен. въ городѣ* . . . . „въ *новомъ камен. городѣ* на Большомъ посадѣ отъ „Неглины по Яузу и по Москву рѣку . . . да въ „*новомъ* же въ камен. городѣ на Большомъ посадѣ у „вежи (башни) для береженья . . . . въ *новомъ* же „въ камен. въ *Царевѣ городѣ* за Неглинною отъ Москвы рѣки по Неглинну . . . . въ *новомъ деревянномъ* „городѣ отъ Тверскіе улицы по Яузу и до Москвы „рѣки и до Царева города . . . . а на вылазкѣ быти „Воеводамъ К. М. Ѳ. Кашину, да К. Г. Долгорукому.

„Черту . . . въ другой половинѣ въ деревянномъ го-
„родѣ быти Воеводамъ . . . . а на вылазкѣ К. Мер-
„курью Щербатому,“ и проч. Въ каждой части города была *вежа* или сторожевая башня.

(12) См. Архив. Розряд. Кн. л. 842.

(13) Тамъ же, л. 843: „Маія въ 11 Государь смо-
„трѣлъ засѣчныхъ чертежей,“ и проч.

(14) Современники Маржеретъ и Беръ. Первый: selon le dire tant des estrangers, que des Russes qui estoient présens . . . je parle encore du moins. Маржеретъ служилъ въ нашемъ войскѣ.

(15) Въ Архив. Розрядн. Кн. 830.: „И Государь
„молылъ Ив. Полеву: били мнѣ челомъ Патріархъ
„Іевъ и весь Соборъ и Бояре и Приказные люди, и
„Воеводы и Дворяне всѣ, чтобъ я пожаловалъ ве-
„лѣлъ Бояромъ и Воеводамъ и вамъ, Дворяномъ, бы-
„ти безъ мѣстъ на нашей службѣ.“

(16) Маржеретъ 62: il fit festin par l'espace de six semaines presque journellement à dix mille hommes chacune fois, и проч.

(17) Въ Розрядн. Кн.: „того сторожа Софонка за
„ту службу Государь пожаловалъ: велѣлъ ему изъ
„казны дать платье, да 5 рублевъ денегъ, да велѣлъ
„ему быти на Елцѣ въ Дѣтехъ Боярскихъ.“

(18) Въ Розрядн. Кн. 846, 847: „и были бъ Воево-
„ды и Дворяне и Дѣти Боярскіе нарядны и цвѣт-
„ны, и лошади бъ у нихъ были лутчіе . . . . а
„Стрѣльцомъ и Козакомъ стрѣляти изъ пищалей
„въ засѣкахъ вверхъ.“ См. также и *Никон. Лѣт.* 38.

(19) Въ Розрядн. Кн. 848: „Іюня въ 26 Государь
„указалъ для Крымскихъ Пословъ быти у себя въ
„Серпуховъ съ берегу изо всѣхъ полковъ Бояромъ
„и Воеводамъ съ Дворяны, и съ Дѣтьми Боярскими
„и съ даточными людьми, что есть въ тѣхъ пол-
„кахъ *всякихъ* ратныхъ людей.“ См. также Бера.

Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 г. означена грамота Казы-Гиреева, писанная съ Мурзою Алеемъ.

(20) См. Chron. Петрея 270 и Берову. Въ Степ. Кн. Латухина: „Они же (воины) вси возрадоваша-„ся, чающе и впредь тако ему (Борису) милостиву „быти.“

О движеніи войска къ границѣ Литов. и Шведской см. въ Архив. Розрядн. Кн. 855.

(21) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я сію краткую *похвалу и встрѣчную рѣчь Царю Борису*, гдѣ сказано: „Возложилъ еси, Вел. Государь, неуклонную надеж-„ду на всемогущаго Бога; подщался еси отъ Бога „данный ти талантъ сугубо преумножити. . . . „Свѣтлыя и прехвальныя безъ крови побѣды. . . „Подвигъ свой велій сотворилъ еси: свободилъ еси „родъ Христіанскій отъ плѣненія. . . . Слышавъ „скорое твое ополченіе, недругъ Крымскій убояся „и устрашися зѣло, и прислалъ къ тебѣ челомъ „бити. . . . И радостная глаголемъ тебѣ, Госуда-„рю Великому: радуйся и веселися, Богомъ избран-„ный и Богомъ возлюбленный и Богомъ почтен-„ный,“ и проч. Въ концѣ: „и по семъ Святѣйшій „Патріархъ со всѣмъ Соборомъ и со всѣмъ всена-„роднымъ множествомъ предъ Царемъ падаютъ на „землю, отъ радости сердечныя благодарныя сле-„зы изливаютъ, и возставъ отъ земли здравство-„ваша ему . . . . на его Государевѣ вотчинѣ и на „Царьскомъ престолѣ и на всѣхъ Государствахъ „Россійскія земли *скифетросодержанія.*“ См. Петрея 271.

(22) См. Избират. Грам. 110, 111. Въ печатной находимъ только подписи Духовенства, а въ рукописной и Духовенства и всѣхъ государствен. чиновниковъ. Тамъ же: „Авг. въ 1 день . . . . а наза-„ди у обѣихъ утверженыхъ грамотъ, что у Госу-„даря Царя . . . . въ его Царьской казнѣ, и что въ „Патріарховѣ ризницѣ руки приложили.“ Въ печатной: „Подобаетъ убо намъ сію грамоту при-„нести къ Государю . . . . и молити, чтобы ве-

„лѣлъ положити въ своихъ Царскихъ сокровищахъ „съ прочими грамотами, идѣ же и прежнихъ Госу„дарей грамоты о всякихъ земскихъ дѣлѣхъ лежатъ."

(23) Въ *Исторіи* современника, знаменитаго Келаря Троицкой Лавры, Авраміа Палицына: „И во „время Св. Литургіи, стоя подъ рукою Святѣйш. „Патріарха, не вѣмы чего ради, испусти сицевъ „глаголъ зѣло высокъ: *се, Отче В. Патріархъ Іевъ, „Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ Цар„ствіи нищъ или бѣденъ*—и, тряся верхъ срачицы на „себѣ: *и сію послѣднюю*, рече, *раздѣлю со всѣми*." См. также Латух. Степен. Кн. и Хронографы.

(24) См. Бера и Петрея 271. Сей обѣтъ, говорятъ они, далъ Борисъ на пять лѣтъ.

(25) Въ Архивскихъ Сибирскихъ бумагахъ 1600 г. Уразъ-Магметъ уже называется *Царемъ*. О пожалованіи въ Бояре и проч. см. Списокъ въ *Рос. Вивлиѳ*. XX, 70. Санъ Окольничихъ былъ данъ Годуновымъ Семену Никитичу, Степану Степановичу, Матвѣю Михайловичу, Никитѣ Васильевичу.

(26) Въ Степен. Кн. Латухина: „сродника своего, „Григорія Вас. Годунова, отравою (Борисъ) умо„рилъ, занеже возбранялъ ему отъ властолюбія." Въ Послужномъ Спискѣ Бояръ сказано, что Дворецкій Григ. Вас. Годуновъ умеръ скоро по кончинѣ Царя Ѳеодора.

(27) См. Шилеву Relation 462 и въ Сибирск. Исторіи Миллера, стр. 347, указъ Борисовъ 25 Іюня 1600 о невзиманіи ясашной подати съ Сибирскихъ народовъ. Въ Дѣлахъ Австрійскихъ, Крымскихъ и другихъ сего времени также упоминается о милостяхъ Царскихъ: о двойномъ жалованьѣ, о льготѣ данной купечеству и проч.

(28) Въ Шилев. Relation 462: Die Pauern und armen Leuth, so unter den Bojarn oder Edelleuthen ihre Wohe haben, und zuvor bey andern Grossfürsten von ihren Herren für *leibeigen* gehalten worden, seindt auch von ihrer Grossm. begnadet und einem jeden Edelmann, so Unter-

sassen oder Pauern hat, järlichen ein Ordnung gemacht, wie viel und was ihme seine Unterthanen zu geben, zu dienen schuldig, und weiss jezo ein jede Dorfschafft oder Wohnung, wie hoch sie ihrer Obrigkeit verpflicht seyen. Сей любопытный указъ до насъ не дошелъ. Шиль пишетъ, что господа при другихъ Великихъ Князьяхъ считали земледѣльцевъ своими *рабами:* то есть, обходились съ ними какъ съ рабами, хотя законъ и давалъ крестьянамъ свободу переходить отъ владѣльца къ владѣльцу.

(29) См. Т. X, стран. 25.

(30) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ *Отписки города Тары Воеводъ Кузмина и Воейкова къ Царю* въ Септ. 1598. О числѣ ратниковъ, которые вышли съ Анд. Воейковымъ изъ Тары: „Три сына Боярскихъ, да два Атамана, да Тарскихъ служивыхъ „людей, и Литвы и Козаковъ, сто человѣкъ, да юр„товскихъ служивыхъ Татаръ 50 человѣкъ, да во„лостныхъ ясашныхъ людей 60 человѣкъ, да То„больскихъ служивыхъ людей сто, ... да Тю„менскихъ.“ Здѣсь не льзя разобрать ни числа, ни слѣдующихъ строкъ. Далѣе: „Четыреста безъ „трехъ человѣкъ, Литвы и Козаковъ, и юртов„скихъ и волостныхъ Татаръ. . . . . И въ рос„просѣ лутчіе люди сказали, пошолъ-де Кучюмъ „Царь съ Черныхъ водъ на Обь рѣку съ дѣтьми и „со всѣми своими людми, гдѣ у него хлѣбъ сѣенъ „. . . . хочетъ-де итти подъ городъ Тару . . . . „и язъ холопъ твой (А. Воейковъ) исшолъ Кучюма „на Оби на рѣкѣ, выше *Чатъ* три днища . . . отъ „Калмаковъ въ дву днищахъ,“ и проч. Воейковъ пишетъ, что онъ велѣлъ побить и перевѣшать всѣхъ Татаръ плѣнниковъ, кромѣ знатныхъ.

(31) Тамъ же: „Сшолъ онъ (Сеитъ) Кучюма Царя „за Обью рѣкою на лѣсу, внизъ по Оби рѣкѣ, отъ „Кучюмова побою въ дву днищахъ . . . . . и Ку„чюмъ съ нимъ приказалъ къ намъ: *не поѣхалъ-дей „я къ Государю по Государевѣ грамотѣ своею волею, „въ кою-дей пору я былъ цѣлъ; а за саблею-дей мнѣ „къ Государю ѣхати не по што. А нынѣча-дей я „сталъ глухъ и слѣпъ, и безо всего живота: взяли*

„дей у меня промышленика, сына моего, Асманакъ „Царевича; хотя бы-дей у меня всѣхъ дѣтей поимали, а одинъ бы-дей у меня остался Асманакъ, „и язъ бы-дей объ немъ ещо прожилъ,“ и проч. О бѣгствѣ его: „побѣжалъ съ кочевья своего вверхъ „по Оби рѣкѣ; а его-дей Сеита отпустилъ въ „Чаты.“

(32) См. Сибирскія лѣтописи, Ремезовскую и Саввы Есипова, и Мил. Сибир. Ист. 305 — 307.

(33) См. Шилеву Relation въ Вихман. Sammlung, стр. 432. Извѣстіе о побѣдѣ Воейкова пришло въ Москву 15 Ноября (Новаго Стиля) 1598.

(34) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумаги о пріѣздѣ въ Москву семейства Кучюмова, г. 1598—1600, No. 2. Тамъ означены имена и лѣта Царевичей: старшему было 23 года, а младшему только годъ. Выписываю изъ сихъ бумагъ слѣдующую *Роспись, какъ въѣхати въ Москву Царевичамъ и Царицамъ Сибирскимъ:* „Изготовлены на Москвѣ 38 человѣкъ „въ шубахъ собольихъ, которые ѣдутъ съ Царицами; и тѣмъ шубы надѣвати выворачивая, подпоясывая; а всѣхъ будетъ въ шубахъ съ Дѣтьми Боярскими 60 человѣкъ; а ѣхати имъ по два въ рядъ „съ пищальми. . . . А Царевичамъ ѣхать въ санехъ „по одному; а съ меньшими двѣма, которые по 4 „годы, ѣхать въ санехъ по Татарину; а который „Царевичь году, тому ѣхать съ матерью. Всего „надобетъ 6 сани вырѣзни, готовы въ Переславской „слободѣ. Подъ Царицы 6 каптанъ, а въ нихъ 12 „подводъ. А ѣхати въ Москву во Вторникъ, въ 4 „или въ 5 часу дни, въ деревянной городъ и въ каменной въ Стрѣтенскіе ворота, Стрѣтенскою „улицею, да полымъ мѣстомъ мимо Пречистые „Гребнивскіе и Литовскаго Двора; а въ ту пору „Литов. Дворъ и Арменской не затворяти — а съ „полого мѣста ѣхати въ Ильинскіе вороты, да „Ильинскимъ Хрестцомъ во Фроловскіе къ Посольской Полатѣ; и Царевичамъ итти въ Полату, а „Царицамъ и Царевнамъ стоять въ каптанахъ у „Полаты, покамѣста Царевичи побудутъ у Василья „(Щелкалова) . . . . и проводити ихъ по подворьямъ.

„. . . . . На Бѣлобородовѣ дворѣ стояти Асманаку „Царевичу, а въ приставахъ у него быти Савину „Воейкову, а съ нимъ два сына Боярскихъ, да толмачю . . . . на Алексѣевскомъ дворѣ Хозникова „Шаиму Царевичю . . . . . за Срѣтенскими ворошы на Михайловѣ дворѣ Зубина Кучюмовой большой Царицѣ Салтанымъ . . . . Послати имъ Государева жалованья: Асманаку ферези багрецовые „на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ камчатъ, шапка „черна, сапоги сафьянные желты, рубашка да портты; Шаимъ-Царевичю тожъ ферези багрецовые на „черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ камчатъ на черевѣхъ на песцовыхъ . . . . Бабадшѣ Царевичю ферези сукно *лундышъ*. . . . Большой Царицѣ шуба „камка адамашка рудожелта на куницахъ, опушена „атласомъ съ серебромъ; кругъ ее круживо шелкъ „чернъ съ серебромъ, пуговицы корольковые . . . . „другой Царицѣ Сюйдюжданъ шуба камка адамашка бѣла на пупкахъ на собольихъ, пушена атласомъ золотнымъ; кругъ ее круживо и по швомъ „шолкъ червчатъ да чорнъ съ золотомъ; пугвицы „серебряные . . . . . Мурзамъ по ферезямъ, сукно „*на страфиль* лазорево на хрептѣхъ на бѣльихъ, „да по шапкѣ по багрецовой, да по сапогамъ: одному сафьянные, другому барановые, третьему шелятинные зелены. . . . Корму Царевичу Асманаку „давати съ яму на день 2 калача денежныхъ, утя, „куря, да на недѣлю баранъ шерстью, на мелкое и „на свѣчи 6 денегъ на день, съ дворца 4 чарки вина „доброво, да съ яму четверть ведра меду паточново, ведро меду Княжого, да на три дни возъ „дровъ,“ и проч. — Абдулъ-Хаиръ крестился въ 1600 году: воспріемниками его были Бояринъ К. Ѳед. Андр. Ногошковъ и Дьякъ Василій Таракановъ (см. Розрядн. Кн.). Маметкулъ, чтимый Борисомъ, жилъ въ Бѣжецкомъ Верху.

(35) См. Миллер. *Сибирск. Исторію* 329 — 392.

(36) Въ Розрядн. Книгахъ сказано, что въ Іюнѣ 1600 г. Крымцы нападали на Бѣлгородъ и шли къ Курску, но были изгнаны Орловскимъ Воеводою, К. Борисомъ Петр. Татевымъ.

29 Іюля 1601 были посланы Окольничій Бутурлинъ, Ив. Пушкинъ и Дьякъ Клобуковъ въ новый Борисовъ городокъ для *размѣна* (какъ тогда говорили) Россійскихъ и Крымскихъ Пословъ. 27 Сент. отпустили изъ Москвы Крымскаго гонца Казанъ-Агу съ увѣдомленіемъ, что наши Послы готовы ѣхать къ Хану. 4 Окт. выѣхалъ изъ Москвы въ Тавриду Посолъ К. Григ. Волконскій съ Дьякомъ Ивановымъ. Въ Окт. 1602 пріѣхалъ въ Москву Казы-Гиреевъ гонецъ Ахметъ-Челибей съ Шертною грамотою. Въ Авг. 1604 тотъ же гонецъ былъ у Царя съ жалобою на впаденія Донскихъ Козаковъ въ Ханскія владѣнія. См. въ Архивѣ Крымскія Дѣла сего времени.

Нашъ Посолъ говорилъ Крымскимъ Вельможамъ: „Которые бѣглые люди наши отъ воровства бѣ„гаютъ въ Крымъ, и Казы-Гирей тѣхъ воровъ от„давать назадъ не велитъ. Въ прошломъ году по„бѣжалъ изъ Государевыхъ украйныхъ городовъ отъ „смертные казни вѣдомой воръ и разбойникъ Каза„ринко Уваровъ; а нынѣ онъ у Казы-Гирея въ тол„мачехъ . . . . . Казы-Гирей того Казаринка ве„лѣлъ бы отослати къ Государю.“

О принятіи Шертной грамоты: „Велѣлъ Госу„дарь быти Янъ-Ахметъ-Челибею у себя наодинѣ „. . . . и взялъ въ свои Царскіе руки книгу, и по„державъ молылъ: *то наша большая правда; тое „больше у насъ не живетъ* — и книгу отдалъ Бояри„ну Семену Микитичу; и въ кое время книгу дер„жалъ въ своихъ рукахъ, и въ тѣ поры Янъ-Ах„метъ-Челибей челомъ ударилъ о землю, а послѣ „того говорилъ: Государь нашъ, Казы-Гиреево ве„личество, какъ передъ вашимъ Посломъ К. Григ. „Волконскимъ прямую Шерть учинилъ на Куранѣ „(Алкоранѣ), и К. Григорей тое книги велѣлъ смо„трѣть толмачю своему, а со мною Казы-Гирей „прислалъ Дьяка Гречина для такова же дѣла: и въ „томъ какъ ты, Государь, повелишь. И Государь „говорилъ: сказывалъ я тебѣ, что мы такіе правды „не чинивали, какъ нынѣ брату своему правду учи„нили есмя; а съ которыми великими Государями „бываетъ у насъ мирное постановленье, и съ ихъ

„Послы утвержають Бояре наши и Окольничіе и „Думные Дьяки, а большое укрѣпленье Царское сло-„во бываетъ: то и правда. А нынѣ, свыше всѣхъ „Государей похотя съ нимъ братство крѣпить, „велѣли есмя тебѣ у себя наединѣ быти, а только „тепере при насъ сродникъ (и указалъ на Боярина „на Семена Микитича), да ближней нашъ Дьякъ „Ѳонасей Власьевъ: потому что все большіе дѣ-„ла тайные."

Сей гонецъ, будучи у насъ въ Авг. 1604, сказалъ Царю отъ имени Казы-Гирея: „Послали есте „(въ 1603 г.) къ намъ Пословъ своихъ, К. Ѳедора „Боряшинскаго, да Дьяка Дороѳея Бохина, — и по-„слѣ того, какъ у насъ на Посольствѣ были, на „пятой день учинилась вѣсть, что приходили на „наши Улусы Донскіе Козаки . . . . и Посолъ твой „отказалъ, что х' Козакамъ не ѣдетъ и не пошлетъ, „а говорилъ усердо . . . . А потому есмя вашего „Посла изъ Крыму и выслали. . . И послѣ того „прислали вы, братъ нашъ, къ намъ гонца своего, „Александра Хрущова, съ грамотою," и проч. — Въ лѣтописяхъ несправедливо сказано, что Царь на мѣсто Боряшинскаго послалъ въ Крымъ Волконскаго. Челибей жилъ въ Москвѣ до воцаренія Лжедимитріева.

(37) См. Т. X, стр. 181, и Далина глав. XV, 22, 23.

(38) См. въ Архивѣ Кол. Ин. Д. *выписку о пріѣздѣ Королевича Густава.* Въ Иванѣ-городѣ встрѣтилъ его Леонтій Лодыженскій, въ Новѣгородѣ К. Симеонъ Долгорукій, въ Твери Окольничій К. Хилковъ и Боряшинскій, а *съ платьемъ* Чашникъ К. Лыковъ. Далѣе: „Съ возкомъ посыланъ х' Королевичу въ „стрѣчю въ село Святыхъ Отецъ Ясельничей М. „Татищевъ; да съ нимъ же послано Королевиче-„вымъ людемъ 20 лошадей; а у Москвы за деревян-„нымъ городомъ по Тверской дорогѣ, проѣхавъ гон-„ную (ямскую) слободу, на первомъ вражкѣ встрѣ-„чали Королевича Вас. Морозовъ да К. Вас. Лоба-„новъ, а на выѣздѣ были Дворяне Большіе и Столь-„ники и Стряпчіе и Дьяки . . . а передъ Короле-„вичемъ ѣхали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ въ чи-

„томъ платьѣ 100 человѣкъ . . . . а по обѣ сторо-
„ны стояли Стрѣльцы . . . Королевичь вышелъ изъ
„возка на мостки противъ Казенные Полаты се-
„реднево быка (рогатки?) и шелъ ко Государю ми-
„мо Благовѣщенья папертью. . . . А Бояре при Го-
„сударѣ въ золотыхъ шубахъ; а въ сѣнехъ сидѣли
„Дворяне и Приказные люди въ золотѣ жь. . . . И
„Государь Королевича позвалъ къ рукѣ, и далъ ему
„руку, а послѣ того Государь Царевичь."

(39) Въ Царскомъ наказѣ Клаусу, посланному изъ Москвы въ Дерптъ и въ Ригу (30 Ноября 1599): „А „будетъ Рижскіе и Юрьевскіе Нѣмцы спросятъ: „Густава Королевича чѣмъ Государь пожаловалъ? „и Кляузу говорити: пожаловалъ многою казною, „золотыми и деньгами, и судами золотыми и се- „ребряными, и платьемъ дорогимъ; да Колужскимъ „Удѣломъ съ тремя городы и со многими волостьми и селы."

(40) См. Далина глав. XV, 22.

(41) См. въ Архивѣ Кол. И. Д., между историческими бумагами 1599 г. грамоты жалованныя Москов. Нѣмецкимъ гостямъ и присягу ихъ: Вина, Бекмана, Керклина, Бука, Брикса и другихъ. Изъ нихъ каждому дано было отъ 300 до 500 тогдашнихъ рублей. См. также Chron. Бера и Петрея 272.

(42) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. наказъ данный Клаусу для склоненія гражданъ Рижскихъ къ Рос. подданству, — Царскія грамоты къ Воеводамъ въ Иванъ-городъ и Псковъ, и грамоту Густава къ Правителю Шведскому Карлу. Въ первой бумагѣ сказано: „И Кляузу говорити: слухъ дошелъ до Вел. „Государя, что имъ Рижаномъ отъ Польскихъ и „отъ Литовскихъ людей во всемъ тѣснота, и хо- „тятъ Рижскихъ людей отвести отъ ихъ Вѣры и „привести въ Папежскую и въ *Езовитцкую* Вѣру, „и правы и обряды и вольности ихъ порушити, и „такъ здѣлати, чтобы ихъ Нѣмецъ всѣхъ не найти „и съ фонаремъ въ Ливонской землѣ . . . . и Вел. „Государь про то добрѣ поскорбѣлъ . . . . и жало- „ванье и милосердіе показалъ ко многимъ Ливон-

„скимъ Нѣмцомъ, которые были въ закоснѣньѣ мно-
„го лѣтъ: пожаловалъ ихъ на торговлю многими
„деньгами и торговать имъ велѣлъ безпошлинно;
„и тѣ Нѣмцы, видя свои вотчины въ чюжихъ ру-
„кахъ, бьютъ челомъ Царск. Величеству, чтобъ
„имъ своихъ вотчинъ доступить; а нынѣ перемир-
„ные времена (Россіи съ Литвою) выходятъ . . . .
„и похотятъ Рижане, лутчіе люди, быти подъ ру-
„кою Государя, и вотчины ихъ будутъ за ними по
„прежнему; а изъ Риги никого выводити не ве-
„литъ, и урядовъ и правъ, какъ у нихъ велось из-
„стари при Арцыбискупѣ Вилимѣ Бранденборскомъ
„и при Маистрѣ, порушити не велитъ . . . . а слу-
„живыхъ людей пожалуетъ отчинами . . . а дани
„брати не велитъ . . . . и торговати всѣмъ без-
„пошлинно. . . . А такова милосердья имъ ни отъ
„котораго Государя не бывало и не будетъ. . .
„Такова Государя благочестива и храбра и разумна
„отъ начала Русскіе земли не бывало," и проч.
Тамъ же о Густавѣ: „Вел. Государь иноземцомъ
„пріѣзжимъ служилымъ людемъ далъ повольность
„служить Густаву Королевичу."

Въ письмѣ Густава къ Карлу отъ 28 Октября 1599: „Его (Борисово) славное имя услышавъ, что
„онъ есть мудрый и храбрый Государь, и ко всѣмъ
„новопріѣзжимъ Государскимъ дѣтемъ милостивъ,
„пріѣхалъ есми къ его Пресвѣтл. Царскому Вели-
„честву, къ тихому и къ безбоязненному приста-
„нищу . . . и чего есми у милосердаго Бога про-
„силъ и жадалъ, то есми получилъ. . . И намъ вѣдо-
„мо учинилось, что братъ нашъ Жигимонтъ посы-
„лаетъ ратъ свою х' Колывани . . . . и къ Ругоди-
„ву, хотя ихъ привести подъ корону Польскую, и
„мы били челомъ Его Царск. Величеству, что-
„бы поволилъ мнѣ отъ себя отписати къ Жиги-
„монту, и язъ писалъ, чтобъ онъ подъ тѣ городы
„рати не посылалъ. Да Жигимонтъ просилъ у Царск.
„Величества, чтобъ велѣлъ чрезъ свою землю на
„Иванъ-городъ ратныхъ людей (Литовскихъ) въ
„Свею пропустити, и Царск. Величество, меня
„жалуючи, не велѣлъ . . . и Жигомонтъ ратныхъ
„людей распустилъ" (все не правда). . . „Надѣюся,
„что ты съ нами въ любви и въ дружбѣ роздѣлъ

„учинить,“ и проч. Это не похоже на переводъ съ Шведскаго, какъ сказано въ заглавіи письма.

(43) См. Петрея Chron. 277, гдѣ главнымъ измѣнникомъ названъ Конрадъ Бусъ. Между Архивскими бумагами 1601 г. есть отписка Воеводы Псковскаго, К. Голицына, о желаніи Шведа *Кондрата Буша* отдать намъ въ руки городъ Альстъ или Маріенбургъ. Тамъ же есть извѣстіе (1600 г.) о пріѣздѣ въ Москву Нарвскаго *Палатника Армана Скрева*, который говорилъ, что многіе изъ его согражданъ желаютъ поддаться Царю. — Въ Февр. 1599 г. Борисъ посылалъ въ Нарву гостя Выходцова съ прозьбою, чтобы Шведы дозволили нашимъ купцамъ возстановить тамъ Русскую церковь Св. Николая.

(44) См. Chron. Бера и Петрея 274 Первый называетъ ее die Tatersche. Разсказываютъ басню, что Густавъ, ѣдучи въ Москву, оставилъ Царскую *опасную грамоту* въ Ригѣ у Генрика Флогеля; что Борисъ подкупилъ его Секретаря Скульта и черезъ него тайно досталъ сію грамоту; что Скультъ, безъ вѣдома Принцова, въ угодность Борису написалъ манифестъ къ жителямъ Финляндіи, убѣждая ихъ признать Густава своимъ Властителемъ; что Густавъ, желая выѣхать изъ Россіи въ Германію, послалъ туда Гофмейстера, Христофа Катора, но что сего вѣрнаго слугу отравили ядомъ во Псковѣ, взявъ у него всѣ бумаги; что Густавъ жаловался на то Борисову Медику Фидлеру, а Фидлеръ оклеветалъ его передъ Царемъ (см. Далина глав. 15, § 23). — Въ 1614 г. еще хранился въ Архивѣ *столпикъ* 1602 года *о Свейскомъ Густавѣ Королевичѣ, какъ онъ былъ на Угличѣ;* но сія связка бумагъ утратилась или сгорѣла (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.). Маржеретъ пишетъ, что Густавъ могъ имѣть съ Углича 4000 рублей доходу.

(45) См. въ Архивѣ *выписку о пріѣздѣ Густава*, г. 1601. Царь велѣлъ отослать къ нему кушанье на домъ.

(46) См. Chron. Бера, который самъ погребалъ Густава, не въ монастырѣ Димитрія Солунскаго,

какъ онъ пишетъ, а развѣ близъ сего монастыря, или внѣ ограды его: см. Chron. Петрея 276.

(47) Въ Дѣлахъ Польск. No. 24, л. 80: „Будетъ Го„сударь вашъ не велитъ насъ отпустить, и мы „на кони сядемъ и поѣдемъ сами; а хто насъ ста„нетъ бить, и мы учнемъ сами бить: потому что „пришло намъ не до Государскіе чести, до своего „живота; намъ животъ свой всего дороже; въ не„волѣ жить не извыкли. . . . За печалованіемъ сы„на своего (л. 90) велѣлъ Государь Бояромъ пере„мирья приговорить.“ По Архив. Переписной Книгѣ 1614 г. намъ извѣстно, что въ 1598 или 1599 г. ѣздилъ въ Литву Посланникъ Мих. Татищевъ, а въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Сигизмундовъ, Варѳоломей Бердовскій, въ 1603 Богданъ Хрептовичь и въ томъ же году Янъ Девепольскій; книги ихъ Посольства утратились (вмѣстѣ со многими иными временъ Годунова): уцѣлѣла только грамота Сигизмундова къ Борису отъ 26 Мая 1599, въ которой онъ поздравляетъ его съ воцареніемъ и проситъ не помогать мятежнику Карлу.

(48) Тамъ же, л. 80: „мы (Сапѣга) Государя ваше„го съ Бояры много говорили и *плакали*.“

(49) Тамъ же, л. 3, 98: „А какъ Послы перешли „за рубежъ (въ Октябрѣ), и стояли въ деревнѣ въ „Кутейнѣ полчетверты недѣли; корму Королев„скаго не давали и приходить ни кому ни съ чѣмъ „не велѣли . . . а лошади ходили зимою на полѣ на „снѣгу.“ Литовскіе Вельможи оправдываясь говорили Посламъ: „и то вамъ сталось отъ себя: „пришли есте въ Государя нашего землю безъ вѣ„домости.“ См. л. 92 и 96. Король пріѣхалъ въ Вильну 13 Дек., а Салтыковъ съ Власьевымъ 26 Дек. 1601; послѣдніе возвратились въ Москву 30 Генв. 1602.

(50) Дѣла Польск. No. 25, л. 147. О Владиславѣ (No. 24, л. 178): „А какъ столъ почали издавать, „поставили сахары и овощи, и въ тѣ поры при„шолъ х' Королю Королевичь Владиславъ, а передъ „нимъ шло Стольниковъ и Дворянъ человѣкъ съ

„притцать; и Послы вставъ поклонились. И Ко-
„ролевичь сѣлъ по конецъ стола, по правую сто-
„рону отъ Короля въ крѣслѣхъ, оболоченыхъ бар-
„хатомъ червчатымъ. И Послы, поговоря межъ се-
„бя, обослались съ Паны Радами и говорили Канц-
„леру Льву Сапѣгѣ: приказъ съ нами Вел. Госуда-
„ря нашего, Царевича, къ Владиславу . . . . и Канц-
„леръ ходилъ х' Королю . . . . и приказалъ, что
„Жигимонтъ велѣлъ имъ рѣчью говорить Короле-
„вичу послѣ стола. . . И какъ скатерть съ стола
„испередъ Короля сняли и столъ отнесли, и съ
„Посольскаго стола скатерть сняли, и Посломъ
„поставили скамейку противъ Короля, а Паны Ра-
„да сѣли по обѣ стороны Короля въ крѣслѣхъ, и
„Король велѣлъ Посломъ сѣсти; а посидѣвъ немно-
„го, Послы вставъ отъ Государя Царевича поклонъ
„Владиславу правили, и Королевичь про Царевичево
„здоровье спросилъ, вставъ и шляпку снявъ. . . И
„Левъ отъ Королевича говорилъ: Владиславъ Коро-
„левичь, слыша про Государя вашего, Князя Ѳ. Б.
„здоровье, радуется и поздравляетъ, чтобъ онъ
„впередъ былъ счастливъ, а съ нимъ въ ссылкѣ и
„въ любви. . . И Послы говорили: будетъ Короле-
„вичь нась пожалуетъ, и мы къ руцѣ идемъ. . . И
„Королевичь звалъ Пословъ къ рукѣ . . . и противъ
„Пословъ сымалъ шляпочку," и проч.

(51) См. въ Архивѣ грамоту Шведскаго Фельдмаршала Акселя Рининга (отъ 13 Ноября 1599) къ Воеводѣ Копорскому, К. Г. Звенигородскому, также грамоты Герцога Карла къ Борису отъ 14 Іюля 1598, 8 и 10 Генв. 1599 (на Русскомъ языкѣ съ Латинскою подписью Карлова имени), 5 Генв. 1600 и другія, привезенныя его гонцами въ Москву. Борисъ въ 1598 г. посылалъ въ Швецію Никиѳ. Елагина съ нѣкоторыми освобожденными Шведскими плѣнниками и П. Хомутова (задержаннаго въ Финляндіи (Абовскимъ начальникомъ, вѣрнымъ Королю Сигизмунду), а въ Іюнѣ 1599 Дворянина Вас. Сукина и Думнаго Дьяка Постника Дмитріева (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.).

(52) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. меморіалъ Швед. Пословъ Гендрихсона съ товарищи, гдѣ сказано:

Haben wir verstanden, dass Eure grossmechtige Zarische Hocheit ob dem, was der Durchl. Hochgeborn. Fürst, Hertzog Carl, unser gnedigster Herr, wegen Annehmung der Königlichen Crone und Scepters, so seiner fürstl. Durchleuchtigkeit von den Stenden des Reichs Schweden einhellig mit höchstem Flehen angeboten wird, sich bey Eurer Gr. Zarischen Hocheit Radts erholet, ein gnediges Gefallen tragen und für billich erachten, dass der Hertzog, unser gn. Fürst, nach unsern Schwedischen Rechten sich der Crone annehme, etc. Сіи Послы, *Карлъ Гендрихсонъ, Юргенъ Клаусонъ* и *Иганъ Юргенсонъ* (у Видекинда, въ *Hist. Belli Sveco-Moscovit.*, Georgius Claudii, Erlandus Beronis, Magnus Strijk), пріѣхали къ намъ въ исходѣ 1600 г., а меморіалъ свой вручили Боярамъ 16 Февр. 1601.

(53) См. тамъ же. — Карлъ 22 Апр. 1601 писалъ къ Борису, чтобы не держать Шведскихъ Пословъ въ Москвѣ безъ всякаго дѣла; въ письмѣ отъ 1 Окт. жалуется, что ихъ выслали неучтиво и безъ всякаго отвѣта на его грамоту; въ другомъ, отъ 16 Дек., упрекаетъ Царя нашими происками въ Эстоніи, и спрашиваетъ, хотимъ ли содержать вѣчный миръ съ Швеціею или нѣтъ? Карлъ въ Іюнѣ 1602 г. предлагалъ снова съѣхаться Посламъ на границѣ, а въ Маѣ 1604 г. требовалъ наказанія тѣхъ Россіянъ, которые нагло обидѣли Шведскихъ гонцевъ, распечатали его грамоту и въ дракѣ убили одного Шведа; въ противномъ случаѣ хотѣлъ искать управы силою. Однимъ словомъ, Борисъ до конца жизни своей не подтвердилъ Өеодорова мирнаго договора съ Швеціею. — Въ нашихъ Розрядн. Книгахъ 1601 г. уже дается Герцогу имя Короля Шведскаго, принятое имъ только въ 1604 году.

(54) Еще въ 1600 г. Борисъ хотѣлъ было отправить въ Данію *Пословъ*, Князя Өед. Борятинскаго, Тимоөея Грязнаго и Дьяка Ив. Максимова (см. Архив. Переписную Книгу 1614 г.); но раздумалъ (см. грамоты Борисовы къ Кольскимъ Воеводамъ въ 1601 г.). Въ Маѣ 1601 былъ у насъ Христіановъ гонецъ, требуя *опасной грамоты* для пріѣзда Датскихъ Пословъ; въ Авг. отплыли Ржевскій и Дмитріевъ изъ Архангельска въ Копенгагенъ; 18 Окт. Христіа-

новы Послы, по нашимъ бумагамъ Эскиль Брокъ, Карлъ Бруксъ и Симонъ Силининъ (Sallingen), пріѣхали въ Москву (см. Шлегел. Leben Christ. IV, стр. 301), а вѣхали въ 1602 году. Начальникъ Кольскій, Ѳед. Хлоповъ, въ 1601 г. спорилъ съ Норвежскими чиновниками о 110 ефимкахъ, коихъ они требовали съ нашихъ Лопарей.

(55) См. Датскія Архивскія извѣстія въ Бишинг. Histor. Magaz. VII, 317 — 319.

(56) Въ бумагахъ Посланника Ржевскаго: „Былъ въ „Корелѣ и во всей Корельской земли большой Вла„дѣтель, именемъ Валитъ, Варентъ тожъ, а по„слушна была Корела къ В. Новугороду съ Двин„скою землею, и посаженикъ былъ тотъ Валитъ на „Корельское владѣнье отъ Новогородскихъ Посадни„ковъ, и какъ онъ ту Мурманскую землю учалъ „войною приводити подъ свою власть, и Мурмане „били челомъ Норвецкимъ Нѣмцомъ, чтобъ они по „сосѣдству за нихъ стали . . . . и отстояти „(Нѣмцы) ихъ не могли, потому что онъ самъ со„бою былъ дороденъ, ратной человѣкъ и къ рати „необычный охотникъ: то у него былъ большой „промыслъ, что рать . . . и побивалъ Нѣмецъ, а въ „Варенгѣ на побоищѣ Нѣмецкомъ, гдѣ Варенской „лѣтней погостъ, на славу свою принесши съ бе„регу своими руками положилъ камень, въ вышину „отъ земли есть и нынѣ больше косые сажени; а „около его подалѣ выкладено каменьемъ кабы горо„довой окладъ въ 12 стѣнъ; а названъ у него былъ „тотъ окладъ Вавилономъ. А въ Колѣ, гдѣ нынѣ „острогъ, обложено было у него каменьемъ въ 12 „стѣнъ тѣмъ же обычаемъ; и тотъ камень, что „въ Варенгѣ, и по сей часъ словетъ Валитовъ ка„мень; а что было въ Колѣ, то развалено, какъ „острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки, отъ „Печенские губы по ту сторону верстъ съ 35, „есть губа морская, вышла въ берегъ кругла, а се„редь ее островъ каменъ высокъ, кругомъ сверху „ровенъ: тутъ у него для крѣпости и покоя за „города мѣсто было. . . . А какъ Валита не ста„ло, а въ крещеньѣ ему было имя Василей, и по„ложенъ въ Корелѣ на посадѣ,“ и проч. Сіе преда-

ніе узнали отъ Лапландскихъ старожиловъ въ 1592 году К. Звенигородскій и Васильчиковъ: см. Т. X, примѣч. 333. О крещеніи Лапландцевъ см. Т. VII, стран. 191, и примѣч. 371.

(57) См. Маллета Hist. de Dannem. кн. X, г. 1601.

(58) Въ лѣтописи сказано (см. *Никон. Лѣт.* VIII, 49), что Царь посылалъ сватомъ въ Данію Дьяка Аѳан Власьева; но дипломатическія бумаги свидѣтельствуютъ, что Власьевъ находился осенью и зимою 1601 года въ Литвѣ, возвратился въ Москву 30 Генв. 1602, принималъ тамъ Флорентійскаго Посланника въ концѣ Марта (см. ниже), а въ Іюнѣ выѣхалъ встрѣчать Герцога Іоанна: когда же могъ быть въ Даніи? развѣ на возвратномъ пути изъ Любека въ 1600 г., когда онъ (см. ниже) ѣздилъ въ Германію къ Императору? Власьевъ дѣйствительно былъ въ Даніи сватомъ, но уже около 1604 году (см. ниже, примѣч. 77).

(59) Сіе условіе намъ извѣстно по письму Іоанна, Герцога Шлезвигскаго, къ Королю Христіану: см. ниже, примѣч. 77.

(60) Салтыковъ и Власьевъ пишутъ къ Царю: „Авг., Государь, въ 11 д., за часъ до свѣта, отпу„стили мы х' Королевичу судно большое, въ кото„ромъ ему сидѣти; а на суднѣ здѣланъ чердакъ, из„нутри подволоченъ до лавокъ бархатомъ червча„тымъ, а отъ лавокъ до помосту сланъ ковры; а „верхъ у чердака покрытъ сукномъ багрецомъ; а „набои у судна и по набоемъ рѣшетки покрыты „красками розными — да 30 суденъ большихъ и се„реднихъ, на чемъ ѣхати Королевичевымъ людемъ, „и обиходу и рухляди. . . И того же дни Короле„вичь на вашу, Государь, сторону пріѣхалъ; а мы „стояли у берегу блиско вашего Государева ша„тра . . . и какъ Королевичь вшелъ въ шатеръ, и „велѣлъ намъ быть у себя . . . и спрашивалъ о ва„шемъ здоровьѣ и билъ челомъ на вашемъ жалованьѣ „ . . . И подвезли возокъ, и Яганъ поѣхалъ въ боль„шіе шатры, и помешкавъ немного въ шатрахъ, „поѣхалъ въ Иваньгородъ; а шли напередъ Стрѣльцы

„пѣшіе, а за ними ѣхали Дворяне выборные, 100 человѣкъ; а за ними Королевичевы люди; а за ними „Королевичь, а съ нимъ сидѣли въ возку 3 человѣка „Королевскихъ Бояръ Думныхъ; а за Королевичемъ „мы, холопи твои, полкомъ. . . . . И Королевичь „насъ жалуетъ не по нашей мѣрѣ: противъ насъ „встаетъ и витаетца (здравствуется), шляпку „снявъ." Иванегородскій Воевода, К. Вас. Ростовскій, писалъ къ Царю: „Сказывалъ намъ толмачь „Тишка: былъ-де онъ за рѣкою на Ругодивской „сторонѣ и ему-де сказывалъ Староста Якушъ: „какъ-де пришелъ Королевичь въ Ивань-городъ, и „съ нимъ былъ братъ его родной большой, а имени-де ему не вѣдаетъ, и ночевалъ, а на другой „день былъ въ Ругодивѣ и пировалъ у Державца, и „въ Ругодивѣ-де для того стрѣльба была . . . . и „поѣхалъ на море." Если сіе извѣстіе справедливо, то Іоанна проводилъ до Россіи Ульрихъ, Епископъ Шверинскій. - Далѣе пишутъ Салтыковъ и Власьевъ: „Платьицо, Государь, на немъ (Іоаннѣ) было „атласъ алъ, дѣлано съ канютелью по Нѣмецки; „шляпка пуховая: на ней круживца, дѣлано золото „да серебро съ канютелью; чюлочки шелкъ алъ, а „башмачки сафьянъ синь." Въ другомъ мѣстѣ: „А „платьицо на немъ въ то время было атласъ „желтъ съ кружевцомъ, шапочка вашего Государскаго жалованья третьего наряду, бархатъ синь, „низана жемчюгомъ, околъ соболей, чюлочки шолкъ „жолтъ. . . . Спрашивалъ меня о вашемъ здоровьѣ, „и язъ (Салтыковъ) сказалъ: *далъ Богъ, здоровъ; пошли молитись къ Живонач. Троицѣ, да и въ Колязинъ монастырь* . . . и Королевичь учинился радостенъ, и спрашиваетъ меня про ваше Царьское „здоровье по вся дни. . . . . . Пришли Королевичевы люди со всею рухлядью въ Новгородъ, а подводъ подъ ними шло 500, и отпускаетъ ихъ Королевичь въ судѣхъ . . . . Крестьянуса Короля „Послы говорятъ Королевичу, чтобъ онъ Русскіе „обычаи перенималъ не вдругъ," и проч. и проч. См. въ Архивѣ, между Датскими Дѣлами, отписки Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Іоаннѣ; также Musskowit. Reise und Einzug dess D. Fürsten, Hertzog Hansen dess jüngern auss Dennemark, въ Бишинг. Magaz. VIII, 257: т. е. „Описаніе Іоаннова путешествія,

пребыванія въ Москвѣ, болѣзни и смерти его, напечатанное въ Магдебургѣ въ 1604 году." Въ Архивѣ Кол. И. Д. есть *Переводъ изъ печатныя книги о полученныхъ отъ Царя Бориса Ѳед. Дацкимъ Королевичемъ Яганомъ дорогихъ дарахъ*: это современный переводъ изъ сего Описанія, изданнаго по волѣ Короля Христіана. Тамъ сказано: „Дарилъ (Царь) „его Княжескую милость на дорогѣ: *платно*" (въ Нѣмецк. Rock.) „бархатъ золотной, а на немъ по „семи запонъ (Geschmücke) на сторонѣ; платно „бархатъ золотной, шолкъ лазоревъ да желтъ съ „*плащи* съ дорогими каменьи, по пяти каменей въ „*плащѣ* (Spangen, darein 5 Edelgesteine) . . . платно „*изуфь* зеленая (grün seiden Cammelotten-Rock) съ „круживомъ (Posamenten), 13 пуговицъ золотыхъ. „. . . Возокъ, 6 лошадей сѣрыхъ, шлеи червчатые; „у возку желѣзо посеребрено; покрытъ лазоревымъ „сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою; „подушки въ немъ лазоревы и червчаты; а по сто„ронамъ писанъ золотомъ и розными красками; ко„леса и дышло крашены. . . . Три лошади (верхо„выя): одна чюбара что рысь; сѣдло бархатное, „шитое золотомъ; покровъ на немъ золотной, а „снасть вся у сѣдла серебряная. . . . Послѣ стола „(въ Москвѣ) Его Величество, а послѣ того Царе„вичь, снявъ съ себя по дорогой чѣпи, полны са„жены алмазы и яхонты, и клали на его Княже„скую милость съ великою честію."

(61) См. *Никон. Лѣт.* и Musskowit. Reise въ Бишингѣ 264. До Тушина Приставами у Герцога были К. Сем. Кропоткинъ и Ив. Сѣдаковъ, смѣненные тамъ К. Гр. Ромодановскимъ. У городскихъ воротъ встрѣчали Іоанна Бояринъ К. Вас. Вас. Голицынъ и Окольничіе Вас. Морозовъ и Петръ Ѳед. Басмановъ.

(62) Въ Musskowit. Reise 268: 100 Essen in Schüsseln von lautern klarem Golde, gar gross und dicke; derselben waren 200, dann ein jedes Essen hatte eine Deekschüssel.

(63) Въ *Написаніи о Царехъ Московскихъ* (въ *Русск. Достопамятн.* I, 174): „Царевна Ксенія, отроко-

„вица чюднаго домышленія, зѣльною красотою лѣ-
„па, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны, вели-
„ки, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалости
„слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче свѣт-
„лостію зѣльною блисташе; бровми союзна, тѣ-
„ломъ изобильна, млечною бѣлостію обліянна; воз-
„растомъ ни высока, ни низка; власы имѣя черны,
„велики, аки трубы по плечамъ лежаху; воистин-
„ну во всѣхъ женахъ благочиннѣйша, и писанію
„книжному (искусна?), и многимъ цвѣтуще благо-
„рѣчіемъ, во всѣхъ дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣ-
„ваемыя любляше, и пѣсни духовныя любезнѣ слы-
„шати любляше." — Въ Musskov. Reise 270: Es kann wohl seyn, dass sie (Царица и Ксенія) am verborgenen ort gestanden und Ihr F. G Auff- und Abzug angesehen. Шлегель (Leben Christ. 314) пишетъ о *помолвкѣ* (Verlobung) въ тотъ же день; но *обрученія* не было, когда женихъ уѣхалъ не видавъ Ксеніи.

(64) См. Musskowit. Reise 270. Авторъ говоритъ, что карета Θеодорова походила на Нѣмецкія, *висячія*, hängenden; что верьхъ кареты Царской опирался на четыре столбика съ большими серебряными шишками; что въ каретѣ Царицыной могли сидѣть три человѣка рядомъ; что шляпы Боярынь украшались золотыми пуговицами и кистями, висящими до плечъ, а сапожки на всѣхъ были желтые. О старыхъ всадникахъ: Es ritten für der Kaiserinnen, etzliche Glied drey bey einander, alte Menner, derer mehrer Theil mit langen grawen Bärten, sonst wol staffieret.

(65) Въ Архивской бумагѣ о дарахъ (см. выше, примѣч. 60): „Постеля и бѣлье: 7 сорочекъ шитыхъ
„золотомъ и серебромъ; 5 паръ портовъ; 41 пла-
„токъ бѣлыхъ; постеля отласъ съ розными цвѣ-
„ты; двѣ перины, да два зголовья, одно отласъ
„жолтой, а другое камка желтая; одѣяло бархатъ
„червчатъ; двѣ подушки отласные маленькіе; одѣя-
„ло золотное, исподъ соболей, опушено пухомъ."

(66) Въ Степен. Кн. Латухина: „онъ же (Іоаннъ)
„восхотѣ *креститися*."

(67) Въ Розрядн. Кн.: „Окт. въ 16 пріѣзжалъ къ „Царю въ Бранощино о здоровьѣ спрашиваць да „съ грамотою отъ Дацк. Королевича Дворенинъ „Индрикъ." Маржеретъ говоритъ, что Іоаннъ занемогъ отъ невоздержности, d'un excez, comme l'on tient.

(68) См. Musskowit. Reise 272. Царь, какъ пишетъ Авторъ, бранилъ переводчика, что онъ не хотѣлъ сказать ему правды о болѣзни Іоанновой. По одной Розрядной Книгѣ Іоаннъ умеръ 29 Окт. въ 3 часу ночи, по другой Окт. 27, во второмъ часу ночи, (въ надгробной надписи: septima hora vespertina) и прибавлено: „схоронили его въ Нѣмецкой слободѣ „въ *Кукуѣ;* и Государь въ тѣ поры самъ былъ на „Посольскомъ Дворѣ, и отпустя его, поѣхалъ съ „Бояры отъ Посольскаго Двора въ городъ."

(69) См. Musskowit. Reise 272 — 277. Въ надгробной надписи не сказано прямо, что Іоаннъ ѣхалъ въ Россію жениться, а только: ad Magnum Muscoviae Imperatorem in re perquam seria se contulit, postquam ob praeclares animi corporisque dotes ab eodem benigne amplexus, nec non summo cum populi applausu salvus et incolumis introductus erat. . . . Ardenti febri correptus . . . et cum ingenti praedicti Imperatoris et subditorumque suorum luctu et planctu . . . . in Christo obdormivit.

Въ 1614 г. еще хранилась въ нашемъ Архивѣ *связка челобитныхъ Дацкаго Королевича Ягана и Дворянъ его къ Царю Борису о всякихъ дѣлѣхъ.*

(70) Въ *Никон. Лѣт.:* „Дойде же до Царя Бориса, „что его (Іоанна) любятъ всею землею; онъ же „ярости наполнися и зависти, и чаяше того, „что по смерти моей не посадятъ сына моего на „Царство, и начатъ Королевича не любити и не по-„щади дочери своей, и повелѣ Семену Годунову, „какъ бы надъ нимъ промыслити . . . Королевичь „же впаде въ болѣзнь и посла по Дохтуровъ: Дох-„туры же быша у того Боярина Семена въ при-„казѣ . . . и возвѣстиша Семену, яко можно ему „пособити; онъ же на нихъ свирѣпымъ окомъ зряше,

„и ничего не проглаголаше; они же то видяху, „яко негодно бысть, Королевичь же и умре не „*крещенъ.*"

(71) Чрезъ Боярина Салтыкова и Дьяка Власьева, которые ѣхали съ Іоанномъ отъ Наровы до Москвы (см. выше).

(72) См. выше примѣч. 60. Подъ заглавіемъ сказано: Durch einen der Wahrheit Liebhaber, dem Hochlöbl. Hauss Dennemarck und Hollstein zu sondern Ehren zusammen getragen.

(73) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, 7 Ноября 1602: „А „Государь Царь сидѣлъ" (принимая гонца Ханскаго) „въ полатѣ въ своемъ Царскомъ мѣстѣ, въ шу„бѣ бархатной въ *смирной* и въ *черной шапкѣ,* для „того, что выѣхалъ былъ на Государево имя Дац„каго Короля братъ Яганъ Королевичь, а Государь „хотѣлъ за него дать дочь свою, и Божіимъ судомъ „Королевича не стало." И Царевичь и весь Дворъ были въ одеждѣ печальной.

(74) См. Chron. Бера.

(75) См. Шлегеля Leben Chr. 315 и Chron. Бера.

(76) 7 Ноября, т. е. черезъ 10 дней по Іоанновой смерти, Борисъ принималъ гонца Ханскаго (см. выше, примѣч. 73).

(77) См. бумаги Копенгагенскаго Архива, напечатанныя въ Бишинг. Hist. Magaz. VII, 321. Герцогъ Шлезвигскій, Іоаннъ, отъ 6 Марта 1605 собственноручно писалъ къ Христіану изъ Зондербурга, что около того времени, какъ Гамбургъ присягнулъ ему (Королю) въ подданствѣ (въ 1603 г.), началося дѣло о сватовствѣ между ими и Царемъ Московскимъ; что Рос. Послы Michael Rönnon и Affinassa (*Михайло Глѣбовичь* Салтыковъ и Думный Дьякъ Аѳанасій Власьевъ?) предлагали сыну его, Фридерику, жениться на Царевнѣ Ксеніи, а послѣ Альберту, но что Іоаннъ убѣждалъ ихъ выбрать въ женихи третьяго сына его, Филиппа, который, *подобно*

Христіанову брату, умершему женихомъ въ Москвѣ, охотно переселится въ Россію, гдѣ назначается Удѣлъ (mit Land und Leuten) для Ксеніина супруга; что Послы изъявили согласіе, но что съ того времени не было уже никакихъ вѣстей отъ Царя; что Іоаннъ молитъ Короля способствовать успѣху сего важнаго дѣла, скорѣе отправить въ Москву надежнаго Посла, и проч. Но Борисъ въ 1605 году уже не могъ думать о сватовствѣ!

Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 г. упоминается еще о Датскихъ Посланникахъ, Николаѣ Крагѣ и Клаусѣ, гонцѣ Борисѣ и Маркѣ Гесѣ, которые были въ Москвѣ около 1603 года.

(78) См. въ Дѣлахъ Цесарскаго Двора Статейный Списокъ Дьяка Аѳанасья Власьева. Тамъ, стран. 11: „а какъ ѣхалъ Аѳанасей къ городу (Гамбургу), и за „городомъ версты за три и въ городѣ по улицамъ „стояли многіе люди, и изъ города стрѣляли изъ „наряду, и трубники играли.“ Власьевъ пріѣхалъ къ Императору въ Октябрѣ, а возвратился уже лѣтомъ въ 1600 году.

(79) См. Т. X, 104.

(80) Въ донесеніи Власьева: „Цесарское Величество добрѣ скорбитъ, что Царское Величество „хочетъ самъ своею персоною итти, чтобъ притча какая не учинилася.“

(81) См. Дѣла Крымскія сего времени.

(82) Въ Дѣлахъ Грузинскихъ 1604 года: „и ссылки „межъ ихъ, Государей (Рудольфа и Бориса), частые, „и противъ Турского Салтана Государь нашъ Рудольфу, Цесарю Римскому, *своею* Царскою *казною* „*вспоможенье* учинилъ.“

Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ, что Борисъ послалъ къ Императору соболей и черныхъ лисицъ на нѣсколько тысячь рублей, и будто бы обязался дать ему 10,000 воиновъ въ помощь.

Австрійскія дѣла Борисова времени сожжены Поляками во время междоцарствія, а другія сгорѣли въ Московскій ужасный пожаръ 1626 года. Въ Архив. Переписной Книгѣ 1614 года упоминается о грамотахъ Рудольфовыхъ къ Царю, привезенныхъ гонцемъ Михайломъ *Шелемъ* (или Шилемъ) въ 1599 и 1601 годахъ, Посланникомъ Николаемъ *Варкочемъ* въ 1599, гонцемъ *Бальциремъ* въ 1603. Тамъ же упоминается о вторичномъ Посольствѣ Аѳанасія Власьева къ Императору около 1604 года. Въ письмахъ Рудольфовыхъ, которыя еще сохранились въ Архивѣ, именованы Посланники Австрійскіе Мих. Шель, Стефанъ *Какусъ* и Посолъ Баронъ Логау: первый былъ въ Москвѣ зимою 1601, второй осенью 1602, а третій въ 1604 году.

Шиль (въ Нѣмецк. бумагахъ Schiele) еще и въ Сент. 1598 года пріѣзжалъ въ Москву съ Императорскою грамотою, въ коей Рудольфъ поздравлялъ Бориса съ восшествіемъ на престолъ. Мы уже ссылались на донесеніе Шилево, напечатанное въ Вихман. Sammlung kleiner Schriften. „11 Сент." (пишетъ сей чиновникъ, Hoffdiener) „видѣлись со „мною главный Царскій Секретарь, Андрей Ивано„вичь и Нѣм. Переводчикъ, Рейхартъ Бекманъ . . . „и другой, Адольфъ Затлеръ . . . Канцлеръ Вас. „Щелкаловъ хотѣлъ знать, есть ли со мною дары? „. . . У меня было только двое боевыхъ часовъ: онъ „похвалилъ ихъ, но сказалъ, что надобно тайно „прибавить къ нимъ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи „изъ казны Государевой и поднести оныя Царю „отъ имени Императора . . . хотѣлъ дать мнѣ „еще и трехъ слугъ въ Нѣмецк. платьѣ, чтобы „нести дары во дворецъ, вмѣстѣ съ двумя моими „слугами; но, раздумавъ, сказалъ: *поднеси часы отъ „себя, и довольно* . . . . 14 Ноября Приставъ объ„явилъ мнѣ, что Государевы воины на голову по„били Сибирскаго Царя, который въ бѣгствѣ уто„нулъ. . . Съ сею счастливою вѣстію самъ Госу„дарь былъ у сестры своей въ монастырѣ, и тамъ „ночевалъ. . . Три дни звонили въ колокола. . . . „*Вице-Канцлеръ* Аѳанасій (Власьевъ) сказалъ мнѣ, „что Царь въ знакъ особенной любви къ Импера„тору приметъ меня не какъ гонца, а какъ Послан-

„ника . . . и что съ начала Россіи не бывало въ „ней Вѣнценосца подобнаго Борису въ мудрости „. . . . Царь требовалъ въ Литвѣ опасной грамо- „ты для проѣзда своихъ Пословъ къ Императору; „но тамошніе Вельможи не дали ее, удивляясь, что „онъ ссылается съ Государями столь отдаленны- „ми, а не хочетъ извѣстить сосѣда, Короля ихъ, „о своемъ воцареніи. Борисъ велѣлъ сказать имъ: „*не знаю, кто у васъ нынѣ Королемъ* . . . . 6 Дек. „я былъ представленъ Борису, еще первый въ его „царствованіе, какъ мнѣ сказывали . . . . и 23 Генв. „выѣхалъ изъ Москвы, чтобъ возвратиться чрезъ „Ливонію."

Между Архивскими грамотами Рудольфа замѣтимъ Латинскую отъ 23 Мая 1600, привезенную Власьевымъ: Императоръ пишетъ, что не можетъ отвѣтствовать на *тайное* порученіе сего Дьяка, пока Царь не изъяснится откровеннѣе; что въ такомъ случаѣ онъ (Рудольфъ) спроситъ у своихъ братьевъ, Эрцгерцоговъ, объ ихъ расположеніи, и немедленно будетъ отвѣчать Борису, или грамотою въ цыфрахъ или словесно чрезъ Посла нарочнаго. Дѣло шло, кажется, о сватовствѣ: вѣроятно, что Борисъ хотѣлъ выдать Ксенію за Эрцгерцога; но не знаемъ вѣрно — и сіе предложеніе (если оно было сдѣлано) не имѣло никакого слѣдствія.

(83) Шиль и Какусъ. Императоръ писалъ къ Борису, чтобы онъ дозволилъ имъ ѣхать изъ Москвы въ Персію (см. въ Архивѣ Рудольфовы грамоты 1600 и 1602 года).

(84) Въ отпискѣ къ Царю изъ Колмогоръ отъ 12 Авг. 1600 (см. въ Архивѣ Англ. Дѣла): „Иванъ, Государь, Чепчюговъ да Гр. Елизаровъ (Приставы), съ „Кызылбашскимъ Посланникомъ съ Исеналѣемъ и „съ Агличаниномъ съ Донъ-Онтономъ пришли на „Колмогоры Іюня во 2 день, а къ Архангельскому „Іюня въ 23, а отъ Архангельскаго города, отъ корабленой пристани, Кызылбашскаго Посланника „Исеналѣя да Агл. Донъ-Онтона съ Дворяны и съ „людми на кораблѣ за море отпустили Іюля въ 9; „а наняль, Государь, подъ нихъ тотъ корабль Иванъ

„Ульяновъ да Рыцарь Юрьевъ (Англичане) у Галан„скихъ у торговыхъ Нѣмецъ." Отъ Шаха Аббаса въ 1600 г. былъ въ Москвѣ Посолъ Перхулы-Бекъ, съ коимъ (въ Сентябрѣ) отправились въ Персію Намѣстникъ Шацкій К. Александръ Ѳед. Засѣкинъ, Дворянинъ *Темирь* Вас. Засѣцкій и Дьякъ Ив. Шараповъ, имѣя для заключенія союза примѣрную грамоту такого содержанія: „Быть Царю и Шаху на всѣхъ недруговъ за-одинъ; Посламъ и купцамъ ѣздить свободно изъ Россіи въ Персію, изъ Персіи въ Россію; не вводить новыхъ торговыхъ пошлинъ," и проч. Царь и Царевичь послали въ даръ Аббасу скарлатныя однорядки съ кружевомъ, нѣсколько кречетовъ, соболей, черныхъ лисицъ, 7 костей рыбьяго зубу, панцырь, 2 самопала, *порошницу* Нѣмецкую *съ наводомъ*, боевые часы, да по желанію Шахову медвѣдя-гонца, двухъ собакъ борзыхъ и двухъ *Меделенскихъ* (Миланскихъ), 200 ведръ вина (изъ Казани), два куба винные съ трубами, крашками и таганами. Въ наставленіи К. Засѣкину сказано: „Будетъ Шаховы ближніе люди учнутъ го„ворити что о Шевкалѣ и о Косійскомъ городѣ „. . . . и К. Александру съ товарищи говорити: „В. Государь нашъ для любви брата своего, Шахо„ва Величества, городъ съ Койсы снести велитъ; „а Аббасъ-Шахово бъ Величество къ Шевкалу по„слалъ, чтобъ онъ исправился, прежніе свои не„правды покрылъ правдою, и въ винахъ своихъ до„билъ челомъ В. Государю нашему, и былъ бы со „всею землею въ жалованьѣ у Его Царск. Вели„чества крѣпко и неподвижно. . . . А нѣчто по „грѣхомъ принесетъ васъ подъ Турской городъ подъ „Дербентъ, или на морѣ васъ возмутъ Турскіе лю„ди, и вы наказъ и грамоты, изгоновя тайно, съ „каменемъ вкиньте въ воду." Сіе Посольство возвратилось въ 1603 году.

(85) Въ Дѣлахъ Цесар. Двора г. 1604: „Прислалъ „Шахъ къ Вел. Государю нашему мѣсто Царьское „золото съ лалы и съ яхонты и съ инымъ доро„гимъ каменьемъ прежнихъ великихъ Государей Пер„ситцкихъ." Статейный списокъ Лачинъ-Бекова (равно какъ и Перкулы-Бекова) Посольства утратился. Въ Розрядн. Кн. сказано, что сей Вельможа

въѣхалъ въ Москву 28 Авг., и былъ представленъ 3 Сентября.

(86) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ Грузинск. Пословъ, Князя Сулеймана и Дьяка Леона въ Мартѣ 1599. Въ Іюнѣ сего года возвратились въ Москву изъ Грузіи Посланники Козма Совинъ и Андрей Полухановъ, отправленные еще въ 1596 году. Въ донесеніи ихъ между прочимъ сказано: „Въ 104 (1596) „году приходилъ въ Грузи къ Александру Царю отъ „Абасъ-Шаха Посолъ, чтобъ Царь далъ дочь свою „за Шаха, и многую казну прислалъ; и Царь доче„ри не далъ, а далъ ее за Дадьянского Князя, и казну „Шахову за дочерью далъ, а къ Шаху писалъ, что „дочь его сговорена прежде той присылки. . . Да „въ 105 г. Шахъ прислалъ другова Посла къ Царю, „съ грозою великою, чтобъ онъ выбралъ изъ своего „роду лучшую дѣвку и прислалъ къ нему . . . и Але„ксандръ послалъ къ Шаху племянницу жены своей."

(87) См. Т. X, страп. 197 Иванъ Аѳан. Нащокинъ и Подъячій Леонтьевъ отправлены въ Іюлѣ 1601.

(88) См. въ бумагахъ Посла Александрова, Архимандрита Кирилла, пріѣхавшаго въ исходѣ 1603 года, вмѣстѣ съ Нащокинымъ и Леонтьевымъ. Кириллъ разсказывалъ: „Царь Александръ былъ боленъ „огневою, и лежалъ за-мертво 3 дни, и Царевичи „Давидъ и Юрій о Государьствѣ межъ себя учали „говорить . . . и помирились, и далъ Давидъ Юрью „Удѣлъ, а самъ сѣлъ на Царьствѣ, и многіе люди гово„рили Юрію, чтобъ убить Давида, и Юрій от„казалъ, что крестного цѣлованья преступить не „хочетъ; а Давидъ пришелъ къ отцу, и ухватясь „за ногу, говорилъ, что онъ передъ нимъ виноватъ „. . . и учали измѣнники говорить ему: птица-де „летаетъ по воздуху, и коли ее поимаешь, и она „въ рукахъ; а какъ изъ рукъ выпустишь, и тогды „ее не увидишь; а то-де Царьство тебѣ Богъ далъ „. . . и Давидъ послалъ къ отцу, чтобъ прислалъ „къ нему знамя Царьское, и шапку и саблю съ поя„сомъ: то у нихъ въ обычаѣ ведется вмѣсто Царь„ского вѣнча . . . а мыслилъ то: только отецъ „тое чести къ нему не пришлетъ, и онъ хотѣлъ

„его удавить . . . 'а Юрья скова, и послалъ въ за-
„точенье . . . и былъ на Государьсшвѣ съ годъ;
„отцу тѣсноты чинилъ гладомъ и наготою . . .
„и убилъ ближнихъ людей 17 человѣкъ: иныхъ ве-
„лѣлъ метать съ высокихъ стѣнъ . . . и въ церкви
„ближнему человѣку, Сторозану, голову отсѣчь . . .
„и Царь Александръ прибѣжалъ въ церковь Богома-
„тери . . . и Давида проклялъ; и съ того времени
„Давидъ учалъ быть боленъ: пришла опухоль, и въ
„7 день розсѣлся: утроба вывалилась," и проч.

(89) Нащокинъ, не доѣхавъ до Москвы, умеръ. Леонтьева посадили въ темницу. Они сердились на Александра за худое угощеніе и за дары скудные.

(90) Слова Кирилловы: „Городище Тарки въ Ку-
„мыцкой землѣ, отъ морсково берегу версты съ
„двѣ; изстари городъ бывалъ каменной: стоитъ на
„горѣ; а та гора отошла отъ большихъ горъ къ
„морю гребнемъ, и по ней лѣсъ большой, а верхъ
„ее саженъ съ 30, и тамъ стоитъ башня камен-
„ная, и съ тое башни можно очищать изъ наряду
„до моря и на всѣ стороны; а съ одной стороны
„у той горы отъ моря заломъ каменной самород-
„ной; а подъ заломомъ внизу, отъ верху саженъ съ
„20, стоитъ на той же горѣ дворъ Шевкаловъ, по-
„латы каменные и избы; да тутожъ съ одново
„края, позади Шевкалова двора, башня другая ка-
„менная, да городище старое: съ двух сторонъ го-
„ры стѣна была каменная; и для крѣпости
„къ тѣмъ старымъ башнямъ по старому городищу
„изнова съ двух сторонъ дѣлати стѣна каменная
„или деревянная; а камени тутто добрѣ много, и
„извесной камень есть же; а лѣсъ дубъ и всякой
„погожей отъ Тарковъ съ версту. А ниже Шевка-
„лова двора, на самомъ низу, мечеть каменная; да
„тутожъ дворовъ чорныхъ съ 300, и живутъ па-
„шенные люди не съѣзжая; а воинскіе люди прихо-
„дятъ отъ Шевкала временемъ, какъ хлѣбъ по-
„спѣетъ, и они его хоронятъ по ямомъ и по го-
„рамъ, и блюдутца приходу людей Государевыхъ съ
„Койсы. . . Ключевые родники на горѣ и подъ за-
„ломомъ многіе, и воды добрѣ здоровы; а на клю-
„чахъ мельницы. А отъ Косинского острогу до

„Тарковъ 15 верстъ; а отъ Койсы до Терки 3 днища; а „отъ Тарковъ дорога въ Грузинскую землю въ Загемъ „прямо черезъ горы, а ходятъ на лошадехъ съ вьюки „...а тою дорогою отъ Тарковъ до Таркаловъ полдни- „ща, а отъ Таркаловъ до Кафыръ-Кумыковъ полднища, „а отъ Кафыръ-Кумыковъ до Казы-Кумыковъ днище, „а отъ Казы-Кумыковъ до Грузинскіе земли и до За- „гема 2 днища. А Шевкалъ и дѣти его живутъ больши „въ Казы-Кумыкѣхъ въ горахъ, подалѣ отъ Рус- „скихъ городовъ, и мѣста крѣпкіе; а только Госу- „даревы люди его тамъ найдутъ, и ему только бѣ- „жать въ Шамаху и въ Баку къ Турскому; а въ „Дербень не пойдетъ, потому что тотъ городъ „не крѣпокъ и безлюденъ. — А другой городъ ста- „вити у озера у соленово, зовутъ Бузлыкъ; около „того озера верстъ съ 20, а отъ Тарковъ съ 5; а „соли много, и лѣсу, и пашни, и травы, и воды „ключевые . . . а около мѣста ровные, и опричь „того мѣста во всѣхъ горахъ соли нѣтъ; и Шев- „калу будетъ утѣсненье велико. — А третье мѣ- „сто городище старое на горѣ, надъ рѣкою Буйна- „комъ, отъ Тарковъ днище; а на томъ городищѣ „стѣны и башни и нынѣ есть; а мѣрою городище „въ длину и поперегъ саженъ по 300; а бывалъ тотъ „городъ поставленья Олександра Царя Макидонска- „го; и около села и деревни многіе, и винограду, и „пашни, и лѣсу много . . . и рѣкою можно ходить „до моря . . . и тутъ прилегло двѣ дороги, къ Дер- „бени и въ Шамаху и въ Баку.“

(91) Въ Статейномъ Спискѣ Татищева (см. ниже): „а сталъ нынѣшній подъемъ, опричь ратныхъ „людей, больши трехъ сотъ тысячь рублевъ.“ Всѣ слѣдующія подробности взяты изъ донесеній Татищева, съ коимъ ѣздилъ въ Грузію Дьякъ Андрей Ивановъ.

(92) „Чтобъ вы, Вел. Государь, всю Грузинскую „землю пожаловали, велѣли поставить въ ней го- „родъ или два, избравъ мѣста для большаго укрѣ- „пленія, и своихъ людей въ нихъ посадили . . . а „нашихъ-де людей (Грузинскихъ) тысечь съ двад- „цать будетъ на аргамацѣхъ и въ доспѣхахъ; и на „насъ-де Турской и Кизылбашской взозрить не по-

„смѣютъ." Татищевъ взялъ новую присягу съ Юрія и народа въ Генв. 1605.

(93) См. Т. X, стран. 195. Александръ съ Константиномъ пріѣхали въ Загемъ 8 Марта 1605; черезъ 4 дни убили перваго.

(94) Въ донесеніи Татищева: „и сказывали По-„сломъ Грузинскіе люди, которые были у Шаха со „Александромъ, что Александра и Юрья велѣлъ „Шахъ убить за то, что-де они ссылались съ Тур-„скимъ; а иное-де и за то, что онъ (Александръ) „отъ Шаха отставъ, почелъ быть въ Государевѣ „жалованьѣ, подъ его рукою; а изстари Грузинскіе „Государи бывали подъ Шаховою рукою."

(95) См. выше, стр. 55. О Тамири см. Т. III, стр. 137. — Татищевъ въѣхалъ въ Карталинію 15 Апрѣля.

(96) Въ такомъ смыслѣ сносились Іоаннъ и Өеодоръ съ Султанами.

(97) Терская крѣпость была построена на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья рѣки Терека (см. Больш. Чертежъ 98), и называлась *Терскимъ городомъ* или *городомъ на Теркѣ.*

(98) См. Степен. Кн. Латухина, гдѣ всѣ главныя обстоятельства описаны согласно съ донесеніемъ Татищева, и лучше. Тамъ сказано: „Егда же при-„ближися весна, собраша ся Кумыцкіе люди, Шев-„калъ и Кримъ-Шевкалъ . . . съ ними же Турской „Паша изъ Шамахи . . . и осадиша Койсу и нача-„ша ко граду земляную гору подводити, чтобъ тою „горою въ градъ войти. . . . Оттуда пріидоша подъ „Тарки . . . и къ вышкѣ каменной древяную гору „наметали и подкопъ подъ нее подвели, и зеліемъ „вышку взорвало . . . Кумычане же и Турчане на-„чаша изъ ручныхъ *турокъ* въ городъ стрѣляти и „людей множество убивати. . . Былъ Паша у Окольничего въ шатрахъ, пировалъ. . . И учиниша между „собою повольной торгъ," и проч. Кромѣ Ив. М. Бутурлина, его сына Өедора, Ив. Полева, Оси-

на Плещеева съ сыновьями Богданомъ и Львомъ, убиты Писменные Головы Калинникъ Зюзинъ, Демидъ Черемисиновъ, Иванъ Исуповъ, Сотникъ Ив. Мановъ и проч.; кромѣ К. Вл. Ив. Бахтѣярова, взяли въ полонъ Петра Ив. Бутурлина съ двумя Головами, Аѳ. Благимъ и Смирновымъ-Мамашовымъ. Въ *Никон. Лѣт.*: „Сій же окаянный Смирной у „нихъ обусурманися. . . Всѣхъ побиша на томъ бою „больши 7000, окромѣ Боярскихъ людей. Товарищъ „же ихъ, К. Владим. Мосальской, отойде не съ ве„ликими людьми и пойде на Койсу къ запасомъ; а „Петръ Головинъ тутъ стояше, дожидаясь при„сылки отъ нихъ; а въ тѣ поры на Койсѣ Воевода „К. Волод. Долгорукій. Воеводы же . . . Койсу со„жгоша, и сами отыдоша на Терекъ. Тогожь К. „Володимера (Мосальскаго?) съ товарищи взяша у „Царя Турскаго въ Кафѣ въ тюрмѣ сѣдяща; а К. „Володиміра (Бахтѣярова?) съ товарищи пожало„валъ (кто? Султанъ?), отпустилъ ихъ на Терекъ; „тово жь бусурмана Смирново, свѣдавъ, что онъ „обусурманился, повелѣ (кто?) ему дати разныя „муки; а напослѣди же ево окаянново велѣлъ обда„ти нефтью и повелѣ зажечь; тутъ окаянный и „скончася.“

(99) Татищевъ возвратился въ Москву 5 Ноября 1605, уже при Димитріи Самозванцѣ.

(100) См. въ Архивѣ бумаги объ отпускѣ гостя Англ. *Франчика Чирея* (Francis Cherry) въ Дек. 1598. Поздравляя Бориса съ восшествіемъ на престолъ, Елисавета писала: „радуемся, что нашъ доброхотъ „учинился на такомъ преславномъ Государствѣ по „избранію всего народа Великимъ Государемъ.“

(101) Въ Статейномъ Спискѣ Послан. Григорья Микулина и Подъячаго Ив. Зиновьева, *л.* 4: „И то„гожь дни (Сент. 18) Григорей и Ивашко изъ ка„рабля высѣли подъ городкомъ подъ Гравзендемъ, и „встрѣтили ихъ у судовъ того городка приказной „человѣкъ, а съ нимъ посадцкихъ людей человѣкъ съ „200; а въ тѣ поры изъ городка и изъ караблей „стрѣляли изъ пушекъ. . . И пріѣхалъ къ Григорью „въ Гравзендъ Королевнинъ Дворянинъ и Воевода Хи-

„бирской (Ирландскій) Князь Ульянъ Розсѣй . . . и
„виталисъ за руки, и говорилъ Князь Ульянъ отъ
„Королевны рѣчь, снявъ шляпу . . . а Королевны въ
„Лундѣ нѣтъ: живетъ въ селѣхъ своихъ, отъ Лунды
„верстъ съ 20 . . . и сѣли со К. Ульяномъ въ суды
„вмѣстѣ, а шелъ К. Ульянъ съ лѣвые руки, и гово-
„рилъ: въ томъ-де мѣстѣ, гдѣ вамъ вынити изъ су-
„довъ, приставаетъ Государыня наша Елисаветъ
„Королевна, а опричь нигдѣ . . . а велѣла васъ
„встрѣтить ближнему своему человѣку Дворовому
„Воеводѣ, Лордъ-Харберту Пенброку. . . А какъ
„вышли изъ судовъ, и встрѣтили Григорья Воевода
„Лордъ Пенброкъ, а съ нимъ Князи и Дворяне и
„Алдерманы и гости на жеребцѣхъ, въ нарядѣ и
„золотыхъ чепяхъ, человѣкъ съ 300 . . . да Ко-
„ролевниныхъ Дробантовъ человѣкъ до 100 съ рога-
„тинами золочеными и съ корды въ скорлатномъ
„въ червчатомъ платьѣ, а на платьѣ шиты Коро-
„левнины печати золотомъ . . . и Королевна при-
„слала подъ Григорья и подъ Ивашка свои *кочи*; а
„сидѣлъ Григорей въ большомъ мѣстѣ, а противъ
„Лордъ Пенброкъ, а въ дверцѣхъ съ правые сторо-
„ны У. Розсѣй, а съ лѣвую гость Ив. Ульяновъ; а
„въ другой кочѣ Подъячій Ивашко . . . а Князи и
„Дворяне ѣхали *верхи* передъ кочами и по сторо-
„намъ . . . и говорилъ Л. Пенброкъ: Государыня на-
„ша велѣла про васъ ѣсти готовить своимъ пова-
„ромъ; а впередъ какъ похотите, Королевнинымъ
„или своимъ. . . А какъ въѣхали въ посадъ въ Лунду,
„съ города и съ караблей стрѣляли изо многово на-
„ряду; а городъ Лунда *Вышегородъ* (замокъ, Tower)
„каменъ не великъ, а около его воды обводные; а
„большой городъ стѣна камена жь, стоитъ на ров-
„номъ мѣстѣ, около его версты съ 4; а черезъ рѣ-
„ку Темзь межъ посадовъ мостъ каменъ, а на мо-
„сту устроены домы каменые и лавки.“

(102) „Со многими-де у меня съ Великими Кре-
„стьянскими Государи братцкая любовь, а ни съ
„которымъ такіе любви нѣтъ, что съ Вел. Госу-
„даремъ вашимъ . . . . велѣла вамъ сегодни (6 Генв.)
„на праздникъ у себя хлѣба ѣсти, а иду я къ обѣд-
„нѣ, и вы подите посмотрите нашихъ чиновъ.
„. . . И велѣла Григорью итти передъ собою . . .

„и на выходѣ въ сѣнехъ ударилъ челомъ Королевнѣ
„Италіанскіе земли Флоренской Удѣльной Князь, а
„Францовскому Королю шуринъ, и Королевна звала
„его хлѣба ѣсти; а сказали приставы, за столомъ-
„де ему у Королевны съ вами вмѣстѣ не сидѣти,
„а ѣсти-де ему въ другой полатѣ съ Бояры. . . .
„Пришла Королевна въ столовую полату, и сѣла
„за столъ, а Григорья и Иванка и переводчика Он-
„дрея велѣла посадити за особнымъ столомъ у се-
„бя по лѣвую руку . . . а Бояре и Дворяне всѣ
„стояли, а не сидѣлъ ни одинъ. . . . И какъ столъ
„отшелъ, и Королевна почала умывать руки, и
„умывъ, велѣла серебряникъ съ водою поднести
„Григорью; и Григорей на жалованьѣ челомъ билъ,
„а рукъ не умывалъ, и говорилъ: Вел. Государь нашъ
„Королевну зоветъ себѣ любительною сестрою,
„и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не
„пригодится . . . и Королевна почала быти весе-
„ла, и Григорью то похвалила, что ее почтилъ,
„рукъ при ней не умывалъ.“

(103) Слова Елисаветы въ письмѣ отъ 16 Мая: Uppon an occasion of some rebellious attemptes against the peace of our governement, happing at his being here, was readye to have come forthe and to have putt hymselfe in danger against the undertakers thereof. — Микулинъ возвратился въ Іюлѣ 1601.

(104) Ли (Lee, а не Lea) пріѣхалъ въ концѣ 1600, а выѣхалъ въ Апр. 1601. Хваля Бориса, Ли говоритъ, что онъ „не такъ, какъ иные: только держатъ имя Хрестьянскихъ Государей, а ищутъ „проливати кровь и разоряти другъ друга, а не „такъ, какъ быти въ добромъ миру и въ соединеньѣ „противъ Бусурманина Турка и невѣрнаго Папы; „а онъ (Папа) таковъ же, какъ Турокъ или пуще.“ См. въ Архивѣ бумаги Ліева Посольства. Елисавета писала еще къ Борису съ Мерикомъ и съ другими купцами. Между бумагами Британскаго Музея, присланными къ Графу Н. П. Румянцову, есть письмо Борисово, въ Англійскомъ переводѣ, къ Елисаветѣ, писанное въ Апрѣлѣ 1603 года, о невѣстѣ, ею предложенной. Царь отвѣчалъ: Your Highness made knowne unto us, that amongst others you have

made choise of a young Lady, being a pure maden, nobly descended by father and mother, adorned with graces and extraordinary guifts of nature, about eleven yeares of age, of whom you make an offer unto us, that if it be the pleasure of God to encline the hearts of the two young coople to like one of the other, all circumstances shall be accomodated on your part. . . . But your Majestie hath therin not written unto us of that worthee Lady, what she is, whether she is of your Highness blood, descended of your Royal race, by your father or mother, or from some other Archiduke or Duke (т. е., Борисъ хотѣлъ знать, происходитъ ли невѣста отъ одного рода съ Елисаветою, или отъ какого инаго Эрцгерцога или Герцога).

(105) Іаковъ еще до восшествія своего на престолъ Англіи хотѣлъ быть въ сношеніи съ Россіею. Въ бумагахъ Микулина: „Апр. въ 12 приходи-„ли къ Григорію (въ Лондонѣ) отъ Посла Шкотц-„кого Короля 3 человѣка, люди его, и правили по-„клонъ, и говорили: Посолъ-де Эрль Бодвель ве-„лѣлъ тебѣ говорити, чтобъ-де для любви мнѣ съ „вами видѣтца. . . И Григорій говорилъ: будетъ „похочетъ, и онъ бы къ намъ ѣхалъ, а мы его прі-„ѣзду ради. И послѣ того сказывали Григорію, что „приходилъ-де къ тебѣ самъ Посолъ, а назвался „своимъ человѣкомъ. . . И Маія въ 7 пріѣхалъ къ „Григорію Посолъ Эрль Бодвель, а съ нимъ Коро-„левскихъ Дворянъ 6 человѣкъ, да людей съ 50 . . . „и вшедъ въ полату, учелъ говорити, снявъ шля-„пу: пріѣхалъ-де есми къ вамъ для любви и за свою „вину бити челомъ, что есми приходилъ къ вамъ „простымъ обычаемъ, хотя васъ видѣти . . . А нѣ-„что бъ-де далъ Богъ впередъ, чтобъ межъ Вел. „Государемъ вашимъ и Якубомъ Королемъ намъ лю-„бительную ссылку и дружбу видѣти.“

(106) Дары Королевскіе: „возокъ поволоченъ бар-„хатомъ червчатымъ; 2 сулеи серебряны золоче-„ны; сосудъ хрустальной, обдѣланъ золотомъ; ла-„ханъ да рукомойникъ серебряные золочены; 2 сто-„лы серебряные золочены; кубокъ серебрянъ золо-„ченъ съ покрышкою; поставъ сукна скарлату; 4

„поставы суконъ розными цвѣты.“ См. въ Архивѣ бумаги Смитова Посольства.

Въ Мильтон. History of Moscovia сказано, что Борисъ, отпустивъ Смита, послалъ ему на домъ къ обѣду 300 блюдъ рыбы (ибо день былъ постный) удивительной величины и чрезвычайно вкусной (of such strangeness, greatness and goodness as scarce would be credible to report).

(107) См. Hansische Chronik III, 122, въ Мил. Samml. V, 164, и въ нашемъ Архивѣ бумаги *о пріѣздѣ Любскихъ и иныхъ поморскихъ вольныхъ городовъ Пословъ:* Любск. Бургомистра Гермерса, Ратсгера Генр. Керкринга, Секретаря І. Брамбаха, и двухъ Стральзундскихъ Ратсгеровъ, Ник. Динниса и І. Штиленберга. Въ бумагахъ упоминается о 72 городахъ, но именуется только 59. — Шведскій Правитель Карлъ, жалуясь, что Ганза даетъ корабли Сигизмунду, просилъ Царя о задержаніи купцевъ ея въ Россіи со всѣми ихъ товарами: для того еще въ 1600 году Любскіе Бургомистры присылали въ Москву купца Меера, убѣждая Бориса не вѣрить клеветамъ Герцога Карла и возвратить товары Нѣмецкихъ гостей, остановленные въ Иванѣгородѣ и Псковѣ. Мееръ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ и взялъ у Царя *опасную грамоту* для сего Ганзейскаго Посольства.

(108) Бояре 12 Апр. объявили Посламъ, что Государь не можетъ уступить пошлины Ганзейскимъ купцамъ; а 26 Мая сказали: „Всѣхъ Государствъ съ „торговыхъ людей въ Вел. Государя нашего Государствахъ пошлину емлютъ . . . и Любскимъ торговымъ людемъ также было пошлина платити; „да Вел. Государь нашъ и сынъ его Любскихъ Бурмистровъ и Ратмановъ и Полатниковъ пожаловали, съ ихъ торговыхъ людей велѣли пошлины „имати передъ иными иноземцы въ полы, а другой „половины таможные пошлины съ товаровъ ихъ „имати не велитъ.“ Такъ и въ Hans. Chron., III, 171. Послы выѣхали изъ Москвы 11 Іюня, изъ Новагорода 30 того же мѣсяца, а изъ Пскова 8 Іюля.

(109) См. въ Архивѣ г. 1604 — 1605 отписки изъ Колмогоръ о приходѣ иноземныхъ кораблей.

(110) См. въ *Никон. Лѣт.* VIII, 48, Розрядн. Книги и въ Архивѣ Кол. И. Д. грамоту Рудольфову къ Борису отъ 2 Іюня 1601, о пропускѣ въ Персію чрезъ Россію Папскихъ Нунціевъ, Ф. Косты и Дидака Миранда.

(111) См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ въ Москву сего Флорент. чиновника. Въ 1600 г. Борисъ посылалъ какого-то Берента Хепера во Флоренцію моремъ, черезъ Архангельскъ и Голландію: онъ былъ у Герцога Тосканскаго и сказалъ ему, что Борисъ желаетъ имѣть у себя искусныхъ Медиковъ и всякихъ *мудрыхъ ремесленниковъ* (см. тамъ же).

(112) Въ Дѣлахъ Цесарскаго Двора г. 1604: „какъ „Вел. Государь нашъ (говорятъ Бояре) учинился на „Вел. Государствахъ Россійского Царьствія, и Го„сударь нашъ къ нему (Султану) ни о чемъ не пи„сывалъ, и отъ Турского Магметъ-Салтана при„сылка къ его Царск. Величеству также ни ка„кова не бывала.“ Слѣдственно и Петрей и Пасторъ Беръ говорятъ несправедливо, что около 1602 года былъ въ Москвѣ Посланникъ или Гонецъ Султанскій съ дарами и съ предложеніемъ дружбы, но что Царь выслалъ его съ безчестіемъ: не взялъ даровъ, и вмѣсто шубы послалъ Султану свиную шкуру съ парчевымъ мѣшкомъ, наполненнымъ нечистотою (salvo honore, mit Schweinsdreck gefüllet). Умный Борисъ не могъ дозволить себѣ такого дѣла.

(113) Въ грамотѣ 8 Февр. 1603: „Мы, Вел. Госу„дарь . . . и нашего Царск. Величества сынъ, Вел. „Государь Царевичь, пожаловали есмя Св. Горы Аѳо„ни Введенія Преч. Богородицы Хилондаря мона„стыря Св. Савы и Семіона Архим. Антонія, что „билъ челомъ съ братьею, а сказали: въ прежнихъ „лѣтѣхъ даны имъ жалованные грамоты бла„женные памяти Вел. Госуд. Царя и В. К. Ивана „Васильевича . . . и сына его, В. Г. Царя и В. К. „Ѳедора Ив., что пожаловали ихъ въ вѣчной поми„нокъ въ царств. градѣ Москвѣ на пріѣздъ дворомъ

„со всѣми потребными хоромами въ *Китаѣ-городѣ* „*у Богоявленского монастыря* . . . и мы тожъ по- „жаловали," и проч. — См. въ Архивѣ бумаги о пріѣздѣ къ намъ Греческихъ Святителей, Архимандритовъ, Старцевъ, — грамоту Іерусалим. Патріарха Софронія, поздравительную съ избраніемъ Бориса на Рос. Царство, и другія. Въ 1604 г. выѣхалъ къ намъ знатный Грекъ Христофоръ Аркадонскій, чтобы служить Царю. Между Австр. грамотами есть одна (отъ 8 Авг. 1603), въ коей Имп. Рудольфъ проситъ Бориса быть милостивымъ къ Терновскому (Болгарскому) Архіепископу Діонисію Палеологу, который ѣхалъ въ Россію.

(114) См. *Никон. Лѣт.* VIII, 40.

(115) См. въ Архивѣ Дѣла Ногайск. г. 1601 — 1604, о посылкѣ Окольничаго Степ. Годунова въ Астрахань и проч.

(116) См. Ногайск. Дѣла г. 1604; см. также, для сравненія, Т. VII, стран. 232. Ногаи и въ Васильево время раздѣлялись на три Улуса: имя *Шидака* есть безъ сомнѣнія одно съ *Шейдяковымъ*, о коемъ упоминается въ Ногайск. бумагахъ 1604 г.; а Князь, названный въ запискахъ Герберштейна *Кошумомъ*, не есть ли *Казый?*

Царь чрезъ Степана Годунова объявилъ всѣмъ Улуснымъ людямъ: „Пожаловали мы васъ, для ны- „нѣшніе вашіе скудости, съ вашихъ базаровъ, какъ „учнете торговати въ нашей Царской отчинѣ, въ „Асторохани, съ вашихъ лошадей и съ товаровъ „вашихъ Царскихъ пошлинъ на нынѣшней годъ има- „ти не велѣли есмя, и жити бъ вамъ подъ нашею „высокою рукою въ тишинѣ и въ покоѣ, и Улусы „бъ свои полнили по прежнему."

(117) Въ *Собр. Государств. Грамотъ* II, 153: „Бо- „жіею милостію Мы, Вел. Государь . . . и сынъ „нашъ . . . для отца своего, Іева Патріарха . . . „что поминалъ намъ и грамоту жалованную бла- „женные памяти Государя Ив. Вас. положилъ вешху, „какова была дана Аѳонасію Митрополиту . . . и

„намъ бы та грамота велѣти переписати на свое „имя . . . Бояре наши и Намѣстники . . . его Па-„тріаршихъ монастырей Архимандритовъ и Игу-„меновъ и Священниковъ и Старцовъ, и всякихъ его „Приказныхъ людей , и Дѣтей Боярскихъ, и ихъ „людей и Патріарховыхъ крестьянъ, и монасты-„рей его слугъ и крестьянъ . . . и у которыхъ Па-„тріаршихъ людей будутъ отчины и купли . . . и „тѣхъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, „ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, и не вы-„лаютъ къ нимъ ни по что. . . Тѣ крестьяне На-„мѣстнича и Волостелина двора не дѣлаютъ, и съ „тяглыми людми ни въ которые проторы не тя-„нутъ, и сѣнъ нашихъ не косятъ, и закосного, и „лугового, и туковового, и подымново, и поворотно-„во, и въ воры на лоси, и на медвѣжьи, и на вол-„чьи, и на лисьи поля не ходятъ; а ловчіе наши къ „нимъ не въѣзжаютъ . . . и никоторыхъ поборовъ „не емлютъ. А кому будетъ искати на нихъ . . . „и они посылаютъ отца нашего, Іева Патріарха, „Недѣльщиковъ; а судитъ ихъ Іевъ Патріархъ. . . „А кому будетъ чего Патріаршимъ искати на дру-„гихъ . . . и Патріарши по тѣхъ посылаютъ на-„шихъ Недѣльщиковъ; а сужу ихъ язъ Царь. . . А „явитца въ Патріаршихъ волостяхъ, или въ мона-„стырскихъ . . . и у Патріаршихъ людей убитой че-„ловѣкъ, и Намѣстники и Волостели душегубца су-„дятъ надъ убитою головою по Уставной грамотѣ „по волостной; а не будетъ грамоты, и они про-„дажу емлютъ по Судебнику,“ и проч. Сія грамо-та подтверждена Царями Вас. Шуйскимъ въ Апр. 1607, Михаиломъ въ Сент. 1613, Алексіемъ въ Февр. 1657.

(118) См. Т. X, стран. 209.

(119) См. Указъ Царя Василія Шуйскаго 1607 года, Т. X. въ примѣч. 349, и въ *Судебн.* Татищева стран. 241.

(120) Въ Судебникѣ Татищева 222: „Лѣта 7110, „*Новемврія* въ 21 день, по Государеву Цареву и В. „К. Бориса Ѳедоровича всея Русіи указу память „Окольничему Вас. Петровичу Морозову:

„Въ нынѣшнемъ въ 110 году В. Г. Царь и В. К. „Борисъ Ѳ. и сынъ его, Государь Царевичь, К. Ѳед. „Бор., пожаловали во всемъ своемъ Московскомъ Го„сударствѣ, отъ налогъ и отъ продажъ охраняя, „велѣли крестьяномъ дати выходъ, и возити кре„стьянъ Дворяномъ, которые служатъ изъ выбора, „и Жильцомъ . . . и Дѣтемъ Боярскимъ, Дворовымъ „и городовымъ Прикащикамъ, всѣхъ же городовъ „иноземцамъ всякимъ, и Большаго Двора Дворовымъ „людемъ всѣхъ чиновъ, Степеннымъ и Путнымъ „Ключникамъ, Стряпчимъ, Сытникамъ и Подключ„никамъ, Конюшеннаго Приказа Столповымъ При„кащикамъ, Конюшеннымъ, Конюхамъ, Стремян„нымъ и Стряпчимъ, Ловчаго Пути Корытникомъ, „Охотникомъ и коннымъ Псаремъ, Сокольнича Пу„ти Кречетникомъ, Сокольникомъ, Ястребинни„комъ, Трубникомъ и Сурначеемъ, и Государыни „Царицы. . . Дѣтемъ Боярскимъ и всѣхъ Приказовъ „среднимъ Подьячимъ, Стрѣлецкаго Приказа Сот„никомъ Стрѣлецкимъ и Головамъ Козачьимъ, По„сольскаго Приказа Переводчикомъ и Толмачемъ, „Патріаршимъ и Митрополичимъ и Архіеписко„плимъ Приказнымъ людемъ и Дѣтемъ Боярскимъ „*промежъ себя.*" Только симъ людямъ дозволено было принимать крестьянъ другъ отъ друга. Далѣе: „А „срокъ крестьяномъ отписывати Юрьевъ день осен„ній, да послѣ Юрьева дни въ двѣ седмицы; а пожило„ва крестьяномъ платити положено за дворъ рубль „и 6 копѣекъ." Теперь слѣдуетъ означеніе тѣхъ, кому не дозволялось принимать крестьянъ: „А въ „Дворцовые волости и села, и въ черныя волости, „и за Патріарха и Митрополитовъ, и за Архіепи„скопы и Епископы, и за монастыри, и за Бояръ „и Окольничихъ, и за Дворянъ Большихъ и за При„казныхъ людей и Дьяковъ, и за Стольниковъ и за „Стряпчихъ (Царскихъ?) и за Головъ Стрѣлецкихъ „и за иныхъ (Головъ?) *возити* крестьянъ въ ны„нѣшнемъ 110 году *не велѣно;* а въ *Московскомъ* „Уѣздѣ *всѣмъ* людемъ промежъ собою, да изъ иныхъ „городовъ въ Московской Уѣздъ потому жъ крестья„номъ не отказывати и *не возити;* а которымъ „людемъ промежъ собою въ нынѣшнемъ 110 году „крестьянъ срокъ возити, и тѣмъ по Государеву „Цареву и В. К. указу возити одному человѣку изъ-

„за одного *одного* крестьянина, или *двухъ*, а трехъ „и четырехъ одному изъ-за одного никому не во„зити." То есть, Царь дозволилъ крестьянамъ мелкопомѣстныхъ господъ переходить къ мелкопомѣстнымъ, а не къ богатымъ владѣльцамъ, которые легко могли сманивать къ себѣ работниковъ отъ владѣльцевъ неизбыточныхъ. Сіе узаконеніе о крестьянахъ не имѣетъ отношенія къ голоду Борисова времени: ибо въ 1601 г. онъ еще не былъ силенъ (см. *Исторію Келаря Палицына*, стр. 9), и земледѣльцы засѣвали свои поля.

(121) Татищевъ (въ Судебн. 224): „Сей законъ о „вольности *по-прежнему* крестьянъ онъ (Годуновъ) „учинилъ противъ своего разсужденія и перваго о „неволѣ ихъ узаконенія, надѣясь тѣмъ ласканіемъ „болѣе Духовнымъ и Вельможамъ угодить и себя „на престолѣ утвердить, а роптаніе и многія „тяжбы пресѣчь; но вскорѣ услыша большее о семъ „негодованіе и ропотъ, что *Духовные* и *Вельможи*, „имѣющіе множество пустыхъ земель, отъ мало„земельныхъ Дворянъ *крестьянъ къ себѣ перезвали*, „принужденъ паки вскорѣ перемѣнить, и не токмо „крестьянъ, но и холопей невольными сдѣлалъ: изъ „чего великая бѣда приключилась, и большею ча„стію чрезъ то престолъ съ жизнію всея своея „фамиліи потерялъ, а Государство великое разоре„ніе претерпѣло, какъ о томъ *Монахъ Іосифъ пи„шетъ*." (Какой? развѣ Аврамій Палицынъ?) Здѣсь, кажется, недоразумѣніе: Борисъ въ Ноябрѣ 110 или 1601 года указалъ, какъ мы видѣли (см. выше, примѣч. 120), принимать крестьянъ только малочиновнымъ людямъ, или мелкимъ владѣльцамъ, а не *Духовенству*, не *Вельможамъ*: для послѣднихъ — даже и для самаго Царя, какъ вотчинника или владѣльца Дворцовыхъ селъ — законъ 1593 г. остался въ своей силѣ. Шуйскій въ своемъ Указѣ, истинномъ или подложномъ (см. Т. X, примѣч. 349), говоритъ только: „Борисъ Ѳед., видя въ народѣ волненіе ве„ліе, тѣ книги (крѣпостныя) оставилъ и переходъ „крестьяномъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не „знали, какъ потому суды вершити, и *нынѣ*" (уже послѣ Годунова?) „великія въ томъ учинились рас„при," и проч.

(122) См. Т. VI, стран. 359, и Т. IX, примѣч. 767.

(123) Флетчеръ 44: in every great towne he (Царь) hath a Caback, where is sold aqua vitae, which they cal *Russe wine* (водка или Русское вино), mead, beere etc.

(124) Беръ въ своей Москов. Хроникѣ пишетъ такъ: „Годуновъ старался истреблять грубые по-„роки своего народа . . . запретилъ пьянство и со-„держаніе (вольныхъ) питейныхъ домовъ, объявивъ, „что скорѣе согласится простить воровство и „даже убійство, чѣмъ нарушеніе сего указа; что „дома всякой можетъ ѣсть, пить и веселиться съ „гостями, какъ ему угодно, но только не прода-„вать вина; что если содержатели (вольныхъ) ка-„баковъ не имѣютъ инаго способа жить, то дол-„жны просить земель у Царя," и проч. Въ нашихъ Хронографахъ: „Государь Царь Борисъ Ѳед. ко мздо-„иманію зѣло бысть ненавистенъ, разбойства и „татьбы и корчемства много покусився, еже бы „во свое царство таковое неблагоугодное дѣло ис-„коренити, но не возможе отнюдь." Аврамій Палицынъ въ своей *Исторіи*: „корчемницы бо, пьян-„ству и душегубству и блуду желатели, *во всѣхъ „градѣхъ въ прекупъ высокъ воздвигше цѣну кабаковъ*" (въ Борисово царствованіе).

(125) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. письмо Лиценціата Правъ, Товіи Лонціуса (Thobias Loncius, der Kayserlichen Rechte Licentiatus) къ Царю Борису, изъ Гамбурга, отъ 24 Генв. 1601. Онъ пишетъ: Hat er (Крамеръ, посыланный Борисомъ въ Германію) viel Fleiss undt Bitt bey mir angeleget, mich in Ew. Keys. undt Kunigl. Majest. Lande zu vorfügen, denn Ew. Keys. und Kunigl. M. nicht alleine gelehrte Leute begehreten, sondern weren auch selbst allergnädigst gesinnet undt Vorhabens, in Ihren Keyserthum undt Landen Schulen undt *Universiteten* zu stifften undt anzurichten. . . Ist gewiss, dass Ew. Keys. undt Kunigl. Mayest. sich hirdurch als ein rechter Vater des Vaterlandes einen unsterblichen Nahmen in aller Welt zubereiten werden: welchen Gott sonderlich zum Heil des Landes erwerket undt eingesetzet habe. So lange als das Keyserthumb der Reussen bekandt undt in Beruff gewesen, ist solche Wohl-

fahrt dem Lande nicht zugestanden. Ein Keyser, König, Fürst oder Herr kan seinen Reich undt Lande keine höher Ehre anthun, oder derselben einen grössern Schatz zubereiten, als wan er dahin gedenket, wie dasselbe mit Weissheit undt shönen Künsten möchte versehen werden: dann darauff die Wohlfahrt des gantzen Volkes stehet undt beruhet, wie dann von den Aegiptern, Römern, Griechen, Teutschen, Spaniern, Italiänern, Engelischen, Frantzosen undt andern Völckern gar viel Exempel könten angetzogen werden, и проч. Далѣе: „Мнѣ случи-„лось быть въ Ливоніи, въ Дерптѣ, гдѣ подданные „Вашего *Императорскаго* и *Королевскаго* Величе-„ства, купцы Псковскіе, имѣютъ свой гостиный „дворъ и торгуютъ: я познакомился съ ними, и „могу сказать искренно, что самые Нѣмцы не ока-„зывали мнѣ столько чести и доброжелательства, „какъ сіи добрые Россіяне. За то и люблю ихъ ду-„шевно, усердствуя быть орудіемъ Вышняго Про-„мысла для ученія и наставленія юношества въ „Россіи, во славу Божію и ко благу отечества. Но „ѣхать въ землю столь отдаленную не могу безъ „удостовѣренія, что то угодно В. Величеству.“ Далѣе онъ требуетъ паспорта или *опасной грамоты* и денегъ на дорогу; упоминаетъ о Рейнгольдѣ Бекманѣ, присыланномъ изъ Москвы въ Любекъ за Докторами; вызывается привезти съ собою одного искуснаго Медика, и проч.

(126) Беръ пишетъ: „Желая со временемъ видѣть „своихъ подданныхъ людьми образованными и свѣ-„дущими, онъ предложилъ Государственному Со-„вѣту выписать изъ Германіи, Италіи, Испаніи, „Англіи и Франціи ученыхъ мужей и для изученія „разныхъ языковъ учредить школы; но Монахи и „Попы сказали, что ихъ Государство обширно и „велико, но единовѣрно и единоправно; что если „въ немъ будутъ говорить не однимъ Русскимъ язы-„комъ, а разными, то согласіе и миръ исчезнутъ. „Борисъ оставилъ сіе намѣреніе, однакожь послалъ „18 молодыхъ *Дворянъ* въ чужія земли: 6 въ Любекъ, „6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились „языкамъ иностраннымъ, но только одинъ изъ нихъ „возвратился въ Россію, именемъ Димитрій, дан-„ный Шведскимъ Королемъ въ Переводчики Гене-

„ралу П. де-ла-Гарди: другіе разсѣялись по Евро-„пѣ.“ См. также и Петрея 271. Въ Любекъ было послано не 6, а только 5 молодыхъ Россіянъ, о коихъ, въ Ноябрѣ 1606 года, Любскіе Бургомистры и Ратманы писали къ Царю, Василію Шуйскому: „Чинимъ вѣдомо Ваш. Царск. Величеству, что „прежней Царь и В. К. Борисъ Өед. блаженные па-„мяти, какъ третьево году были Послы наши на „Москвѣ, и какъ отпущены съ Москвы, и ѣдучи къ „Новугороду, прислано къ нимъ Русскихъ *пятеро* „робятъ, чтобъ наши Послы тѣхъ робятъ взяли „въ Любку учити языку и грамотѣ Нѣмецкой, и „поити и кормити и одежду на нихъ класти; и „мы тѣхъ робятъ давали учити, и поили и корми-„ли, и чинили имъ по нашему возможенью все добро; „а они не послушливы, и поученья не слушали, и „нынѣ двое робятъ отъ насъ побѣжали, не вѣдомо „за што . . . Бьемъ челомъ, чтобъ В. В. пожало-„вали отписали о достальныхъ о трехъ робятахъ, „ещо ли намъ ихъ у себя держати, или ихъ къ се-„бѣ велите прислать.“ — Въ отпискѣ Воеводъ къ Царю изъ Архангельска отъ 1 Авг. 1602: „По твоей „Государевѣ грамотѣ велѣно намъ отпустити въ „Англинскую землю на кораблѣ Микифора Олферье-„ва сына Григорьева, да Софона Михайлова сына „Кожухова, да Казарина Давыдова, да Өетьку Ко-„стомарова, которые отпущены отъ тебя, Госу-„даря, въ Англинскую землю съ Иваномъ Ульяно-„вымъ (Мерикомъ) для науки розныхъ языковъ и „грамотѣ . . . и мы отпустили ихъ на Англин. „кораблехъ Іюля въ 30 день.“ Въ указѣ Царскомъ *на Двину въ новой Архангельской городъ* (въ Іюнѣ 1600): „отпущены съ Москвы съ Англ. гостемъ съ Ив. „съ Ульяновымъ за море Францовской Нѣмчинъ „Жанъ Паркетъ, лѣтъ въ 18, да Англиченинъ Ульянъ „Колеръ лѣтъ въ 15, робята молоди, а на Москвѣ „*учились Русскому* языку.“ См. въ Архивѣ Кол. И. Д. между бумагами Любскими и Англійскими означенныхъ годовъ.

(127) Въ Статейн. Спискѣ Г. Микулина, л. 40: „Апр. въ 20 день (1601) пріѣхали къ Григорію Це-„сарскіе области Князи, три брата, а отечествомъ „слывутъ Бароны . . . . и говорили: мы-де ѣздимъ

„по рознымъ Государствамъ для науки и посмо-„трѣть въ Государствахъ обычаевъ . . . и были-„де мы у Францовского Короля, а отъ Франц. прі-„ѣхали къ Англинской Королевнѣ, и хотимъ ѣхать „къ Шкотцкому Королю, а отъ Шкот. къ Датцко-„му, а отъ Д. къ Свейскому, а отъ Св. къ Москвѣ, „и желаемъ видѣти Вел. Государя вашего, слышавъ „въ розныхъ Государствахъ про Его Царск. Вели-„чество къ иноземцамъ великое жалованье. И Гри-„горій спросилъ: какимъ обычаемъ хотите ѣхать „къ Царск. Величеству: на его имя служити, или „бывъ у его Ц. В. ѣхати назадъ въ свою землю? И „Князи говорили: мы-де хотимъ ѣхати къ его Ц. „В. для того, чтобъ намъ его Царскіе очи видѣти „и передъ Вел. Государемъ противъ его Государева „недруга служба своя показати. И Григорій гово-„рилъ: пожалуетъ васъ по вашему достоинству. . . „Къ Государю ѣдутъ служити изо многихъ Госу-„дарствъ Цари и Царевичи, и Королевичи и Госу-„дарскіе дѣти,“ и проч.

(128) См. Бера Muskow. Chron. Сіи изгнанники Ливонскіе жили нѣсколько времени въ Печерскомъ монастырѣ близъ Пскова, откуда Борисъ призвалъ ихъ къ себѣ. Беръ пишетъ: „Нѣмцы (23 Дек. 1601) „кланялись Царю по своему обычаю. Онъ сказалъ „имъ чрезъ переводчика: *Чужеземцы! здравствуйте „въ моемъ Государствѣ. Радуюсь, что вы совершили „путь свой благополучно. Ваше бѣдственное изгнаніе „меня трогаетъ: каждому изъ васъ дамъ втрое бо-„лѣе того, чего вы лишились вмѣстѣ съ отечествомъ „. . . Одарю васъ землею, слугами, работниками; „одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые „кошельки ваши деньгами; буду вамъ не Царемъ, а „истиннымъ отцемъ; буду одинъ вашъ повелитель и „судія. Мирно и свободно наблюдайте обряды своего „Богослуженія. . . Дайте только обѣтъ не измѣнять „мнѣ, не уходить къ нашимъ врагамъ, не молчать, „если узнаете какой противъ меня умыселъ, и не „посягать на жизнь мою ни ядомъ, ни чародѣй-„ствомъ. Тогда осыплю васъ милостями, о кото-„рыхъ будетъ говорить вся Нѣмецкая Имперія.* Ли-„вон. дворянинъ, Д. фонъ-Тизенгаузенъ, мужъ весь-„ма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ

„краткую благодарственную рѣчь . . . и клялся,
„что всѣ Нѣмцы будутъ до гроба вѣрны отцу
„своему, Монарху Россійскому. Царь отвѣтство-
„валъ: *молитесь, Нѣмцы, Богу о моемъ здоровьѣ:
„пока я живъ, вы не будете ни въ чемъ нуждаться;*
„указавъ на свое жемчужное ожерелье, примолвилъ:
„*и симъ подѣлюся съ вами;* протянулъ къ нимъ ру-
„ку съ жезломъ своимъ и далъ ее цѣловать каждому
„. . . За обѣдомъ Нѣмцы сидѣли такъ, что Царь
„могъ ихъ видѣть въ лице. Онъ сказалъ: *я звалъ
„васъ, любезные Нѣмцы, на мою Царскую хлѣбъ-
„соль . . . пью за ваше здоровье: слѣдуйте моему
„примѣру.* Бояре старались напоить гостей; но
„гости остерегались, зная, что Царь любитъ трез-
„вость: онъ замѣтилъ и спросилъ: *для чего не
„пьете, какъ у васъ водится?* Они дали чувство-
„вать, что въ присутствіи воздержнаго Царя имъ
„должно быть воздержными; а Царь засмѣялся и
„сказалъ: *Я васъ потчиваю какъ хозяинъ: веселитесь
„смѣло; пейте кругомъ за мое здоровье. Лошади го-
„товы: васъ отвезутъ домой въ цѣлости, когда бу-
„детъ время.* Государь всталъ, чтобъ итти къ Ца-
„рицѣ; но велѣвъ подать серебряныя бочки съ зо-
„лотыми обручами, наполненныя разными винами,
„приказалъ Боярамъ употчивать Нѣмцевъ такъ,
„чтобы они забыли всѣ житейскія горести.“ Сихъ
Ливонскихъ изгнанниковъ раздѣлили на четыре
статьи: въ *первой* были знатные Дворяне: каждый
изъ нихъ получилъ 50 рублей въ даръ, 50 р. годова-
го жалованья, Венгерскій кафтанъ изъ золотой пар-
чи, кусокъ чернаго бархату, 40 соболей, 800 че-
твертей земли и 100 душъ крестьянъ въ вотчину;
каждый Дворянинъ *второй статьи* 30 рублей въ
даръ, 30 р. жалованья, кафтанъ изъ серебряной пар-
чи, кусокъ камки, 40 соболей, 500 четвертей земли
и 50 душъ крестьянъ; въ *третьей* 20 р. въ даръ и
жалованья, кусокъ бархату и кармазину, 40 собо-
лей, 400 четвертей земли и 30 душъ крестьянъ;
въ *четвертой* (составленной большею частію изъ
слугъ) 15 р. въ даръ и жалованья, кусокъ камки, 40
соболей, 300 четвертей земли и 20 душъ крестьянъ.

(129) См. Т. X, примѣч. 463, и Бера Moskow. Chron.,
который говоритъ: „Московскіе Нѣмцы, кромѣ ста-

„рыхъ Пасторовъ изъ Ливонскихъ плѣнниковъ, „имѣли тогда еще двухъ Проповѣдниковъ: Германа „Губеманна изъ Вестфаліи и Студента *Мартина* „*Бера*" (Автора Хроники) изъ Нейштата."

(130) Подъ заглавіемъ: Constantini Fiedleri oratio loculenta in Borissum Godunowium. Regiomonti 1602. Переведена на Русской С. Вороновымъ и напечатана въ 1773 году.

(131) Въ Мильтонов. Hist. of Moscovia 53: He (Борисъ) had but one son, whom he lov'd so fondly, as no to suffer him out of sight, using to say, he was Lord and father of his son, and yet his servant, yea his slave; то есть: „Борисъ столь нѣжно любилъ сына, что не могъ выпустить его изъ глазъ, и часто называлъ себя уже не повелителемъ и не отцемъ, а слугою и даже рабомъ его."

(132) Hessel Gerard: см. Blaeuwisch. Atlass, T. I, и Готфрид. Archontol. Cosm. въ надписи: Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor, filius Tzaris Boris, desumta, и проч.

(133) На примѣръ, изъ уваженія къ ходатайству Царевича Борисъ заключилъ перемиріе съ Литвою (см. выше, стран. 36).

(134) Современникъ Авр. Палицынъ въ своей *Исторіи*, стран. 7: „Двоелѣтнему жь времени прешедшу, „и всѣми благими Россія цвѣтяше: Царь же Борисъ „о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нуж„ныхъ Царству вещей зѣло печашеся." Маржеретъ 93: jouissant (Борисъ) paisiblement de l'Empire en plus grande prospérité qu'aucun de ses prédécesseurs. См. также о похвальныхъ качествахъ и дѣлахъ Борисовыхъ въ The Russian Impostor, стр. 13, исторіи основанной на современныхъ извѣстіяхъ.

(135) Маржеретъ 111: il ne s'est pas exécuté publiquement pendant son règne dix personnes (сіи не многіе казненные были разбойники (см. ниже).

(136) Палицынъ, стр. 7: „и таковыхъ ради строе-„ній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть.“

(137) См. Маржерет. 93.

(138) Въ Хронографахъ: „Состави (Годуновъ) о се-„бѣ къ Богу молитву мудрыми слагатели, и напи-„са и предастъ, еже на трапезахъ и вечеряхъ за „чашами о немъ и родѣ его молити Бога сице: Отца „безначальна и Сына соприсносущна. . . Иже отъ „Св. Духа воплотися . . . сущіи днесь въ полатѣ „сей молимъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ „здравіи и о побѣдѣ на враги Божіему слузѣ, вели-„кому, благочестивому, и Богомъ избранному, и „Богомъ почтенному и превознесенному . . . Госу-„дарю Царю Борису Ѳеодоровичу, самодержащему „скифетры на всей Восточной странѣ и на Сѣве-„рѣ . . . и его Царск. пресвѣтлаго Величества Ца-„рицѣ и ихъ благороднымъ чадомъ . . . и христо-„любивому ихъ воинству . . . и о тишинѣ всему „православному Христіанству. . . И на томъ убо „и чашу сію Царскую воздвигнули, и повелѣли есте „мнѣ“ (гости хозяину) „грѣшному предпоставити „въ руки ваша. . . Дай Богъ, Государь нашъ и В. „К. Борисъ Ѳ., единый подсолнечный Христіанскій „Царь . . . и его Царица . . . и ихъ Царьскія Дѣти „. . . на многія лѣта здравы были и счастны, и „недругомъ своимъ страшны, чтобъ всѣ великіе „Государи приносили достойную почесть Его Ве-„личеству . . . и имя славилося отъ моря до моря, „и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя, къ его чести и „къ повышенію, а преславнымъ его Царствамъ къ „прибавленію . . . чтобы тѣ великіе Государи Его „Царск. Величеству послушливы были съ рабскимъ „послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ стра-„ны трепетали . . . чтобы его прекрасно-цвѣ-„тущія, младо-умножаемыя вѣтви Царьскаго изра-„щенія въ наслѣдіе превысочайшаго Рос. Царствія „были навѣки и некончаемые вѣки, безъ урыву; а „на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго „его разума и обычая и милостиваго нрава неоскуд-„ныя рѣки милосердія изливалися выше прежнего. „. . Къ воинскому чину призрѣніе и храбское устрое-„ніе, и много милости бѣднымъ и вдовымъ и сиро-

„тамъ, и всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое защи-„щеніе, а виннымъ пощада и долготерпѣніе," и проч.

(139) См. выше, примѣч. 5.

(140) См. Т. X, стран. 9.

(141) См. *Никон. Лѣт*, Латухин. С. К., и Розрядн. Кн. г. 1600.

(142) См. Бера Chron. Muscovit.

(143) Палицынъ: „Клятву же (Борисъ) къ Вел. Бо-„лярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи, „еже о чадѣхъ ввѣренное тому соблюденіе." См. также *Никон. Лѣт.* и Латухин. С. К.

(144) Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Романовой еще до опалы ея ближнихъ: потому Ирина и не была сослана вмѣстѣ съ ними.

(145) См. Т. X, примѣч. 370.

(146) Палицынъ, стран. 7: „оставшее племя Ца-„ря блаженнаго Ѳеодора (Борисъ) нача не любити „ради смущенія своихъ ближнихъ." Въ доказательство, что Бояре, угождая Царю, старались всячески чернить Романовыхъ, выписываю слѣдующее изъ Розрядн. Книги 1598 года: „Іюля въ 21 день билъ „челомъ Государю К. Ѳед. Ногошковъ, что въ ны-„нѣшнемъ году на Государевѣ службѣ, на берегу, „былъ въ правой рукѣ Бояринъ К. Ив. Вас. Сицкой, „а въ передовомъ полку К. Александръ Рѣпнинъ „Оболенской, и К. Александръ, дружася съ К. Ив. „Сицкимъ, и удружа Ѳедору Никитину сыну Рома-„нову, потому что Ѳедоръ и К. Ив. Сицкой и К. „Алек. Рѣпнинъ межь собой братья и великіе дру-„ги, на К. Ивана не билъ челомъ въ отечествѣ, и „тѣмъ воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ „учинилъ всѣмъ Оболенскимъ," и проч. Борисъ нашелъ требованіе К. Ногошкова справедливымъ и велѣлъ записать въ книгахъ, что Оболенскіе по службѣ остаются выше Сицкихъ.

(147) Сей рабъ назывался Воинко: см. Ростов. Лѣт., *Никон.* 41 — 45 и Латухин. С. К.

(148) Бартенева втораго.

(149) Въ *Никон. Лѣт.*: „Ѳедора жь Никитича съ „братьею и съ племянникомъ, со К. Ив. Борис. „Черкаскимъ, приводиша не одиново къ пыткѣ."

(150) См. въ Архивѣ Кол. И. Д. Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ. Сійскій монастырь въ Архангельской Епархіи. Историки наши долго спорили о родѣ супруги Ѳедора Никитича: Миллеръ считалъ ее Княжною Сицкою, а К. Щербатовъ Княжною Шестуновою: она была просто Шестова, какъ означено въ дѣлѣ о ссылкѣ Романовыхъ.

(151) Княгиня Черкасская называлась Марѳою (Никитишною); съ нею сослали на Бѣлоозеро сестру ея Анастасію и семейство брата, Александра Никитича. Жену К. Ив. Сицкаго, также сестру Романовыхъ, Евфимію, назвали въ Инокиняхъ Евдокіею. Въ Приставахъ были съ Романовыми съ Ѳед. Романъ Дуровъ, съ Александромъ Леонт. Лодыженскій, съ Михайломъ Ром. Тушинъ, съ Иваномъ Смирной Мамотовъ, съ Васильемъ Сотникъ Стрѣлецкій Ив. Некрасовъ, съ К. Ив. Сицкимъ Тимоѳ. Грязной, съ К. Ив. Черкасскимъ Вас. Нагай Хлоповъ, съ тещею Ѳед. Никитича, Марьею Шестовою, Як. Вельяминовъ.

(152) См. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(153) Тамъ же, въ донесеніи новаго Пристава Богдана Воейкова, изъ Сійскаго монастыря отъ 25 Ноября 1602: „Твой, Государевъ, измѣникъ, Старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ „разговорѣ говорилъ: Бояре-де мнѣ великіе недру- „ги; искали-де головъ нашихъ, а иные-де научали „на насъ говорити людей нашихъ; а я-де самъ ви- „далъ то не одиножды. Да онъ же про твоихъ „Бояръ про всѣхъ говорилъ: не станетъ-де ихъ съ „дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разумново; „одинъ-де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльской: къ

„Посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ. „. . . Коли жену спомянешъ и дѣти, и онъ говоритъ: *Милые мои дѣтки маленьки бѣдные осталися: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива ли? Чаю, она гдѣ близко таковожь замкена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, ино што рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи то слышать, штобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ; и язъ бы тому обрадовался; а чаю, и жена моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною своею душею.*"

Приставъ Некрасовъ сказалъ Василью Романову: „Кому Божьимъ милосердьемъ и постомъ и молитвою и милостынею Богъ далъ Государство, а вы, „злодѣи измѣнники, хотѣли Царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ. . . И Василей" (такъ доносилъ Некрасовъ) „учалъ говорити подсмѣхая: Свята-де та милостыня, што мечютъ по улицамъ! „Добра-де та милостыня, дати десною рукою, а „шуйца бы не слыхала." — Вѣрный слуга Вас. Романова назывался Сенькою. Объ Иванѣ Никит. сказано въ донесеніи, что онъ боленъ старою болѣзнію, не владѣетъ рукою и едва приступаетъ на ногу. См. тамъ же.

(154) См. *Никон. Лѣт.*

(155) См. въ *Географ. Словарѣ Р. Г.* статью *Ныробъ;* а Г. Берхъ сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской Губерніи: „Въ Ныробѣ еще не давно умеръ столѣтній „старецъ, крестьянинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ, который любилъ разсказывать о Мих. Никит. Романовѣ. Сего страдальца привезли туда „зимою въ 1601 году Ром. Андр. Тушинъ (бывшій въ „1608 г. Воеводою въ Туринскѣ) и шесть сторожей. „Въ то время, какъ они копали для него землянку, „Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять. „Въ землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе

„для свѣта. Ему давали только хлѣбъ съ водою. „Ныробцы научили дѣтей своихъ носить къ узни„ку въ дудочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто „играя у землянки, они впускали въ оную дудочки „и питали его. Приставъ увидѣлъ то, и послалъ въ „Москву шесть человѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ лю„дей зломысленныхъ: возвратились двое, уже въ „царствованіе Шуйскаго; другіе умерли въ пыт„кахъ. Узникъ жилъ около года. Старецъ Максимъ „слышалъ преданіе, что сторожи, ведя жизнь скуч„ную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма „тѣсна и сыра. — Мих. Никит. былъ высокъ ро„стомъ, дороденъ и силачь. Желѣза его хранятся „въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, „вѣсомъ въ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или „нижнія желѣза въ 19, замокъ въ 10 ф.,“ и проч.

(156) 17 Авг. 1602 уже не было въ живыхъ мужа ея, К. Бориса Черкасскаго: см. Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ.

(157) См. тамъ же и *Исторію Рос. Іерархіи* II, 647.

(158) См. Маржерет. 94.

(159) См. Розрядн. Кн. г. 1600. Скоро послѣ того К. Бахтѣяровъ снова именуется въ числѣ Воеводъ.— Около 1602 года удаленный отъ дѣлъ Василій Щелкаловъ является Окольничимъ въ царствованіе Лжедимитрія: см. Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліов.* XX, 78.

(160) См. Маржерет. 109 и Морозов. Лѣт. 117.

(161) См. *Никон. Лѣт.* 41, Палицына 8 и Латухин. С. К. Въ Розрядн. Кн. г. 1601: „Послалъ Царь Бо„рисъ въ Сибирь Пушкиныхъ Остафья съ братьею „за опалу, что на него доводили люди его, Филипка „да Гришка; а Левонтія и Ивашку Пушкиныхъ за „то, что они били челомъ на К. Ондрея Елецково „въ отечествѣ, и тѣмъ Царя раскручинили . . . по„мѣстья и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а жи„воты распродать.“

(162) См. Маржерета 108.

(163) Палицынъ 17: „И таковыхъ ради дѣлъ, иже „сотвори Борисъ, въ ненависть бысть всему міру. „. . Отай уже вси поношаху ему крови ради не-„повинныхъ, и разграбленія имѣній, и нововводи-„мыхъ дѣлъ; ереси же Арменстѣй и Латынстѣй „послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть . . . „и старіи мужи брады своя постризаху и въ юно-„ши премѣняхуся."

(164) См. тамъ же 9 и рукописн. *Повѣсть о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ*, гдѣ сказано, что сильный морозъ былъ 28 Іюля (а не 15 Авг., какъ говоритъ Келарь Палицынъ).

(165) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: „Въ лѣто 7109 рано „въ лѣтѣ сташа великіе морозы и побило рожь и „ярь. . . Въ 110 (1602) купили ржи четверть по два „рубли, а жита по тому жъ, а четверть была ста-„рая, не велика, протывъ нынѣшней вдвое меньше; „а овса по рублю по десяти алтынъ. А въ 111 „(1603) купили рожь по три рубли четверть, а „жита по полтретья рубли четверть, а овса по „рублю и по десяти алтынъ. И въ тѣ поры не-„сказанно многіе люди въ Псковѣ и по селомъ и по „инымъ городомъ померли; и оттолѣ поча хлѣбная „цѣна низитися." Маржеретъ: la mesure du bled, laquelle se vendoit auparavant quinze sols, se vendoit trois roubles, qui font presque vingt livres. Беръ въ Chron. Muscov.: „бочка ржи стоила отъ 10 до 12 „гульденовъ" (или 19 талеровъ, какъ говоритъ Петрей). См. Т. X, стран. 190.

(166) Или три Нѣмецк. гроша, по сказанію Петрееву: см. Бера. Маржеретъ: à chacun un Moscof, qui est quelque sept deniers tournois . . . és principales festes et dimanches un denin, qui est le double.

(167) 30,000 талеровъ, говоритъ Петрей. По сказанію Маржерета, Борисъ прекратилъ сію раздачу, увидѣвъ ея вредъ.

(168) Беръ въ Chron. Muscov. Въ *Повѣсти о Гришкѣ Отрепьевѣ*; „ядоша всяку траву и мертвину, и псп „и кошки, а инъ кору липовую и сосновую; а иные „живые мертвыхъ и другъ друга ядоша: то бо есмь „азъ видѣхъ своими очима; богатыхъ домы гра-„били и розбивали и зажигали; тѣхъ людей има-„ху и казняху: овыхъ зжигали, а иныхъ въ воду ме-„тали.“ Петрей увѣряетъ, что онъ также соб-ственными глазами видѣлъ мать, которая на ули-цѣ глодала своего младенца. Далѣе см. Бера. „Че-„тыре женщины (пишетъ Маржеретъ), оставлен-„ныя мужьями, зазвали къ себѣ крестьянина съ во-„зомъ дровъ, удавили и спрятали въ холодное мѣсто, „для пищи; а между тѣмъ убили и съѣли его ло-„шадь. Сіе злодѣйство открылось, и женщины при-„знались, что онѣ уже съѣли двухъ человѣкъ, ими „убитыхъ.“

(169) Авр. Палицынъ: „За два лѣта и четыре „мѣсяца, считающе по повелѣнію Цареву, погребо-„ша въ трехъ скудельницахъ 127,000 толико во еди-„ной Москвѣ. Но что се? тогда бысть въ царств. „градѣ болѣ четырехъ сотъ церквей: у всѣхъ же „тѣхъ невѣдомо колико погребоша христолюбцы; „а еже во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, никто же испо-„вѣдати можетъ: нѣсть бо сему постиженія; псп „бо и звѣріе и птицы небесныя преизобильство-„ваху сицевою пищею.“ Далѣе см. Бера и Петрея.

(170) См. *Ядро Рос. Исторіи* 270 и Маржерет. 107. Въ Розряди. Кн.: „Послалъ Государь въ Новго-„родъ Ив. Ржевскаго, да Дьяка Нечая Өедорова, а „въ Псковъ Тимоө. Лазарева да Дьяка Палицына, а „въ Ивань-городъ Головина, а велѣно имъ бѣднымъ „людемъ давать хлѣбъ и деньги.“ Асцентини (см. Т. X, примѣч. 451) пишетъ, что отъ голода про-изошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь, Cholera morbus.

(171) Авр. Палицынъ: „Царь же Борисъ хотя „пользу сотворити, на время оскудити нѣкихъ, да-„бы препитати бѣдныхъ . . . . и оскудивъ много „во всей Россіи; но таковаго ради времени не бы „ему въ грѣхъ вмѣнилося, аще бы впереди написалъ

„исправити таковая. И се же паки неразсудно со-„дѣя: подаемую убо пшеницу отъ Царскихъ жит-„ницъ въ приношеніе безкровныя жертвы всѣхъ „благъ Подателю, повелѣ вмѣсто ея рожь давати. „Но аще и не по повелѣнію его, но на грѣхъ про-„стершися житопродавцы: худу бо и гнилу рожь „даяху; инѣмъ же въ селѣхъ далеко отъ царств. „града повелѣваху имати, и то по велицѣй мздѣ.“

(172) См. Бера. Аврамій П.: „Въ таже лѣта мно-„зи имущіи глаголаху къ просящимъ: *не имамы ни-„что же.* Во время жь плѣненія отъ всѣхъ околь-„нихъ языкъ, наипаче же отъ своихъ“ (въ царство-ваніе Шуйскаго и послѣ) „обрѣтеся безчисленно „расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы не-„истощены, и въ поляхъ скирды, гумна же преиспол-„нена одоней и копенъ.“

(173) Ямщики въ Новогородской области должны были держать по три лошади на человѣка: лошади тогда пали, а люди разбѣжались (см. въ Архивѣ Датскія Дѣла г. 1601, связку No. 1).

(174) Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопями разбивалъ тогда домы людей богатыхъ!! Царь, какъ вѣроятно, по доносу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.

(175) То есть, четвертями и осьминами окова, бочки или кади. См. Т. III, примѣч. 8, стран. 8, Хронографы и Лапухин. Степен. Книгу.

(176) См. Бера и Петрея 295. Они говорятъ здѣсь объ Императорскомъ Посольствѣ въ 1604 году; но тогда уже миновалось бѣдствіе. Когда Датскіе Послы съ Герцогомъ Іоанномъ въѣзжали въ Россію, тогда свирѣпствовалъ въ ней голодъ. Беръ пишетъ, что Царь, ожидая Барона Логау, велѣлъ Дворянамъ своимъ одѣться въ бархатъ и парчу; что многіе изъ нихъ разорились, и въ богатомъ платьѣ умирали съ голоду.

(177) Надпись на главѣ Ивана Великаго: „Изволе-„ніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ Вел. Госуда-„ря Царя и В. К. Бориса Өедоровича, всеа Россіи „Самодержца, и сына его, благовѣрн. Вел. Государя „Царевича и В. К. Өедора Борисовича всеа Россія, „храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто го-„сударства ихъ 108 го“ — то есть, 1600: слѣдственно еще до голода.

(178) Въ *Никон. Лѣт.* 48: „*О каменномъ дѣлѣ въ „меженину* (въ голодъ). Видя Борисъ такое Божіе „прогнѣваніе, и повелѣ дѣлати каменное дѣло мно-„гое, чтобы людемъ питатися, и здѣлача камен-„ныя полаты большіе на взрубѣ, гдѣ были Царя „Ивана хоромы.“ Сіи двѣ новыя палаты безъ сомнѣнія были *Столовая* и *Панихидная*, о коихъ прежде не упоминалось, а съ сего времени упоминается (см. Т. X, примѣч. 453). Онѣ изображены за Грановитою и Золотою на планѣ Кремля, изданномъ въ Германіи скоро послѣ Борисова царствованія: мы увидимъ сей планъ при любопытномъ *Описаніи Москвы*, сочиняемомъ Алексѣемъ Өедоровичемъ Малиновскимъ.

(179) См. Бера и Петрея 245, и въ Архив. Дѣлахъ Датскихъ 1602 г., No. 1, отписки Ивангородскаго Воеводы К. Вас. Ростовскаго.

(180) Авр. Палицынъ 8: „Сихъ ради Никитичевъ „(Романовыхъ) . . . изліяніе гнѣвобыстрое бысть „отъ Бога“ (голодъ) . . . . „Царь же Борисъ многу „милостыню творяще; не помяну же слово се по-„каянію наставника, иже убо отъ лихоимѣнія и „отъ неправды творяй милостыню, подобится сей „зарѣзавшему сына у отца, и кровь его принося въ „златой чашѣ, да піетъ отъ нея ко здравію си. „Той Борисъ сему же подобно сотворивъ: домы ве-„ликихъ Бояръ сосланыхъ вся истощивъ и принесе „въ Царскія полаты, и древняя Царская сокровища „вся тѣмъ осквернивъ.“ Въ *Подробн. Лѣтописи* III, 152: „причитаху жь Борису и весь народъ зло без-„законіе быти, и для сего разумѣша быти всему „тому гнѣву Божію.“

(181) См. Авр. Палицына 12.

(182) Тамъ же.

(183) На примѣръ, еще по закону *Ярослава* Великаго всякой человѣкъ вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (см. сей *Исторіи* Т. II, 48).

(184) См. Т. X, въ примѣч. 352, указъ о холопяхъ.

(185) См. сей *Исторіи* Т. IX, 449.

(186) Авр. Палицынъ 12: „При блажен. Царѣ Ѳе„дорѣ Б. Годуновъ и мнози отъ Вельможъ, не ток„мо рода его, но и блюдоміи ими многихъ чело„вѣкъ въ неволю къ себѣ введше служити, инѣхъ „же ласканіемъ и дармы въ домы своя притягнувше, „и не отъ простыхъ токмо ради нарочита руко„дѣлія или какова хитра художества, но и отъ „честнѣйшихъ издавна многимъ имѣніемъ и съ се„лы и съ вотчины, наипаче же избранныхъ мече„носцевъ и крѣпкихъ въ оружіи, и свѣтлы тѣлесы, и „красны образомъ и возрастомъ излишествующихъ. „Мнози же и иніи, начальствующимъ послѣдствую„ще, въ неволю порабощающе, и написаніе служилое „силою и муками емлюще. Во время же глада озрѣв„шеся, яко не мощно питати многую челядь, и на„чаша рабовъ на волю отпущати, иніи истинно, „иніи же лицемѣрствомъ: истинствующіе съ пи„саніемъ, лицемѣрницы же токмо изъ дому изго„нятъ, и аще къ кому прибѣгнетъ, той злѣ прода„ваемъ бываше, и многъ сносъ и убытки платяху. „. . . Мнози же имущи чѣмъ препитати домаш„нихъ, но восхотѣвше много богатства собрати, „и того ради челядь свою отпущающе . . . и гла„домъ скончевающихся туне презрѣша. Бяше же „и се зло во многихъ: лѣто убо все тружаются, „въ зиму же не имѣютъ гдѣ главы подклонити, и „паки въ лѣто въ дѣлѣхъ злѣ страждутъ у госпо„дій своихъ. . . Домы же Вел. Бояръ злѣ отъ Царя „Бориса распужены и вси рабы распущены быша; „заповѣдь же о нихъ вездѣ положена бысть, еже „не пріимати тѣхъ никому же. Иніи же сами по-

„минающе благодѣяніе господій своихъ и въ него-
„дованіи на Царя пребывающе, но времени ждуще,
„злѣ распыхахуся . . . а иже воинственному дѣлу
„искусни, сіи къ великому грѣху уклоняхуся: во
„грады бо вышереченныя Украйныя отхождаху,
„аще и не вкупѣ, но *болѣ двадесяти тысящь* сице-
„выхъ воровъ, по мнозѣ времени, въ осадѣ въ сидѣ-
„ніи въ Колугѣ и въ Тулѣ обрѣтеся" (уже въ цар-
ствованіе Шуйскаго) „кромѣ тамошнихъ собрав-
„шихся старыхъ воровъ."

(187) Въ Степен. Кн. Латухина: „и воровство
„отъ нихъ въ Россіи быти начинашеся." См. так-
же *Никон. Лѣт. 53.*

(188) Въ Архивской Переписной Книгѣ 1614 года:
„Столпъ 112 (1604) году о задорѣхъ и о разбойни-
„кѣхъ, о *Косолапѣ* съ товарищи." Сей столпъ про-
палъ.

Убитаго Окольничаго Басманова съ честію схо-
ронили *у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ* (см. *Никон.
Лѣт. 54*).

(189) См. Маржерет. 111. Онъ говоритъ, что раз-
бойниковъ было человѣкъ съ пять сотъ.

(190) Авр. Палицынъ: „Въ объяденіе и пьянство
„велико и въ блудъ впадохомъ и въ лихвы и въ не-
„правды, и во вся злая дѣла. . . Егда гладомъ нака-
„за насъ Господь, мы же въ злѣйшая впадохомъ, и
„не токмо простіи, но и чинъ Священствующихъ."
Беръ: „Во всѣхъ состояніяхъ господствовали раз-
„доръ и ненависть; ни одинъ человѣкъ не вѣрилъ
„другому. Корыстолюбіе возвысило на все цѣну,
„и ростовщики превзошли Жидовъ въ лихоимствѣ.
„Ближній ближнему не давалъ денегъ безъ заклада.
„Распутство и плутовство доходило до крайно-
„сти. Не говорю уже о новыхъ порокахъ, заимство-
„ванныхъ Россіянами отъ иноземцевъ; на примѣръ,
„о высокомѣріи, презрѣніи къ другимъ," и проч.

(191) См. Бера. Въ современной *Повѣсти о Гр.
Отрепьевѣ*: „И тогда знаменія велики и многи бы-

„та на небеси и на земли, и громы велицы и мол-
„ній блистанія, и земли трясенія," и проч. Беръ пишетъ, что Комета явилась въ 1604 г. послѣ Троицына дня во второе Воскресенье, въ самый полдень; а другіе говорятъ о семъ явленіи 3 Октября (См. Вагнер. Gesch. des Russ. Reichs, кн. 43, стр. 71).

(192) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ означено, что Ирина преставилась 26 Окт. 1603 года. Въ *Собран. Государств. Грамотъ* (II, 186), подъ духовною Патріарха Іова, конечно ошибкою напечатано *лѣто* 7113, вмѣсто 7112 или 7111: ибо Ирины уже тогда не было; а Патріархъ говоритъ въ сей духовной: „Вел. Княгини, *нынѣ* же Божіею милостію Иноки Але-
„ксандры;" а въ другомъ мѣстѣ: „благодать же, ми-
„лость, миръ Господа І. Х. буди на тебѣ (Царѣ Борисѣ)
„ . . . тако же и на единородной *сестрѣ* твоей." См. еще *Никон. Лѣт.* 35 и 53; также и Розрядн. Кн. г. 7112.

(193) Съ вѣстію о пораженіи Кучюма Борисъ спѣшилъ къ сестрѣ въ монастырь: см. выше, стран. 26. Самые злодѣи Борисовы, предатели отечества, называли *память* Ирины *святою* (см. *Собран. Государств. Грамотъ* II, 178).

(194) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 72 на об., *Собран. Г. Г.* II, 163, и рукописн. современную *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ* (принадлежащую А. И. Ермолаеву), гдѣ сказано, что отецъ Разстригинъ *назывался Яковомъ, какъ и самъ Годуновъ* (слѣдственно *Яковъ-Борисъ*). Въ концѣ: „По-
„кусихся азъ многогрѣшный . . . предати повѣсть
„сію писаніемъ, не слухомъ увѣряясь, кромѣ того,
„какъ той еретикъ (Самозванецъ) былъ въ Литов.
„земли, а что сотворись въ Росс. Царствѣ, то вся
„зря своима очима." Въ письмѣ Борисовомъ къ Сигизмунду, которое видѣлъ Нарушевичь въ библіотекѣ Залуцкаго и приводитъ въ *Исторіи Ходкѣвича* (Historia Jana Karola Chodkiew., T. I, 426), сказано такъ: „До постриженія (Григор. Отрепьевъ) име-
„новался Юшкою; по своему злонравію не слушал-
„ся отца, впалъ въ ересь, плутовалъ, воровалъ,
„игралъ въ кости, пьянствовалъ, неоднократно бѣ-

„галъ изъ родительскаго дому и лукаво вступилъ „въ Монашество." Въ Хронографѣ: „Той Юшка остася послѣ отца младъ зѣло съ матерію и научень бысть отъ нея Божественному Писанію; „егда жь изучи Часовникъ и Псалтирь, отыде отъ „матери и нача витати въ Москвѣ . . . и случися „ему бесѣда Вяцкой области, града Хлынова, „Успенск. монастыря со Игуменомъ Трифономъ . . . „и по совѣту того Игумена пострижесь, и наречесь имя ему Григорій. Въ то время бѣста ему „лѣтъ 14, и отыде въ Суждаль, въ Евфимьевъ монастырь . . . и въ томъ же уѣздѣ въ монастырь „ко Спасу на Куксу . . . и въ другіе." Въ *Никон. Лѣт.*: „У Замятни Отрепьева были два „сына, Смирной да Богданъ; у Богдана же родися „сынъ Юшка, и даша его въ Москвѣ на ученіе грамотѣ: грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и „бысть зѣло грамотѣ гораздъ, и во младости пострижеся . . . и пріиде въ Суздаль, въ Евф. монастырь: Архим. же Левкій даде его подъ началъ; „онъ же жилъ ту годъ, и пріиде въ м. на Куксу, и „жилъ ту 12 недѣль . . . и пріиде въ Чюдовъ монастырь." Въ рукописи. *Сказаніи, еже содѣяся въ Москвѣ, и о Ростригѣ*: „Сей Гришка Отрепьевъ къ „Князю Ивану Борисовичу Черкасскому въ его благодатный домъ часто приходилъ, и тоя ради вины „на него Царь Борисъ негодова: той же лукавый „избѣжавъ отъ Царя, тайно постфижеся." Въ Дѣлахъ Польск. No 26, л. 73: „билъ челомъ объ немъ." (Гришкѣ) „въ Чюдовѣ м. Архимандриту Пафнутью, „что нынѣ Крутицкой Митрополитъ, Богородицкой Протопопъ Евфимей, чтобъ велѣлъ ему жити „въ кельѣ у дѣда своего, у Замятни . . . и былъ „въ Дьяконѣхъ съ годъ; и послѣ взялъ его къ себѣ „Патріархъ . . . и впалъ злодѣй въ еретичество, „и хотѣли его съ *Собору* сослати въ заточенье „на смерть." (Въ письмѣ Бориса къ Сигизмунду сказано, что Гришку съ его единомышленниками хотѣли сослать на Бѣлоозеро.) См. также Латухин. Степен. Книгу и Архив. *Ростов. Лѣт.* Вотъ главные источники для описанія Лжедимитріевой исторіи; но предпочтительно слѣдую Государственнымъ бумагамъ.

(195) См. Петрея 285, ниже примѣч. 601 и The Russ. Impostor 14. Беръ называлъ сего злаго совѣтника Отрепьевымъ: ибо, вѣря сказкѣ Поляковъ, думалъ, что Самозванецъ, хотя и дѣйствительно обманщикъ, былъ другой человѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ (см. ниже).

(196) См. *Никон.*, *Ростов. Лѣт.* и Латухин. С. К. Въ Дѣлахъ Польск. No 26. л. 1: „Въ лѣто 7110 убѣже" (Гришка) „въ Литву." Въ Хронографѣ: „Изъ Чюдова „пріиде къ Николѣ на Угрѣшу . . . и впаде въ ересь „. . . и вселися (послѣ) въ предѣлахъ Углича въ м. „Іоанна на Желѣзномъ Борку . . . и паки пріиде къ „Москвѣ . . . и отбѣжа въ Литву" (съ Мисаиломъ и Варлаамомъ *Яцкимъ*, какъ сказано въ грамотѣ Іова: см. ниже) „въ 108 (1600) году въ Вел. постъ на другой недѣлѣ во Вторникъ изъ иконнаго ряду за „Москву-рѣку, и наняша подводы до Болхова." Въ *Никон. Лѣт.*: „Побѣже съ Москвы въ Галичь м. къ „Якову на Желѣзной Борокъ, и сойде въ Муромъ „въ Борисоглѣбскій м., и Строитель даде ему лошадь. Онъ же Гришка пойде на Сѣверу, и въ Брянскѣ съ нимъ сошлися такіе жь воры Чернцы, М. „Повадинъ съ товарищемъ." Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: „Съ нимъ (Гришкою) въ томъ же „преступленіи бысть того жь чину Серпьянинъ „Мисаилъ Трифоновъ . . . Мыслитъ окаянный (Гришка) итти въ Брянескъ, въ Шильскій монастырь, „и говоритъ Мисаилу: сіи страны кипятъ обиліемъ: да тамо вселимся и поживемъ въ Путивлѣ, „и въ Черниговѣ помолимся, и паки возвратимся въ „царствующій градъ. Мисаилъ же радостенъ бысть: „простъ сый въ разумѣ — и призываетъ третьяго „друга своего (Варлаама) . . . И пріидоша къ Троицѣ „въ папертъ и знаменовашася образомъ Богоматери, яко другъ отъ друга не разлучатися . . . И „пріидоша града Брянска въ *Сянскій* монастырь, и „тамо пребыша 7 дній въ покоѣ. Той же лютый „волкъ не воспрія питія: Мисаилъ же и Варлаамъ „зѣло негодуючи на него, яко не піетъ съ ними, „но творитъ себя яко свята. И ту абіе умысли „по Сѣверской странѣ съ образомъ ходити и на „церковное строеніе збирати."

(197) Въ *Никон. Лѣт.*: „Ошпрошался" (Гришка у Архим. въ Новѣгородѣ Сѣверск.) „съ шѣми жъ Спар-„цы въ Пушивль; сказалъ, что есть-де мнѣ въ „Пушивлѣ свои. Окаянный же Гришка написалъ: „*азъ есмь Царевичь* . . . и шу памяшцу осшавилъ „въ кельѣ . . . Архим. же пріиде къ ложѣ своей, и „видя надъ главою памяшцу. . . Они же окаян. „Черицы пріидоша къ пуши, коимъ ходяшъ въ Кіевъ, „и поворошиша на шу дорогу . . . и провожашаго „ошъ себя ошбиша: шой же пушь знаешъ Мис. „Повадинъ."

(198) См. Т. V, VI, IX и X.

(199) Въ грамошѣ Пашріарха Іова о Разсшригѣ, писанной къ Архимандриту Солевычегодской Обишели Введенія и полученной мною въ современномъ спискѣ ошъ А. И. Ермолаева: „Чернецъ Пименъ, посшри-„женикъ Днѣпрова монасшыря, сказалъ, что онъ „съ шѣмъ воромъ да съ Гришкиными совѣшни-„ки, съ Попомъ Варлаамомъ да съ крылош. Ми-„саиломъ, познался въ Новѣгородкѣ С. въ Спасск. „монасшырѣ, а изъ Нова-дей городка взяхъ его „съ собою для знашья дороги, и шли къ *Сша-„родубу* . . . а онъ проводилъ ихъ за Л. рубежъ „до имѣнья Пановъ Сшонислава да браша его Але-„ксандра, до села Слободки." Въ *Сказаніи, еже со-дѣяся* и проч.: „Внидоша" (Гришка съ шоварищами) „въ нѣкую весь близъ Лишов. рубежа, и видяшъ шу „велій просшранный пушь, и воспрія ихъ въ домъ „едина жена, и сѣдяще за сшоломъ, вопросиша же-„ну о пуши, и глагола жена: пушь сей за рубежъ „въ Луеву гору, и нынѣ на шомъ пуши засшавы „сушь ошъ Царя: не вѣмъ, кто съ Москвы бѣгу ся „яшъ. . . И Гришка бѣ ошъ сшраху яко мершвъ. . . „Жена же показа имъ пушь къ Чернигову. Монахи „же шесшвіе шворяху, и ошъ солнечнаго жженія „возсѣдше подъ древомъ, Гришка ошкры совѣшъ „свой и рече: *Вы слышали, братія, яко заставы „по всей Сѣверской сторонѣ* . . . *насъ ради заставы „сія. . . Да избѣжимъ сѣти; да пойдемъ чащею сею „за рубежъ*. . . И посшави Гришка образъ Богома-„шери и нача молишися, да избѣгнушъ ошъ руки „Бориса . . . и пройдоша непроходимые дебри, и

„идоша три дни, и пріидоша на нѣкій боръ, и тамъ „видятъ человѣка ходяща и кошницу на плещу но- „сяща . . . и познаша, яко Польскій человѣкъ, и „ради быша . . . и начаша вопрошати . . . Полякъ „же рече: *Страна сія Бѣлоруская; владѣетъ ею Ко- „роль Жигимонтъ: имѣнье двою братовъ, Николая „и Яна Виловичей. Мой Панъ Николай не далече „отселѣ на пути къ Луевой горѣ. Азъ есмь бортникъ „Якубъ.*" Описываетса, какъ Паны Виловичи уго- щали бѣглыхъ Монаховъ. Далѣе: „и отпущены бы- „ша къ Луевымъ горамъ коннымъ путемъ, и пріидо- „ша въ Луевъ городокъ, и ту Панъ Станиславъ Про- „кулицскій пріятъ ихъ любезно, и отпусти въ Кіевъ." Въ Хронографѣ: „Въ Новѣгородкѣ Сѣв. вождя добы- „ша, Ивашка Семенова, и пойдоша на Стародубъ „. . . и первой городъ Литовской имъ Люевъ за- „мокъ, а другой Любескъ . . . и быша въ Кіевѣ, въ „Печерск. монастырѣ, 3 недѣли, и оттуда пріидо- „ша до Острога, до К. Василья Острожскаго, и лѣ- „товаша у него; и на осень К. Василей послалъ „Варлаама да Мисаила въ Дерманской монастырь, а „Гришка съѣхалъ въ Гощей городокъ, и платье Ино- „ческое съ себя скинулъ." Въ *Сказаніи, еже содѣяся,* и проч.: „Повѣдаша объ нихъ" (Гришкѣ и товари- щахъ его) „Князю Вас. Острожскому, и повелѣ имъ „внити въ полаты своя . . . и видѣхъ благовѣрн. „Князя сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрастомъ мала „суща, браду имѣя до земли; на колѣнѣхъ же его „посланъ бяше плащъ, на немъ же лежаше его брада."

(200) См. въ Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, кн. VI, стран. 295, гдѣ приведено мѣсто изъ пись- ма К. Острожскаго (Васильева сына) къ Королю. „Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія," пишетъ Острожскій: „онъ прежде былъ въ Дерманѣ мона- „стырѣ отца моего, а потомъ у Анабаптистовъ." См. также *Сказаніе, еже содѣяся,* и проч. Въ *Никон. Лѣт.:* „Гришка съ товарищи приде въ Кіевъ; въ „Кіевѣ же господствовалъ К. Вас. Константино- „вичь Острожской . . . и повелѣ Гришкѣ служити „у себя Обѣдню, и посла его въ Печерской м . . . . „Видяху же его (Гришкино) житіе скверное, и воз- „вѣстиша К. Василью: Князь же повелѣ его казни- „ти. . . Онъ же побѣже . . . и облекся въ мірское

„платье . . . и бысть у К. Адама Вишн. въ простыхъ „людехъ.“

(201) Въ современной рукописи. *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*: „Прельсти съ собою отъ„ини въ Кіевъ трехъ Иноковъ: Черньца Мисаила, „да Черньца *Венедикта*“ (вмѣсто Варлаама: см. ниже, примѣч. 202) „да Черица Леонида, Крыпецкаго „монастыря — и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, „*и повелѣ тому Леониду зватись своимъ именемъ*, „*Гришкою Отрепьевымъ*, а самъ ложно наименова „себя Царевичемъ Дмитріемъ.“ Въ Морозов. Лѣт. (л. 96) тоже извѣстіе, съ прибавленіемъ: „и про„возвѣщая о себѣ въ Кіевѣ, будто Богъ его изба„вилъ отъ убіенія Бориса, нѣкою женою сохраненъ „бысть и отданъ былъ въ монастырь на соблюде„ніе.“ Симъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, что Монахъ Отрепьевъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, а не Самозванецъ. Герардъ Гревенбрухъ въ 1609 году издалъ въ Кельнѣ свою книгу о Лжедимитріи подъ титуломъ: Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii. Авторъ самъ не былъ въ Россіи.

(202) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*, и проч.: И оста„вляетъ Мисаила и Варлаама . . . и приложися къ „Запорожскимъ Козакомъ, въ роту Старшины ихъ „Герасима Евангелика, суще пріятъ бысть ими „честно, и много крови разбойнымъ обычаемъ про„ливалъ . . . . и пріиде въ Печерскій монастырь, и „Архимандритъ Елисей хотя его поимати . . . и „(Гришка) утече.“ Въ Грамотѣ Іова Патріарха о Разстригѣ (см. выше, примѣч. 199): „Воръ Гришка „учалъ воровати у Запорожскихъ Черкасовъ.“ См. ниже, примѣч. 232.

(203) См. Хронографы и Нѣмцев. Dz. Pan. Zygmunta III, кн. VI, 238. Послѣдній ссылается на рукописное сочиненіе Жмудскаго Шляхтича Товянскаго, коего имѣю списокъ. Гаща, мѣстечко Пановъ Гаскихъ, въ Луцкомъ Уѣздѣ. — Мѣсто, гдѣ жилъ А. Вишневецкій, названо въ Хронографѣ Брагинъ и Брачинъ, а въ Польскомъ рукописномъ сочиненіи о Лже-

димитріи (Rzeczy и проч. za Dimitra: см. ниже) Braznia. См. Т. II, примѣч. 311.

(204) Въ Хронографѣ: „Князь же Адамъ бражникъ „и безуменъ.“

Знатные Князья Вишневецкіе происходили отъ Корибута, сына Ольгердова и Княжны Россійской (см. Т. IV, 207 и примѣч. 267, и Т. V, примѣч. 50).

(205) См. Вассенберга въ Исторіи Владислава (Gesta Vladislai IV, 15), Лубѣнскаго (Lubienski) Op. Posth. 29, и Чилли въ Нѣмцев. кн. VI, 244, 245; также Маржерет. 168 и Хронографы. Въ Лѣтописцѣ Кубасова (въ *Русск. Достопамятн.* I, 175): „Ростри„га возрастомъ малъ, груди широки имѣя, мышцы „толсты, лице не Царского достоянія, препро„стое обличеніе, тѣло вельми помраченно; остро„уменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ; „дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское риста„ніе любляше вельми; на враги ополчителенъ, смѣлъ, „храбрость имѣя и силу велію; воинство же зѣло „любляше.“

(206) См. *Никон. Лѣт.* 58 и Вассенберга 14. Въ подробномъ Хронографѣ: „Призва къ себѣ (Гришка) „Латинскія Вѣры Попа.“ Но въ Хронографѣ сокращенномъ названъ Попъ Греческимъ.

(207) Въ отвѣтахъ Мнишка на вопросы нашихъ Бояръ (въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 293): „Пре„бывалъ (Гришка) въ Кіевѣ въ монастырѣ, въ Старческомъ одѣяніи; а потомъ, бывъ у Г. Воеводы „Кіевскаго (В. Острожскаго), *не хотѣлъ сказаться,* „и пришелъ къ К. Адаму Вишневецкому, сказывая, „что онъ есть истинный потомокъ В. К. Ивана, „предлагая, какъ его Господь Богъ, помощію *Док„тора* его, отъ смерти спасъ . . . а потомъ тотъ „Докторъ отдалъ его къ нѣкоторому Боярскому „Сыну для воспитанія, который присовѣтывалъ „ему скрыться между Чернецами.“ Ниже сообщимъ всю эту сказку съ ея разными измѣненіями. Въ одной Розрядн. Книгѣ (см. *Собран. Г. Г.* II, 163): „Гришка въ 111 (1603) году збѣжалъ въ Литву и при-

„шолъ въ Печерскій монастырь . . . и умысля Дья-
„вольскою кознью, разболѣлся до умертвія . . . и
„духовнѣ сказалъ Игумену, будто онъ сынъ Царя
„Ив. Вас., а ходитъ будто въ искусѣ не постри-
„женъ, укрываяся отъ Бориса. . . И тотъ Игуменъ
„учалъ его чтить, и вѣдомо учинилъ Королю и Се-
„наторѣмъ.“ Но согласное сказаніе Лѣтописца на-
шего, Вассенберга и Мнишка свидѣтельствуетъ,
что Лжедимитрій открылся Вишневецкому, а не
Игумену Кіевскому. Въ *Сказаніи, еже содѣяся,* и
проч. находится слѣдующая басня: „Приде Гришка
„изъ Кіева во градъ Самборъ, въ имѣніе Пана Ми-
„хайла Ратомскаго, Князей Александра и Юрья
„Свирскихъ . . . и послаша его въ Стодолъ мо-
„настырь, идѣ же у нихъ родители лежатъ. . .
„Онъ окаянный (тамъ) сверже съ себя Ангельскій
„образъ и бысть Латинскій Мнихъ . . . и нача из-
„немогати и рече Игумену Пимену, да поволитъ
„ему пріяти духовнаго отца . . . и приде къ не-
„му Грекъ Арсеній . . . и дерзнулъ (Гришка) въ ис-
„повѣданіи нарещися Царевичемъ Димитріемъ . . .
„и повѣда Арсеній Игумену . . . . Егда же Князи
„Свирскіе пріидоша въ Стодольскій монастырь,
„Игуменъ возвѣсти имъ вся по ряду . . . и Князи
„начаша его (Лжедимитрія) вопрошати . . . и злый
„еретикъ нача съ рыданіемъ повѣдати, и дерзнулъ
„нарещися Димитріемъ . . . и отпустиша его Кня-
„зи въ келлію. . . И пріидоша (вторично) въ Столь-
„скій м. въ день Недѣльный и повелѣли литургиса-
„ти въ Русской церкви Св. Екатерины Священнику
„Арсенію: бѣ бо та церковь отъ монастыря по-
„прище въ слободѣ Русской. . . И егда изнесоша изъ
„Царскихъ дверей живодательное тѣло и кровь Го-
„спода І. Х., и начаша глаголати къ Гришкѣ отецъ
„его духовной и оба Князи и вси Мнихи: повѣсть
„предъ сею страшною и живодательною трапезою,
„истинный ли ты Царскій сынъ? Онъ же съ клят-
„вою изрече, крестнымъ знаменіемъ себя огради и
„дерзостно рече: *на томъ пріимаю тѣло Господне*
„. . . и причастися. По Литургіи же облечеся
„окаянный въ мірскія ризы по достоянію Царску,
„и на трапезѣ предстояста оба Князя предъ нимъ
„яко рабы . . . и пояста его во градъ свой . . . и
„промчеся слава объ немъ . . . и дойде вѣсть къ

„Борису Царю, и посла къ Воеводѣ Кіевскому, К. „Вас. Конст. Острожскому, дабы ему выдать тѣхъ „Мниховъ трехъ, Гришку съ товарищи. Князь же „обѣщася, и посылаетъ по Мисаила и Варлаама въ „свой монастырь, и велитъ имъ провѣдати въ Сам-„борѣ о Гришкѣ. Они же дойдоша во градъ Сам-„боръ, и входятъ ко Княземъ Свирскимъ во дворъ: „тогда же оба Князя съ Гришкою по обѣдѣ рыцар-„ствоваху . . . Гришка же позна ихъ . . . и рече: „*знаете ли мене?* они же слабы суще, падше по-„клонишася ему. Онъ же угости ихъ, и повелѣ имъ „жити у себя . . . Князи же Свирскіе описаша объ „немъ къ Королю, и присылаетъ Король двѣ Рус-„скихъ Дворянъ, съ Вел. Новагорода, Осипа и Ки-„рилла Хрипуновыхъ" (см. ниже): „понеже они отъ „Бориса отъѣхали въ Литву и знали Дмитрея Ца-„ревича на Угличѣ. . . Они же поклонишася ему: „онъ же прельсти ихъ и отпусти къ Королю . . . „Король же повелѣ Гришкѣ быти въ Краковъ."

(208) См. Т. VIII, 208.

(209) См. Нѣмцев. кн. VI, 239. Беръ пишетъ слѣдующее: „Однажды, разсердясь въ банѣ на своего „Каммердинера, Лжедимитрія, Вишневецкій далъ ему „пощечину . . . слуга заплакалъ и сказалъ: *если бы „ты зналъ, кто я!* Князь спросилъ: *кто же ты?* „Обманщикъ, разсказавъ вымышленную исторію, „упалъ къ его ногамъ . . . Князь извинялся передъ „нимъ; велѣлъ ему остаться въ банѣ, а людямъ „своимъ изготовить все нужное для угощенія Ца-„ря Русскаго, возвратился въ баню съ двѣнадцатью „слугами и съ богатою одеждою для Лжедимитрія, „самъ надѣлъ ее на бывшаго слугу, коему подарилъ „также великолѣпную карету и шесть верховыхъ „лошадей . . . Борисъ узналъ и чрезъ гонца предло-„жилъ Вишневецкому нѣсколько замковъ и городовъ, „съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ ему Самозванца. „Вишневецкій для безопасности уѣхалъ съ своимъ „Царевичемъ далѣе отъ предѣловъ Русскихъ въ го-„родъ Вишневецъ и тамъ показалъ ему письмо Бо-„рисово. Лжедимитрій упалъ на колѣна, говоря: „*Богу и тебѣ извѣстно, кто я: дѣлай со мною, что „хочешь!* Князь Адамъ никакъ не хотѣлъ измѣнить

„мнимому Царевичу, а Борисъ еще писалъ къ Вишневецкому и прислалъ нѣсколько человѣкъ, чтобы „застрѣлить Самозванца: тогда Князь Адамъ отправилъ его къ Воеводѣ Сендомирскому.“ Въ Хронографѣ: „Князь же Адамъ учинилъ его на колесницахъ и на конехъ; и изъ Брагина К. Адамъ поѣхалъ „до Вишневца, и Гришку съ собою взялъ . . . и „тамъ Гришка у него лѣтовалъ и зимовалъ, и послѣ Великаго дни К. Адамъ его Гришку допровадилъ до Кракова.“

Въ отвѣтахъ Юрія Мнишка нашимъ Боярамъ (въ *Собран. Г. Г.* II, 294): „Князь Адамъ извѣстіе о „томъ (о Самозванцѣ) учинилъ брату своему, К. „Константину Вишневецкому, зятю Г. Воеводы, „а потомъ его и къ нему отдалъ. И въ то время „слуга Канцлера Литовскаго, именуемый Петровской, въ Жаложицы къ К. Константину пріѣхалъ, „сказывая, какъ онъ ему въ Угличѣ служилъ, и предлагая о знакахъ, которые онъ на его тѣлѣ видѣлъ. „. . И въ Самборѣ нѣкоторый слуга Г. Воеводы, „который подъ Псковомъ поиманъ былъ, и нѣсколько лѣтъ находясь въ Москвѣ въ неволѣ, зналъ его „тогда еще въ дѣтствѣ и призналъ его за того „же.“ Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 106: „Тотъ Петровской вѣдомой воръ“ (говорили наши Послы въ царствованіе Шуйскаго Канцлеру Литовскому, Сапѣгѣ): „Тебѣ, Льву, самому про него вѣдомо: служилъ онъ на Москвѣ у Сына Боярского, Истомы „Михнова, а звали его Петрушею, а не Юрьемъ „Петровскимъ . . . а на Угличѣ николи не бывалъ, „и Царевича Дмитрея не видалъ: у насъ такихъ „страдниковъ“ (подлыхъ людей) „ко Государскимъ „дѣтемъ не припускаютъ. . . И въ прошломъ 109 „(1601) году, какъ были у Жигимонта Короля Послы Б. М. Г. Салтыковъ съ товарищи, а тотъ „Петруша былъ съ Истомою въ Вильнѣ же съ Послы, и заворовался, и покративши его, збѣжалъ въ „Вильнѣ къ тебѣ, ко Льву . . . и былъ у тебя въ „худыхъ людехъ . . . и какъ было такому вору въ „такомъ великомъ дѣлѣ Королю и вамъ, Паномъ, „повѣрити?“.

(210) См. Alessandro Cilli Historia di Moscovia, въ Нѣмцев. кн. VI, 241.

(211) См. тамъ же, въ Нѣмцев. VI, 242.

(212) См. Лубѣнск. Op. Posth. 29, Гревенбр. Tragoed. Moscov. 12 и Histoire de J. A. de-Thou, кн. CXXXV, стран. 47. Сихъ словъ нѣтъ въ Чилли. Лубѣнскій пишетъ, что Самозванецъ сказалъ Королю: „Киръ и Ромулъ, воспитанные пастухами, но „будучи также Царскаго племени, сдѣлались основателями Государствъ великихъ."

(213) См. Annuae Litterae Societatis Jesu, an. 1604, стран. 704, 705. Сіи письма, напечатанныя въ 1618 г., весьма рѣдки: они доставлены мнѣ изъ бывшей Полоцкой Іезуитской библіотеки. Вотъ переводъ:

„Здѣсь" — пишутъ Краковскіе Іезуиты къ другимъ братьямъ его Ордена — „здѣсь всегда есть „случай служить ближнимъ, когда и Дворъ Королевскій и вся земля съ жадностію требуетъ нашей помощи. — Труды и ревность нашихъ не „ослабѣли: шестьдесятъ восемь еретиковъ приведены въ нѣдра Церкви, и въ числѣ ихъ Великій „Князь Московскій Димитрій, который почти въ „младенчествѣ лишился отца и Царства; потомъ, „заключенный въ одинъ изъ Греческихъ монастырей — дабы не впасть въ руки тирана, замышлявшаго умертвить его — тайно воспитывался и „достигнулъ совершеннаго возраста. Между тѣмъ „одинъ изъ Вельможъ, уже предъ тѣмъ желавшій „Царской власти, полагая, что (сей) наслѣдникъ „убитъ, овладѣлъ трономъ; а Князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, отбылъ тайно къ „нѣкоторымъ Вельможамъ Королевства Польскаго „требовать ихъ заступленія, и, хотя не безъ труда, получилъ наконецъ вспомогательное войско. „Тогда, готовясь и къ пути и къ брани, онъ устремилъ все свое вниманіе на то, чтобы въ дѣлѣ „столь трудномъ имѣть помощникомъ Бога: рѣшился принять Католическую Вѣру; но опасаясь, „чтобы Россіяне о томъ не свѣдали и не порицали

„его именемъ Католика, будучи чрезмѣрно привер-
„жены къ Схизмѣ, онъ закрылъ лице свое, перемѣ-
„нилъ одежду, и сопровождаемый однимъ Польскимъ
„Вельможею, въ видѣ нищаго пришелъ въ нашу оби-
„тель: открылъ себя, и выбравъ одного изъ насъ,
„исповѣдалъ ему всѣ грѣхи жизни своей; *отрекся*
„*Схизмы* и съ великимъ усердіемъ *присоединился къ*
„*Римской Церкви.* Не довольствуясь симъ, Димитрій
„принялъ отъ пребывающаго въ здѣшнемъ городѣ
„Апостольскаго Нунція таинства Евхаристіи и
„Мνропомазанія и утвержденъ въ воспріятой имъ
„Вѣрѣ. Сей Князь обѣщаетъ со временемъ великія
„добродѣтели и постоянство въ начатомъ дѣ-
„лѣ. Кажется, что онъ одушевленъ удивительнымъ
„усердіемъ къ распространенію Религіи Католиче-
„ской." — См. также Чилли, въ Нѣмцев. VI, 244.

(214) См. Гревенбр. 12, 13, и ниже, примѣч. 252, гдѣ упоминается о *грамотѣ Папежской* къ Самозванцу. — Учителемъ Разстриги въ Латинскомъ языкѣ былъ Іезуитъ Савицкій; но онъ (Разстрига) худо зналъ сей языкъ или почти совсѣмъ не зналъ (см. Маржерета).

(215) См. Нѣмцев. кн. VI, 246, и Нарушев. Historya J. K. Chodkiew. I, 237.

(216) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 105 на об.; далѣе см. Нѣмцев. VI, 248. Въ баснословномъ *Сказаніи, еже содѣяся,* и проч.: „Король пріятъ Гришку
„съ честію, и постави его въ Краковѣ въ Армен-
„ской слободѣ, и повелѣ разнымъ Паномъ примѣча-
„ти въ разумѣ, не увѣряяся, яко онъ Царскій сынъ.
„Не по мнозѣ же времени пріидоша изъ Москвы
„отъ Ц. Бориса Послы и принесоша въ дары мно-
„го злата, яко да выдастъ того еретика . . . и
„Король мысляше, аще не истинный бы Царскій
„сынъ былъ, то не бы его Борисъ крѣпко доступалъ. . . И повелѣ Жигимонтъ всѣмъ своимъ Па-
„номъ итти къ Гришкѣ и говорити, дабы оста-
„вилъ Греческую Вѣру и принялъ Римскую: да аще
„оставитъ, то прямой воръ, а не Царскій сынъ...
„И Гришка имъ въ отвѣтъ рече: *Не мудро съ ва-*
„*ми Король умыслилъ, веля мнѣ Вѣру свою попра-*

„*ти. . . Аще не возрите на мене нынѣ, имамъ бо* „*итти къ Цесарю или къ Персидскому Царю.* И сія „вся слышавше, сказаша Королю: *прямый Царскій* „*сынъ!* . . . И повелѣ Король ему къ себѣ быти . . . „и не возможе удержатися отъ слезъ послушающе „его . . . и возставъ и взялъ его за руку, и посади „на Царское мѣсто одеснуюю себя . . . и обѣда съ „нимъ. . . . И пишетъ Папа объ немъ къ Королю, „повелѣваетъ его чтити. . . И Гришка даетъ ру„кописаніе, что приметъ Римскую и Іезуитскую „Вѣру. . . И съѣхашася вси Панове въ Лащевъ градъ „на сонмище . . . и Гришка сказуетъ имъ словеса „лжива, что есть прямой Царевичь, и ту на сонмѣ „прилучишася измѣнники Россійскіе, Дѣти Бояр„скіе, и тѣ на сонмѣ то же повѣдали . . . и съ „сонма взятъ его къ себѣ Воевода Сендомирской въ „Сендомиръ, и бысть въ дому его больше года уча„ся ересемъ . . . Юрій Мнишекъ бывалъ въ Римѣ въ „Латинскихъ Мнисѣхъ, и сверже съ себѣ Мнише„скій чинъ . . . и быша оба (съ Гришкою) розстри„ги, и потому прозванъ бысть *Мнишекъ*"!!

(217) См. *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 160. Грамота писана на языкѣ Польскомъ съ Русскимъ переводомъ. Начало такъ: „Мы Дмитрей Ив., Божіею „милостію Царевичь Великой Руссіи, Углецкій, „Дмитровскій и иныхъ, Князь отъ колѣна предковъ „своихъ, и всѣхъ Государствъ Московскихъ Госу„дарь и дѣдичь. Разсуждая о будущемъ состояніи „житія нашего не только по примѣру иныхъ Мо„нарховъ и предковъ нашихъ, но и всѣхъ Христіан„ски живущихъ — за призрѣніемъ Господа Бога все„могущаго, отъ Котораго живетъ начало и ко„нецъ, а жена и смерть бываетъ отъ Него жь — „усмотрили есмя и улюбили себѣ, будучи въ Ко„ролевствѣ Польскомъ, въ дому честнѣмъ, велико„го роду, житья честного и побожного, пріятеля „и товарища (съ которымъ бы мнѣ, за помочью „Божіею, въ милости и любви непремѣняемой жи„тіе свое проводити) Яснѣвельможную Панну Ма„рину съ Великихъ Кончицъ Мнишковну, Воеводен„ку Сендомирскую, Старостенку Львовскую, Сам„борскую, Меденицкую и проч., дочь Яснѣвельмож„наго Пана Юрья Мнишка съ Великихъ Кончицъ,

„Воеводы Сендомирскаго, Львовскаго, Самборскаго, „Меденицкаго и проч., Старосты Жупъ Рускихъ „Жупника," и проч. Далѣе: „И ему бъ (Мнишку) „попомнити слово свое прямое вмѣстѣ съ Панною „Мариною за присягою; а язъ попомню свою при-„сягу. . . . Изъ казны нашей Московской выдамъ „клейнотовъ драгоцѣннѣйшихъ, а равно и се-„ребра столоваго къ спаряду ея. . . . . А будетъ „у нашей жены, по грѣхомъ, съ нами дѣтей не „будетъ, и тѣ обои Государства (Новгородъ и „Псковъ) ей приказати Намѣстникомъ своимъ, „владѣти и судити, и вольно ей будетъ своимъ „служилымъ людемъ помѣстья и вотчины (тамъ) „давати . . . а самой жити съ нами; а Попы свои „держати, сколько ей надобе; также набо-„женство своея Римскія Вѣры держати безо вся-„кія забороны, *яко же и мы сами*, съ Божіею ми-„лостію, *соединеніе сіе приняли*, и станемъ на-„крѣпко промышляти, чтобъ все Государство Мос-„ковское въ одну Вѣру Римскую привести. А того „Боже намъ не дай, будетъ тѣ наши рѣчи въ Го-„сударствахъ нашихъ не полюбятца, и въ годъ то-„го не здѣлаемъ, ино будетъ вольно Пану отцу и „Паннѣ Маринѣ со мною розвестися, или пожа-„луютъ подождутъ до другаго году. А язъ теперь „даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ „цѣлованіемъ . . . при Святцкомъ чину, при По-„пѣхъ, что мнѣ все по сей записи здержати крѣпко „и всѣхъ Русскихъ людей въ Вѣру Латынскую при-„вести. Писана въ Самборѣ, м. Маія 25 дня, лѣта „1604" Подпись Латинская и Русская: Dmitr Ca-rewicz, *Царевичъ Димитрій.* Приложена восковая печать. На оборотѣ: „Постановленіе и ассекурація „Димитрія, Царя Московскаго, данная Г. Мнишкѣ, „Воеводѣ Сендомирскому." Тутъ же приписано: „Въ Пятницу, на другой день праздника Успенія „П. Д. М., лѣта 1668, рукопись сію Провинціальный „Королевскій главный Надзиратель, Лаврентій Кат-„чевичь Соноклескій, представилъ для пріобщенія „къ дѣламъ Старостива. Принято и записано."

(218) См. тамъ же, стран. 165. Сказано: „Въ „вѣчныя времена дали мы ему (Мнишку) и наслѣд-„никомъ его Смоленское и Сѣверское Княжества

„. . . съ городами, замками, селами, подданными „обоего пола . . . . Смоленской земли другую половину (оставляя при Г. Воеводѣ самой замокъ съ „городомъ Смоленскомъ) подарили и записали, какъ „о томъ въ особомъ привиліи (привилегіи) изображено, Королямъ Польскимъ и Рѣчи Посполитой, „съ шестью городами въ Княжествѣ Сѣверскомъ.“ Печать красная восковая въ ковчегѣ.

(219) Нѣмцев. кн. VI, 248, и Нарушев. кн. IV, 239.

(220) См. Хронографы, гдѣ прибавлено: „А онъ, „Яковъ, у казни называлъ его розстригою, Гришкою „Отрепьевымъ.“ Сей *Пыхачевъ* былъ, кажется, изъ числа бѣглыхъ, которые укрывались въ *Литвѣ*. Въ бумагахъ Государственныхъ упоминается о Боярскомъ Сынѣ Аѳанасьѣ *Сухочовѣ*, взятомъ въ плѣнъ Донскими Козаками; но это долженъ быть другой человѣкъ. Въ Хронографѣ же: „Называли Гришку „Царевичемъ *Хрипуновыхъ* пять братовъ“ (см. выше, примѣч. 207) „да Истомы Михнева слуга Петрушка (Петровской), да Ивашка, что вожъ былъ“ (т. е. провожатый Самозванца изъ Новагорода Сѣверскаго) „да люди посадцкіе Кіевляне.“ *Хрипуновы*, ушедшіе въ царствованіе Борисово, не приставали къ Лжедимитрію до его восшествія на престолъ: Самозванецъ былъ уже въ Москвѣ, когда Сигизмундъ писалъ къ нему, чтобы онъ позволилъ симъ братьямъ возвратиться въ Россію (см. *Собран. Госуд. Грамот.* II, 216).

(221) См. въ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Москвѣ въ 1608 году, гдѣ сказано: „Пріѣхало въ Краковъ до того Димитра Москвы до колкинадцать человѣкъ, Сыновъ „Боярскихъ, именемъ Иванъ Борошинъ съ товарищ„ми.“

(222) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 74, и *Никон. Лѣт.*

(223) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ (выше, примѣч. 221). Атаманы пріѣхали къ Самозванцу въ Краковъ.

(224) См. Нѣмцев. кн. VI, 248. Именно о *двухъ* Монахахъ, которые ревностно служили обманщику, упоминается въ Отвѣтахъ Пословъ Сигизмундовыхъ. О Леонидѣ. см. выше, примѣч. 201.

(225) Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 74: „Лазучники, Литовскіе люди, приходя въ Вел. Государя нашего Государства, воровскіе письма приносили, „въ городахъ и на посадѣхъ и на дорогахъ листы „воровскіе метали.“ Тамъ же л. 98: „Въ прошломъ „111 (1603) году присылалъ къ Черниговскому Воеводѣ, къ К. Мих. Ѳед , изъ Любеча Подстаростей „Томашъ Цебровской съ Черниговцомъ съ Иващкомъ Корѣлою листъ о томъ баламутѣ, называючи его Государскимъ сыномъ. Да въ 112 году пріѣхалъ Государя нашего къ Украйному городу къ „Монастыревскому (Моравску), изъ котораго первая прелесть стала, Литвинъ Томашко отъ Спаросты Остринского, отъ Мих. Ратомского, къ „Сотнику Стрѣлецкому къ Третьяку Козловскому, „а привезъ листъ отъ того же вора Розстриги . . . „а послѣ того пріѣзжали отъ Михайла жъ Р. Исачко Ляхъ да Истомка Билинъ съ товарыщи, человѣкъ съ тритцать, въ судѣхъ съ грамотами о „томъ же ворѣ.“

(226) См. выше, около примѣч. 181. Далѣе см. Нарушев. 240.

(227) См. выше, примѣч. 201,

(228) См. Бера.

(229) Беръ пишетъ, что Годуновъ, получая отовсюду извѣстія о мнимомъ Димитріи, самъ началъ было сомнѣваться въ убіеніи истиннаго: справлялся, допрашивалъ, и наконецъ увѣрился, что симъ именемъ называется обманщикъ. — Борису служили тогда лазутчиками многіе изъ жителей Малороссіи: между Архивскими бумагами сохранилась челобитная одного тамошняго мѣщанина о награжденіи его за вѣсти о Самозванцѣ.

(230) Въ показаніяхъ измѣнника Хрущова (см. *Собран. Госуд. Грам.* II, 178): „О матери Царевичевой сказалъ, что въ Москву привезена и въ замкѣ „(Кремлѣ) въ монастырѣ дѣвичьемъ живетъ; что „къ ней Патріархъ и Борисъ ѣздили, и она въ покояхъ Борисовыхъ была . . . она въ монастырѣ „крѣпко содержится."

(231) См. выше, и *Никон. Лѣт.* 60, гдѣ сказано: „Того жь Смирнова повелѣ (Царь) считать, „и взочтоша на него дворцовые казны, и повелѣша „его бити на правежѣ, и убиша до смерти." Тамъ же 59: „Въ то же время бысть Смоленское моровое повѣтріе" (см. выше): „заставы быша по „всему Смоленскому рубежу. Борисъ же повелѣ „наипаче крѣпити заставы, и прибавиша до „Брянска, чтобъ нихто изъ Литвы и въ Литву не „ходилъ."

(232) Въ показаніяхъ Хрущова Лжедимитрію (*Собран. Г. Г.* II, 174): „Слышалъ я, что общенародно „Борисъ о вашей Царской милости сказывалъ." Въ грамотѣ Патріарха Іова Архимандриту Солевычегодской Обители: „Чернецъ Пименъ" (см. выше, примѣч. 199) „да Чернецъ Венедиктъ, постриженикъ Троицы Сергіева монастыря, да Ярославецъ „посацкой человѣкъ, Степанко иконникъ съ товарищи, и тѣ предо мною, Іевомъ Патріархомъ, на „Освященномъ Соборѣ въ роспросѣ сказывали: Пименъ сказалъ" (см. выше, примѣч. 199) . . . „Венедиктъ сказалъ, что онъ забѣжалъ въ Кіевъ изъ „Смоленска, и былъ въ Печерскомъ монастырѣ, и „видѣлъ того вора Гришку въ Черццахъ. А послѣ „того пристalъ тотъ воръ къ Лютаремъ (Лютеранамъ), и учалъ воровати у Запорожскихъ Черкасовъ: въ Черццахъ мясо ѣсти; и онъ-дей Венедиктъ того страдника обличалъ, и извѣщалъ Печерскому Игумену, и Игуменъ посылалъ х' Козакомъ того вора имати Печерскихъ Старцовъ и „слугъ, и его Венедикта; и тотъ воръ ухоронился, и ушелъ къ Князю Адаму Вишневецкому, и по „Сотонинскому ученью и по Вишневецкихъ Князей умышленью, и по Королевскому велѣнью, учалъ „называтись Княземъ Димитріемъ. А Стефанъ икон-

„никъ въ роспросѣ сказалъ: ѣздилъ онъ въ Кіевъ „промѣнивати образовъ, и жилъ въ Кіевѣ годъ да „13 недѣль, и того росстригу Гришку видѣлъ въ „Кіевѣ въ Черицахъ, и былъ-де онъ у Князя Ва„силья Острожского въ Печерскомъ и въ Николь„скомъ м. въ Дьяконѣхъ и къ лавкѣ его приходилъ „съ Запорожскими Черкасы."

(233) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 63 и 139, гдѣ означено, что Смирной ѣздилъ къ Королевскимъ Вельможамъ въ 1604 году.

(234) Въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 173: „1604 г. „Сент. 3" (по Новому Стилю) „пріѣхали къ Царе„вичу Послы Донскихъ Козаковъ, объявляя, какъ и „прежде сего, что войско ихъ находится въ го„товности и подданствѣ Царевичу . . . и плѣнни„ка, Петра Хрущова, знатнаго Дворянина Борисова, „Царевичу отдали," и проч. О времени Лжедими-тріева похода см. тамъ же, стран. 167, *Дневную записку пути Самозванцева*, въ коей числа означены по Новому Стилю.

(235) Въ показаніяхъ Хрущова (*Собран. Г. Г.* II, 174): „Спрашивали его, что тамъ (въ Москвѣ) о Ца„ревичѣ слышно? надѣются ли какого съ нимъ вой„ска" (это худой переводъ съ Польскаго) „и воспо„миналъ ли что о немъ Борисъ? Хрущовъ сказалъ: „совершеннаго извѣстія учинить не могу, понеже „я въ замкѣ въ Василѣгородѣ, далече отъ Москвы „былъ, и оттуда призванъ, 5 только дней въ Мос„квѣ жилъ. . . Въ бытность мою въ Москвѣ толь„ко я слышалъ, что Царевичь въ Литвѣ есть, но „войску его въ Княжествѣ Сѣверскомъ быть не на„дѣются; слышалъ и сіе, что общенародно Борисъ „о вашей Царской милости сказывалъ (хотя я самъ „притомъ не былъ), что не Царевичь, и спраши„валъ у людей, его ли сторону держать? На то „они ничего не сказали . . . Воевода Путивльской „сказывалъ ему (Хрущеву), что въ Путивлѣ и въ „разныхъ мѣстахъ подметныя письма отъ Царе„вича являлись, которыя когда читаны были, тогда „великую любовь къ Царевичу народъ возымѣлъ: о „чемъ и Борису донесено . . . и Воевода просилъ,

„дабы отъ уряду своего освобожденъ быть могъ...
„По отправленіи своемъ изъ Москвы къ Дону встрѣ-
„тился (Хрущовъ) съ Гетманами П. Шереметье-
„вымъ и М. Салтыковымъ . . . и тѣ его къ себѣ,
„одинъ на обѣдъ, другой на ужинъ просили; и тамъ
„Хрущовъ, отведя на сторону, упомянулъ о Царе-
„вичѣ, сказавши, о чемъ ему съ Донск. Казаками
„говорить велѣно . . . Шереметевъ, пожавъ плеча-
„ми, сказалъ: мы ничего не знаемъ. . . . О шпіо-
„нахъ сказалъ: слышалъ онъ отъ новаго Канцлера
„Власьева, что купцы въ Литву посланы быть
„имѣли для провѣдыванія. . . О здравіи Борисовомъ
„сказалъ, что часто бываетъ боленъ, и нѣсколько
„недѣль какъ не выходитъ, и ногу волочитъ, пара-
„личемъ пораженъ пребывая“ (вѣроятнѣе, отъ по-
дагры). „О сынѣ Борисовомъ спрашивалъ Царевичь,
„хочетъ ли Борисъ его наслѣдникомъ учинить?
„Отвѣчалъ: еще не объявилъ, однакожь знать, что
„намѣренъ, понеже ко всѣмъ важнымъ дѣламъ его
„употребляетъ, при себѣ всегда содержитъ и такъ
„людей къ нему привлекаетъ, что о чемъ кто сы-
„на его проситъ, безъ затрудненія получаетъ. О
„кончинѣ двухъ главныхъ господъ, Вас. Смирнова“
(см. выше, примѣч. 231) „и Меньшаго Булгакова,
„между которыми одинъ въ тюремномъ заключе-
„ніи умерщвленъ, а другой утопленъ, сказалъ, что
„они, бывъ у себя на банкетѣ, пили за здравіе Ца-
„ревича . . . Булгаковъ въ бытность его (Хрущо-
„ва) къ утопленію приговоренъ, но еще погубленъ
„не былъ. О гонцѣ Отрепьевѣ сказалъ, что не при
„немъ въ Литву отправленъ; однакожь въ толь ве-
„ликой любви у Бориса, что въ тѣхъ покояхъ бы-
„ваетъ, куда токмо знатные господа допускают-
„ся. Изъ сего легко выразумѣть можно, сколь спра-
„ведливо того гонца присвоеніе свойственникомъ
„Царевичевымъ: ибо ежели бы такъ было, то бъ
„онъ такого доступа къ Борису не имѣлъ, а паче,
„по обыкновенію Московскому, со всѣмъ бы до-
„момъ искорененъ былъ“ (это, вѣроятно, не слова
Хрущова, а того Поляка, который писалъ допро-
сы). . . . „О покойной святой памяти Царя Ѳео-
„дора женѣ сказалъ, что нечаянно умерла; однакожь
„слышно, что Борисъ оную убилъ, по той причинѣ,
„какъ полагаютъ, что она какъ его, такъ и сына

„его на государствованіе благословить не хотѣ-
„ла, говоря, что я супругу моему присягу учинила,
„и брату его Димитрію, яко своему и твоему при-
„родному Государю, повинуюся, а не тебѣ, кото-
„рый незаконно овладѣлъ Государствомъ . . . ибо
„Царевичь въ живыхъ обрѣтается.“

(236) Казни были, но уже послѣ (см. Хронографы).

(237) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 64 на об., 73 и 77. Тамъ сказано: „Король и Паны накупали (на „Россію) Казы-Гирея Царя . . . и писали къ нему „съ гонцомъ съ Онтономъ Черкашениномъ о роз-„стригѣ о Гришкѣ, что будто въ литвѣ Царевичь „Дмитрей, и Жигимонтъ Король отпускаетъ его „на Государя нашего (Бориса) землю войною, чтобъ „Крымской далъ ему помочь . . . и Казы-Гирей по-„слалъ къ Жигимонту съ отвѣтомъ Посланника „Сеферказыя.“

Писалъ ли Борисъ съ Огаревымъ къ Сигизмунду, какъ сказали Послы Литовскіе въ Отвѣтахъ Боярамъ Московскимъ (см. выше, примѣч. 221), что если бы Разстрита былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены? Сомнительно.

(238) Въ Нарушев. кн. IV, примѣч. 28, въ письмѣ Тарновскаго, Кастеляна Сендомирскаго, къ П. Олесницкому, Кастел. Радомскому, писанномъ изъ Стобницы отъ 21 Сент. 1613: Alesmy chcieli Boga oszukac, ze iakoby privato consilio i z swey woli, a nie de consensu Regio.

(239) Въ Польск. Дѣлахъ No. 26, л. 79: „Іевъ Па-„тріархъ и Митрополитъ, и Архіеп. и Епископы „. . . посылали къ навышшей Радѣ Коруны Польскіе „и Вел. Княжества Литов., къ Арцыбискупомъ и „Бискупомъ и ко всему Духовному чину з' грамо-„тами Посланника своего, Ондрея Бунакова,“ и проч. Тамъ же, л. 159: „Патріархъ Іевъ посылалъ „въ Кіевъ къ Воеводѣ ко К. Василью Острожскому „з' грамотою Сына Боярского, Офонасья Пальчи-

„кова," и проч. Въ Отвѣтахъ Литовскихъ Пословъ сказано, что Бунаковъ въ Вильнѣ уже свѣдалъ о смерти Царя Бориса.

(240) См. Наруше́в. кн. IV, 240, и Нѣмцев. кн. VI, 249. Вассенбергъ полагаетъ у Самозванца 10,000 человѣкъ, Кобѣржицкій 15,000, Беръ 8000, другіе 5000, а Паерле 1100 всадниковъ Литовскихъ, 500 пѣшихъ ратниковъ и 2000 Козаковъ. Рукописное сочиненіе послѣдняго, бывшаго въ Россіи при Лжедимитріи, имѣю изъ библіотеки Е. С. Графа Николая Петровича Румянцова. Въ заглавіи: Beschreibung der Moscovittischen Rayse, welche ich Hans Georg Peyerle von Augsburg mit Herrn Andreasen Nathan und Matheo Bernhardt Marelichen dem jüngern d. 19 Martii 1606 von Cracau aus angefangen, und was wir warhafftiges gehört, gesehen und erfahren, alles aufs kürzest beschriben, bis zur unseren, Gottlob, wider daher Ankunft d. 15 Decembris, Anno 1608.

Іезуиты, бывшіе съ Лжедимитріемъ, назывались Николай Черниковскій и Андрей Лавицкій (см. Гревенбрух. 14).

(241) 26 Окт. по Нов. Стилю: см. Дневную Записку въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 168, и Паерле.

(242) Въ Розрядн. Кн.: „Какъ Гришка Отр. при-„шелъ на Сѣверу изъ Литвы въ осень, и противъ „вора Гришки посланы были въ Путивль Мих. Мих. „Салтыковъ, да съ нимъ Осадный Воевода К. Вас. „Мих. сынъ Мосальской-Рубецъ . . . въ Черниговъ „Бояринъ К. Никита Роман. Трубецкой, да Околь-„ничей Петръ Ѳед. Босмановъ, да Голова Андрей „Матв. сынъ Воейковъ . . . Царь велѣлъ быти про-„тиву Растриги во Брянску на три полки: въ боль-„шомъ К. Дм. Ив. Шуйскому, да К. Мих. Ѳед. Ка-„шину; въ передовомъ Ив. Ив. Годунову, да К. Мих. „Самсон. Туренину; въ стороженомъ Боярину Мих. „Глѣб. Салтыкову, да К. Ѳед. Звенигородцкому."

(243) См. Хронографы и Лубѣнск. Op. Posth. 30.

(244) Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, *л.* 94: „Панъ Радной, Юрьи Сендомирской, прельщаючи Сѣврюковъ, „говорилъ имъ подъ клятвою, что тотъ воръ прямой Царевичь. . . И Король (*л.* 76) и Паны Рада „стояли за него хотятъ всею Польшею и Литвою. И на Сѣверѣ мужики Сѣврюки люди простые, забывъ Бога, и душу свою повѣря Сендомирскому Воеводѣ,“ и проч.

(245) См. выше, стран. 120.

(246) См. въ Архивѣ К. И. Д. Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ 1606 году и Хронографы.

(247) См. Хронографы и Дневную Записку въ *Собран. Г. Г.* II, 167 и слѣд.

(248) 21 Окт.: См. Дневную Записку и Отвѣты Литов. Пословъ. Въ Моравскѣ (въ Монастыревскомъ, по Розрядн. Кн., или, по Больш. Чертежу, въ Муромскѣ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова) начальствовали Борисъ Лодыгинъ и Елизарей Безобразовъ. Паерле сказываетъ, что Лжедимитрій оставилъ тамъ 150 Ляховъ для храненія крѣпости.

(249) Паерле пишетъ, что Лжедимитрій послалъ къ Чернигову 2000 Козаковъ, и что городъ хотѣлъ немедленно ему сдаться, но что Воеводы съ 300 Стрѣльцами и съ 20 пушками заперлись въ крѣпости; что жители соединились съ Козаками, силою принудили Стрѣльцевъ отворить крѣпость и выдали Самозванцу Воеводъ связанныхъ; что, его именемъ, Ляхъ Бучинскій занялъ Черниговъ 5 Ноября Нов. Стиля. См. также Петрея 298 и Нѣмцев. кн. VI, 250. Въ Дневной Запискѣ Лжедимитріева похода: „28 Окт. (Нов. Ст.) тамъ же (въ Шляхетской). „Прислано изъ Моравска съ объявленіемъ подданства. 29 Окт. при Полчовѣ. Приходили Московскіе „люди предаваясь въ подданство, и тамъ же Воеводы „отданы. — 31 Окт. Моравскъ: замокъ отданъ. — „Ноября 1 и 2 въ лагерѣ. Боярской сынъ далъ знать „о разрывѣ. Шпіонъ пойманъ. 3 Москов. люди на 80 „коняхъ пріѣзжали. 4 Черниговъ поддался. 5 Черни-

*

„говъ отобранъ .... 14 Ноября въ лагерѣ за рѣкою „Свиницою."

(250) Отецъ его былъ Крайчій Ѳедоръ, а дѣдъ Бояринъ Алексѣй Даниловичь: см. Т. IX, 161.

(251) См. выше, примѣч. 242 и Розрядн. Кн., гдѣ прибавлено: „да въ Новѣ же городкѣ Сѣверск. были „Воеводы Алексѣй Ром. Плещеевъ, да К. Ѳед. Андр. „Звенигородцкой, да К. Як. Боряшинской, да Он-„дрей Воейковъ, да Елизарей Баршеневъ."

(252) Паерле: „Басмановъ забралъ къ себѣ въ крѣ-„пость всѣхъ жителей и послалъ 200 Стрѣльцевъ „сжечь городъ . . . Димитрій" (Паерле считалъ Разстригу истиннымъ Царевичемъ) „остановился за „4 мили отъ Новагорода и послалъ туда Бучинска-„го съ 200 Козаками . . . Россіяне, стрѣляя, ки-„дали вверхъ свои шапки, въ знакъ того, что хо-„тятъ говорить. Бучинскій самъ-двѣнадцать къ „нимъ подъѣхалъ и сказалъ" (тутъ описываются переговоры) . . . „Бучинскій расположился ста-„номъ на горѣ, откуда могъ видѣть, что дѣлалось „въ крѣпости, а самъ поѣхалъ на встрѣчу къ Ди-„митрію, который совѣтовался съ Воеводою Сен-„домирскимъ и съ другими: рѣшились на другой „день подступить къ городу, и стали на пепели-„щѣ" (тутъ опять переговоры чрезъ Польскихъ Дворянъ и Русскихъ) . . . „Димитрій велѣлъ своимъ „взять городъ приступомъ; но ихъ отразили: уби-„то 50 человѣкъ. Прошло около трехъ недѣль" (гораздо менѣе: см. ниже). „Ляхи занимались изго-„товленіемъ горючаго вещества; но непріятель „узналъ о томъ, и когда они въ темную ночь при-„близились съ огнемъ къ крѣпости, чтобы подо-„рвать ее, началась ужасная пальба: человѣкъ сто „легло на мѣстѣ. Ляхи возвратились въ станъ съ „уныніемъ, и на другой день уже хотѣли бѣжать: „тогда, къ счастію Димитрія, явился гонецъ съ „извѣстіемъ, что Путивль ему отдается." — Въ Дневной Запискѣ: „18 Ноября въ лагерѣ за Сновою. „*Принесена Папежская грамота*... 21. Н. подъ Ново-„городкомъ . . . 24. Н. подъ замкомъ пальба" (приступъ) „28 . . . Н. съ Суботы на Воскресенье чрезъ

„всю ночь пальба“ (неудачное покушеніе зажечь крѣпость). „Пріѣхали Путивляне, объявляя о поимаѣніи Воеводъ. 29 Н. Воеводы изъ Путивля приведены. „30 Н. Козаковъ 200 поймали. Плѣнникъ въ замокъ „впущенъ и Путивляне извѣстіе учинили о поима-„ніи 200 Стрѣльцевъ Московскихъ. 1 Декабря Путив-„вляне Голову Стрѣлецкаго и съ Сотниками отдали.“

Вотъ достовѣрнѣйшія извѣстія — и вотъ баснословіе Хронографа: „Онъ же Гришка начатъ крѣпко „бити по граду, и разбиша градъ до обвалу земна-„го. Воеводы же и граждане сотвориша лукаву вещь: „начаша бити челомъ ему и милости просити въ „винѣ, будто, не знаючи его, супротиво стаста „ему: нынѣ же познахомъ тя, прирожденнаго Го-„сударя своего . . . нынѣ градъ отворимъ и съ че-„стію встрѣтимъ тебя. Онъ же повелѣ престати „по граду бити. Они же тайно уготовиша пушки „и пищали . . . и градъ отвориша. Они же (Гриш-„кины воины) пойдоша тѣсно, и егда въ притинъ „быша, граждане начаша бити по войску его изо „всего наряду, и убиша у него яко 4000 . . .Гришка „срама и гнѣва наполнися, и повелѣ опять ко гра-„ду приступати, и ничто же успѣ.“

(253) См. *Никон. Лѣт.* 61. Петрей разсказываетъ, что знатный сановникъ, Вас. Мих. Мосальскій, былъ посланъ отъ Царя къ войску съ 80,000 талеровъ (см. ниже, примѣч. 256), но привезъ ихъ къ Самозванцу, который встрѣтилъ его за то съ музыкою и сдѣлалъ своимъ Маршаломъ. Извѣстіе нашего Лѣтописца достовѣрнѣе. Въ Дневной Запискѣ: „4 Дек.“ (по нашему Стилю 25 Ноября) „Рыль-„чане пріѣхали, объявляя, что Рыльскъ поддался и „Воеводы пойманы. Того жь дня изъ Комарницкой „(Сѣвской) волости люди пріѣхали съ объявленіемъ „подданства, и двухъ Воеводъ привели . . . 10 Дек. „получено извѣстіе о здачѣ Курска, и привезены 5 „Воеводъ изъ Рыльска и 2 изъ Комарницкой волости „...13 Дек. получено извѣстіе,что волость Кромы под-„далась.“ Гревенбрухъ пишетъ, что Осколъ, Волуйка, Воронежъ, Борисовъ, Бѣлгородъ, Елецъ и Ливны сдались Лжедимитрію уже послѣ неудачнаго приступа Царскихъ Воеводъ къ Рыльску (см. ниже); но въ на-

нихъ Лѣтописяхъ говорится въ одно время объ измѣнѣ всѣхъ городовъ: что согласно и съ извѣстіемъ Паерле и съ обстоятельствами.

(254) См. выше, примѣч. 201, и Гревенбруха, который пишетъ (вмѣсто Гришки Отрепьева): Hinsko Otiopeion. Де-Ту сообщаетъ тоже извѣстіе.

(255) См. Паерле.

(256) См. Нѣмцев. кн. VI, 253, 254, гдѣ сказано, что Лжедимитрій встрѣтилъ сихъ купцевъ съ казною на пути отъ Чернигова къ Новугороду Сѣверскому. См. выше, примѣч. 253.

(257) Въ Дневной Запискѣ: „7 Дек. передалось изъ „замка (Новогородскаго) 80 Москвитянъ . . . 11 „Дек. стали мы (Разстрига и Мнишекъ) палить изъ „большихъ пушекъ" (свезенныхъ, какъ пишетъ Паерле, изъ разныхъ городовъ, которые сдались Лжедимитрію) . . . „14 Дек. наше войско побило 100 „человѣкъ Москвитянъ . . . 24 Дек. Московскихъ „100 человѣкъ вошли въ замокъ. 25 Дек. наши поби„ли Москвитянъ, которые въ замокъ приходили." О перемиріи см. Паерле. Басмановъ давалъ чувствовать Отрепьеву, что вѣсти Московскія будутъ безъ сомнѣнія благопріятны для него (Самозванца).

(258) См. выше, стран. 120.

(259) См. Т. X, стран. 150. Далѣе см. Розрядн. Кн.

(260) См. Т. X, стран. 142. Угличанъ сослали, какъ извѣстно, въ Пелымъ.

(261) См. Хронографы.

(262) Въ грамотѣ Патріарха Іова къ Архимандриту Солевычегодской Обители: „Намъ и всему мі„ру о томъ подлинно вѣдомо, что К. Димитрія „Ив. не стало на Угличѣ въ 99 году, тому нынѣ „14 лѣтъ, и нынѣ лежитъ на Угличѣ, въ Соборной „церкви, а на погребеніи его была мать его и бра„тія ея, Нагіе. . . Статочное ли то дѣло, что

„Князю Димитрію изъ мертвыхъ воскреснути пре-„жде общаго воскресенія и Страшнаго суда? . . „Дѣлаетъ то Жигимонтъ Король и Паны Радные, „хотячи Сѣверскіе земли городовъ доступити къ „Литвѣ: *для* того страдника назвали Княземъ Дми-„тріемъ.“ О безсовѣстности Шуйскаго см. Т. X, стран. 138.

(263) Въ Хронографѣ: „Людіе же о семъ вѣры не „яша, ни Патріарху, ни К. Вас. Ив. Шуйскому, „глаголюще: сіи сице глаголютъ по наученію Бо-„рисову. . . . Аще не сія Борису глаголати, да что „ино ему творити? *Мнитъ* бо онъ и до днесь уби-„та его (Димитрія); но въ него мѣсто инъ убитъ „былъ.“

(264) Въ грамотѣ Іова къ Архим. Солевычегодск. Обители: „Розстригу Гришку . . . и его воровскихъ „совѣтниковъ . . . и Государевыхъ измѣнниковъ . . . . „и впередъ кто учнетъ на то прельщатися и ему „вѣрити, соборнѣ и всенароднѣ (мы) прокляли и впе-„редъ проклинати велѣли.“ Въ Приговорѣ Соборномъ Царя Бориса (въ *Собран. Госуд. Грам.* II, 164, и въ Татищевскомъ *Судебникѣ* 233): „Царь и В. К. „. . . съ Патріархомъ . . . и съ сыномъ своимъ, бла-„городн. Царевичемъ, со всѣмъ освящ. Соборомъ . . . „и со всѣмъ своимъ Царскимъ Сигклитомъ, видя „Божеское на насъ, за грѣхи наша, праведное пре-„щеніе, яко вѣстный всѣмъ воръ . . . назвался Ца-„ревичемъ, который, какъ всѣмъ вѣдомо, по при-„люченію скончася въ Угличѣ; а сей злохищный „*львичище* сольсти Короля *Лятскаго* и Литовска-„го . . . хотя похитити Царство Москов. и пра-„вослави. Христ. Вѣру истребити, а ввести про-„клятую Папежскую, его же повелѣхомъ всюду въ „церквахъ святыхъ и по торжищамъ клясти.“ Число поставлено 12 Іюня 1604; но это явная ошибка: тутъ сказано о Разстригѣ: „*пришелъ* въ наши „Украйные грады съ войски великими“—а Разстрига *пришелъ* въ Октябрѣ 1604. И слогъ кажется мнѣ весьма необыкновеннымъ для тогдашняго времени. Не оспориваю исторической достовѣрности сего Приговора; однакожь не ручаюсь за оную.

(265) См. Т. VIII, 263. Въ Приговорѣ Соборномъ (въ Татищев. *Судебникѣ* 234 — 238): „Войска наши „оскудѣша, овіи, прельщени тѣмъ воромъ, къ нему „предалися; многіе Козаки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили; иные отъ долгаго „стоянія изнурились, испротторились и въ домы „разошлись, и тако воямъ нашимъ зѣло умалившимся; многіе же люди, имѣя великія помѣстья и „отчины, а службы не служатъ . . . и живутъ въ „домахъ, не пекущеся о гибели Царства и о Св. „Церкви. Первѣе бо не *толѣ* слуги Святителей и „монастырей, но и сами Старцы, Священницы и „Діаконы въ нашествіе нечестивыхъ множицею на „войну исхождаху. . . . Мы же сего не восхотѣхомъ . . . а повелѣхомъ, да вси Патріарши, Митрополичи, Архіепископли и Епископли и монастырей слуги, колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ „собрався со оружіемъ и запасы, идутъ въ Калугу „къ Бояромъ нашимъ и Воеводамъ, К. Ѳед. Ив. „Мстиславскому съ товарищи." Далѣе: „Царь Іоаннъ „Вас. уставилъ всѣмъ отъ помѣстей и отъ отчинъ „отто ста четвертей ставити на войну человѣка „совсѣмъ гожаго; а мы, яко сіе вельми тяжко бысть, „повелѣхомъ отнынѣ и впредь, кто колико помѣстей и отчинъ имѣетъ, а самъ коея ради вины на „войну не идетъ, хотя старости или болѣзни или „въ Приказахъ и городахъ судейства и управленія „ради, быти самъ не можетъ, ни сына пошлетъ, „тому слати холопа отъ двусотъ четвертей съ „конемъ, съ полнымъ доспѣхомъ и запасомъ, коему „граду куда итти велѣно будетъ. . . А которые „за ранами и увѣчьемъ изъ полковъ отпустятся, „которые, въ полону будучи, выдутъ, и тѣхъ „оставляти въ домахъ на два лѣта, и холопей имъ „не посылати. А которыхъ вдовъ мужи, а дѣтей „малыхъ отцы убиты на войнѣ, или въ плѣнѣ удержатся, ино тѣхъ потому же два лѣта не высылати. А которые имѣютъ помѣстья и отчины, а сами или ихъ дѣти не въ войскѣ, и холопей не пошлютъ...огурствомъ, и у тѣхъ, со сколькихъ четвертей службы не будетъ, толико четвертей взяти „и отдати безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, кои „служатъ, Дѣтемъ Боярскимъ и иныхъ чиновъ людемъ. „—А которые Митрополиты, Архіепископы и Епи-

„скопы или монастыри холопей годныхъ въ службу „не вышлютъ . . . и за тѣхъ людей доправити . . . „за всякаго человѣка . . . по 15 рублевъ, а слугъ „тѣхъ писати въ Стрѣльцы безъ пощады. А буде „у коего Митроп., Архіеп. и Епископа, или мона-„стыря, толико слугъ тожихъ нѣтъ, колико за „нимъ отчинъ по четвертямъ, и съ тѣхъ . . . бра-„ти по гривнѣ за четверть, и давати тѣ деньги „служилымъ людемъ, коли война есть; а нѣтъ вой-„ны, ино людей и денегъ не брати.“ Въ Розрядн. Кн.: „послалъ Царь“ (осенью 1604) „збирать Дво-„рянъ и Дѣтей Боярскихъ Стольниковъ и Стряп-„чихъ по городамъ, а наказы имъ даны особные.“

(266) Маржеретъ (стран. 114), который самъ былъ тогда въ Борисовомъ войскѣ, сказываетъ, что оно состояло изъ 40,000 или 50,000 ратниковъ. Другіе (Кобѣржицкій 59, Лубѣнскій 37 и Паерле) говорятъ о 60,000. Беръ пишетъ: „Царь послалъ „всюду гонцевъ съ указомъ быть всѣмъ Князьямъ, „Боярамъ, Стрѣльцамъ. иноземцамъ къ 28 Октябрю „въ Москву, подъ опасеніемъ лишиться имѣнія и „самой жизни въ случаѣ неповиновенія. Послали и „другихъ и третьихъ гонцевъ съ такимъ же ука-„зомъ. Въ теченіе мѣсяца собралося болѣе ста ты-„сячь, коимъ Царь велѣлъ итти съ К. Мстислав-„скимъ къ Новугороду Сѣверскому, куда гнали изъ „деревень и прочихъ людей воинскихъ. Кто не слу-„шался, у того отнимали помѣстье; иныхъ заклю-„чали въ темницу или сѣкли плетьми, такъ, что „на спинѣ у нихъ не оставалось цѣлаго мѣста. Сіи „мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое „около Мартинова дня состояло уже почти изъ „200,000 человѣкъ.“

(267) Видекиндова Historia Belli Sveco-Moscovitici decennalis, глав. X, л. 20.

(268) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 76. Въ Дневной Запискѣ (*Собр. Г. Г.* II, 171): „25 (15) Дек. принесено *ко мнѣ* письмо изъ войска Борисова:“ слѣдственно это писано самимъ Мнишкомъ. Тамъ же: „26 Дек. три солнца видѣли . . . 28 Дек. войско Бо-„рисово приближалось, и при переправѣ, за милю

„отъ насъ, наши съ ними стрѣлялись. Передались „отъ нихъ два Боярина“ (въ подлинникѣ Dway Boyarow). „29 Дек. передался *Бояринъ*“ (Boyarzyn, безъ сомнѣнія *Сынъ Боярскій*) „изъ войска Борисо-„ва. 30 Дек. начало стычки . . . и побито нѣсколь-„ко.“

(269) См. выше, примѣч. 240.

(270) См. Паерле. Лжедимитрій говорилъ: „На-„сталъ часъ, о любезные и вѣрные мои сподвижни-„ки! . . часъ, въ который Господь рѣшитъ мою „прю съ Борисомъ! . . Будемъ спокойны: ибо Все-„вышній правосуденъ: Онъ чудесно спасъ меня, что-„бы казнить злодѣя. . . Не бойтесь многочислен-„ности враговъ: побѣждаютъ мужествомъ и добро-„дѣтелію, а не числомъ, какъ то свидѣтельствуетъ „Исторія . . . . Мнѣ будетъ Царство, а вамъ сла-„ва, лучшая награда добродѣтели въ здѣшней крат-„кой жизни.“ Вотъ смыслъ; рѣчь многословна и не весьма складна. Вѣроятно, что Паерле написалъ ее за Лжедимитрія.

(271) Histoire de J. A. de Thou, кн. 135, стран. 49.

(272) Въ описаніи битвы слѣдую Маржерету (113, 114). En escarmouchant, пишетъ онъ, il vint trois compagnies Polon. charger un des bataillons si furieusement, que le dit bataillon se vint fondre sur l'aile droite, et ainsi sur le corps de l'armée, avec tel desordre, и проч. См. также Бера. На лѣвомъ крылѣ были Воеводы Окольничій Вас. Петр. Морозовъ и К. Лука Осип. Щербатой, въ срединѣ съ Мстиславскимъ К. Андрей Андр. Телятевскій, въ перед. полку Бояре К. Вас. Вас. Голицынъ и Мих. Гл. Салтыковъ, въ сторожевомъ Окольничій Ив. Ив. Годуновъ и Кн. Михайло Самсон. Туренинъ. Въ Хронографѣ: „Егда „пріидоша (Воеводы Борисовы), и градъ (Новгородъ „Сѣверск.) выручающъ, и войско съ войскомъ схо-„дятся, стрѣляюще изъ пищалей и изъ луковъ тмо-„численныхъ . . . и бысть сѣча велія . . . яко же „и на Дону у В. К. Димитрія Ив. съ Мамаемъ; ужа-„са и трепета полна бяше та борьба. Онъ же „Гришка съ хитростію на бой наряд..вся: воинскіе

„люди и кони ихъ въ медвѣжьихъ кожахъ и овечьихъ „навыворотъ . . . кони же Борисовой рати зѣло „матущеся; они же въ смятеніи томъ всадниковъ „побиваху, и тако Борисово войско смятеся, и до „самаго стяга и знаменія Воеводскаго добишась, и „много безчисленно людей падоша . . . и самаго К. „Ѳ. И. Мстиславскаго зѣлѣ раниша . . . и воины „Борисовы побѣгоша; они же ихъ девять верстъ „и больше гнаша сѣкуще: трупу жь человѣча яко „лѣсу пoрониша, и яко мостъ на 9 верстъ помо-„стиша; аще не бы нощь постигла, мало бы спа-„слося.“ См. также *Никон. Лѣт.* Въ Дневной Запискѣ: „Счастливое, по милости Божіей, сраженіе съ „войскомъ Борисовомъ, и побитыхъ до 4000 чело-„вѣкъ.“ То же число означаетъ и Паерле: Петрей только 2000.

(273) См. Петрея 299. Онъ говоритъ, что начальникъ шести сотъ иноземцевъ, Шведскій Капитанъ, Лоренцъ Біутге, помогъ Басманову.

(274) Маржеретъ: On eust dit que les Russes n'avoient point de bras pour frapper. Онъ же сказываетъ, что они послали нѣсколько плѣнниковъ въ Москву, и въ числѣ ихъ одного Капитана Польской конницы, именемъ Domarasqui.

(275) Въ Дневной Запискѣ: „Генв. 1 (по Нов. Ст.) „войска Запорожскаго пришло 4000.“ Паерле пишетъ, что ихъ пришло 12,000 (въ *Повѣсти о Гришкѣ Отрепьевѣ* даже 30,000); всадниковъ 8000 и пѣшихъ 4000, съ 14 пушками; что Лжедимитрій выѣзжалъ къ нимъ на встрѣчу, и въ общемъ совѣтѣ положилъ немедленно сразиться съ войскомъ Борисовымъ, которое стояло въ милѣ отъ Новагорода; но что гонецъ Королевскій тогда же привезъ указъ Сигизмундовъ всѣмъ Полякамъ оставить Самозванца, въ исполненіе Борисова требованія чрезъ Огарева (см. выше, примѣч. 237). Въ Дневной Запискѣ не упоминается о гонцѣ Королевскомъ.

Войско Борисово удалилось отъ Новагорода для того, какъ пишутъ нѣкоторые (см. Лубѣнск, 31 и Нарущев. кн. IV, 242), что Лжедимитрій объявилъ

въ своемъ станѣ о немедленномъ прибытіи къ нему Ходкѣвича изъ Ливоніи съ великою силою: „услышали радостныя восклицанія, звуки трубъ, пальбу изъ пушекъ — и Воеводы Московскіе отступили далѣе.“

(276) Паерле говоритъ, что и сіи ушли-было отъ Самозванца, но возвратились къ нему на третій день. Поляки, если вѣрить Петрею, ушли съ досады на Самозванца, который не далъ имъ ничего изъ воровской казны Мосальскаго (см. выше, примѣч. 253), раздавъ ее всю Козакамъ. Въ Дѣлахъ Польск. No. 27, л. 92: „Отшелъ Воевода Сендомирскій отъ „того вора собою послѣ того, какъ ему бой былъ „съ Бояры, а отходилъ для помочи тому вору, а не „за Королевскимъ повелѣньемъ; а Староста Остр. „Мих. Ратомской и Тишкѣевичь и Ротмистры осталися.“ По Дневной Запискѣ (*Собран. Г. Г.* II, 172) Лжедимитрій и Мнишекъ вмѣстѣ отступили отъ Новагорода Сѣверск. 12 Генв. и ночевали въ Нѣргодѣ, 13 въ лѣсу при какой-то деревнѣ, 14 надъ болотомъ при деревнѣ, гдѣ сдѣлалась тревога; 15 Генв. стояли надъ озеромъ, и Мнишекъ разъѣхался съ Лжедимитріемъ: первый съ своими отправился въ Самборъ, а послѣдній въ Сѣвскъ: см. рукописи. *Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ*. Въ другихъ извѣстіяхъ наименованъ здѣсь, вмѣсто Сѣвскаго острога, Чемлинскій: см. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*; см. также Маржерета 114. Паерле разсказываетъ слѣдующее: „Не зная, куда дѣвались Воеводы Борисовы, Лжедимитрій послалъ изъ Сѣвска 500 Козаковъ развѣдать объ нихъ: Козаки встрѣтили въ лѣсу 30 Россійскихъ всадниковъ, взяли трехъ въ плѣнъ, и свѣдали, что не далеко оттуда, въ деревнѣ, стоитъ „ихъ до четырехъ тысячь, а въ станѣ близь Нова„города Сѣверск. не менѣе ста тридцати тысячь. „Лжедимитрій прислалъ къ Козакамъ 120 Ляховъ: „они на голову разбили 4000 Москвитянъ въ деревнѣ.“ Въ Петреѣ: „Москвитяне стояли въ лѣсу, въ „трехъ миляхъ отъ Добрыничей, и послали на грабежъ 7000 человѣкъ: горсть Ляховъ встрѣтила „ихъ и разбила; легло на мѣстѣ 4000. Воеводы Борисовы отъ ужаса оградились рогатками. На третій день они выслали 12000 всадниковъ развѣдать

„о непріятелѣ: войско Лжедимитріево сражалось „съ ними до ночи; убило 200 Москвитянъ и взяло „100 плѣнниковъ; а Москвитяне только одного „пьянаго и несказанно тѣмъ веселились. Сей плѣн-„никъ требовалъ вина, былъ замученъ и повѣшенъ „на деревѣ.“

(277) Въ Розрядахъ 1605 года (см. въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ бумажники Миллера, No VI): „Дек. въ 21 „у Новагородка Сѣверскаго было дѣло съ Ростри-„гою . . . и К. Ѳед. Ив. по головѣ ранили во мно-„гихъ мѣстахъ; и Государь послалъ Чашника своего, „Микиту Дм. Вельяминова-Зернова, съ рѣчью, съ „милостивымъ словомъ; а въ рѣчи пишетъ говори-„ти Боярину, К. Ѳ. И. Мстиславскому: *Государь „Царь . . . и сынъ его . . . велѣли тебѣ челомъ уда-„рити . . . и говорити: слухъ намъ дошолъ, что у „васъ было съ крестопреступники, Литовскими люд-„ми, и съ Ростригою дѣло . . . и тебя ранили . . . „а Бояринъ нашъ, К. Дм. Ив. Шуйской съ товари-„щи, о томъ къ намъ не писали. . . И ты памя-„туючи крестное цѣлованье, предалъ кровь свою за „Бога и за Преч. Богородицу, и за вел. Чудотвор-„цевъ и за Св. Божіи церкви и за всѣхъ православ-„ныхъ Христіанъ; и аже дастъ Богъ, службу свою „совершишь и увидишь образъ Спасовъ и Преч. Бого-„родицы, и вел. Чудотворцевъ, и наши Царскія очи, „и мы тебя пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, „чево у тебя на умѣ нѣтъ. Да Государь же жалуетъ „тебя, и послалъ къ тебѣ со мною Дохтура Егана „да Оптекаря Петра да Лавринова. . .* . Говорити „Боярамъ, К. Дм. Ив. Шуйскому съ товарищи: Го-„сударь Царь . . . и сынъ его велѣли вамъ покло-„нитца . . . и велѣли вамъ говорить: *вы къ намъ „не писали, коимъ обычаемъ у васъ дѣло дѣлалось* „(Дек. 21), *и вы то дѣлаете не гораздо, и вамъ „бы о томъ написать къ намъ наскорѣ* . . . Велья-„минову, собравъ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ и „всякихъ ратныхъ людей, да спросити отъ Госу-„даря и отъ Царевича о здоровьѣ . . . (и сказать): „*Государь Царь и сынъ его . . . жалуютъ васъ, и ве-„лѣли васъ о здоровьѣ спросить* . . . . Генв. въ 1 „день Государь послалъ Б. и Воеводу, К. В. И. Шуй-

„сково, а велѣлъ ему въ большомъ полку быти при-„быльнымъ Воеводою."

(278) То есть, сто тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера. Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: „Воеводамъ же, К. Никитѣ Ром. Трубецкому „да П. Ѳ. Басманову, на Москвѣ велію честь (Царь) „воздаде; Петра же наипаче К. Никиты жалова.не: „того же въ немъ не чаяте, что ему здѣлати надъ „Царицею его и надъ дѣтьми."

(279) См. *Никон. Лѣт.*, Розрядн. Книги и Маржерета 114, 115.

(280) Маржеретъ: L'armée de Boris (состоявшая изъ сорока или пятидесяти тысячь) se renforçoit tous les jours; но не говоритъ, чтобы она сдѣлалась втрое или вчетверо сильнѣе: какъ далеко до двухъ сотъ тысячь Беровыхъ и Петреевыхъ! — Добрыничи нынѣ Добрынь или Добрунь. Паерле пишетъ, что Самозванецъ, узнавъ о приближеніи Воеводъ Борисовыхъ, разсуждалъ съ своими чиновниками, что дѣлать: опасаясь быть стѣсненными въ Сѣвскѣ, лишиться всѣхъ подвозовъ и сообщенія съ городами, которые держали сторону Лжедимитріеву, они рѣшились итти на встрѣчу къ непріятелю.

(281) См. Маржерета 115.

(282) Паерле: die hatten über ire Rüstungen weisse hemmter, damit sie von den andern Musscovittern erkhant mögten werden. Тамъ же слѣдующія обстоятельства: „Лжедимитрій встрѣтилъ 5000 Россіянъ, „вступилъ съ ними въ жаркое дѣло, убилъ 1000 че-„ловѣкъ, взялъ въ плѣнъ двухъ Бояръ и множество „другихъ: остальные съ крикомъ бѣжали къ своему „стану, близъ деревни, откуда Воеводы Борисовы „немедленно вышли на равнину. Лжедимитріева „рать испугалась ихъ силы, но ободрилась, высу-„шавъ рѣчь Самозванца . . . . er selbst sitzent auf ei-„nem castani-braunen Türckischen Pferdt, mit einem „blossen Pallasch inn der Hant vor dem ersten Hauf-„fen," и проч.

(283) См. Маржерета: лучше вѣрить ему, нежели Беру, который пишетъ, что Ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ и *Маржеретъ*, начальники двухъ иноземныхъ дружинъ, съ кликомъ: Hilf Gott! прогнали Лжедимитрія, отнявъ у него взятыя имъ Московскія пушки; что ободренные Россіяне также устремились въ слѣдъ за непріятелемъ, также кричали hilf Gott, и заставили Нѣмцевъ смѣяться. Маржеретъ признается, что и самъ онъ и Розенъ бѣжали: après quelque résistence que firent les dits étrangers, tout tourna le dos. См. и Паерле, увѣряющаго, что Россіяне умышленно обратили тылъ и заманили непріятеля подъ картечи; что они убили однакожь не болѣе трехъ человѣкъ, и ранили человѣкъ пять; что Самозванецъ, когда вѣтромъ разнесло дымъ, снова хотѣлъ ударить на нихъ, но что Козаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили Царевичу, ушли, и заставили его также искать спасенія въ бѣгствѣ; что усильно оборонялись только 4000 пѣшихъ Козаковъ (Cosakische Knechte) у пушекъ, убили множество людей и всѣ легли на мѣстѣ.—Хронографъ опять баснословитъ: „И паки стрѣляющесъ изъ пищалей и изъ луковъ тмочисленныхъ „ . . . крови рѣки стаща . . . Князь же Вас. Ив. „Шуйской, хотя мстити первую обиду свою, съ „правые руки съ своимъ полкомъ остроумно и храбро наступи, съ лѣвую жь руку Ив. Ив. Годуновъ, „и иные . . . Гришка жь едва и самъ убѣжа; умыча „его К. Ив. Татевъ въ Рылескъ.“

(284) См. Бера. Въ *Никон. Лѣт.*: „Однихъ Черкасъ „побиша 7000“ (въ нѣкоторыхъ Розрядн. Книгахъ: 13,000). „Съ сеунчемъ (съ вѣстію) послаша къ Царю Мих. Борисов. Шеина“ (Чашника).

(285) То есть, 400 тысячь нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера. Въ Розрядн. Кн.: „Послалъ „(Царь) съ золотыми К. Дан. Ив. Мезецково . . . и „Вас. Морозовъ золотово не взялъ для К. Андрея „Телятевсково . . . и на Морозово мѣсто велѣно „быти въ лѣвой рукѣ Замятнѣ Сабурову, и Замятня билъ челомъ Государю въ отчествѣ на К. Василья Голицына.“

(286) См. Петрея 302.

(287) См. Паерле. Въ Дѣлахъ Польск. No. 27, л. 92: „А Тишкѣевича и Ротмистровъ и многую „Шляхту на томъ бою живыхъ взяли, и досталь-„ные побѣжали въ Польшу" (и съ ними Мих. Ратомскій).

(288) См. Маржерета, Бера и Хронографы.

(289) См. Хронографы и Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ Архивѣ К. И. Д. г. 1606.

(290) См. Паерле.

(291) См. Отвѣты Литовск. Пословъ. Они говорили, что К. Татевъ требовалъ очной ставки съ Борисовымъ сановникомъ, Огаревымъ который еще находился тогда въ Варшавѣ, но что Сигизмундъ не хотѣлъ принять его (Татева).

(292) См. Бера и Паерле. Самозванецъ свидѣтельствовался К. Иваномъ Мстиславскимъ, Андреемъ Щелкаловымъ и мнимымъ своимъ Докторомъ, также умершимъ.

(293) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* Объ устроеніи войска см. Маржерета 117. Паерле говоритъ, что Лжедимитрій будто бы отрядилъ изъ Путивля 5000 Дон. Козаковъ и 1000 Россіянъ для спасенія осажденнаго Рыльска; что они разбили сторожевое Москов. войско, и что всѣ полки Борисовы, тѣмъ испуганные, бѣжали отъ Рыльска, оставивъ въ добычу непріятелю обозы, хлѣбные запасы и 14 пушекъ; что Козаки и Рыльчане гнали бѣгущихъ, убили 3000 человѣкъ, взяли множество плѣнниковъ, и проч.

(294) Въ *Ростов., Никон. Лѣт.* и другихъ: „Царь „же Борисъ . . . посла ближнихъ своихъ людей, „Стольниковъ и Стряпчихъ и Дворянъ Московскихъ „и всякихъ чиновъ людей и дворовыхъ. . . Роскру-„чинися на Бояръ и на Воеводъ, что не поимаша „того Гришки, и посла (Царь) къ нимъ съ словомъ

„Окольничево П. Никит. Шерем. да Думнаго Дьяка „Ѳ. Вл. Они же пріидоша въ полки въ Радогосцкій (Радожецкой, Радонеской) острогъ и начаша „говорити Бояромъ и всей рати: *что здѣлася вашимъ нерадѣньемъ? столько рати побили, а того „Гришки не умѣли поймать.* Бояре жь и вся рать „оскорбишася; въ рати жь стало нестроеніе, мнѣ„ніе и ужасть отъ Царя Бориса. Съ тое же поры „многіе начаша думати, какъ бы Царя Бориса из„быть, а тому окаянному Гришкѣ служити."

(295) См. выше.

(296) См. Петрея, называющаго Корелу волшебникомъ. Выписывая сіе извѣстіе, Авторъ *Ядра Рос. Исторіи* обратилъ 600 въ 6000. Въ *Никон. Лѣт.* (и въ другихъ): „въ Кромахъ сидѣлъ измѣнникъ *Григорей Акинѳеевъ* да Атаманъ Донской Корела съ Донск. Казаками."

(297) Въ *Лѣтописцѣ о Мятежахъ:* „Михайло же „Салтыковъ, видя тѣмъ врагамъ тѣсноту, и не по„говоря съ Бояры, *Государевъ нарядъ* (пушки) све„де, наровя тому Гришкѣ." Это ошибка. Въ современной лѣтописи, изъ коей взято сіе извѣстіе, сказано такъ (см. *Ростов., Никон. Лѣт.* и проч.): „И какъ городъ сгорѣ, Государевы люди сѣдоша на „осыпи . . . біющесь безпрестанно . . . Михайло „жь Салтыковъ, видя тѣмъ врагомъ тѣсноту, и не „поговоря съ Бояры, *Государеву рать* сведе, а на„ровя тому Гришкѣ."

(298) См. Бера и Хронографы.

(299) См. *Ростов., Никон. Лѣт.* и проч.

(300) См. Бера.

(301) Паерле: „Третій, будучи уже не молодъ, хо„тѣлъ видѣть самого Димитрія . . . тотчасъ узналъ „его, упалъ къ нему въ ноги и не могъ сказать ни „слова отъ ужаса. Димитрій велѣлъ ему встать и „говорить. Монахъ сказалъ: *Вотъ нашъ законный „Царь, чудесно спасенный Богомъ! Мы видѣли, что*

„*человѣкъ, сидѣвшій на Димитріевомъ мѣстѣ, былъ не* „*истинный Димитрій*. Онъ просилъ, чтобы Царе-„вичь велѣлъ другимъ удалиться, и чтобы между „тѣмъ никого не выпускали изъ замка (или дворца). „Всѣ удалились, кромѣ человѣкъ трехъ ближнихъ. „Тогда Монахъ сказалъ: *Всемилостивѣйшій Госу-„дарь! знай, что одинъ изъ моихъ товарищей имѣетъ „у себя разные яды, и самый смертоносный спря-„танъ у него въ сапогѣ, между подошвами: кто при-„коснется къ сему яду, тотъ въ девятый день ужас-„но распухнетъ и лопнетъ. Двое изъ твоихъ Бояръ „взялись смѣшать оный съ ладономъ и посредствомъ „куренія отравить тебя въ церкви. Сіи измѣнники въ „сношеніи съ Борисомъ*. Димитрій велѣлъ ихъ приве-„сти къ себѣ и сказалъ: *Злодѣи! можете ли въ „старости быть столь вѣроломными? Тѣмъ ли „платите за мои милости? Помните ли, что на-„родъ выдалъ мнѣ васъ въ желѣзахъ и требовалъ ва-„шей казни, а я сдѣлался вамъ отцемъ? Теперь уже „нѣтъ милосердія!*...Они во всемъ признались...и были „выданы гражданамъ, которые разстрѣляли ихъ на „площади. . . Двухъ Монаховъ, не хотѣвшихъ объ-„явить истины, заключили въ темницу; а тре-„тьяго, спасшаго Димитрія отъ смерти, осыпали „милостями." Гревенбрухъ пишетъ тоже, но иначе.

(302) См. Гревенбр. 18 и де-Ту кн. 135, стран. 50.

(303) Въ Хронографѣ: „Борису же глаголы сія" (о томъ, что Лжедимитрій могъ быть истиннымъ Димитріемъ) „во уши приношаху; онъ же за сія „глаголы языки рѣзаше, и иныхъ многихъ мукамъ и „смерти предая; но никако отъ людей чаянія сего „отъяти не возможе."

(304) Въ письмѣ Лжедимитрія къ Мнишку отъ 11 Мая (см. Нѣмцев. Т. II, стран. 530): „По написа-„ніи сего письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ „Ливенъ, отъ тамошняго Воеводы, что 29 (13) „Апрѣля Борисъ торжественно принималъ иноземм-„цевъ" (въ другомъ мѣстѣ сказано: Датскихъ По-словъ): „вдругъ полилась у него кровь изъ носу, изъ „ушей, и нѣкая сила (sila nieiaka z Maiestatu go po-

„rwawszy) свергла его съ престола, ударила о землю „— и такимъ образомъ бѣдно скончалъ дни свои." См. Бера, Лубенскаго В. С. 31, Пясецкаго Chron. 265, де-Ту кн. 135, стран. 50. Въ *Ростов.*, *Никон. Лѣт.* (и въ другихъ): „Царю Борису вставшу изъ-„за стола послѣ кушанья, и внезапу пріиде на него „болѣзнь люта, и едва успѣ поновитись и постри-„щись, и бывъ два часа въ той же болѣзни, и скон-„чася." См. также Окружную Грамоту Патріарха Іова, въ *Собран. Г. Г.* II, 189, гдѣ сказано: „Послѣ „себя, Государя, приказалъ и благословилъ на вcѣ „великія Государства Рос. Царствія Царемъ сына „своего." Въ грамотѣ Ростов. Митрополита Кирилла о преставленіи Бориса: „Отходя отъ сего „свѣта, *при насъ*, богомольцахъ своихъ, приказалъ „и благословилъ на великіе Государства сына сво-„его." Въ Розрядн. Кн.: „Того же Апр. 13 нарекли „на Московское Государство Патріархъ Іевъ всѣмъ „Вселенскимъ Соборомъ и всякихъ чиновъ люди Го-„сударемъ Царевича Ѳедора Борисовича всея Ру-„сіи." Паерле сказываетъ, что Борисъ умеръ въ Золотой палатѣ.

(305) См. Хронографы, Морозов. Лѣт. и многія другія сказанія о концѣ Борисовомъ. Такъ говоритъ и Беръ, восклицая: O mala conscientia, quam timida bestia! Маржеретъ и другіе приписываютъ сію незапную смерть удару. Лубѣнскій (Op. Posth. 32) обвиняетъ Петра Басманова, будто бы уже подкупленнаго Самозванцемъ, въ отравленіи Годунова.

Морозов. Лѣтописецъ такъ судитъ Годунова умершаго: „О преславный Царю Борисе, паче же „неблагодарный! почто душепагубнаго дѣла по-„искалъ еси? почто мятежа душу твою испол-„нилъ еси? Не удовляся величествомъ власти своея, „юже ти дарова Богъ, почто незлобиваго младен-„ца, Царева сына, смерти горькой предалъ еси, и „Царскій родъ въ Россійскомъ Государствѣ пре-„сѣклъ еси, и Царскій престолъ себѣ восхитилъ, „его же недостоинъ былъ еси? Почто благородіе „свое погубилъ еси, жену и чадъ своихъ горькія и „безчестныя смерти сподобилъ еси отъ худаго и „убогаго раба, и Царство великія Россіи возму-

„тилъ еси (отъ сего же и запустѣніе восприяло „есть)? Се и возмездіе воспріялъ еси. Не погасилъ „еси любве завистію, но возжеглъ еси паче; не умалилъ еси чести заколеніемъ, но протяглъ еси множае. Ельма того убилъ еси, и умерый тебе муцѣ „предасть. Не убоялся еси того жива суща, тѣмъ „же убойся скончавшагося. Не трепеталъ еси хо„тяй наносити мечь, но объятъ будеши трепе„томъ всегдашнимъ по изліяніи крове. Скончавый„ся Владыка бысть тебѣ страшный, и месть воз„дая!“

Беръ говоритъ о Борисѣ: „Объ немъ можно по „истинѣ сказать, что онъ жилъ какъ левъ, царство„валъ какъ лисица, умеръ какъ песъ!“

(306) Въ грамотѣ Ростов. Митрополита къ Архимандр. Усольскаго Введенскаго монастыря (полученной мною отъ А. И. Ермолаева): „Божіимъ пра„веднымъ судомъ за нашъ грѣхъ Великаго Государя „нашего, Царя и В. К. Бориса Ѳедоровича, *правед„ная* и *безпорочная* душа съ сего свѣта *къ Богу „отошла* Апр. въ 13 д., а по его Государеву обѣ„щанію Богъ его, Государя, сподобилъ восприяти „Ангельскій Образъ, во Иноцѣхъ Боголѣпъ.“

(307) Въ *Собраніи Госуд. Грам.* II, 192: „Цѣлую „крестъ Государынѣ своей, Царицѣ и В. Княг. „Марьѣ Григорьевнѣ, и ея дѣтемъ, Государю своему „Царю и В. К. Ѳедору Борисовичу всеа Русіи, и „Государынѣ своей Царевнѣ и В. Княжнѣ, Ксеньѣ „Борисовнѣ.“ Единственно изъ уваженія къ матери Царской именовали ее въ государственныхъ бумагахъ прежде Ѳеодора: такъ въ молитвахъ церковныхъ поминали Ирину прежде Бориса; такъ и въ присягѣ Лжедимитрію сказано: „цѣлую крестъ „Государынѣ своей, Царицѣ и В. Княгинѣ, Инокѣ „Марѳѣ Ѳедоровнѣ всеа Русіи, и прироженому Го„сударю своему, Царю и В. К. Дмитрею Ивановичу всеа Русіи“ (см. тамъ же, стран. 202). Мать не имѣла никакой *государственной* опеки надъ Ѳеодоромъ. Далѣе: „Также мнѣ надъ Царицею . . . и „надъ Царемъ . . . и надъ Царевною въ ѣствѣ и въ „питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ лиха не учини-

„ши и не испортиши, и зелья лихого и коренья не „даваши. . . . Семіона Бекбулашова и иного нико-„го на Московское Государство не хошѣши, и съ „нимъ не знашься и не дружишься, и не ссылашь-„ся грамошками и словомъ къ нему ни на какое ли-„хо не приказываши, и *къ вору, который называет-„ся Княземъ Дмитріемъ Углецкимъ,* не пристава-„ши . . . и шого вора на Москов. Государсшвѣ ви-„дѣши не хошѣши,“ и проч.

(308) То есшь, Ѳеодору присягали и какъ наслѣд-нику и какъ Царю. Въ Хронографахъ: „Тогда ему „сущу шесшнадцаши лѣшъ. Аще бо и юнъ сый „лѣшными числы, но смысломъ и разумомъ многихъ „превзыде сѣдинами совершенныхъ: бѣ бо зѣло из-„ученъ премудросши и всякого философскаго есше-„сшвенномословія, и о благочесшіи присно упражня-„шеся; злобы жь и мерзосши и всякого нечесшія „ошнюдъ ненависшенъ бысшь; шѣлесною же добро-„шою возрасша и зрака благолѣпною красошою аки „кринъ въ шерніи паче всѣхъ блисшашеся. Аще бы „не Шаршарный мразъ цвѣшъ благородія его раз-„дробилъ, шо мнѣлъ бы убо быши шого плоду чу-„десну въ добрѣ всячесшвенномъ.“ Въ Лѣшописцѣ Кубасова (*Русск. Достопамятн.* I, 174): „Царе-„вичь Ѳеодоръ ошроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣ-„шущи, яко цвѣшъ дивной на селѣ ошъ Бога пре-„украшенъ, и яко кринъ въ полѣ цвѣшущь; очи имѣя „велики черны, лице же ему бѣло, млечною бѣло-„сшію блисшаяся; возрасшомъ средній, шѣломъ изо-„биленъ; наученъ же бѣ ошъ ошца своего книжно-„му почишанію; во ошвѣшѣхъ дивенъ и сладкорѣ-„чивъ вельми; пусшошное же и гнилое слово ни-„когда же изъ усшъ его исхождаше; о Вѣрѣ и о по-„ученіи книжномъ со усердіемъ прилѣжаше.“

(309) См. выше, сшран. 92.

(310) См. Бера.

(311) Въ *Никон. Лѣт.*: „Онъ же Пешръ ошвѣща „къ нимъ лсшивыми словесы, чшо хошѣлъ имъ „правду дѣлаши. Онъ же всю злую бѣду содѣя. Боя-„ромъ же“ (Мсшиславскому и Шуйскимъ) „повелѣ-

„та быти къ Москвѣ . . . и тѣмъ все дѣло испор-
„тися подъ Кромами." По Розряди. Ки велѣли тогда начальствовать К. Мих. Петр. Катыреву-Ростовскому и Петру Ѳед. Басманову въ Большомъ полку, К. Вас. Вас. Голицыну и К. Мих. Ѳед. Кашину въ Правой Рукѣ, Ив. Ив. Годунову и Мих. Глѣб. Салтыкову въ Передовомъ полку въ Стороржевомъ К. Андрею Андр. Телятевскому и К. Мих. Самсон. Туренину, Замятнѣ Ив. Сабурову и К. Лукѣ Осип. Щербатову въ Лѣвой Рукѣ. См. также и Хронографы.

(312) См. Маржерета 122. Число означено имъ здѣсь по Новому Стилю. Мстиславскій и Шуйскіе тотчасъ уѣхали въ Москву, не объявивъ войску о смерти Борисовой (sans que l'armée fut advertie de sa mort). См. также *Никон. Лѣт.* 65 и Бера. Въ Хронографахъ сказано, что не все войско присягнуло Ѳеодору: „иніи не восхотѣша креста цѣло-
„вати, и Митрополита къ Москвѣ отослаша." Сказаніе Маржеретово достовѣрнѣе.

(313) Въ Хронографахъ: „Видѣвше Воеводы К. Вас.
„да К. Ив. Голицыны да П. Басмановъ въ полцѣхъ
„сомнѣніе, и сами усумнишася, и восхотѣша отъ-
„ѣхати отъ Борисова сына."

(314) См. *Никон. Лѣт.* 65.

(315) См. The Russian Impostor, стр. 61, и Пясецкаго Chron. г. 1605.

(316) См. выше, примѣч. 307, и въ *Собран. Госуд. Грамотъ* II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку отъ 24 (14) Мая, гдѣ сказано: „Войско прислало" (К. Ив. Голицына), „милосердія прося . . . сказывая
„то, что мы всѣ отъ Бориса прельщены были, и
„по смерти Борисовой сыну его присягать и его
„за Государя имѣть *хотѣли* . . . но форма прися-
„ги инако намъ выдана была, не такъ, какъ мы ра-
„зумѣли: понеже въ оной формѣ *имя Гришки не*
„*упомянуто*, дабы мы противнымъ образомъ съ
„тобою, природнымъ Государемъ нашимъ, В. Ц.
„Димитріемъ Ив. поступали" (то есть, противъ

тебя стояли). „Мы же остереглись и единогласно „сказали, дабы ты . . . надъ нами благополучно го„сударствовать изволилъ,“ и проч.

(317) См. Нѣмцев. D. P. Z. III, T. II, 531 (въ письмѣ Разсприги къ Мнишку отъ 1 Мая) и Дѣла Польск. No. 27, л. 93, гдѣ сказано: „Пришолъ къ нему опять „въ Путивль Мих. Ратомской, собравъ многихъ „Польскихъ и Литовскихъ людей,“ и проч. Маржеретъ (стр. 113) пишетъ, что у Лжедимитрія было тогда 600 Польскихъ всадниковъ.

(318) Abram Bachmetow, człowiek zacny: см. Нѣмцев. II, 529, въ письмѣ Разсприги къ Мнишку отъ 1 Мая, гдѣ прибавлено: „Того же дни“ (28 Апр. по Ст. Ст.) „наши сдѣлали вылазку изъ Кромъ и взя„ли плѣнниковъ, единогласно увѣряющихъ, что Бо„риса не стало, и что въ войскѣ ихъ великое смя„теніе: одни держатся стороны Борисова сына, „а другіе нашей . . . Сей часъ Ливинскій Воевода „извѣстилъ насъ, что 29 Апрѣля перешло къ намъ „нѣсколько служивыхъ людей изъ окрестныхъ го„родовъ: они разсказываютъ весьма обстоятельно „о Борисовой смерти.“

(319) См. *Никон. Лѣт.* 65, и Отвѣты Литовскихъ Пословъ въ Архивѣ Кол. Ин. Дѣлъ; а Маржеретъ, безъ сомнѣнія несправедливо, именуетъ Салтыкова въ числѣ вѣрныхъ Воеводъ.

(320) См. Паерле.

(321) Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: „съ ними же „въ совѣтѣ городы Рязань, Тула, Кошира, Олексинъ.“ Въ Хронографахъ: „къ себѣ присвоивше многіе Дѣти „Боярскіе, *Новогородскіе* и Рязанскіе, Ляпуновыхъ „съ иными Дѣтми Боярскими.“ См. также рукописное *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(322) Такъ у Бера и Маржерета (по Нов. Стилю); а въ *Сказаніи* означено 9 число. Паерле разсказываетъ слѣдующее: „Изъ Кромъ писали къ Лжеди„митрію, что сія крѣпость неминуемо будетъ взя„та Московскими Воеводами, если онъ не спасетъ

„ее. У него было единственно 100 Ляховъ; но скоро пришло ихъ къ нему 500. Лжедимитрій послалъ „сію дружину и 3000 Россіянъ къ Кромамъ съ Воеводою, Ляхомъ Запорскимъ, который, будучи еще „въ шести миляхъ оттуда, именемъ Димитрія написалъ письмо къ ея начальникамъ, послалъ его съ „однимъ вѣрнымъ человѣкомъ и далъ ему наставленіе. Московская стража схватила и предоставила „сего человѣка Князю Голицыну и Басманову: у него взяли мнимое письмо Димитріево, въ коемъ было сказано: *шлю къ вамъ* 2000 *Поляковъ и* 8000 *Россіянъ, а скоро и самъ буду съ* 40,000 *Королевскихъ „воиновъ, уже приближающихся къ Путивлю*. Голицынъ и Басмановъ испугались; начали разсуждать, что Димитрій есть истинный сынъ Іоановъ; открылись предводителю Нѣмецкой дружины, Розену; склонили его къ измѣнѣ, и велѣли ему „перейти съ 4000 Нѣмцами за рѣку на обширную „равнину. Видя такое движеніе, Иванъ Годуновъ, „стоявшій съ другой стороны крѣпости съ 90 тысячами воиновъ, спросилъ у Розена, куда онъ идетъ? „Розенъ отвѣчалъ: *драться съ Поляками, которые „уже не далеко*. Между тѣмъ и Басмановъ повелъ „туда же 50 или 60 тысячь Россіянъ, остановился „на мосту, поднялъ вверхъ письмо Димитріево и „закричалъ: *вотъ грамота отъ нашего истиннаго Царя! кто хочетъ служить Димитрію, тотъ иди къ „намъ, на эту сторону рѣки; а кто останется на „другой, тотъ будетъ измѣнникъ, рабъ Годуновыхъ*. „Сдѣлалось смятеніе и междоусобіе, въ коемъ пало не менѣе тысячи воиновъ. Димитріева сторона одержала верхъ. Ив. Годунова взяли въ плѣнъ. „На другой день Басмановъ съ 4000 всадниковъ отправился въ Путивль, увидѣлъ малое число людей „у Запорскаго и догадался, что письмо было обманомъ; однакожь присягнулъ Димитрію," и проч. Это въ главныхъ обстоятельствахъ не согласно съ извѣстіями достовѣрнѣйшими. Въ Хронографахъ: „Егда же дни наставшу, и *оба* войска начаша вооружатися, и ставшимъ обоимъ на битву: Князь „же Василей да К. Иванъ Голицыны, да Мих. Салтыковъ, да П. Басмановъ со всѣми своими полки „поидоша къ сопротивнымъ яко на битву; прочія „же стояша зряще и дивящеся, и Крому рѣку пре-

„шедшимъ, полки сопр тивныхъ дата имъ путь.
„И паки Атаманъ Корел съ Казаками смѣло на
„остальную силу Московскую ударишась — и смя-
„тошася, и плещи давше, побѣгоша; сіи же гоня-
„ще бичи ихъ, біюще, а не сѣкуще, грабяще и гла-
„голюще: *потомъ на бой не исходите!* Воеводу же
„ихъ, Ив. Годунова, поимавше.“ *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ* имѣетъ бол е признаковъ истины. Лжедимитрій не посылалъ войска къ Кромамъ, откуда дѣйствительно была вылазка, но прежде измѣны Басманова (см. выше, примѣч. 318).

(323) Такъ пишетъ Беръ. Паерле говоритъ, что Розенъ присталъ къ измѣнникамъ (см. выше, примѣч. 322).

(324) См. *Никон. Лѣт.* 66.

(325) Лжедимитрій въ письмѣ къ Мнишку отъ 1 Мая подписался еще *Царевичемъ*, а въ другомъ отъ 14 Мая уже *Царемъ* (см. Нѣмцев. II, 529).

(326) Ихъ было съ нимъ до тысячи, какъ сказано въ Отвѣтахъ Пословъ Литовскихъ. См. также Петрея 308 и въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, II, 196, письмо Отрепьева къ Мнишку. К. Ив. Голицынъ и товарищи его сказали Лжедимитрію: „Мы послали нѣ-
„сколько чиновныхъ людей въ Москву, объявить
„ей, что войско тебѣ присягнуло, и требовать,
„чтобы она сдѣлала то же.“

(327) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 66.

(328) См. письмо Отрепьева въ *Собран. Г. Г.* II, 196, Маржерета 123, Гревенбруха 23, и Отвѣты Литовскихъ Пословъ, гдѣ сказано: „Потомъ въ до-
„розѣ“ (встрѣтили Разстригу) „мих. Салтыковъ
„Морозовыхъ и Петръ Басмановъ, оба два Сена-
„тори, маючи съ собою со двѣстѣ человѣка; по
„нихъ опять К. Василей Голицынъ и Шереметевъ,
„также Сенатори, съ многими иншими людми . . .
„припровадили его (Самозванца) до Орла, гдѣ въ
„тотъ часъ вси полки были.“

(329) Лжедимитрій, какъ пишетъ Маржеретъ, распустилъ тѣхъ, которые жили по сю сторону Москвы, а другую часть войска послалъ къ столицѣ, чтобы перехватывать съѣстные припасы.— См. также Гревенбруха 24.

(330) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* Въ концѣ 1604 года Орловскимъ Воеводою былъ Ѳед. Анд. Яропкинъ; но когда Мстиславскій и Шуйскіе осадили Кромы, тогда велѣли быть *въ Орлѣ* Ѳедору Шереметеву (см. Розрядн. Кн.).

Лжедимитрій распорядилъ начальство въ войскѣ такимъ образомъ: „Въ большомъ полку К. Вас. „Вас. Голицынъ да К. Бор. Мих. Лыковъ; въ „правой рукѣ К. Ив. Семен. Куракинъ да К. „Лука Осип. Щербатой; въ передовомъ полку „Петръ Ѳед. Басмановъ да К. Алексѣй Долгорукой.“ О лѣвой рукѣ и сторожевомъ полку не сказано.

(331) Въ Хронографахъ: „К. Мих. Катыревъ да „Сем. Чемодановской съ вѣстію къ Москвѣ утекота.“ См. также *Никон. Лѣт.*

(332) См. Отвѣты Литовскихъ Пословъ и *Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ.*

(333) См. Маржерета и Бера.

(334) Въ Розрядн. Кн.: „Пошелъ (Лжедимитрій) „на Тулу, а къ Москвѣ послалъ Дворянъ, Гавр. Григ. „Пушкина, да Наума Мих. Плещеева.“ См. также *Никон. Лѣт.* и Бера.

(335) См. Хронографы и Бера.

(336) См. Бера. Петрей разсказываетъ слѣдующую басню: „Народъ Московскій съ лобнаго мѣста „послалъ спросить у К. Вас. Ив. Шуйскаго, дѣй„ствительно ли онъ схоронилъ въ Угличѣ Іоаннова „сына; а Шуйскій отвѣчалъ, что Димитрій укрыл„ся отъ злодѣйства Борисова; что вмѣсто его за„рѣзали въ Угличѣ Поповскаго сына, и что истин„ный Димитрій идетъ къ Москвѣ съ войскомъ.“

Литовскіе Послы въ своихъ Отвѣтахъ не умолчали бы о семъ случаѣ, доказывая, что сами Россіяне заставляли Поляковъ вѣрить Лжедимитрію: сіи Послы не щадили Шуйскаго, хотя онъ уже былъ тогда и Царемъ. Въ часъ народнаго совѣщанія Князь Василій находился въ Кремлѣ съ Царемъ, Патріархомъ и другими Боярами.

(337) См. *Никон. Лѣт.*, Маржерета 124 и Бера.

(338) Въ Хронографахъ: „Возшумѣша аки лютая „буря, и предобраго Царя, Өеодора Борисовича, аки „не возрастшаго и присно цвѣтущаго финика не„милосердыма рукама отъ престола Царьскаго от„торгнуша. Мати же его терзаше власы главы „своея и умильно народу моляшеся о сыну своемъ, „дабы пощадили, не предали смерти," и проч.

(339) См. Бера. Бѣльскій, называясь крестнымъ отцемъ Димитріевымъ, говорилъ мятежникамъ: „чѣмъ же будемъ подчивать Царя, когда выпьете „его вино?" Далѣе пишетъ Беръ: „Будучи золъ на „Медиковъ, изъ коихъ одинъ, Шотландскій Капи„танъ Габріель, хотя уже и давно умершій, вы„щипалъ ему бороду" (см. выше, стран. 99) „Бѣль„скій сказалъ черни, что сіи Медики были душею „и совѣтниками Бориса; что у нихъ много вина, „и что народъ смѣло можетъ пить его за Царское „здоровье. . . Они понесли убытку не менѣе двухъ „или трехъ тысячь талеровъ, кромѣ чужаго имѣ„нія, даннаго имъ на сохраненіе, и тогда разгра„бленнаго чернію."

(340) См. Т. IX, 434, и Т. X.

(341) См. *Никон. Лѣт.* и Розрядн. Книги.

(342) Въ Розрядн. Кн.: „Лжедимитрій съ Тулы къ „Москвѣ послалъ Боярина, К. Вас. Вас. Голицына, да „К. Вас. Рубца-Мосальскаго, да Дьяка *Богдана* Су„тупова" (у Петрея: Schreiber Iwan Bogdanow) „а „велѣлъ Цареву Борисову жену и сына ея убить." См. также и *Никон. Лѣт.* 68.

(343) Въ грамотахъ Лжедимитріевыхъ къ Россіянамъ отъ 11 Іюня: „*Іевъ*, Патріархъ Московскій и „всеа Русіи, и Митрополиты...и Бояре и Дворяне... „и Приказные люди . . . и Дѣти Боярскіе всего Рос. „Государства, и торговые люди . . . въ своихъ винахъ *добили* намъ *челомъ*“ (см. *Собран. Г. Г.* II, 200).

(344) Іовъ, по воцареніи Василія Шуйскаго призванный изъ заточенія въ Москву, издалъ грамоту къ народу и такъ говоритъ въ ней: „Множество „народа царствующаго града Москвы внидоша во „Св. Соборную и Апостольскую церковь со оружіемъ и дреколіемъ во время св. и божественнаго пѣнія, и не давъ совершити Бож. Литургіи, и „внидоша во св. Олтарь, и меня, Іева Патріарха, „изъ Олтаря взяша, и въ церкви и по площади таская позориша, и въ Царскихъ полатахъ подобіе „Христова тѣлеси и Преч. Богородицы и Архангеловъ, иже уготовлено было на Господню плащаницу подъ златые чеканные образы, и то вражіею „ненавистію раздробиша, и на копья и на рогатины встыкая, по граду и по торжищу носяху.“ См. также и *Никон. Лѣт.* 68.

(345) См. *Никон. Лѣт.* Беръ пишетъ: „Посадили „ихъ на навозныя телеги, везли черезъ пни и колоды, безъ покрова и тюфяковъ, въ дождливое время . . . нѣкоторые изъ сихъ несчастныхъ умерли „дорогою.“ Въ *Никон. Лѣт.*: „Сем. Годунова сослаша въ Переяславль Залѣской со К. Юрьемъ Пріимковымъ Ростовскимъ, и тамъ его удушиша.“

(346) См. *Никон. Лѣт.* 69. Въ The Rus. Impostor такъ описывается послѣдняя бесѣда несчастной Маріи съ сыномъ и дочерью: „О дѣти милыя, безцѣнный плодъ взаимной, нѣжной любви вашихъ родителей! о радость и тоска моя! обнимите меня . . . такъ будемъ ждать смерти лютой! Но, „можетъ быть, злодѣй, отнявъ у насъ способъ вредить ему, удовольствуется своею добычею, и еще „позволитъ намъ жить въ горести . . . Нѣтъ! „спокойствіе злодѣя требуетъ гибели того, кто „оскорбленъ имъ столь жестоко!“ и проч.

(347) Въ *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*: „Царевича жъ „многіе часы давиша, яко жъ не по младости въ „тѣ поры далъ ему Богъ мужество; тѣ жъ зло-„дѣи ужасошася, яко единъ съ четырмя борящеся; „единъ же отъ нихъ взятъ его за тайные уды и „раздави.“ Въ Степен. Кн. Латухина: „Царь же „Өеодоръ нача убійцъ со слезами молити, чтобы „скорою смертію животъ его прекратили . . . „единъ же отъ убійцъ веземъ древо веліе и удари „Өеодора по раменамъ.“

(348) Въ *Никон.* и *Ростов. Лѣт.*: „Той же К. Ва-„силей съ товарищи сказа мірови, что Царица и „Царевичь со страстей испиша зелья и помроша.“ Петрей собственными глазами видѣлъ на мертвыхъ знаки удавленія (см. его M. Chr. 314). Въ *Никон. Лѣт.*: „Царевна жь едва оживе . . . постригоша „(ее) и сослата въ Володимеръ въ Дѣвичій мона-„стырь.“ Это было уже послѣ. Въ современной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*, также и въ Хронографахъ: „дщерь повелѣ въ живыхъ оста-„вити, дабы ему лѣпоты ея насладитись . . . еже „и бысть.“ См. также Бера, который пишетъ, что Ксенію до прибытія Разстриги держали въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; но въ Морозов. Лѣт.: „Царевну повелѣ (Отрепьевъ) блюсти въ до-„му К. Вас. Мосальскаго.“ Въ одномъ рукописномъ извѣстіи о Самозванцѣ прибавлено, что онъ, будучи Монахомъ Чудовскимъ, видалъ Ксенію въ церкви. На гробницахъ Маріи Годуновой и Өеодора означенъ день ихъ убіенія: 10 Іюня (такъ и въ Хроникѣ Петреевой).

(349) „Праведную кровь Царевича Димитрея мстя „Богъ за отческое согрѣшеніе надъ такою жь не-„скверною кровію, надъ сыномъ его, надъ Царевичемъ Өеодоромъ,“ и проч.

(350) Такъ сказано въ одномъ изъ Хронографовъ съ прибавленіемъ: „Гдѣ слава и высокоуміе Борисово? „гдѣ чертоги златоверхіи, трапезы пресвѣтлыя и „тельцы упитанныя? гдѣ рабы и рабыни? Кто „можетъ жены и чада изъяти отъ руку спекула-„тора (палача), возводящима има очеса своя сѣмо

„и овамо, и не обрѣтающе никого же себѣ помощ-
„ника? . . . Өеодоръ же вмалѣ послѣ отца своего
„Царскія державы насладися, и тако, аки тихъ
„овенъ на ничтоже злобу имуще, скончася; о немъ
„же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ своихъ
„возрыдаша за непорочное его житіе.“

(351) См. *Никон. Лѣт.* Въ Морозов. Лѣт.: „Царя „Бориса извергоша изъ храма Архистр. Михаила, и „повелѣша извлещи на сонмище съ великимъ поруга-„ніемъ, и каменіе нань меташи и ногами пхаши „тѣло его, поверженное и на земли лежащее; и по-„гребоша его въ единомъ отъ убогихъ монасты-„рей, именуемомъ Варсонофьевскомъ, обону стра-„ны Неглинны.“ О *поруганіи* тѣла нѣтъ ни слова въ другихъ извѣстіяхъ. Въ монастырѣ Св. Варсонофія находилось родовое кладбище всѣхъ Годуновыхъ. Онъ былъ между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія.

(352) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ въ Архивѣ Кол. Иностран. Дѣлъ.

(353) См. выше, въ описаніи измѣны Воеводъ подъ Кромами, также Отвѣты Сигизм. Пословъ и *Никон. Лѣт.* 68.

(354) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 200 — 203.

(355) См. въ The Russian Impostor, стран. 78, письмо Лжедимитріево къ Англ. Агенту Мерику изъ Тулы отъ 8 Іюля, и письмо сего послѣдняго къ Лжедим. въ Архивѣ К. И. Дѣлъ.

(356) См. Бера, *Никон. Лѣт.* 70 и рукописное *Сказаніе о Самозванцѣ*.

(357) См. Бера.

(358) См. Гревенбруха 24, де-Ту CXXXV, 52, The Rus. Imp. 76, Петрея 314 и Бера.

(359) „И Патріархъ или Митрополитъ,“ пишетъ Гревенбрухъ: вѣроятно, Грекъ Игнатій, Святитель

Рязанскій, который сдѣлался Патріархомъ (см. ниже).

(360) См. Петрея и Бера. Въ *Никон. Лѣт.* 70: „Дню жь бывшу вельми красну, мнози видѣша подъ „Москвою надъ градомъ и надъ посадомъ стояще „тьма; окромѣжь града нигдѣ не видяху."

(361) См. *Лѣтопись о Мятежахъ, Ростов.* и *Никонов.*

(362) См. Морозов. Лѣт.

(363) См. Бера и Петрея 317.

(364) См. Морозов. Лѣт.

(365) См. *Собр. Г. Грамотъ*, II, 206 и слѣд., также Послужный Списокъ Чиновниковъ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 77.

(366) См. *Исторію Рос. Іерархіи*, I, 122. Въ Хронографахъ: „Тогда же" (въ царствованіе Разстриги) „и Филаретъ, Великій Старецъ, изъ заточенія „пріиде . . . его же тогда едва Священ. Соборомъ „умолиша и поставиша Митрополитомъ Ростову „граду."

(367) См. Т. X, стран. 215.

(368) Въ Архив. Розрядн. Книгѣ No. 109: „Розстрига велѣлъ быти у себя Царю Симеону Бекбулатовичу . . . встрѣча ему первая . . . и вторая," и проч.

(369) См. Хронографы, *Собран. Г. Грамотъ*, II, 250 и 261; также Миллера Samml. R. G. V, 275.

(370) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 261, Бера и Гревенбруха.

(371) Въ *Указателѣ Рос. Законовъ*, I, 129: „Л. 7114 „(1606), Февр. въ 1 день, Бояре приговорили: которые Бояре и Дворяне, и Дѣти Боярскіе, и Вла-

„дычнихъ и монастырскихъ вотчинъ бьютъ челомъ „о судѣ въ бѣглыхъ крестьянѣхъ . . . до 110 году, „до голодныхъ годовъ за годъ . . . и тѣхъ пригово- „рили отдавати старымъ помѣщикомъ, и которые „выбѣжали въ 110 г., и во 111 и во 112 въ голодныя „лѣта съ животы, а прожити имъ было мочно . . . „и тѣхъ отдавати. . . А которыя бѣгали съ жи- „воты въ дальнія мѣста . . . верстъ за тысяча и „больше . . . и растерявъ животы, пришли къ „инымъ помѣщикомъ въ бѣдности, и про то сыски- „вати. . . Да будутъ окольніе люди скажутъ, что „онъ былъ не бѣденъ . . . а прокормиться ему бы- „ло мочно . . . и того отдати старому помѣщи- „ку или вотчиннику. . . А про котораго скажутъ, „что онъ въ тѣ голодныя лѣта сбрелъ отъ бѣдно- „сти, что было ему не мочно прокормиться, и „тому крестьянину жити за тѣмъ, кто его въ го- „лодное время перекормилъ. . . А которые кресть- „яне въ голодныя лѣта пошли въ холопи къ своимъ „или къ стороннимъ помѣщикомъ или вотчинни- „комъ, и кабалы служивыя на себя подавали . . . и „сыскивати накрѣпко: будетъ сшелъ отъ бѣдно- „сти, и тѣмъ истцомъ отказывати: въ голодныя „лѣта тотъ помѣщикъ или вотчинникъ прокор- „мить его не умѣлъ. . . А которые люди учнутъ „говорити, взялъ его помѣщикъ во дворъ сильно . . . „и о томъ сыскивати крѣпостьми, въ кое время „кабалы писалъ: будетъ на Москвѣ и въ городѣхъ „въ книги писаны, и по тѣмъ кабаламъ въ холопи „выдавати: потому,ималъ бы на него кабалу силь- „но, и онъ бы о томъ при запискѣ билъ челомъ; а „кабалы въ книгахъ не записаны, и тѣмъ вѣрити „нечему. А которые крестьяне послѣ голодныхъ „лѣтъ выбѣжали . . . и тѣхъ отдавати старымъ „помѣщикомъ и вотчинникомъ. . . А на бѣглыхъ „крестьянъ по старому приговору далѣ пяти лѣтъ „суда не давати.“

(372) Въ Legende de la vie et de la mort de Demetrius (писанной однимъ купцемъ иноземнымъ, свидѣтелемъ Лжедимитріева убіенія, и напечатанной въ 1606 году въ Амстердамѣ, книжкѣ рѣдкой и любопытной): Il avoit entour de sa personne une garde de quelques hallebardiers Allemands, qu'il a menés avec

soy de Pologne . . . ils furent incontinent congédiez, et de mesme furent cassez et licentiez tous les soldats d'estrange nation. См. также *Собран. Г. Грамотъ*, II, 259, 260.

(373) *Собраніе Госуд. Грамотъ*, II, 207. Сія роспись Чинамъ Думнымъ писана въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1605 рукою Секретаря Лжедимитріева, Яна Бучинскаго.

(374) См. Бера и Петрея 319.

(375) См. Маржерет. 142.

(376) См. *Собран. Г. Грамотъ* II, 261.

(377) Въ современной рукописи, полученной мною отъ А. И. Ермолаева, нашелъ я *Челобитную и похвалу*, писанную Благовѣщенскимъ Протопопомъ Терентіемъ къ *Царю Димитрію*, гдѣ сказано: „Радуемся убо и веселимся мы недостойніи, видяще „(въ) тебѣ свѣтлаго храборника . . . твердаго адаманта, рачителя и красителя Христ. Церкви . . . „милость на языцѣ носящаго . . . и припадаемъ на „колѣну, и поклоняемся (тебѣ) тѣлѣснѣ вкупѣ и „душевнѣ," и проч. — Французскій переводъ грамоты Іерусалимскаго Патріарха Софронія къ Лжедимитрію находится въ Москов. Архивѣ Кол. Иностран. Дѣлъ. „Мы душевно скорбѣли (пишетъ Софроній) о кончинѣ Царя Өеодора, блаженныя памяти, твоего брата; но забыли свою горесть, „узнавъ, что ты, Великій Государь, здравствуешь. „Какъ описать радость всей Палестины? Большіе „и малые, юные и старые, мужи и жены, славятъ „Бога. . . . Мы повѣсили три лампады надъ гробомъ Господнимъ, которыя пылаютъ денно и „нощно во имя Вашего Величества," и проч. Софроній писалъ сію грамоту еще въ то время, когда Самозванецъ шелъ къ Москвѣ. Онъ (Патріархъ) жаловался ему на Князя Адама Вишневецкаго, который отнялъ двухъ Арабскихъ лошадей у Монаха Іерусалимскаго Симеона.

(378) См. Т. X, стран. 216, — *Ростов.*, *Никон.* и другія лѣтописи. Въ Степен. Кн. Лашухина: „Роз-

„стрига избравъ его (Игнатія) и посла къ преждебыв-
„шему Патріарху Іову во градъ Старицу, чтобы
„того Игнатія благословилъ на Патріаршество.
„Іовъ же, вѣдая въ немъ Римскія Вѣры мудрованіе,
„и не попусти сему въ Патріархахъ быти. Паки же
„Розстрига къ Патріарху того посылая, и муками
„страхъ налагая . . . Святитель же Божій, Іовъ,
„вся сія ни во что вмѣнивъ . . . и съ поношеніемъ
„къ Розстригѣ говорилъ, яко по ватагѣ и атаманъ,
„а по овцамъ и пастырь," и проч.

(379) Бывшій Выксинскій монастырь отъ Череповца въ двадцати-пяти верстахъ, а отъ Москвы до сего города (прямою дорогою, черезъ Дмитровъ, Кашинъ и проч.) менѣе пяти сотъ верстъ.

(380) Въ грамотѣ Царицы-Инокини Мареы къ Воеводамъ (въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307): „Онъ „(Самозванецъ), вѣдая свое воровство, по насъ, Вел. „Государыню, не послалъ многое время, а прислалъ „къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того бе„речи накрѣпко, чтобъ къ намъ никто не прихо„дилъ. . . А какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привезти, „и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, и иныхъ „людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и го„ворилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобъ мнѣ „его не обличити, претя намъ и всему нашему ро„ду смертнымъ убивствомъ," и проч.

(381) См. Отвѣты Сигизмундовыхъ Пословъ.

(382) См. Паерле. Въ Legende, по Новому Стилю, то же число: 28 — но ошибка въ мѣсяцѣ: Іюнь вмѣсто Іюля.

(383) Въ Отвѣтахъ Сигизм. Пословъ: „Великую „Княгиню Марью насильствомъ привелъ, абы его „за сына признала . . . и *въ шатрѣ* самъ только бу„дучи съ нею," и проч. См. Legende 4, Бера, Петрея 318 и Маржерета 126.

(384) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(385) Маржеретъ 126: finalement il se fit couronner le dernier de Juillet (по Нов. Стилю) qui se fit avec peu de cérémonie.

(386) Де-Ту CXXXV, 55, и Вассенберг. Gesta Vladislai IV, 19.

(387) См. Бера и Петрея 319.

(388) Янъ Бучинскій, въ Авг. 1605 пріѣхавъ къ Лжедимитрію гонцемъ отъ Мнишка, остался въ Москвѣ. Другой Бучинскій назывался Станиславомъ. Былъ еще третій Полякъ Секретаремъ у Самозванца: Станиславъ Слонскій, который ѣздилъ съ Аѳ. Власьевымъ въ Краковъ (см. ниже).

(389) См. Маржерет. 129.

(390) См. Бера и Петрея 320.

(391) Де-Ту CXXXV, 55.

(392) См. Dyaryusz wesela z Maryna, писанный Діаментовскимъ, въ Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza, Т. I, стран. 244 и 455, въ примѣч. 54.

(393) См. Бера и Петрея 320.

(394) Беръ разсказываетъ, что у Лжедимитрія были лучшія Англ. собаки для медвѣжьей травли, борзыя, гончія; что будучи съ Боярами въ селѣ Тайнинскомъ, онъ велѣлъ спустить съ цѣпи медвѣдя, сѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ сего яростнаго звѣря.

(395) Legende 8.

(396) Тамъ же 7 и 29 (о расточительности Самозванца).

(397) *Собраніе Г. Грамотъ* II, 261.

(398) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ выпискахъ Альбертранди.

(399) См. ниже, въ описаніи Маринина въѣзда въ Москву.

(400) Де-Ту CXXXV, 52. Ниже упомянемъ о развалинахъ сего дворца Борисова. Лжедимитрій велѣлъ сломать его какъ жилище кудесника или чародѣя. Увѣряли, что тамъ, въ подземной храминѣ, нашли статую, держащую въ рукѣ лампаду и окруженную множествомъ пороха, отъ коего взлетѣлъ бы дворецъ и весь Кремль на воздухъ, если бы не загасили лампады и не разбили статуи.

(401) См. Rzeczy Polsk. w Moskwie za Dymitra, также Bankiet Hospodara Moskiew., Нѣмцев. Dzieie Panow. Zygmunta III, T. II, 578.

(402) См. современную рукописн. *Повѣсть о Б. Годуновѣ и Разстригѣ*, и Хронографы, гдѣ сказано: „Сотвори себѣ (Лжедим.) въ сей жизни на потѣ„ху, а въ будущій вѣкъ знаменіе превѣчнаго своего „домовища, его же въ Рос. Царствѣ ни въ иныхъ, „кромѣ подземнаго, никто не видѣ: *адъ* превеликъ „зѣло, имѣющь у себе *три главы*, и содѣла обоюду „челюстей его отъ мѣди бряцаніе веліе; егда же „разверзетъ челюсти своя, и изовну его *яко* пла„мя“ (то есть, подобіе, а не самое пламя) „пред„стоящимъ ту является . . . зубы же ему имѣю„щу осклабленны и ногти яко готовы на ухапле„ніе, и изо ушію яко же пламени распалившусь — „и постави его онъ проклятый прямо себѣ из „Москвѣ-рѣцѣ, себѣ на обличеніе, дабы ему изъ „превысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти нань „повсегда,“ и проч. См. также Вагнера Gesh. des Russ. Reichs 129.

(403) См. Авр. Палицына 24, Морозов. Лѣт., Бера и Петрея 318. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Ксенію заключили въ Владимірскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ; но туда перевезли ее уже въ царствованіе Шуйскаго. Лжедимитрій взялъ къ себѣ несчастную Ксенію послѣ своей коронаціи въ Іюлѣ, а Мнишекъ въ Декабрѣ писалъ къ нему, чтобы онъ, избѣгая соблазна, удалилъ отъ себя Царевну, дочь

Борисову (см. *Собран. Г. Грамотъ* II, 243): слѣдственно Ксенія жила у него мѣсяцевъ пять.

(404) См. Петрея 370, Хронографы и Legende 6 и 25, гдѣ также сказано, что *Лжедимитрій* никогда не хотѣлъ заглянуть въ Чудовъ монастырь, опасаясь, чтобы тамошніе Иноки не узнали его.

(405) Въ *Сказаніи, еже содѣяся* и проч.: „Князь Вас. „Ивановичь съ братомъ повѣдаша торговымъ лю-„дямъ, Ѳедору Коневу, да Костѣ лекарю: *повѣдай-„те тайно міру, что не Царевичь Димитрей* . . . „они же безъ разсужденія многимъ людемъ повѣда-„ху, и услышано бысть Басманову.“ См. также *Ростов.*, *Никон. Лѣт.*, Хронографы и Бера.

(406) Не Іюня 25, какъ означено въ Хронографахъ, и не 10 Іюля, какъ въ Исторіи де-Ту: ибо ковъ Шуйскаго открылся уже послѣ Самозванцева коронованія: см. Маржерета 127. — Въ Хронографахъ: „въ приставѣхъ же у него (К. Василія) быша Мих. „Салтыковъ да Петръ Басмановъ . . . Басмановъ „же нача ѣздити и сложенный Розстригою списокъ „народу чести.“

(407) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Бера и Паерле.

(408) См. Маржерет. 127.

(409) Тамъ же: vint sa grace procurée par l'Impératrice mère et par un Polonois nommé Bouchinsqui (Бучинскій). *Legende* 6: par l'intercession du Chancelier Ottonasi (Аѳан. Власьева). Въ *Никон. Лѣт.* 72: „едва „упроси его“ (Самозванца о милосердіи къ Шуйскому) „Царица Марѳа и Боляре.“ Авр. Палицынъ 21: „усрамившеся, Поляки у Розстриги едва испро-„сиша его отъ посѣченія.“ К. Александръ Ив. Шуйскій умеръ въ 1601 году.

(410) См. Авр. Палицына 21. Въ Legende, стран. 25, сказано, что *Лжедимитрій*, будучи родомъ изъ Галича, велѣлъ посадить тамъ въ темницу мать свою съ ея вторымъ мужемъ и до шестидесяти родственниковъ. Замѣтимъ несогласіе: Аврамій го-

ворить о свидѣтельствѣ матери, брата и дяди Разстригина, о казни Ѳедора Калашника (или Калашникова) и Тургенева, а *послѣ* о ссылкѣ Шуйскихъ; въ Степен. Книгѣ Лапухина и въ Морозов. Лѣт. *повторено* сказаніе Авраміево: въ первой прибавлено, что Самозванецъ *въ третій день* своего воцаренія уже былъ обличаемъ родственниками; но другіе пишутъ (см. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* 72), что К. Вас. Шуйскаго осудили прежде Тургенева. Въ Legende 6: on n'a depuis lors (послѣ ссылки Шуйскихъ) entendu parler journellement autre chose, que des trahisons et toutes sortes de conspirations, de quoy se sont entre-suivies tant de tortures, flagellations, disgraces, relegations, confiscations . . . que c'estoit un cas estrange de les ouyr. Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* „114 „году предъ Рождествомъ Христовымъ (въ 1605 г.) „уразумѣша многіе Бояре и Дворяне, что не прямый Царевичь Димитрей . . . и восхотѣша его „убити, и дойде вѣсть Розстригѣ, и переимата „многихъ Дворянъ Царскихъ и служивыхъ людей, и „многими пытками пыташа.“ А. Палицынъ 23: „Отъ злыхъ враговъ Казаковъ и холопей вси умніи „токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще. Аще „бо на кого нанесутъ, яко Розстригою парицаетъ „кто, и той человѣкъ безвѣстно погибаетъ; и во „всѣхъ градѣхъ Россійскихъ, и въ монастырехъ, и „мірстіи и Иноцы мнози погибоша, овіи заточеніемъ, овѣмъ же рыбная утробы вѣчный гробъ „бысть.“ См. также *Никон. Лѣт.* 72.

(411) См. Авр. Палицына 21, Степен. Кн. Лапухина и Морозов. Лѣт.

(412) См. А. Палицына 22 и Хронографы.

(413) Въ Генв. 1606: см. Бера, Legende 7, Петрея 322, Маржерет. 128. Первый пишетъ: „Тѣлохранители Маржеретовой сотни имѣли бердыши съ „золотымъ Царскимъ гербомъ; древки были обтянуты краснымъ бархатомъ (прикрѣпленнымъ серебряными гвоздиками), увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Сіи воины носили кафтаны и плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ. Але-

„бардщики второй сотни имѣли платье фіолето-„ваго цвѣта, обшитое красными бархатными снур-„ками, съ рукавами изъ красной камки; алебардщи-„ки третьей сотни отличались зеленою бархат-„ною обшивкою на кафтанахъ и рукавами изъ зе-„леной камки.“

(414) См. Авр. Палицына 23.

(415) См. тамъ же.

(416) Въ Legende 8: cependant que ce calme duroit.

(417) См. *Собран. Госуд. Грамотъ*, II, 211, 221; см. также *Столпцы* и Дѣла Польск. г. 1605, No. 26 (гдѣ въ разныхъ мѣстахъ упоминается о гонцахъ, посыланныхъ Самозванцемъ къ Сигизмунду и Мнишку) и Нѣмцев. D. P. Zygm., II, 532 — 534. — Бояре въ учтивомъ отвѣтѣ своемъ благодарятъ Мнишка отъ имени мужей Думныхъ и всего *Московскаго Рыцарства* за великія услуги, оказанныя имъ Самозванцу.

(418) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 251, 269, и No. 27, л. 99, 100.

(419) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 218.

(420) См. тамъ же, 223, 231, 249, 272. Александръ Рангони былъ въ Москвѣ отъ Септ. до Ноября 1605. Лжедимитрій писалъ къ Папѣ 30 Ноября, другое письмо въ Декабрѣ, и послалъ къ нему Іезуита Лавицкаго въ началѣ 1606 года; а Папа писалъ къ Маринѣ 3 Дек. 1605 и въ Апрѣлѣ 1606 (убѣждая ее содѣйствовать всѣми силами введенію Латинской Вѣры въ Россіи) и еще двѣ грамоты къ Самозванцу, 11 Февр. и 10 Апр. 1606 (см. Выписки Альбертрандіевы изъ Ватиканской Библіотеки л. 659 — 670, и Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 554). Послѣдняя грамота, вѣроятно, уже не дошла до Лжедимитрія. „Зная (пишетъ Павелъ V) твое уваженіе къ Св. „Престолу нашему и пламенное желаніе способ-„ствовать Христіанскому дѣлу, мы ждали отъ „тебя грамотъ столь нетерпѣливо, что уже на-

„чали-было винить Посла твоего, А. Лавицкаго, „въ нерадѣніи. . . Наконецъ онъ прибылъ, и вручивъ „намъ письма, говорилъ о тебѣ съ такимъ чув„ствомъ, что извлекъ слезы изъ нашихъ очей . . . „Какихъ бѣдствій не испыталъ ты, сынъ возлю„бленный! . . . Лишенный отцевскаго и дѣдовскаго „престола, ты долженъ былъ, спасая жизнь, ски„таться въ странахъ чуждыхъ. Но изъ самаго бѣд„ствія возникла блестящая твоя слава: ибо въ „отечествѣ, мирѣ и благоденствіи, ты едва ли бы „могъ пріобрѣсти знанія нужныя для счастія „твоихъ подданныхъ. . . Се дивная милость Небес„ная! . . . Остается тебѣ дѣйствовать данными отъ „Бога талантами. . . Имѣешь поле обширное для „сѣянія и жатвы. . . Будь вторымъ Константи„номъ, утверждая первый въ своемъ отечествѣ „Церковь Римскую. Наставляй юношество въ Сво„бодныхъ Наукахъ, и собственнымъ примѣромъ учи „Христіанскимъ добродѣтелямъ . . . . Вѣра Каѳо„лическая едина: да будетъ же единодушіе и лю„бовь въ цѣломъ мірѣ, не взирая на отдаленіе мѣстъ! „. . . Открываемъ тебѣ всю глубину чувствъ на„шихъ: впечатлѣй же ихъ глубоко въ сердцѣ, и по„вели, да услышитъ твой народъ гласъ истиннаго „Пастыря, земнаго Намѣстника Христова! Отпу„скаемъ къ тебѣ Лавицкаго по его желанію, но во„преки нашему: столь пріятна намъ бесѣда сего „мужа благочестиваго! Отпускаемъ съ условіемъ, „чтобы онъ, какъ можно скорѣе, сюда возвратил„ся, предоставивъ тебѣ многое отъ имени нашего: „главное есть, да не ввѣряешь себя и людей своихъ „еретикамъ, и да слѣдуешь совѣтамъ мужей разум„ныхъ и благочестивыхъ. И такъ вѣрь ему. Онъ „будетъ для тебя еще любезнѣе: ибо съ нимъ по„сылаемъ къ тебѣ даръ великій: Апостольское на„ше благословеніе."

(421) Legende 7.

(422) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 266.

(423) См. выше въ сей *Исторіи*, послѣ 212 примѣчанія.

(424) Въ Авг. 1605: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 213.

(425) Вотъ титулъ Лжедимитріевъ въ Латинскихъ грамотахъ: Nos serenissimus ac invictissimus Monarcha Demetrius Ioannis, Dei gratia Caesar et Magnus Dux totius Russiae, universorumque Tartariae Regnorum atque aliorum plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Dominus et Rex. Въ Русскихъ: „Наяснѣйшій и непобѣдимый Самодержецъ, „Великій Государь Димитрей Ивановичь, Божіею ми- „лостію Цесарь и Вел. Князь всеа Русіи, и всѣхъ „Татарскихъ Царствъ и иныхъ многихъ Госу- „дарствъ, Московской Монархіи подлеглыхъ, Госу- „дарь, Царь и Обладатель.“ См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 221 и 224.

(426) См. тамъ же, стран. 226.

(427) Секретарю Лжедимитріеву, Яну Бучинскому, въ Генв. 1606 (см. тамъ же, стран. 259).

(428) См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra, въ Выпискахъ Альбертранди.

(429) См. Нѣмцев. Dz. P. Zygm. III, T. II, 534, Poselstwo Kn Moskiew. Dimitra.

(430) См. тамъ же, стран. 553. Вотъ переводъ сей Польской Оды, напечатанной въ Краковѣ у Яна Шелинга въ 1606 году): „О Фебъ и дщери великаго „Юпитера! ежели вы когда либо занимались пѣсно- „пѣніемъ, то воспойте нынѣ Царя Димитрія, Мос- „ковскаго Самодержца. — Воспоемъ всѣ торже- „ственную пѣснь Всевышнему! Димитрій сильною „дланію снова объялъ похищенныя у него страны „Сѣвера! — О племя Славянъ, знаменитое въ мірѣ! „ликуй и радуйся твоему союзу! Слава твоя до- „стигаетъ конца земли и касается неба! — Мари- „на, исполненная прелестей! ты вознесла родъ „свой до облакъ, и сіяешь лучезарнѣе всѣхъ дщерей „Славянскихъ!“ и проч.

(431) См. тамъ же, стран. 539 — 554, въ сказаніи очевидца о Марининомъ обрученіи.

(432) Пишутъ (см. Гревенбруха 32 и Нясецк. 223), что сіи дары, вмѣстѣ съ присланными Мнишку и ближнимъ его, стоили 200000 червонцевъ!! Послѣ того Секретарь Бучинскій вручилъ невѣстѣ алмазный крестъ съ именемъ Марины цѣною въ 12000 (злотыхъ?) драгоцѣнное ожерелье, четки изъ большихъ жемчужинъ, нѣсколько тяжелыхъ золотыхъ сосудовъ и проч.

(433) См. Rzeczy Polskich za Dymitra etc. Сему сказанію очевидца слѣдовалъ я въ означеніи дней. „14 „Ноября (по Новому Стилю) Власьевъ былъ пред„ставленъ Сигизмунду съ грамотами и дарами . . . . „15 Ноября Мнишекъ угощалъ Рос. сановниковъ ве„ликолѣпнымъ баломъ, на коемъ не было Власьева „за болѣзнію. 18 Н. Посолъ вторично видѣлъ Коро„ля и говорилъ о сватовствѣ. 19 Н. пріѣхала Мари„на въ Краковъ, а 22 обручилась съ Посломъ; на „другой день отправился гонецъ Липницкій къ Лже„димитрію. 24 Н. Посолъ былъ у Марины, какъ у „своей Царицы, и вручилъ дары брату ея . . . 3 „Дек. Марина выѣхала изъ Кракова въ Промникъ съ „отцемъ своимъ , съ Власьевымъ и всѣми Рос. чи„новниками: народъ тѣснился вокругъ ея кареты. „Посолъ и Мнишекъ немедленно возвратились въ „Краковъ, чтобы присутствовать на балѣ у Си„гизмунда. Въ тотъ же день Власьевъ получилъ отъ „Димитрія свадебные дары, и 12 Дек. вручилъ ихъ, „кому слѣдовало. 18 Дек. онъ уѣхалъ изъ Кракова, а „Мнишекъ и жена его остались съ Царицею въ „Промникѣ.“

(434) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 241.

(435) См. Нарушев. Hist. J. K. Chodkiewicza. I, 245. Гонецъ Безобразовъ, пріѣхавъ въ Краковъ послѣ Власьева, сказывалъ, какъ увѣряютъ, Сапѣгѣ и Госѣвскому, что Москвитяне готовы свергнуть Лжедимитрія съ престола и на его мѣсто *избрать* Королевича *Владислава* въ Цари: справедливо ли? Бучинскій писалъ къ Самозванцу изъ Кракова: „Хри-

„пуновъ сказалъ, что уже подлинно провѣдали на „Москвѣ, что онъ (Разстрига) не есть прямой Царь, „а увидятъ, что ему сдѣлають вскорѣ.“ См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 263.

(436) См. тамъ же, стран. 227, 236, Rzeczy Polskich, и выше въ сей *Исторіи* около примѣч. 219.

(437) См. Rzeczy Polskich и Diaryusz Maryny въ Нѣмцев. II, 556. Мнишекъ выѣхалъ изъ Кракова въ Самборъ 22, а Марина изъ Проминика 21 Генв. 1606.

(438) Въ Морозов. Лѣт.: „Повѣствуя бо о себѣ „окаянный (Разстрига), яко тридесять и четыре „лѣта царствовати имать.“

(439) См. Маржерет. 128, 129. Enfin, говоритъ онъ, l'on ne voyait autre chose que nopces et joye au contentement d'un chacun.

(440) См. Авр. Палицына 24 и Морозов. Лѣт.

(441) См. Хронографы и *Повѣсть о Разстригѣ*, гдѣ сказано: „яко мимошедшу полугоду.“

(442) См. Паерле.

(443) См. *Собран. Г. Грамотъ* II, 261, и Маржерет. 129.

(444) См. Бера и Петрея 325. Самозванцу сказали, что у Россіянъ были ножи подъ одеждою.

(445) См. Авр. Палицына 24.

(446) См. Гревенбруха, Legende и Бера.

(447) См. Бера, который самъ говорилъ проповѣдь въ Кремлѣ 11 Мая.

(448) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 300 и No. 27, л. 41, и Маржерет. 132. А. Палицынъ называетъ Лже-царевича Петра холопомъ Свіяжскаго Головы Стрѣлецкаго, Григорья Елагина.

(449) Въ *Legende* 29: Il (Самозванецъ) fut accusé d'avoir esté auteur du grand dégast advenu sur la rivière de Volga, se faisant publier à fausses enseignes pour le fils de Fedor Ivanovitz, lequel soubs ce prétexte il avoit suborné de le venir secourir avec plusieurs milliers de Cosaques pour s'assurer tant mieux du pays.

(450) См. *Никон. Лѣт.* 80, гдѣ прибавлено: „Тѣ „же Казаки съ воромъ (Петрушкою) воворотиша „назадъ, многіе городы и мѣста разориша, и прі„идоша къ Царицыну. Тогда жь посланы были По„слы въ Кизылбаши, К. Ив. Петровичь Ромодалов„ской: того тушъ и убиша, и Воеводу Ѳедора „Акинѳеева; а самъ тотъ воръ Петрушка (Василев„скій, человѣкъ Елагина) и съ Казаками пойде на „Донъ, и ту зимова."

(451) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 265, и ниже, рѣчь Шуйскаго къ заговорщикамъ.

(452) См. Бера.

(453) См. выше въ сей *Исторіи*, около примѣч. 246.

(454) См. ниже и Авр. Палицына 26.

(455) См. Нѣмцев. II, 579 и Кельха 494. Лжедимитрій велѣлъ-было строить мостъ черезъ Нарову, чтобы войско Россійское съ тяжелымъ снарядомъ могло вступить въ Ливонію.

(456) См. А. Палицына 26. — Лжедимитрій въ Сент. 1605 отправилъ къ Хану чиновника Аѳан. Мелентьева съ извѣстіемъ о своемъ воцареніи, а въ Генв. 1606 пріѣхалъ Казы-Гиреевъ Посолъ въ Россію (см. Дѣла Крымск. сего времени въ Архивѣ Кол. И. Д.). Обѣ стороны хотѣли мира.

(457) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 303.

(458) См. Бера, Петрея, де-Ту, Нѣмцев. и Нарушев.

(459) Это было въ Великій постъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 297; см. также Бера и *Никон. Лѣт.* 74, гдѣ сказано, что одинъ изъ Стрѣльцевъ донесъ Басманову на своихъ товарищей. Изрубили *семь* человѣкъ, по извѣстію Морозов. Лѣт.

(460) См. Аврам. Палицына 25 и Маржерет. 130, который говоритъ, что сего Дьяка сослали. Въ *Сказаніи, еже содѣяся,* несправедливо отнесено убіеніе Осипова къ послѣднему дню Разстригиной жизни.

(461) См. *Никон. Лѣт.* 73. Въ 1612 г. бывшаго Царя Симеона, названнаго въ Инокахъ Стефаномъ, перевели въ монастырь Кирилловъ Бѣлоезерскій (см. *Лѣт. Соловецк.*).

(462) См. Маржерет. 130 и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(463) См. *Собран.. Г. Грамотъ*, II, 275, 277, 281, 282, 284, и Rzeczy Polskich etc. Власьевъ, ждавъ Мнишка въ Слонимѣ, пріѣхалъ къ нему въ Самборъ.

(464) См. Нѣмцев. II, 556, въ описаніи Маринина путешествія, и Rzeczy etc., гдѣ сказано: „Всѣхъ „людей было съ Мнишкомъ и другими Панами 1969 „и 1961 лошадь, кромѣ двухъ или трехъ сотъ че„ловѣкъ, которые не принадлежали къ ихъ свитѣ.“ См. также Бера.

(465) Въ описаніи Маринина путешествія: „Сани, „въ коихъ сидѣла Марина съ знатнѣйшими Поль„ками, были весьма высоки, обиты соболями, съ „бляхами серебряными, съ дверцами и съ окончи„нами изъ прозрачнаго камня,“ и проч.

(466) См. Rzeczy etc., 26 Апрѣля.

(467) Тамъ же: „Димитрій просилъ Воеводу по„спѣшить къ нему съ одними ближайшими род„ственниками, чтобы условиться въ приготовле„ніяхъ къ свадьбѣ и во всѣхъ обрядахъ.“ — Аѳ. Власьевъ уѣхалъ напередъ въ Москву изъ Смоленска, и выѣхавъ опять на встрѣчу къ Маринѣ близъ

Вязмы, вручилъ ей отъ жениха алмазную корону, драгоцѣнную повязку на шляпу и проч.

Беръ (а за нимъ и Петрей) пишетъ, что Разстрига, желая праздновать Свѣтлое Воскресеніе съ Мариною, тайно выѣхалъ изъ столицы съ немногими людьми, встрѣтилъ невѣсту въ Можайскѣ, и провелъ тамъ два дни. Въ Журналѣ Маринина путешествія нѣтъ о томъ ни слова.

(468) Въ Журналѣ М. путешествія: „25 Апр. Царь „выслалъ четырехъ осѣдланныхъ лошадей, на коихъ „Воевода и родственники его въѣхали въ Москву. „За четверть мили встрѣтили ихъ Басмановъ, „одѣтый въ богатое гусарское платье, и 1500 лю- „дей знатныхъ . . . . *У тріумфальныхъ воротъ,* за „Живымъ мостомъ, стояли въ два ряда воины. . . „Тутъ находился скрытно и самъ Димитрій . . . „Мнишка проводили въ отведенный ему домъ, ку- „да тотчасъ нанесли множество кушанья изъ Цар- „ской кухни. Вся посуда была золотая. Родствен- „никъ Димитріевъ, К. Ив. Ѳед. Хворостининъ, отъ „его имени привѣтствовалъ Воеводу, который въ „сей день не видалъ Царя. Димитрій ѣздилъ въ мо- „настырь къ матери, въ бѣлой одеждѣ, на конѣ „свѣтлобуромъ . . . 5 Мая (25 Апр.) Мнишекъ от- „правился во дворецъ. . . . Съ обѣихъ сторонъ „трона стояло по два чиновника, вооруженные „бердышами съ золотыми рукоятками, въ бархат- „ной бѣлой одеждѣ, подбитой горностаями, и въ „бѣлыхъ сапогахъ; на лѣвой сторонѣ К. Димитрій „Шуйскій съ обнаженнымъ мечемъ, а за Царемъ „слуга въ богатомъ кафтанѣ, держа носовой пла- „токъ; а на правой сидѣлъ Патріархъ, предъ коимъ „держали крестъ на золотомъ блюдѣ," и проч. Рѣчь Самозванца см. въ Паерле. Вотъ нѣкоторыя мѣста: Es ist schwerlich zu entscheiden, ob ich mich mehr zu verwundern, als zu erfreuen habe. . . Nun aber haben wir schon vorlängsten desselben vermeinten Todt beweinet. . . . O Glück! wie ungleich bist du den Menshen und wie spielest du mit ihnen! . . . Gott, Gott ist es, durch Welches Vorsehung die ganze Welt administrirt wird . . . Muss ich Eure Kays. Majestät auf diesem Throne grüssen und Deroselben rechte Hand, welche

ich zuvor aus Freundschaft, als ein Wirth des Gastes, zu pflegen hatte, jezunt zum Zeichen des Gehorsames küssen . . . Ich habe Eurer Kay. M. viele Tugenden erkennet . . . als zu Feld liegen im höchsten Winter .. wenn auch die wilden Thiere sich in die Erde verkriechen, и проч. и проч. См. также Rzeczy Polskich etc., гдѣ сказано: „Воевода, выходя изъ дворца, встрѣ„тился на крыльцѣ съ Патріархомъ, который далъ „ему поцѣловать крестъ, но безъ благословенія. „За Духовенствомъ вышелъ Царь, коего вели са„новники подъ руки до самой церкви, а передъ нимъ „несли Державу. Воевода остановился въ сей цер„кви на паперти, желая видѣть обрядъ Богослуже„нія. Тутъ Димитрій, послѣ Обѣдни, нѣсколько вре„мени разговаривалъ съ нимъ сидя. . . Въ сѣняхъ „дворца стояло множество золотой посуды и семь „бочекъ серебряныхъ съ золотыми обручами. . . „Столовая комната обита Персидскою голубою „тканію . . . скатерть Царской трапезы вышита „золотомъ . . . . изъ огромнаго серебрянаго сосуда „текла вода въ тазы; но никто изъ Русскихъ не „умывалъ рукъ. . . Вся комната наполнена золоты„ми и серебряными сосудами,“ и проч.

(469) См. тамъ же.

(470) Тарелокъ обыкновенно не подавали.

(471) См. Rzeczy Polskich.

(472) Въ наказѣ Яну Бучинскому: „Чтобъ Воевода „у Легата Папина промыслилъ . . . чтобъ Панна „Марина причастилась отъ Патріарха нашего: по„тому что безъ того коронована не будетъ . . . . „чтобы ей позволено до Греческой церкви ходити „. . . . волосовъ бы не наряжала . . . . въ Суботу „мясо ѣла, а въ Середу бъ постилась.“ (*Собран. Г. Грамотъ*, II, 229).

(473) См. тамъ же, 268. Всѣ супруги Великихъ Князей были Греческой Вѣры — и дочь Витовтова. — Марина, какъ увидимъ, исполнила требованія Лжедимитріевы.

(474) Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* „Розстрига повелѣваетъ Гермогена сослати въ Казань, и санъ Святительскій съ него сняти, и въ монастырь заточити; но милостію Божіею сохраненъ бысть до умертвія Розстригина; а Іосифа, Еписк. Колом., послѣди же хотѣлъ въ заточеніе сослати."

(475) См. Бера, Петрея 328, Legende 9, Маржерет. 134, Гревенбруха, де-Ту, и Rzeczy Polskich, гдѣ сказано: „8 Мая" (Новаго Стиля) „Царь и Воевода „ѣздили на охоту и обѣдали въ шатрахъ, гдѣ 9 „Мая ночевала Царица, выѣхавъ изъ Вяземы, и пробыла тамъ два дни; 12" (т. е. 2 нашего Стиля) „въѣхала въ Москву" . . .

(476) Безъ возницы: каждую лошадь велъ богато одѣтый конюхъ. Въ описаніи Маринина путешествія (Нѣмцев. II, 562): „Приближаясь къ городу, „увидѣли мы великое множество людей на полѣ, „гдѣ стояли два шатра и были разостланы ковры. „Тамъ Польская Нимфа Марина вышла изъ кареты „и сѣла на богатыхъ креслахъ. . . Въ другомъ шатрѣ привѣтствовали Воеводу Сендомирскаго, и „подвели ему коня, отъ имени Царскаго, съ великолѣпною збруею, цѣною во сто тысячь" (чего?).

(477) См. Бера и Петрея; также выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 360.

(478) См. описаніе Маринина путешествія, въ Нѣмцев. II, 564.

(479) Въ *Legende* 9: elle (Марина) fut menée au cloistre, où se tenoient les Dames et Damoiselles, veuves et filles des grands Seigneurs et Boyares du pays. Авторъ хочетъ сказать, что въ семъ монастырѣ вдовы и дочери Боярскія обыкновенно постригались (а не то, чтобы онѣ встрѣтили тамъ Марину).

(480) Беръ пишетъ, что сей домъ Годунова находился въ Кремлѣ близъ дворца и Патріаршаго дома.

(481) См. Авр. Палицына и *Сказаніе, еже содѣяся.*

(482) См. Бера и Петрея.

(483) Они въѣхали въ столицу за часъ до Маринина въѣзда (см. Rzeczy Polskich).

(484) См. *Никон. Лѣт.* 73.

(485) См. Журналъ (Dyaryusz) Пословъ Сигизмундовыхъ, Олесницкаго и Госѣвскаго, въ выпискахъ Аб. Альбертранди.

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 73: „Онъ же злодѣй (Разстрига) являшеся Московскому народству словесы „своими, яко единой пяди Московской земли не отдамъ, рече, въ Литву, а сердце его окаяннаго давно къ нимъ желанное ихъ получити" (въ *Ростов.*: „исполнити").

(487) См. Legende 10.

(488) См. Rzeczy Polskich etc. и Нѣмцев. II, 565, гдѣ сказано, что Маринѣ не дозволили слушать Латинскую Обѣдню и въ день Пятидесятницы (по Новому Календарю Пасха была въ сей годъ 26 Марта Нов. Стиля).

(489) Legende 28.

(490) См. Rzeczy Polskich etc.

(491) См. Журналъ или Dyaryusz Пословъ Сигизмундовыхъ.

(492) См. Rzeczy Polsk. и де-Ту 74.

(493) Написано, вѣроятно ошибкою, 500,000 рублей: см. Rzeczy Polsk., гдѣ прибавлено: „Царь велѣлъ сказать невѣстѣ, что она можетъ дарить „сіи узорочья, кому хочетъ . . . Воевода Сендомирскій не успѣлъ отправить данныхъ ему денегъ „въ Польшу; но мы успѣли воспользоваться его „щедростію." Лжедимитрій подарилъ еще тестю

богатыя сани и прекрасную лошадь, которая, везя его во дворецъ, упала, въ предзнаменованіе бѣдствія, какъ пишутъ.

Король прислалъ въ даръ Самозванцу двухъ коней Турецкихъ и Неаполитанскаго, золотую цѣпь, нѣсколько серебряныхъ кубковъ и два рукомойника, Англ. собаку и проч., а Маринѣ корабль съ серебряною пушкою, подносъ съ виноградомъ, нѣсколько сосудовъ драгоцѣнныхъ и проч. Олесницкій поднесъ ей отъ себя и жены своей корону съ жемчугомъ, ожерелье съ алмазами и рубинами, и проч.

(494) См. Дѣла Польск. No. 26, л. 112.

(495) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 334.

(496) См. Нарушев. Hist. I. K. Chodk. I, 247, и Rzeczy Polsk.

(497) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 289 и слѣд., Rzeczy Polsk. и Dyaryusz Пословъ Литовскихъ, гдѣ сказано, что Лжедимитрій совѣтовался съ Боярами, какое вѣно назначить Царицѣ въ случаѣ его смерти, и положилъ, съ ихъ одобренія, дать ей Новгородъ и Псковъ; сказано также, что знатнѣйшіе изъ сановниковъ присягнули Маринѣ еще до ея вѣнчанія.

(498) Сей золотой тронъ, украшенный, какъ сказываютъ, тысячами камней драгоцѣнныхъ, былъ присланъ Шахомъ Царю Іоанну: см. Петрея 339.

(499) Въ Журн. Литов. Пословъ сказано, что Россіяне въ теченіе двухъ дней присягали Маринѣ. Вассенбергъ пишетъ, что въ храмѣ Успенія были съ нею Духовникъ ея Савицкій и другой Іезуитъ Черникъ (или Черниковскій), который говорилъ ей привѣтственную рѣчь на языкѣ Латинскомъ (см. Нѣмцев. II, 280).

(500) См. The Rus. Impostor 99 и Петрея 339.

(501) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293. За столомъ сидѣли только *до третьей ѣствы*. Пишутъ, что Самозванецъ не хотѣлъ слѣдовать древнему Русскому обычаю, установленному для прославленія женской непорочности: см. Гревенбруха 36.

(502) Однимъ изъ *главныхъ* упрековъ Лжедимитрію былъ тотъ, что онъ, не крестивъ Марины, вѣнчалъ ее Царскимъ вѣнцемъ: см. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 307.

(503) См. тамъ же, стран. 298.

(504) См. Журналъ или Dayryusz *Литов.* Пословъ.

(505) См. Rzeczy Polsk. Въ Legende сказано, что Разстрига съ своею молодою женою всталъ въ сей день очень поздно.

(506) U naszego przeslawnego Cesarza toz Popi, iako u was Papa (см. Журналъ Литов. Пословъ).

(507) Беръ (и за нимъ Петрей) разсказываетъ такъ: „въ день свадьбы Царь имѣлъ великій споръ „съ Боярами. Поляки хотѣли, чтобы невѣста оста- „лась въ ихъ платьѣ, не имѣя привычки къ Русско- „му; а Бояре требовали, чтобы какъ Царь, такъ и „Царица вѣнчались въ Русскомъ. Наконецъ Димитрій „сказалъ: *Хорошо, исполню желаніе Бояръ, чтобы „они не упрекали меня страстію къ иноземному. „Одинъ день ничего не значитъ.* Онъ упросилъ не- „вѣсту надѣть Русское платье; но въ слѣдующій „день прислалъ къ женѣ Польское и велѣлъ ей ска- „зать: *вчера я сдѣлалъ угодное моему народу, а „нынѣ дѣлаю, что мнѣ угодно.* Съ того дня Мари- „на носила Польскую одежду.“ См. еще Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(508) См. Legende 13.

(509) См. *Собран. Г. Грамотъ*, II, 293, Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polsk.

(510) То есть, жена Князя Димитрія.

*

(511) См. Rzeczy Polsk. и Нѣмцев. II, 576.

(512) Въ описаніи Царскаго пира (въ Нѣмцев. II, 576): „Когда поставили передъ Царемъ блюдо съ „сушеными Венгерскими сливами, то всѣ гости, „вставъ, подходили къ нему: онъ давалъ каждому „двѣ сливы, и каждый немедленно съѣдалъ ихъ.“

(513) См. тамъ же.

(514) См. Журналъ Литов. Пословъ и Rzeczy Polskich.

(515) О привѣтливости Марины, въ день ея въѣзда въ Москву, сказано въ Legende 9: la Princesse se monstra fort humble et gracieuse, en saluant non seulement toutes les Dames de la Cour, mais aussi *devisant* fort amiablement avec plusieurs autres bourgeoises de la ville.

(516) См. Гревенбруха 38.

(517) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: „Литовскіе люди „три дни и три нощи по дворамъ стрѣляху без„престанно . . . бысть шумъ великъ и крикъ и „стрѣльба . . . хожаху по рядомъ и по улицамъ со „оружіемъ и съ самопалы, и стрѣляху.“

(518) См. Журналъ Литов. Пословъ.

(519) См. *Сказаніе, еже содѣяся*, Журналъ Литов. Пословъ и Гревенбруха 38.

(520) См. выше, около примѣч. 453.

(521) См. выше, около примѣч. 491, Гревенбруха 37 и The Rus. Impostor 105.

(522) См. Бера, Петрея 340 и *Сказаніе, еже содѣяся*. Нарушевичь (въ Histor. J. K. Chodkiew. I, 247) говоритъ: „Поляки, употребляя во зло благосклонность „къ нимъ Царя, сдѣлались надменными, алчными „корыстолюбцами, грабителями, распутными; пре„зирали Россіянъ и Вѣру ихъ.“ Кобѣржицкій (стран.

67) приписываетъ своимъ единоземцамъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, libidinem, insolentiam, cupidinem, avaritiam; тоже говоритъ и Пясецкій.

(523) См. Гревенбруха 49.

(524) См. Бера и Петрея 332. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: „Начаша межъ себя совѣтовати втайнѣ, ка-„ко бы врага и еретика избыти, и присовокупи къ „себѣ (Шуйскій) православныя Вѣры сыновъ, избран-„ныхъ Царскихъ Дворянъ и служивыхъ людей изъ „Вел. Новаграда и Пскова и изо многихъ городовъ, „наипаче же всѣхъ Бояръ," и проч. Въ Степен. Кн. Лашукина: „И снидошася вкупѣ К. Вас. Ив. Шуйскій „съ братьями, да К. Вас. Вас. Голицынъ и К. Ив. „Семеновичь Куракинъ, и положиша совѣтъ, что „Розстригу убити, а по немъ изъ нихъ кому „Царемъ быти, и никому за прежніе досады не „мстити, но общимъ совѣтомъ Россійское Цар-„ство управляти."

(525) Беръ: „надѣясь, что сей юный Герой бу-„детъ усерденъ къ Вѣрѣ и къ Русскимъ обычаямъ." См. также де-Ту CXXXV, 77, The Russ. Impostor 101, Гревенбруха 59 и Пясецк. Chron.

(526) Петрей 333: „Въ церковь за нимъ ходятъ „Ляхи съ собаками." См. также Хронографы.

(527) См. Бера, также *Собран. Г. Грамотъ*, II, 309. Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: „ К. Василій же Ив. „Ш. рече: *Мы готовы пострадати за православную „Вѣру, а вы будьте также готовы, какъ ударятъ „въ колокола . . . Се нынѣ время смертію живота „купити*. . . . Се же слышавше, православные Хри-„стіане радовашася . . . и возопиша со слезами: „*Боже! не остави насъ!*" и проч.

(528) 20,000, по сказанію Пясецкаго.

(529) См. Бера и Петрея 341.

(530) См. Аврам. Палицына 27, *Собран. Г. Грамотъ* II, 309, и Журналъ Литов. Пословъ. Въ *Повѣ-*

сти о *Борисѣ Годуновѣ* и *Разстригѣ*: „Святая бы „мѣста ему (Джедимитрію) осквернити и мона-„стыри въ домы поганцомъ сотворити, и юныхъ „Иноковъ и Инокинь образа Иноческаго лишати и „въ свѣтлая порты облачати, и Иноковъ умы-„сли женити, а Инокинь за-мужъ давати," и проч.

(531) См. Rzeczy Polsk. и Журналъ Литов. Пословъ; см. также Маржерет. 136.

(532) См. Бера и Rzeczy Polskich. Другіе пишутъ, что заговорщики на канунѣ бунта именемъ Царя велѣли тѣлохранителямъ итти домой; но такой обманъ долженъ былъ немедленно открыться.

(533) См. Legende 15.

(534) См. Rzeczy Polskich, гдѣ сказано, что сему войску надлежало итти въ Крымъ; но оно собиралось тогда въ Ельцѣ.

(535) Въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: „гово-„рятъ, что въ эту ночь Царь не спалъ, а все весе-„лился." См. также Rzeczy Polskich.

(536) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: „и быша готовы, „всю нощь ожидающе реченнаго звону."

(537) Беръ говоритъ: „въ третьемъ часу утра" — Маржеретъ: „въ шесть часовъ" — Legende: „въ „семь часовъ" — въ *Сказаніи, еже содѣяся*: „свѣтаю-„щу утру и *восходящу солнцу*:" слѣдственно въ 38 минутъ четвертаго часу.

(538) См. Legende 16 и *Сказаніе*.

(539) См. Бера и Петрея 342. Въ Legende 17: L'Empereur, oyant le tumulte, saulta de son lict, prenant sa robe de nuict, demandant ce que c'estoit. Напротивъ того въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ: „Царь ра-„но вышелъ изъ комнатъ на крыльцо, увидѣлъ Аѳ. „Власьева и К. Триг. Волконскаго, бывшаго При-„ставомъ у Пословъ (Сигизмундовыхъ) и спросилъ, „что говорятъ объ немъ Послы? Волконскій — не „зная, кажется, чему надлежало случиться — отвѣ-

„чалъ Царю, и сошелъ съ крыльца . . . . Тутъ ударили въ набатъ . . . . Народъ говорилъ, что Литва „рѣжетъ Бояръ, и что онъ бѣжитъ спасти ихъ," и проч. Другіе пишутъ, что народъ кричалъ: „спасемъ и Царя и Бояръ отъ Литвы!" См. также Паерле, Rzeczy Polskich и Legende 17. Слѣдуемъ Беру въ описаніи главныхъ обстоятельствъ.

(540) Беръ: „Ну, безвременный Царь! проспался-ли ты? зачѣмъ не выходишь къ народу? . . . Басмановъ, схвативъ Царскій палашъ, отрубилъ голову сему дерзкому." Петрей: „Басмановъ, схвативъ саблю, которая висѣла на стѣнѣ, отсѣкъ „ему голову."

(541) Въ Legende: au lieu que tous les jours il (Лжедимитрій) avoit 100 hallebardiers de garde, il ne s'y trouverent point 30, voire pas un Capitaine. Маржеретъ былъ нездоровъ, какъ онъ сказывалъ Историку де-Ту. О слугахъ и музыкантахъ см. въ Журналѣ Пословъ Литовскихъ.

(542) См. Бера и Петрея 344. Въ Журналѣ Пословъ: „Басмановъ закричалъ Царю: *умираю, а ты „думай о себѣ;* сталъ въ дверяхъ и защищался." Маржеретъ, согласно съ Беромъ, пишетъ, что Басманова зарѣзали въ сѣняхъ: en une gallerie tout contre le quartier de l'Empereur.

(543) Беръ сказываетъ, что Лжедимитрій вышелъ было къ мятежникамъ съ палашемъ (или Турецкою саблею, какъ пишутъ другіе), но видя ихъ множество, ушелъ назадъ; что они вырубили нѣсколько досокъ въ стѣнѣ; что тѣлохранители говорили: „мы всѣ вмѣстѣ могли бы спасти Царя, если бы „имѣли оружіе не только для красы и вида;" что Самозванецъ, не останавливаясь, пробѣжалъ мимо комнатъ Марининыхъ (или, какъ говоритъ Паерле, давъ женѣ совѣтъ укрыться) въ каменный дворецъ, откуда выпрыгнулъ въ окно. Паерле сказываетъ, что тутъ во время свадьбы были сдѣланы подмостки, съ которыхъ упалъ Разстрига. Въ Legende: „Димитрій сталъ противъ народа, хотѣлъ драться, „засучилъ рукава своей рубашки, требовалъ меча,

„обыкновенно передъ нимъ носимаго; но хранитель „сего меча (или тесака) скрылся."

(544) См. Журналъ Пословъ Литовскихъ.

(545) Въ *Никон. Лѣт.* 75: „Стрѣльцыжь подхва-„тиша и возведоша его опять въ полату, и біяху-„ся за него; начаша жь Стрѣльцы Бояромъ глаго-„лати: идемъ ко Царицѣ и допросимъ ее," и проч. По другому вѣроятнѣйшему сказанію (см. Бера, Петрея, Паерле и Журналъ Пословъ Литовскихъ) Стрѣльцы защищали Лжедимитрія не во дворцѣ, а тамъ, куда онъ выпрыгнулъ изъ окна; во дворецъ внесли его уже послѣ Мароина свидѣтельства. Въ Степен. Кн. Латухина: „Стрѣльцы же и вси слу-„живые люди Болярамъ его не отдаша, но къ Ца-„рицѣ Мароѣ *поведоша*, хотяху отъ нея увѣдати, „аще той есть сынъ ея. . . И егда Боляре и слу-„живые люди, и весь народъ, къ Царицѣ въ мона-„стырь пріидоша и вопрошати вси начаша, она же „многія слезы изливаетъ и всю истину возвѣ-„щаетъ, яко не знаю человѣка сего, и нѣсть мой „сынъ . . . Слышавъ же народъ и Боляре, и съ яро-„стію вора того восхитиша", и проч. Въ Дѣлахъ Польск. No. 26, л. 187 на. об.: „Его злодѣя (Разстригу) „облича взяли изъ хоромъ, убили, и была въ тѣ „поры при немъ въ хоромѣхъ, и то видѣла, какъ „его убили, дочь Воеводина" (Марина). Такъ гово-рилъ Панамъ Сигизмундовымъ нашъ Посланникъ, К. Волконскій, въ Авг. 1606 года.

(546) Въ Дѣлахъ Польскихъ No. 26, л. 5: „Царицу „Иноку Мароу всенароднымъ множествомъ вопро-„сивше; она же все явнѣ исповѣда, яко сынъ ея на „Угличѣ убіенъ бысть повелѣніемъ Бориса . . . сего „же смердящаго пса и злаго аспида не вѣмы, отку-„ду приде; исповѣдати же не смѣюще долгое вре-„мя, боящеся злаго прещенія его, и женскою немо-„щію одержима . . . Нагія же вси то же исповѣда-„ша." Тамъ же, 83: „Обличаетъ его вора" (Мароа Разстригу) „передъ всѣми людьми, что сынъ ее за-„рѣзанъ на Углечѣ и умеръ у нее на рукахъ."

(547) Тамъ же, л. 5: „И образъ лица его (Мароа „Лжедимитріева) „изъ сокровищъ своихъ изнесе."

(548) „Беръ: Бояре внесли его“ (Самозванца) „въ „комнаты, прежде великолѣпныя, но тогда уже „разграбленныя и загаженныя. Въ прихожей находились тѣлохранители подъ стражею, обезоруженные и печальные: Царь взглянулъ на нихъ, и „слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ руку къ одному изъ нихъ, но не могъ выговорить „ни слова... что думалъ, извѣстно единому сердцевѣдцу Богу: вѣроятно, вспомнилъ неоднократныя „предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ. Вильгельмъ Фирстенбергъ пробрался во внутреннія „комнаты за Боярами, желая знать, что будетъ „съ Царемъ: его закололъ одинъ Бояринъ подлѣ „самаго Царя“, и проч. Въ Legende иначе: „Узнавъ, „что Димитрій, выпрыгнувъ изъ окна, убился, „Фирстенбергъ сбѣжалъ съ крыльца, и нашелъ Царя еще живаго; но онъ расшибъ себѣ грудь: кровь „лилась у него изо рта; голова также была вся „въ крови. Фирстенбергъ съ товарищами взнесъ „Димитрія наверхъ, въ Царскія комнаты, гдѣ его „освѣжили холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тутъ Бояре начали говорить „съ нимъ и допрашивать; но не льзя знать, что „между ими происходило. Фирстенберга умертвили, дабы онъ не разгласилъ сей тайны,“ и проч.

(549) См. Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(550) См. Бера.

(551) См. тамъ же. Въ Дѣлахъ Польскихъ No. 26, л. 83: „да и самъ еретикъ Гришка сказалъ, что все „дѣлалъ мечтами бѣсовскими.“ Въ грамотѣ Бояръ (см. *Собран. Г. Г.* II, 300): „а какъ его поймали, „и тотъ воръ и самъ сказалъ, что онъ Гришка „Отрепьевъ.“

(552) Въ *Сказаніи, еже содѣяся*: „Убиша Гришку „въ палатѣ за дворцомъ“ (въ новомъ дворцѣ, за старымъ) „два избранна воина, Иванъ Васильевъ сынъ „Воейковъ, да Григорій Волуевъ.“ Сего Волуева обратили иноземцы въ Wolnik и Mulnik. Беръ пишетъ, что Россіяне, одѣвъ Самозванца въ платье пирожника, толкали, щипали его и говорили: „смо-

„трите на Царя Всероссійскаго! такіе Цари у насъ „на конюшняхъ;" что К. Вас. Шуйскій ѣздилъ между тѣмъ верхомъ передъ дворцемъ, возбуждая въ гражданахъ и въ воинахъ ревность истребить Самозванца; что въ то мгновеніе, когда Лжедимитрій палъ отъ двухъ выстрѣловъ, всѣ Князья и Бояре обнажили сабли: одинъ разсѣкъ ему голову, другой ногу, третій руку," и проч.

(553) См. Бера и Legende. Въ Журналѣ Литов. Пословъ: „Чернь влекла трупъ убитаго Царя мимо „Дѣвичьяго монастыря и спрашивала у его матери: „*это твой ли сынъ?* Мать сказала: *для чего вы не „спросили о томъ у меня, когда онъ былъ еще живъ? „теперь онъ уже не мой.* Въ Legende: „положили ему „(Самозванцу) на брюхо гнусную маску (найденную „въ комнатахъ у Марины), дудку въ ротъ, волынку „подъ мышку, и мѣдную деньгу въ руку, какъ бы „въ награду за игру его." Петрей: „Одинъ Дворя„нинъ прискакалъ верхомъ изъ Кремля съ волынкою „и маскараднымъ платьемъ . . . кинулъ мертвому „на брюхо платье, всунулъ въ ротъ дудки, а пу„зырь положилъ на грудь, и сказалъ: *ты, негодяй, „часто заставлялъ дудить: теперь дуди самъ въ нашу „забаву.*" Въ Журналѣ Пословъ: „Ноги Димитріевы „лежали на груди у Басманова. . . Сказали народу, „что маска нашлася въ комнатахъ у Царя, и слу„жила ему вмѣсто иконъ, найденныхъ у него подъ „кроватью."

(554) См. Rzeczy Polskich, гдѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Марина скрылась подъ юбкою своей Гофмейстерины, и чтобы Бояре осрамили благородныхъ Полекъ, какъ разсказываетъ Беръ, весьма непристойно, хотя и на языкѣ Латинскомъ (за нимъ и Петрей 346.). „Гофмейстерина" пишетъ онъ, „увѣрила Бояръ, что Марина ушла къ отцу." Тутъ одна Полька, Хмѣловская, была ранена пулею, и чрезъ нѣсколько дней умерла.

(555) Въ Legende сказано, что спаслось только 5 или 6 музыкантовъ, убито же человѣкъ двадцать: Беръ умножаетъ ихъ число до ста, говоря, что они жили въ *монастырскихъ домахъ.* — Убитый Iезуитъ,

именемъ Помасскій, былъ Самборскимъ Настоятелемъ и Королевскимъ Секретаремъ: см. Litterae Annuae S. I. an. 1606, стран. 721 и слѣд., гдѣ сказано: „Въ домѣ, данномъ намъ по милости Димитрія, съ тѣмъ, чтобы учредить въ ономъ Коллегію „Общества, Россіяне выломили двери . . . Наши „братья ушли въ домъ къ Польскимъ купцамъ," и проч. Въ Rzecz. Polsk.: „Воевода Сендомирскій, ничего не зная о Царѣ и Царицѣ, крайне тревожился, „и не могъ дать имъ помощи: ворота наши съ улицы были завалены . . . вездѣ стояли рогатки," и проч: Въ Журналѣ Литов. Пословъ: „Нѣкоторыхъ „изъ нашихъ слугъ, рано вышедшихъ изъ дому, Москвитяне убили . . . Богъ хотѣлъ казнить насъ „за гордость, отнявъ у всѣхъ разумъ." Беръ: „Нѣкоторые Ляхи ускакали въ Нѣмецкую слободу, но „попались въ руки къ злодѣямъ, которые бѣжали „изъ Ливоніи и Германіи отъ казни, заслуженной „ихъ преступленіями: лишенные чести служить „Царю въ числѣ его тѣлохранителей, они болѣе „Русскихъ ненавидѣли Димитрія и Ляховъ: схватили „ли злосчастныхъ, обнажили, умертвили."

(556) Беръ: „Одинъ Дворянинъ Литовскій, выскочивъ въ рубашкѣ изъ спальни, спрятался въ погребѣ; „Русскіе нашли его: онъ кинулъ имъ свой кошелекъ съ „червонцами, отдавался въ плѣнъ, предлагалъ все имѣніе, которое было у него въ отечествѣ... кланялся „до земли, умолялъ именемъ Божіимъ и Св. Николая... „окровавленный, изсѣченный саблею, воскликнулъ: *о „Москвитяне! вы называетесь Христіанами: сжальтесь надъ бѣднымъ отцемъ и супругомъ; пощадите „меня ради жены и дѣтей моихъ!* . . Я былъ тому „свидѣтелемъ."

(557) См Rzeczy Polskich.

(558) Тамъ же: „К. Вишневецкій стрѣлялъ въ толпы изъ лука и не давалъ промаху . . . Шуйскій кричалъ ему, чтобы онъ не стрѣлялъ: вынувъ крестъ, „сей будущій Царь поцѣловалъ его въ удостовѣреніе нашей безопасности; вошелъ на дворъ и горько „заплакалъ, видя нѣсколько убитыхъ Россіянъ, которые силою вломились туда и были жертвою „своей дерзости. Шуйскій взялъ К. Вишневецкаго

„съ собою, въ одномъ жупанѣ.“ Вишневецкій жилъ въ домѣ Боярина Степана Александровича Волошскаго, Господаревича Молдавскаго.

(559) Въ Журналѣ Пословъ Литов.: „Мы, Посольскіе, увидѣвъ мятежъ, тотчасъ заперли дворъ свой, „вездѣ разставили гайдуковъ и людей вооруженныхъ, „готовились къ битвѣ и къ неизбѣжной смерти. „Противъ насъ, черезъ улицу, въ домѣ Степана Годунова, а нынѣ Голицына, стоялъ братъ Царицынъ, „имѣя не мало ратниковъ: мы сносились другъ съ „другомъ записками, привязывая ихъ къ стрѣламъ „и пуская оныя изъ лука со двора на дворъ. . . . Къ „нашему двору прискакали два сановника, Борисъ „Нащокинъ и другой, требуя свиданія съ Послами. „Къ нимъ вышелъ Староста Велижскій и сталъ въ „воротахъ. Они сидѣли на коняхъ, вооруженные „саблями и луками; поклонились ему и сказали: *К. „Ѳед. Ив. Мстиславскій, К. Вас.* и *Дм. Ив. Шуйскіе „и другіе Бояре велѣли сказать вамъ, Посламъ. . . . „не опасайтесь ничего . . . но не мѣшайтесь съ тѣми „Ляхами, которые пріѣхали сюда съ Воеводою Сендомирскимъ, чтобы изгубить (заѣсть) Русскихъ, и „сдѣлали столько зла.* Староста Велижскій отвѣтствовалъ: *Вы узнали, какъ говорите, что мнимый „Димитрій былъ обманщикъ, и для того умертвили „его: до сего намъ нѣтъ дѣла: да поможетъ вамъ „Богъ въ вашей правдѣ! . . Благодаримъ Бояръ за доброе къ намъ расположеніе. Но Воевода Сендомирскій „и спутники его ѣхали сюда не воевать и не губить „васъ, а въ гости и на свадьбу къ тому, кого вы признали Царемъ. Если нѣкоторые изъ нихъ виновны, „то за виновныхъ не стоимъ; но всѣ не должны страдать за немногихъ. Молимъ Бояръ, чтобы они уняли кровопролитіе . . . Не будемъ смотрѣть равнодушно на гибель нашихъ братьевъ.* . . . Прискакали „Князья Мстиславскій, Шуйскіе и другіе; начали „разгонять мятежниковъ . . . Мстиславскій прекратилъ убійства на Мясницкой улицѣ, гдѣ всего „болѣе пролилось крови . . . . Вокругъ Посольскаго „Двора разставили 500 Стрѣльцевъ.“

(560) Въ Rzecz. Polsk.: „Уже Москвитяне наводили „пушки на окна и стѣны; но мы еще могли бы

„обороняться въ каменныхъ подвалахъ своего" (Мнишкова) „дома. Камни сыпались на дворъ . . . Тутъ „пріѣхали чиновники, велѣли Сендомирскому Воеводѣ послать кого нибудь къ Думнымъ Боярамъ для „переговоровъ, и дали намъ въ залогъ Стрѣлецкаго „Сотника. Г. Воевода послалъ Гоголинскаго . . . Тa„тищевъ сказалъ ему: *Всемогущій Богъ, управляя „всѣми Царствами,*" и проч.

(561) Беръ: „наконецъ въ одиннадцатомъ часу тра„гедія кончилась." Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* „побиваху Литву со втораго часу дни до девятаго:" т. е. съ пятаго до двѣнадцатаго. Сіе кровопролитіе началось уже по истребленіи Самозванца.

(562) См. Бера, который говоритъ, что Ляховъ убито 2,135. Маржеретъ: comme l'on tient, 1,705 Polonois massacrez. Въ Rzecz. Polsk.: „нашихъ уби„то, по достовѣрному исчисленію труповъ, до 500 „человѣкъ" (въ Журналѣ Пословъ Литов.: *до тысячи человѣкъ*) „а Русскихъ вдвое." Въ *Сказаніи, еже содѣяся:* „Слышавше, что побиты тогда 5 Воеводъ „Польскихъ, 2 Воеводы Литовскихъ, 3 Старосты „Польскихъ Градскихъ, 6 Гетмановъ Угорскихъ, 3 „Рохмисты Литовскихъ, 8 *Бурмистровъ* Рижскихъ „и Нѣмецкихъ, 2 Капитана Нѣмецкихъ, да Дворянъ „Королевскихъ 65, да Римскихъ учителей, которые „пріѣхали съ Розстригою и съ Сендомирскимъ учи„ти Римскому Закону, 3 Кардинала, 4 Каплана, 2 „Студента; да всякихъ людей Польскихъ, и Литвы, „и Угрянъ, и Римлянъ, и Нѣмецъ, 2062 человѣка, да „раненыхъ 1307 человѣкъ, а послѣ и тѣ помроша; „да битыхъ ослопы и грабленыхъ до-нага, лежали „покинуты за-мертво, 2373 человѣка, опричь тѣхъ, „которыхъ побили по дорогамъ, что побѣжали изъ „Москвы, и въ стадѣхъ конскихъ." Это безъ сомнѣнія увеличено. Въ Журналѣ Пословъ: „Суббота про„шла въ ужасѣ, и въ слѣдующую ночь едва ли кто „нибудь изъ нашихъ могъ сомкнуть глаза . . . 18 Мая „пришелъ къ намъ Іезуитъ Савицкій, коего мы счи„тали мертвымъ . . . Послы съ дозволенія Бояръ „освѣдомились о здоровьѣ П. Тарла: въ домѣ его, „вездѣ обрызганномъ кровью, лежали трупы. Самъ „Тарло и Любомирскій прикрывали наготу свою гад-

„кими рубашками; жена перваго, П. Гербуртова и „другія знатныя госпожи были въ такомъ нарядѣ, „въ какомъ не ходятъ у насъ и служанки; соло- „ма служила имъ постелею.“ Въ семъ Журналѣ и въ Rzecz. Polsk. именованы многіе изъ убитыхъ Ляховъ.

(563) См. Legende 21 - 23, гдѣ именованы Амвросій Челари, купецъ Миланскій, прикащики Аугсбургскаго купца Гельбама, — Натанъ, также изъ Аугсбурга, и Николай Львовскій. Лжедимитрій у перваго взялъ товаровъ на 33000, а у купцевъ Нѣмецкихъ на 225000 флориновъ, и не успѣлъ заплатить имъ. Авторъ пишетъ: „Я два раза говорилъ о томъ съ братомъ „нынѣшняго Царя (Вас. Шуйскаго); но онъ сказал , „что товары ихъ не вступили въ казну, а были „розданы Самозванцемъ Полякамъ: слѣдственно каз- „на и не обязана платить за оные.“

(564) См. тамъ же, стран. 23.

(565) Авр. Палицынъ: „Безумство и гордость „вмѣсто благодаренія Праведномстителю предло- „жися.“ Въ Морозов. Лѣт.: „Вмѣсто благодаренія „вдатася въ піанство, и всякій своимъ промысломъ „хвалящеся, иный же храбрствомъ величащеся, а „молебнаго славословія Богови не воздата.“

(566) Въ *Legende* 23: sur la nuict il y avoit un si grand silence par toute cette grande ville, comme s'il n'y eust eu ame vivante.

(567) Маржеретъ 147: F. I. Mistisloftsqui avoit eu plusieurs voix... lequel nonobstant refusa d'estre esleu, selon que le bruit en court, asseurant qu'il se rendroit moine, si l'eslection tomboit sur lui.

(568) См. Штраленберга Nord. und Ostl. Theil von Europa und Asia, 200 - 202, и Вагнера Gesch. des Russ. Reichs 154. Пишутъ такъ: „Многіе выбирали Шуй- „скаго, но многіе и Голицына. Бояре выслали „обоихъ, и К. Воротынскій сказалъ, что Голицынъ, „имѣя множество родственниковъ, отниметъ всю „власть у Думы. Положили спросить у народа, а

„народъ, приготовленный къ тому Воротынскимъ, „завопилъ: да здравствуетъ Царь Василій Іоанно- „вичь Шуйскій!“ Послѣдній имѣлъ также многихъ родственниковъ и превосходилъ Голицына въ знатности.

(569) См. де-Ту, CXXXV, 79, и The Russ. Impostor 116.

(570) Въ *Никон. Лѣт.* 75: „По убіеніи Розстриги- „нѣ начаша Бояре думати, какъ бы сослатца со „всею землею... какъ бы по совѣту выбрати на „Москов. Государство Государя, чтобъ всѣмъ лю- „демъ былъ (угоденъ). Богу же не милующу грѣхъ „ради нашихъ . . . по совѣту К. Вас. Ив Шуйско- „ва, не токмо что (не) совѣтоваша со всею зем- „лею, да и на Москвѣ не вѣдаху многіе люди... Въ „*четвертый* день“ (въ *третій*: ибо Шуйскій 19 Мая уже былъ Царемъ: см. ниже и *Собраніе Г. Грамотъ*, II,299) „по убіеніи Розстригинѣ пріѣхаша въ городъ „(Кремль) и взяша К. Василья на лобное мѣсто, „нарекоша его Царемъ, и поидоша съ нимъ въ градъ „въ Соборн. Церковь.“ Аврам. Палицынъ: „Малыми „нѣкими отъ Царскихъ Полатъ излюбленъ бысть „Царемъ К. Вас. Ивановичь Ш., и возведенъ бысть „въ Царскій домъ, никимъ же отъ Вельможъ прере- „кованъ, ни отъ прочаго народа умоленъ.“ Въ *Повѣсти о бывшихъ бѣдствіяхъ*, писанной на столпцѣ для Патріарха Филарета и во многихъ мѣстахъ исправленной, вѣроятно, его рукою: „Маія 19 при- „доша на Крайнево мѣсто, глаголемое лобное, весь „Синклитъ и Митрополиты и Архіеп. и Еписко- „пы . . . и всякихъ чиновъ люди, и весь народъ, и „начаша глаголати о томъ, дабы разослати грамо- „ты во всѣ грады, чтобы съѣзжалися въ Москву вси „народи для Царскаго избранія, и да быша избрали „Патріарха . . . народи же отвѣщаху, яко напредь „да изберется Самодержавный Царь . . . и угодно „бысть сіе слово . . . и начаша глаголати, да вруче- „но будетъ ему (Шуйскому) Царствія Рос. ски- „петродержавіе . . . И вси предстоящіе ту, яко „по нѣкоему благовѣщенію съ небесе, воздвигоша „гласы своя: *да будетъ царствуя надъ нами!* . . И „тако всѣмъ Совѣтомъ избраша благочестив. Царя

„Василія, и разыдошася въ домы своя. Нареченный „же Царь поѣха во градъ," и проч. См. также Бера. Въ Журналѣ Пословъ Литов.: „29 Мая" (19 по нашему Стилю) „во второмъ часу дня ударили въ „бубны и заиграли на трубахъ въ Кремлѣ, а по „всѣмъ церквамъ начался звонъ колокольный: избра„ли новаго Царя."

(571) Лжепатріархъ Игнатій не смѣлъ показаться, зная, какая участь ожидала его.

(572) См. Бера. Тѣло Басманова отдали К. Ив. Голицыну, его сводному брату. См. еще *Никон. Лѣт.* 75.

(573) См. Бера и Маржеретъ. 138.

(574) Беръ: „Вокругъ Лжедимитріева тѣла, лежа„щаго на площади, ночью сіялъ свѣтъ: когда часо„вые приближались къ нему, свѣтъ исчезалъ и „снова являлся, какъ скоро они удалялись. Когда „тѣло везли въ убогій домъ, сдѣлалась ужасная бу„ря, сорвала кровлю съ башни на Кулишкѣ (am Ku„lichka) и повалила деревянную стѣну у Калужскихъ „воротъ (Gaulische Pforte). Въ убогомъ домѣ сіе тѣ„ло невидимою силою переносилось съ мѣста на „мѣсто, и видѣли сидящаго на немъ голубя. Про„изошла великая тревога. Одни считали Лжедими„трія необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе Діаво„ломъ, по крайней мѣрѣ вѣдуномъ, наученнымъ се„му адскому искусству Лапландскими волшебника„ми, которые велятъ убивать себя и послѣ ожи„ваютъ." Въ Степен. Кн. Лапухина: „Розстригинъ „трупъ на пожарѣ (на Красной площади) три дни „лежалъ, и мнози слышаху въ полунощи надъ нимъ „великій плищь бѣсовскій: въ бубны біяху и въ со„пели играху, и пѣсни скверныя пояху, и таковую „честь любящему ихъ Розстригѣ бѣси приношаху, „и радовахуся о приходѣ своего угодника."

(575) См. Журналъ Литов. Пословъ и Паерле.

(576) Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ обстоятельнѣйшей повѣсти Жмудскаго Дворянина Товян-

скаго о мнимомъ Димитріи. Сія рукопись хранилась въ библіотекѣ Залускихъ (см. Нѣмцев. Dz. Panow. Zygm. III. T. II, 233) и напечатана въ *Жизнеописаніи Яна Петра Сапѣги* (Zycie I. P. Sapiehy), издан. въ 1791 году, въ Варшавѣ. — Разстригу признавали сыномъ Іоанновымъ: Маржеретъ, Гревенбрухъ, Паерле, неизвѣстный сочинитель повѣсти о Димитріи: narratio succincta de adversa et prospera fortuna Demetrii (см. Вихман. Sammlung, I, 401) и нѣкоторые изъ Ляховъ; но достовѣрнѣйшіе Польскіе Историки: Пясецкій, Лубѣнскій, Кобѣржицкій, (кромѣ одного Вассенберга) или сомнѣвались или рѣшительно называли Разстригу обманщикомъ (см. Миллер. Sammlung R. G. V, 186). Знаменитый Замойскій называлъ явленіе мнимаго Димитрія *Теренціевою Комедіею*: Жолкѣвскій въ своихъ Комментаріяхъ также пишетъ о Самозванцѣ съ презрѣніемъ (см. Нѣмцев. Dz. P. Z. III, T. II, стран. 300). Не говоримъ о мнѣніи новѣйшихъ Писателей, Треера, такъ называемаго *Нестесураноя* (или Гуйсена) и проч.

(577) Вассенбергъ въ Дѣяніяхъ Владислава IV (Gesta Vladislai IV, стран. 14) пишетъ, что мнимый Димитрій семь лѣтъ учился въ Іезуитской школѣ, и совершенно узнавъ Латинскій языкъ, вступилъ въ службу Адама Вишневецкаго (см. Нѣмцев. II, 239).

(578) См. выше, примѣч. 207.

(579) См. Т. X, примѣч. 60.

(580) Въ Повѣсти о Димитріи (Narratio succincta и проч.:, см. выше, примѣч. 576): in qua hominum litteratorum magna copia fuit!! Тамъ сказано, что Августинъ, подставивъ на мѣсто Димитріево сына какой-то знатной женщины Estomen, ушелъ съ Царевичемъ въ монастырь къ Бѣлому морю, гдѣ и кончилъ дни свои Инокомъ.

(581) См. Гревенбруха. Такъ говорилъ и Самозванецъ: см. выше въ семъ Томѣ, около примѣч. 207, и Никон. Лѣт. VIII, 58. Маржеретъ (стр. 153): „Естественно думать, что мать и Вельможи, Ро-„мановичи, Нагіе и другіе, угадывая Борисово на-

„мѣреніе, старались всячески спасти младенца: для „чего надлежало на его мѣсто взять инаго, а Димитрія воспитывать тайно. Годуновъ ничего не „свѣдалъ, и когда сѣлъ на престолѣ, тогда послали „Царевича въ Литву, въ одеждѣ Инока."

(582) См. Т. X, примѣч. 240.

(583) См. ихъ въ *Собран. Г. Грамотъ*, Т. II, и въ Хронографахъ.

(584) См. выше, около примѣч. 383.

(585) Тацит. Histor. кн. IV, отдѣл. 13.

(586) См. выше, примѣч. 409.

(587) Петрей, 373: Weil auch das Geschrey erschall, dass er nicht sollte der rechte Demetrius seyn, ist er in das Kloster, da die Grossfürstin Maria Feodrovna gewesen, gangen, und sagte zu ihr, wie er were gesinnet, des Priesters Sohn, der seinet halben were todt geschlagen und fürstlich begraben worden, auffzugraben, und auff einen andern Platz legen zu lassen, welches die Grossfürstin nicht verstatten wollen, weil sie wohl wusste dass es ihr leiblicher Sohn war. См. также о семъ важномъ случаѣ въ Нарушев. Histor. J. K. Chodkiew. I, 245.

(588) Такъ говорили нашимъ Боярамъ Послы Сигизмундовы: см. ихъ Отвѣты въ Архивѣ Кол. И. Д. и Dyaryusz или Журналъ.

(589) Беръ: „Однажды убѣждалъ я Басманова сказать мнѣ, *дѣйствительно ли всемилостивѣйшій Государь нашъ* имѣетъ право на корону? Басмановъ, „въ присутствіи одного купца Нѣмецкаго, отвѣтствовалъ мнѣ съ полною довѣренностію слѣдующее: *Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; „молитесь о счастіи его вмѣстѣ со мною; хотя онъ „и не истинный Димитрій, однакожь истинный Государь нашъ, ибо мы ему присягали, и не можемъ „найти Царя лучшаго.*" См. также Петрея 374.

(590) Петрей именуетъ сего Аптекаря, равно какъ и Лифляндскую Дворянку (стран. 373).

(591) Петрей, стран. 370: so er (Лжедимитрій) solte derselbige (Димитрій) seyn, müste er nicht über 22 Jahr alt gewesen seyn, da der ander (Лжедимитрій) allzeit über 30 Jahr alt ist. Пристрастный Маржеретъ говоритъ, что мнимому Димитрію было лѣтъ двадцать-пять; но истинному не было бы и двадцати четырехъ.

(592) Беръ: „Многіе знатные Поляки увѣряли, „что онъ (Лжедимитрій) былъ побочный сынъ Ко- „роля ихъ, Стефана Баторія. Янъ П. П. Сапѣга, „однажды (въ 1609 году), за столомъ превознося „Римскую храбрость Поляковъ, сказалъ: *Мы дали „Русскимъ Царя бродягу, который именовался сы- „номъ Іоанновымъ, на смѣхъ людямъ; теперь вто- „рично даемъ имъ мнимаго Димитрія въ Государи, „завоевали для него уже половину земли ихъ, за- „воюемъ и другую: пусть лопнутъ съ досады, но сдѣ- „лаемъ, чего хотимъ.* Я слышалъ это своими уша- „ми.“ См. и Маржерет. 158.

(593) См. выше, примѣч. 213.

(594) Маржеретъ 163: Je l'ay (Лжедимитрія) ouy parler peu de temps après son arrivée en Russie, et trouve qu' il parloit aussi bon Russe que faire se pouvoit, sinon que, pour orner le langage, il y mesloit parfois quelque phrase Polonoise. Mesme j'ay veu des lettres qu'il dicta pour divers sujets avant qu'il fut receu en Mosco, lesquelles estoient si bien, que nul Russe n'y pouvoit trouver que redire

(595) См. въ *Собран. Г. Грамотъ*, II, 162, 228, 229.

(596) Маржеретъ 168: il avoit une éloquence qui ravissoit tous les Russes, et mesmes reluisoit en luy une certaine Majesté, laquelle ne se peut dire et ne s'est veu auparavant aux grands en Russie.

(597) См. Пясецкаго 266—286. Лжедимитрій, говоритъ онъ, заслужилъ презрѣніе Россіянъ тѣмъ, что не имѣлъ понятія о государственной наукѣ, и бывъ съ юныхъ лѣтъ въ обществѣ людей низкаго

состоянія, велъ себя неблагородно, безъ всякаго величія, и проч.

(598) Маржерешъ 155: „Извѣстно и несомнительно, что скоро по воцареніи Борисовомъ Инокъ, „Гришка Отрепьевъ, бывъ Секретаремъ у Патріарха, бѣжалъ изъ своего монастыря въ Литву: съ „сего времени Годуновъ началъ опасаться и подозрѣвать . . . Но не одинъ, а два человѣка ушли „тогда въ Монашескомъ платьѣ: Отрепьевъ, или „Разстрига, и другой безыменный. Борисъ, пославъ „всюду гонцевъ, велѣлъ стеречь на дорогахъ къ границѣ и хватать всѣхъ путешественниковъ, даже „и тѣхъ, у которыхъ были письменные виды или „пропуски: Царскій указъ гласилъ, что ушли два „преступника изъ Россіи въ Литву. Вездѣ учредили „такъ называемыя заставы, какъ бы во время моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не „могъ свободно ѣздить изъ города въ городъ. Упомянутый Разстрига былъ отъ тридцати-пяти до „тридцати-осми лѣтъ, а Димитрій вступилъ въ „Россію юношею, двадцати-трехъ или двадцати „четырехъ лѣтъ, и привелъ съ собою Разстригу, „котораго всѣ видѣли, и коего братья имѣютъ помѣстья близъ Галича. Сей Разстрига былъ извѣстный негодяй и пьяница: за что Димитрій сослалъ его въ Ярославль, гдѣ находится домъ Лондонскаго купеческаго общества: Англичанинъ, жившій тамъ въ сіе время, сказывалъ мнѣ, что Разстрига, уже и въ царствованіе Шуйскаго, признавалъ убитаго Димитрія истиннымъ Іоанновымъ „сыномъ, коего онъ вывелъ изъ Россіи: такъ говорилъ сей человѣкъ съ клятвою (avec grands sermens), „увѣряя, что ему дѣйствительно принадлежитъ „имя Гришки Отрепьева, прозваннаго Разстригою; „такъ думаютъ и всѣ Россіяне, за исключеніемъ „не многихъ. Скоро послѣ того Царь велѣлъ быть „Разстригѣ въ Москву; а что съ нимъ сдѣлалось, „не знаю."

(599) См. выше, примѣч. 201.

(600) См. выше, примѣч. 229.

(601) *Дядя Лжедимитрія*, Смирной Отрепьевъ, увѣрялъ въ Швеціи самого Карла IX, что сей обманщикъ былъ дѣйствительно сынъ его брата, Якова-Богдана Отрепьева, шалунъ не исправленный Монашествомъ; что онъ бѣжалъ въ Литву, научился тамъ всему нужному для воина, и по совѣту злыхъ людей, особенно какого-то Инока, вздумалъ назваться Димитріемъ. Такъ говорилъ Смирной уже по смерти Разстриги (см. Петрея 371).

Конецъ Примѣчаній XI Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ
XI ТОМА.

Стран.

ГЛАВА I.

Царствованіе Бориса.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

Царствованіе Θеодора Борисовича.

ГЛАВА IV.

Царствованіе Лжедимитрія.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Въ I Томѣ сей Исторіи, стран. 8, строк. 5 и 12 втораго изданія, ошибкою напечатано: *Агриппеи*, вмѣсто: *Аргиппеи*.

Т. IX, въ примѣч. 265, стран. 89, строк. 32, вмѣсто: of Nort, Hampton Knight, должно читать: of Northampton, Knight; а въ текстѣ, стран. 137, строк. 18: Нортамптонъ, вмѣсто: Нортъ.

Т. X, въ примѣч. 321*, стран. 106, строк. 7, должно читать: sia, вмѣсто si. Въ десятой строкѣ смыслъ, кажется, не полонъ; но въ Архивскомъ спискѣ точно такъ, какъ напечатано.

Къ Примѣчанію 104 сего XI Тома (стран. 37):

Королева Елисавета еще въ 1601 году, 17 Сент., писала къ Борису, что она — свѣдавъ о намѣреніи Царя искать невѣсты и жениха для дѣтей своихъ между юными Принцами и Принцессами Европейскими, особенно Австрійскаго Дома (см. выше, примѣч. 82) — хотѣла предложить въ невѣсты для его сына одну изъ дочерей знаменитаго Графа Дарби, ея родственника (of our cosen, the Earle of Darbie, being of our blood royall), но, къ сожалѣнію, узнала о неравенствѣ лѣтъ (ибо Царевичу Ѳеодору было тогда 13, а младшей Графинѣ Дарби 18 лѣтъ); что она (Елисавета) съ радостію отдала бы за Борисова сына не только родственницу, но и собственную дочь, если бы имѣла ее (if we had any one of our own blood, nay of our owne bodie), любя Царя, и слыша о добрыхъ качествахъ Ѳеодора. „Но" — пишетъ Елисавета — „Богу, держащему въ рукѣ сердца Государей, не угодно было вселить въ меня склонности „къ супружеству: о чемъ жалѣю не для себя, а „для своего народа, видя, какъ онъ хотѣлъ бы „имѣть наслѣдниковъ отъ моей крови, чтобы повиноваться имъ съ любовію, для свободы и благоденствія отечества." Далѣе хитрая Елисавета, съ оговорками и съ лестію, предостерегаетъ Бориса отъ связи съ тѣми Государями, которые думаютъ единственно о своихъ особенныхъ выго-

дахъ, не умѣя искренно любить его, и которые, замышлявъ погубить Англію, невольно способствовали ея величію. (См. бумаги Британскаго Музея).

Къ Примѣчанію 145 сего же Тома:

Келарь Аврамій пишетъ (стран. 264): „Глаголютъ „бо, яко зѣло любяше Борисъ волхвы и звѣздочетцы, „и тіи сказаша ему, яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати имать Скипетродержецъ Россійскому Государству . . . . Царь же Борисъ, таковая слыша отъ волхвовъ, и умысли, яко да потребитъ родъ сей.“

Ниже, къ Примѣчанію 191:

О Кометѣ 1604 года сказано въ Cométographie Г. Пенгре: C'étoit une nouvelle étoile au pied oriental d'Ophiuchus; т. е. сочли новую звѣзду за Комету. И мнимая Комета 1584 года, будто бы предвѣстившая смерть Іоанну Грозному (см. Т. IX, 433), была, вѣроятно, не что иное, какъ метеоръ. Пенгре говоритъ: Leovitius avoit prédit pour cette année (1584) l'apparition d'une grande comète; son Astrologie s'est trouvée en défaut.

Ниже, къ Примѣчанію 321:

„Изъ полковъ изъ подъ Кромъ“ — сказано въ одномъ Хронографѣ — „измѣнилъ сынъ Боярской, „молодой Арзамасецъ, Абрамъ Бахметевъ, побѣжалъ „въ Путимль къ вору Разстригѣ съ тою вѣстію, „что Царя Бориса въ животѣ не стало, и воръ его „за то пожаловалъ. И въ полкахъ подъ Кромами „послѣ крестнаго цѣлованья Рязанцы *Прокофей* „*Ляпуновъ* съ братьею и съ совѣтники своими изъ „иныхъ зарѣчныхъ городовъ втайнѣ вору крестъ „цѣловали . . . . собрався, пріѣхали къ Розрядному „шатру, гдѣ Бояры и Воеводы сидѣли, и они Бояръ „били, а иныхъ вязали, и ратныхъ людей приводили ко кресту къ Разстригѣ . . . . по умышленью „Петра Басманова.“

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

въ XI Томѣ.

Напечат. Стр.	Строк.		Чит.
12	6	мечь	мечь
88	19	Правъ именемъ	Правъ, именемъ
114	2	но;	; но
141	17	Между тѣмъ,	Между тѣмъ
157	21	Демитріевой	Димитріевой
159	18	Церквію	Церковію
192	16	Боярскія	Боярскіе
214	23	радости, „	радости,"
235	20	великаго	Великаго
294	14	и спустилъ	испустилъ

NB. На стран. 111 число примѣчанія 166, ошибкою внесенное въ строку 22, относится къ строкѣ 24, къ слову: „деньгу или копейку."— На страницѣ 222 третья строка не должна быть отставлена отъ второй.

Въ Примѣчаніяхъ XI Тома.

Напечат. Стр.	Строк.		Чит.
15	41	Жигомонтъ	Жигимонтъ
23	39	Deekschüssel	Deckschüssel
24	15	ort	Ort
41	19	Васильево	Василіево
57	5	своими	своима
63	29	объ немъ.	объ немъ
76	30	въ 1608 году	въ 1606 году
95	4	прогнали;	прогнали
—	10	résistence	résistance
105	31	мих.	Мих.
116	5	вевѣлъ	велѣлъ
137	1	„Беръ;	Беръ: „
138	14	кой.	кой."
